

В. И. Лесин

БУЧУПАРИ И ВОУЧЫ

Очерки истории донского казачества

*А. В. Суворов * Г. А. Потемкин * В. П. Орлов
М. И. Платов * Е. И. Пугачев * Е. О. Грузинов
М. И. Кутузов * П. И. Багратион * А. К. Денисов
В. В. Орлов-Денисов*

Ростов-на-Дону
«ФЕНИКС»
1997

ББК 63.3
Л 52

Редактор: *Белина Е.К.*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *В.Н.Королев*,
доктор исторических наук, профессор *Н.А.Мининков*.

Лесина В. И.

Л 52 Бунтари и воины/ *Очерки истории донского казачества*. — Ростов н/Д. Изд-во «Феникс», 1997. 512 с.

ISBN 5-85880-430-6

Книгу В.И.Лесина «Бунтари и воины», посвященную истории донских казаков на рубеже XVIII–XIX веков, отличает сочетание научности и высокого уровня художественной прозы; изложение выдает блестящего стилиста; на ее страницах в буквальном смысле слова живут и действуют ярко выписанные личности — Г.А.Потемкин и А.В.Суворов, В.П.Орлов и М.И.Платов, Екатерина Великая и Павел Первый, Е.И.Путачев и В.О.Грузинов, М.И.Кутузов и П.И.Багратион, А.К.Денисов и В.В.Орлов-Денисов, многие другие генералы, офицеры и рядовые казаки, участники войн с Турцией и Францией. Книга рассчитана на историков-профессионалов, аспирантов, студентов, учителей, тех, кто сегодня занимается возрождением традиций казачества, и на широкий круг читателей.

К 4702010000
4МО(03)—97 — без объявл

ББК 63.3

ISBN 5-85880-430-6

© Лесина В.И., 1997
© Оформление, изд-во
«Феникс», 1997

Предисловие

Книга В.И.Лесина — результат его многолетней работы и глубоких размышлений над исторической ролью и судьбами донского казачества. В центре внимания автора — события и люди второй половины XVIII — начала XIX века.

История донского казачества имеет весьма обширную литературу. Еще до революции появилось немало работ, посвященных боевому прошлому донцов. После октября 1917 года внимание исследователей сосредоточилось на социально-экономических проблемах. Много написано об Отечественной войне 1812 года и о восстании под предводительством Е.И.Пугачева. Опубликованные статьи, монографии содержат ценные наблюдения и выводы. В них обобщен большой фактический материал, извлеченный из центральных и местных архивов. Изданы сборники документов, без привлечения которых не может обойтись сегодня ни один историк.

Вместе с тем современный уровень развития науки требует переосмысления исторического материала, самой теории и методологии исследования. Прежде всего необходим комплексный подход к познанию прошлого с целью выявления и рассмотрения всех существенных его сторон. Такой стороной жизни донских казаков было участие их в борьбе с внешними врагами и, начиная со времен С.Т.Разина, — в антиправительственных выступлениях. Бунтарями и воинами — вот кем были донцы в глазах русского общества.

Вторая половина XVIII — начало XIX века по праву считается эпохой российской славы, и донские казаки, неразрывно связанные с именами П.А.Румянцева, Г.А.Потемкина, А.В.Суворова и М.И.Кутузова, занимают в ней исключительное место.

В настоящее время, когда наглядно выявилась ограниченность классового подхода к оценке событий и героев прошлого, господствовавшего в советской исторической науке, возникла необходимость в пересмотре распространенных недавно методологических принципов. В значительной мере это относится и к истории донских казаков и прежде всего к истории массовых народных движений с их участием.

Наконец, в наши дни, когда заметно повысился интерес к прошлому, возникла необходимость в создании таких трудов, которые сочетали бы яркий язык художественной прозы и документальность.

Потребность соотечественников в исторической истине после десятилетий официальной лжи и искусственного создания «белых пятен» оказалась настолько велика, что для историка практически исключается возможность возместить домыслом лаконичность и недоговоренность источников. Все это ставило перед В.И.Лесным сложные задачи, с решением которых он справился блестяще. Создан обширный труд, раскрывающий все наиболее яркие и интересные страницы прошлого донского казачества от Семилетней до Отечественной войны 1812 года, опирающийся на широкую базу источников, написанный живым, ярким и образным языком.

Книга В.И.Лесина представляет собой современное научное исследование. Существенный признак этого в том, что история в значительной мере раскрывается через биографию людей, а «история в человеке» является одним из наиболее распространенных ныне способов подачи исторического материала. Со страниц книги В.И.Лесина предстают известные деятели Дона — прославленные атаманы и генералы А.И.Иловайский, В.П.Орлов, М.И.Платов, А.К.Денисов, Д.Е.Кутейников, В.В.Орлов-Денисов, многие офицеры и рядовые казаки. А еще бунтари — Е.И.Пугачев и казенные при Павле I братья Е.О. и П.О.Грузиновы.

С уважением и восхищением говорит В.И.Лесин о героях своего повествования — атаманах и казаках, участниках многочисленных войн, которые вела Россия при Екатерине Великой, Павле I и Александре I. Совершенно иная авторская тональность присутствует при описании единственного из его героев-казачков — Е.И.Пугачева. И если в целом книга написана в полемическом духе, то раздел о Пугачеве и Пугачевщине — в особенности. Это не случайно, поскольку классовый подход советской историографии проявился наиболее заметно именно в исследовании крупных народных движений и приводил к крайне одностороннему пониманию их характера и облика предводителей.

Обширная литература, посвященная восстанию 1773—1775 годов, особое внимание уделяет личности Е.И.Пугачева и показывает его или в виде убийцы, бунтовщика и разбойника, или в виде самоотверженного борца за свободу народа. И лишь у А.С.Пушкина, как это справедливо отметила М.И.Цветаева в

очерке «Пушкин и Пугачев», совмещаются две противоречивые оценки предводителя повстанцев. Так, в «Истории Пугачевского бунта», строго соответствовавшей письменным источникам и вышедшей из-под пера историка, Е.И.Пугачев — омерзительный злодей. В то же время в «Капитанской дочке» он романтический Вожатый, появляющийся в метельной мгле, несомненный злодей, но способный на великодушные — качество, которое разглядел А.С.Пушкин за строками официальных документов.

В.И.Лесин подошел к изображению своего Е.И.Пугачева как историк. В его книге он показан обманщиком и самозванцем, тираном и убийцей, демагогом и похотливым хамом — таким, каким предстает он из источников. Как историк, В.И.Лесин не находит в источниках основания не только для романтизации, героизации и идеализации казака-самозванца, но и для оправдания деяний его и его воинства. Классовый подход к оценке Пугачева и Пугачевщины он решительно отвергает. Но в то же время, будучи глубоким, пронзительным историком, В.И.Лесин не мог оставить без ответа вопрос о формировании личности «третьего императора» и дает его интересный психологический портрет.

Если бунтарь Е.И.Пугачев в изображении автора вызывает антипатию, то два других донских бунтаря — Евграф и Петр Грузиновы — выписаны им с глубокой симпатией. Это — предшественники декабристов. Изучив все сведения, относящиеся к биографии братьев и содержащиеся в письменных источниках, В.И.Лесин собрал, кроме того, семейные предания ныне проживающих потомков, которые позволили ему узнать новые дополнительные подробности о жизни и трагической гибели его героев.

Случай с братьями исключительный. Видные донские офицеры, служившие еще при гатчинском дворе наследника Павла Петровича, удостоенные царских милостей и успешно продвигавшиеся по службе, стали вдруг противниками существующих порядков и в конце концов погибли. Но в нетипичной судьбе двух казачьих офицеров проявилась типичная сторона русской действительности второй половины XVIII века, связанная с воздействием эпохи просвещенного абсолютизма на умонастроения дворянства, в результате чего на российской почве прижились идеи, которые распространялись в передовых странах Европы и которые стали идеями Французской революции. Следовательно, среди донцов в конце XVIII века появились два офицера, исповедовавших такие же идеи, что и русские дворяне, которые в 1825 году вышли на Сенатскую площадь, и Дон,

---

ПРЕДИСЛОВИЕ

таким образом, не остался в стороне от интеллектуальной жизни, которой жила Россия.

Значительный интерес представляет, кроме того, сделанный В.И.Лесиным анализ «Записки» Е.О.Грузинова, свидетельствующий о не меньшем, чем даже у А.Н.Радищева, радикализме политического мышления ее автора-казака.

Ярко, увлекательно и в то же время на строго документальной основе описал В.И.Лесин боевые подвиги донцов в их сражениях с турками и французами. Не могут не остаться в памяти читателя подробности первого боя М.И.Платова с татарами на речке Калалах 3 апреля 1774 года, воссозданные автором по источникам. Они дают представление не только о доблести и героизме казаков, но и об особенностях их боевой тактики...

Лучшие качества донской конницы хорошо знали русские полководцы. В.И.Лесин приводит множество примеров, как А.В.Суворов, П.И.Багратион и М.И.Кутузов умело использовали эти качества, благодаря чему создавались более благоприятные условия для всей русской армии и в преследовании противника, и в арьергардных боях, и при совершении маршей.

Убедительно высказана авторская точка зрения по спорному вопросу о роли казаков атамана М.И.Платова в Бородинском сражении. Анализ сообщений различных источников позволил В.И.Лесину сделать вывод о том, что рейд казаков М.И.Платова и кавалерии генерала Ф.П.Уварова в тыл французской армии оказал большое влияние на исход генерального сражения.

Значительный интерес должна представить и трактовка В.И.Лесиным характера взаимоотношений М.И.Платова с П.И.Багратионом и М.И.Кутузовым. При всей их сложности и многогранности они отлмчались, как показано автором, близостью и теплотой и в то же время были направлены на достижение боевого успеха.

Книга В.И.Лесина относится к жанру научного исследования. Все приведенные факты имеют подтверждение в различных источниках как архивных, так и опубликованных. В то же время она написана языком художественной прозы. Считаю, что выход в свет «Бунтарей и воинов» вызовет большой интерес читателя и станет событием в литературной жизни Дона.

Н.А.Мининков,
доктор исторических наук,
профессор

Всем, кого люблю, посвящаю эту книгу

От автора

Не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете, я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой нам Бог ее дал.

А. С. Пушкин

«**Ч**тене много у нас таких, которые любят заниматься донскими историями», — заметил лет сто назад просвещенный казак Михаил Сенюткин. Сколько с тех пор воды утекло. Сколько кровушки было пролито. С капиталистами и помещиками покончили. Кулаков ликвидировали. Казаков уничтожили. Поскольку старая интеллигенция оказалась не мозгом нации, а... материей совершенно особого свойства, как определил пронизательный основатель первого в мире социалистического государства, ее — тоже извели. Безграмотных обучили азбуке, вооружили «самой передовой методологией», назвали учеными и спустили переосмысливать прошлое России с классовых позиций. О, как они старались! Ловких авантюристов наделили добродетелями, коими те не обладали. Массовый разбой возвели в гражданский подвиг во имя осуществления вековой мечты человечества. Целые сословия обратили в паразитов и захребетников и отказали им в праве любить и защищать Отечество. Патриотов обозвали цепными псами самодержавия и опричниками, умных министров — маклерами. И цитировали, цитировали, без конца цитировали классиков. А неискушенные читатели принимали все за чистую монету, ибо за десятилетия официальной лжи прониклись верой в печатное слово. В итоге вся наша история оказалась фальсифицированной.

Казалось, сделано все, чтобы отбить охоту изучать прошлое. Ан, нет. Интерес к нему был и остается столь большим, что его определяют сегодня даже как «историко-литературный» взрыв. Одни объясняют этот интерес стремлением людей отыскать генетические корни нашей неустроенной действительности, другие — желанием уйти от нее, чтобы там, в глубине веков, найти свой нравственный идеал, свою Правду. И с тем, и с другим объяснением можно согласиться. Но мне ближе рассуждение на эту тему популярного историка и писателя Натана Яковлевича Эйдельмана, недавно ушедшего, осиротившего многих своих читателей-почитателей. Вот как он объяснял интерес наших современников к книгам, имеющим под собой документальную основу:

«Да, так оно и есть: существует повышенный интерес к истории, к документу, к мемуарам... Высказывают различные точки зрения на это явление. Одни полагают, что настоящее происходит слишком быстро, аж рябит в глазах, вот и хочется отойти немного в сторону, — со стороны-то виднее! Другому кажется, что, хотя написано не про него, все же он может найти ответы и для себя. А я полушутя-полусерьезно считаю: обращение к истории — способ продления нашей жизни до 200, 500, 1000 и сколько хотите лет! Наш инстинкт продолжения жизни обращен не только в будущее, но и в прошлое. Есть читатели, неплохо представляющие себе прошлое, знающие немало об эпохе Петра Великого, Екатерины II или Павла I, имеющие даже собственное мнение, — и все равно они стараются не пропустить новой исторической повести, романа, монографии, потому что хотят найти подтверждение своим мыслям. Тут налицо, по-моему, усиление у современного читателя чувства историзма, нечто вроде: «Время, продлись!»*.

Летели годы, мелькали как верстовые столбы. На сцену жизни вышли славные «шестидесятники» — первое поколение «непоротых» строителей коммунизма. Они не успе-

---

* Ляско Ким. Шкатулка Кдио, или Кое-Что об истории. В гостях у писателя-историка Натана Эйдельмана//Альманах библиофила. Вып. 18. М., 1985. С. 150.

ли перевернуть наши представления о прошлом и будущем, но семена сомнения бросили.

Наступил 1985-й. В отблесках высочайше дарованной гласности мы вдруг обнаружили, что кроме «самой передовой методологии» есть в мировой науке теории, позволяющие куда более объективно объяснить исторический процесс, заполнить те белые пятна, которым в прошлом России, а значит и Донского края, нет числа...

Однажды, уже после защиты кандидатской диссертации, посвященной проблемам экономической истории пореформенной России, я решил заняться изучением картин былого Тихого Дона и сказал об этом своему Учителю, уважаемому человеку, замечательному администратору, известному профессору.

— И чем же ты решил заняться? — с явно выраженным раздражением спросил меня мэтр. — Мы давно уже ответили на все вопросы.

Я усомнился и оказался прав. Постепенно накапливался материал по военной истории казачества, массового движения, для характеристики отдельных героев Земли донской. Результатом нескольких лет работы и явилась эта книга, в которой условно можно выделить два блока вопросов: участие донцов в войнах России и их отношение к массовому движению и злободневным проблемам жизни империи. Хронологические рамки исследования ограничиваются второй половиной XVIII — началом XIX века.

В первом блоке особое внимание уделяется подвигам казаков под знаменами князей Долгорукого-Крымского, Потемкина-Таврического, Суворова-Италийского, Кутузова-Смоленского. Из донских героев на страницах книги действуют многие генералы и офицеры — участники военных кампаний в Турции, Польше, Голландии и России, в истории которых до сих пор остаются спорные и нерешенные вопросы.

Второй блок вопросов посвящен бунтарям конца XVIII века: хорунжему донской Зимовейской станицы Пугачеву и полковнику императорской свиты Грузинову. Первый надеялся возвести себя на престол, второй мечтал осчастливить народы сразу двух империй — Российской и Османской.

Самым известным из названных героев является, конечно, Пугачев. О нем написано столько, что реальный образ авантюриста, грабителя, убийцы и похотливого хама уже давно исчез со страниц учебной, научной и художественной литературы, уступив место радетелю о благе всех сирых и бедных.

О свитском полковнике Грузинове не ведают даже многие специалисты, ибо сегодня нет о нем публикаций, основанных на серьезном изучении источников, рассеянных по архивам Ростова, Москвы и Петербурга. А те, что есть, представляют собой причудливую смесь правды и неудержимой фантазии.

На страницах этой книги читатель найдет несколько упоминаний об историках-марксистах, упрекаемых в фальсификации нашего прошлого, и, возможно, поинтересуется:

— А сам-то ты когда ухватился за великий принцип исторической науки: «что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских?»

Отвечу:

— В повседневной работе историка-преподавателя — давно, историка-ученого — недавно, когда появилась возможность писать, оценивать людей и события прошлого с позиций здравого смысла и совести. Потому-то в течение полутора десятилетий я был известен только моим студентам. Но, право же, и ради этого стоило жить!

В меру сил и способностей я стремился заинтересовать читателя, но не за счет вымысла. Каждая фраза книги имеет документальную основу, даже рассуждения о погоде подкреплены источниками. С моими характеристиками, наблюдениями и выводами можно соглашаться или не соглашаться. Молчаливое единодушие бывает лишь на кладбище. В реальной жизни все значительно сложнее.

Сегодня бурно обсуждается проблема возрождения казачества. Практические шаги верховной власти в этом направлении имеют сугубо конъюнктурный характер и предпринимаются в спешке с целью самосохранения. Сама идея мне представляется мертворожденной, ибо вдохнуть жизнь в труп без вмешательства Провидения невозможно. Но

элементы бывшей организации, ее культурно- и военно-исторические традиции, восстановленные усилиями добросовестных ученых, могут сыграть неоценимую роль в воспитании утраченного чувства национальной гордости. Без этого у России не может быть будущего.

Я буду вполне удовлетворен, если читатель найдет в моей книге полезные для себя сведения о героическом, «безумном и мудром» восемнадцатом столетии, об Отечественной войне 1812 года, в которой донские казаки покрыли себя неувядаемой славой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*С нами Бог
и Екатерина!*

ГЛАВА I

«Времен очаковских и покоренья Крыма...»

1. Находка в московском архиве

Однажды вьюжным московским утром зашел я в бывший дворец Ратумовских, где ныне размещается Военно-исторический архив России, и засиделся в читальном зале до фиолетовых сумерек. Листаю толстенные фолианты с документами двухсотлетней давности. Мелькают знакомые фамилии фаворитов, государственных деятелей, военных. Не задерживаясь, перево-рачиваю пожелтевшие страницы. И вот — удача! Передо мною «всепокорнейший рапорт» Ивана Федоровича Платова на имя Григория Александровича Потемкина, написанный в 1775 году убористым почерком достаточно грамотного человека¹. Сердце заколотилось, в руках появилась дрожь: писал-то отец будущего «атамана-вихря». Эта находка и определяла замысел и композицию предлагаемой читателю книги.

Вот о чем поведал мне неизвестный исследователям документ. Родился Иван Федорович в 1725 году в Черкас-ске. Отроком начал службу. Долго рыскал по Крымской степи и в Закубанской стороне, охраняя российские пре-делы от неожиданных набегов татар. Ходил в Остзейские губернии и в Грузию. Оставил за спиной Пруссию с лихи-ми атаками под Кюстрином. За подвиги в Семилетней вой-не получил от Елизаветы Петровны саблю.

В 1760 году Платов «послан был с самонужнейшими секретными делами» из армии в Петербург и там задер-

жался. Вскоре столица оплакала красавицу Елизавету. Через несколько месяцев свезли в конец Невского и зарыли в могилу прибитого в Ропше ее племянника Петра III. А он все сидел на казачьем подворье и ожидал.

Дождался-таки своего часа есаул: после воцарения овдовевшей по собственному желанию Екатерины Алексеевны Иван Федорович был пожалован Золотой медалью и еще одной саблей. Как сумел герой Кюстрина проявить свою удачу на берегах Невы, если неприятель остался далеко на Одере? Похоже, что выполнявшиеся им в то лето тайные поручения были действительно важными — «самонужнейшими». Еще бы! В переворот втянулся Платов, проявил мужество и за то был отмечен.

Говорить о перевороте было не принято, тем более — писать в официальных бумагах. Платов позволил себе намекнуть Потемкину о своем участии в событиях, отошедших в прошлое. В его послужных списках, отложившихся в архиве атаманской канцелярии, о тех же чрезвычайно «секретных делах» говорится лишь как об «очень интересных», что было менее доступно для разума чиновников полевой администрации². Первая формула была явно рассчитана на адресата «всепокорнейшего рапорта», для которого не существовало закрытых страниц в истории воцарения Екатерины Алексеевны.

Понять Платова можно: парадокс состоял в том, что награды он получал довольно часто, а по службе продвигался медленно — в есаулах проходил до сорока пяти лет. Ничего не поделаешь: военная фортуна не баловала казачьих детей, а он из них. Вошедший в силу Потемкин мог, конечно, посодействовать. Вот и решился Иван Федорович напомнить о себе. Но Григорий Александрович не захотел помочь. А может быть, по ленности не прочитал адресованный ему рапорт. Не стоит, однако, изводить себя запоздалым сочувствием, мой читатель, ибо с лихвой воздастся его старшему сыну Матвею.

Петр III, испив до дна чашу унижений и вполне понятного страха, ушел из жизни, чтобы через одиннадцать лет «воскреснуть» на хуторах Южного Урала в обличи склонного к авантюре донского казака Емельки Пугачева.

Новая императрица сразу включилась в сферу международной политики — со знанием дела, без пренебрежения национальными интересами России в угоду своему немецкому происхождению. В 1768 году она приняла вызов Турции.

К войне Россия была не готова, но Екатерина не сомневалась в успехе. Эта уверенность подкреплялась превосходством экономики и вооруженных сил ее страны над турецкими, наличием талантливых полководцев, среди которых выделялись генерал-аншефы Петр Александрович Румянцев и Василий Михайлович Долгорукий. В армии Ее Величества был 115 тысяч человек, в том числе 19 тысяч казаков, не знающих страха в сражении, но количеством она уступала противнику в несколько раз.

Военные действия развернулись с наступлением весны 1769 года. Русские войска взяли Хотин, Яссы, Бухарест, Азов, Таганрог. В следующее лето пали Измаил, Килия, Аккерман, Браилов и Бендеры. Граф Румянцев утвердился в Дунайских княжествах. Князь Долгорукий остановился у ворот Тавриды. Успехи сухопутной армии подкрепил флот, разгромивший турецкую эскадру в Чесменской бухте.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!

2. Отец и сын Платовы

С началом турецкой войны Иван Федорович Платов, оставив на хозяйстве своего старшего сына Матвея, отправился с походным атаманом Тимофеем Грековым в Крымскую степь добывать себе чин войскового старшины. В одной бригаде с ним шел, между прочим, развеселый казак Емельян Пугачев, потешавший на привалах своих товарищей озорными и сольными шутками. Попали донцы под начало князя Долгорукого. Платов знал командующего еще по прусской кампании. Там, под Кюстрином, Василий Михайлович был жесток и безжалостен, в сражении не вышел, за что был произ-

веден в генерал-поручики. Отличился и наш есаул, но так в есаулах и остался.

Князь Долгорукий произвел забытого донским начальством есаула Платова в войсковые старшины, вручил ему в команду полк и отправил на только что устроенную Днепровскую линию, а потом в Польшу, где он «многих конфедератов и бунтовщиков искоренил»³. Скоро Иван Федорович был вызван в Петербург и еще раз награжден Золотой медалью с изображением Екатерины II и надписью на обороте:

Войска Донского полковнику
Ивану Платову
за исключительную его и добровольческую
службу⁴.

Столица готовилась к свадьбе наследника престола. Не гостем прибыл он на торжества — преданным ее величеству офицером.

Недолго занимался отцовским хозяйством Матвей Платов. Передав его на попечение приказчика, пустился он верхом в полуденный край, туда, где вторая русская армия уперлась в твердыни Перекопа. Лето было жаркое, сухое, пыльное. Спешил молодой воин к славе, меняя под собой лошадей, давая отдохнуть то одной, то другой. Навстречу ему катились санитарные фуры с ранеными и больными. В какой-то из них лежал снедаемый телесным недугом Емельян Пугачев — навоевался за два года под Бендерами. В нем невозможно было узнать лукавого балагура из Зимовейской станицы: совсем угасал человек. Ехали казаки в разные стороны, но оба — в историю.

Вторая армия готовилась к штурму Перекопа. Так уж распорядилась судьба, что ее командующий Василий Михайлович Долгорукий принял здесь боевое крещение еще в 1736 году, когда русские войска предприняли попытку овладеть Крымом. Было ему тогда четырнадцать лет. Он первый пробился на фас крепости, и фельдмаршал Б.К.Миних тут же вручил мальчику-солдату офицерскую шляпу.

14 июня 1771 года генерал-аншеф Долгорукий повторил опыт командира своей юности.

— Первого из вас, кто взойдет на фас Перекопи и останется жив, — сказал он, обращаясь к солдатам, — жалую я офицерской шпагой...

На этот раз первых было так много, что выделить *самого-самого* не удалось. Князь никого не обошел вниманием — всех наградил. Среди них был и двенадцатилетний Матвей Иванович Платов. По свидетельству Н.Ф.Сирного, наш молодой герой «сумел до того приобрести расположение сего начальника, что князь оставил его при себе». Вскоре посыпались чины. В двадцать лет он становится войсковым старшиной, командиром полка. Вот это начало! Видно было: далеко пойдет. Он и пошел далеко.

Твердыня пала. Ворота в Тавриду были открыты. Затем пали Арабат, Керчь, Еникале, Евпатория, Кафа, Бахчисарай. Селим-Гирей бежал в Константинополь, где впал в немилость султана. Мустафа III провозгласил крымским ханом Девлет-Гирея.

... разил кичливых он татар!

Се Долгорукий, он и покоритель Крыма...

3. Первый подвиг Матвея Платова

После падения Перекопа войска генерал-аншефа Долгорукого ринулись в глубь Тавриды. Девлет-Гирей, выпросив у султана солдат и посадив их на сто двадцать турецких галиотов, взял курс на Суджук. В конце пути начался шторм. Пучина поглотила почти все его корабли. С остатками десанта ушел он в Тамань, рассчитывая сплотить против России ногайские орды, кочевавшие раньше в Бессарабии, а с начала турецкой кампании переселившиеся на правобережье Кубани, перейти с ними Дон и отвоевать Крым. Но прежде надо было склонить на свою сторону самого сильного и влиятельного эдисанского бея Джан-Магомета.

Крымский хан отправил к Джан-Магомету своего брата, Шаббас-Гирея, с богатыми подарками и письмом. «Да будет вам известно, — писал он, — что прислан я от турец-

кого султана для того, чтобы все вы были мне подвластны, в знак чего имею я от него фирман... И потому прошу всех приехать для общего согласия в Тамань. А кто не явится, тот будет сочтен противником магометанского закона»⁵.

Хан звал упрямого старика — тот не прибыл, угрожал ему — не подействовало. Мудрый бей решил не искушать судьбу и остался верен клятве, данной три года назад русской императрице. Когда татарские мурзы приехали к нему с уговорами, Джан-Магомет сказал:

— Не знаю, кто из нас останется в дураках, — мы или хан. Султан прислал его взять Крым, а не нас склонять под свою власть. Напрасно он грозит нам своим фирманом. Я доживаю восьмой десяток и многое повидал на своем веку. Помню, когда, стесняемый русскими, просил я униженно визиря пропустить мои кибитки через Дунай, обещая служить ему вместе с народом. Но он отверг мою просьбу. Я вынужден был уповать на милость Ее Величества и, к удивлению, получил от нее все, что хотел. А сколько бедных моих людей добывают себе хлеб на Севере. Право же, их больше, чем имеется у вас. Могу ли я после того воевать против русских? Нет! Я никогда не забуду благодарений ко мне России и скорее соглашусь умереть, чем нарушить учиненную ей присягу.

Речь авторитетного старца произвела сильное впечатление на собравшихся. Рассудив, они сказали ему при прощании:

— Хоть мы и приняли подарки от хана и согласились было служить ему, однако же теперь не пойдем против русских⁶.

В первые годы поселения на Кубани ногайцы жили в согласии с казаками, но скоро почти все их мурзы перешли на сторону крымского хана. Над донскими станицами и хуторами нависла смертельная опасность.

В январе 1774 года скончался султан Мустафа III. Престол турецкий занял Абдул-Гамид. Он прислал в подкрепление крымскому хану значительные силы, и тот отправил их для покорения союзной России Джамбулацкой орды, кочевья которой находились в верховьях реки Еи. Там и совершил свой первый подвиг молодой старшина Матвей Иванович Платов.

Пройдут годы, войсковой старшина станет генералом и атаманом донских казаков, покроет себя неувядаемой славой в сражениях под знаменами Суворова и Кутузова, но его первый подвиг, совершенный 3 апреля 1774 года, долго не забудется в русской армии. В самом общем виде картину того неравного боя можно представить по официальным рапортам, которых дошло до нас немало. Труднее восстановить подробности тех давних событий. Впрочем, кое-какие возможности есть...

Николай Федорович Смирный, назначенный в 1812 году к графу М.И.Платову «по дипломатической части», «находился при нем в самую, можно сказать, блистательную эпоху воинской его славы». Вскоре после смерти знаменитого героя написал он его биографию. При всех недостатках этой слабой в жанровом и научном отношении книги, она отличается несомненными достоинствами, ибо несет на себе печать и личных впечатлений автора о человеке незаурядном, и воспоминаний современников, и, что особенно важно, рассказов самого Матвея Ивановича о днях своей молодости...⁷

Ейский пристав Стремоухов, снарядив большой обоз с провиантом, отправил его под охраной казачьих полков Степана Ларионова и Матвея Платова на Кубань для продовольствия стоявших там русских войск. На ночлег остановились они у реки Калалах. Выслали в весеннюю степь пикеты. Легли спать. Перед рассветом прискакали дозорные и донесли, что «валит силы татарской видимо-невидимо». Без преувеличения, один должен был биться против двадцати, даже более.

«Опасность была столь очевидной, — пишет современник Платова, — что всякий другой для спасения себя и людей своих от неминуемой гибели скорее согласился бы пожертвовать всем обозом и сдаться в плен, нежели вступить в столь неравный бой с неприятелем. Но юный герой иначе мыслил, иначе чувствовал, иначе и поступил»⁸.

Растерялся даже более опытный Ларионов, бывший лет на десять старше своего товарища. Он без колебаний уступил власть над собой и отрядом энергичному и уже тогда авторитетному среди казаков Платову. Об этом свидетельствуют не только историки, очарованные позднейшей славой атамана, но и сами участники события и их начальники...

Вокруг простиралась степь — широкая, раздольная, повесенному сочная, зеленая. Конечно, небольшой отряд не устоял бы здесь против превосходящих сил противника. Поэтому Платов, не ожидая нападения, отправил вперед часть казаков, чтобы хоть на короткое время отвлечь внимание татар, а остальным приказал окружить лагерь повозками, груженными мешками с зерном — построить «вагенбург». Потом подозвал к себе двух известных в полку удалцов и сказал:

— Скажите к подполковнику Бухвостову, донесите ему о бедственном положении нашем, просите о помощи. Прорветесь — избавите нас от гибели. А если случится положить живот свой, помните: смерть во спасение собратий по ратному делу увенчается Всевышним в царствии небесном...

Хлестнув лошадей, казаки пустились галопом, переправились на правый берег реки и скоро скрылись за горизонтом.

Между тем татары пришли в движение и стали охватывать транспорт с фронта и флангов. Платов, вскочив на телегу, обратился к казакам:

— Друзья мои! Смотрите, какая сила нехристей идет. Победа или славная смерть — другого выбора у нас нет. Не будем мы русскими, не будем донцами, если устранимся врага. Бог поможет нам отразить его злые замыслы...

Татары неожиданно остановились, выслали парламентаров, которые «с угрозением» предъявили защитникам «вагенбурга» требование «пойти живыми под их подданство», то есть сдать в плен.

Ответ представителям крымского хана был дан достойный.

— По долгу присяги, учиненной Ее Величеству, мы отказываемся принять ваше требование. Из укрепления нашего не выйдем. Умрем за веру христианскую, но живыми в руки ваши басурманские не отдадимся. — Так Платов передал в своем рапорте начальству слова безвестного донского офицера, встречавшего парламентаров противника?

На этом переговоры кончились. «Друг с другом простясь», казаки «вступили всяк в свою должность».

Спешив половину всадников, Девлет-Гирей бросил их на штурм «вагенбурга». За пехотой двинулась конница. Степь огласилась ревом многотысячной толпы, которая, казалось, сметет сейчас все на своем пути. Но картечь и град ружейных пуль остановили атакующих.

Первый натиск был отражен. Затем последовали второй, третий, четвертый... Подступы к укреплению были завалены трупами неприятелей. С неистовым фанатизмом татары лезли по телам своих товарищей, и казаки едва успевали отбиваться от них. Уже ранены есаулы Куприков и Полушкин. Вышли из боя отважные хорунжие Королев, Калмыков, Михайлов и Терентьев. Звуки выстрелов, ляг металла, крики и брань сражающихся, вопли изувеченных и ржанные ошалевших лошадей — все это, сливаясь в сплошной, страшный гул, создавало картину кровавого ада, хозяйкой которого была смерть. И как тут было не придти в отчаяние.

А вокруг была весенняя степь, ласково светило солнце, и никто не хотел умирать. Ларионов предложил Платову прекратить сопротивление и сдаться на милость победителя, чтобы сохранить людей. Матвей наотрез отказался. Степан не стал настаивать. И снова «вступил всяк в свою должность». Началась очередная атака. Ахнула единственная пушка, выбросив град картечи. Засвистели пули.

«Войска Донского походный полковник Платов, который, будучи в осаде от неприятеля, оказался неустрашим, ободряя своих подчиненных, почти в отчаяние пришедших, удерживал их в слабом укреплении до моего к ним прибытия, — писал Бухвостов в рапорте на имя пристава Стремоухова. — Полковник Ларионов следовал сему примеру храбрости»¹⁰.

Рано утром начался этот неравный бой. За два часа до захода солнца татары в седьмой раз кинулись в атаку. И трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы не подоспела подмога: доскакал-таки один из казаков до подполковника Бухвостова. Подняв несколько эскадронов гусар, драгун и неполный казачий полк Уварова — всего не более пятисот человек, — прихватив с собой два единорога, пустился он выручать попавших в беду соратников. Отмахав несколько десятков верст, налетели они на увлеченную штурмом орду и стали рубить и колоть неприятеля с остервенением. Этим воспользовались осажденные. Вырвавшись из своего укрепления, обрушили они на отступающих всю силу накопившейся за день злобы. Все перемешалось в войске противника: и фронт, и тыл, и фланги...

Бухвостов — Стремоухову, 5 апреля 1774 года:

«... Сожалительно, что при отчаянном сем сражении побито несколько едисанов, по мнению бей Джан-Магомета, нам верных людей. Сия ошибка, думаю, произошла оттого, что среди самого бою видел я сам, как из едисанских аулов бежали татары в ханское войско и обратно оттуда прибежали к бегю, которым ни в той, ни в другой стороне, как однозаконникам своим, не причиняли никакой обиды, а за новые вести; может быть; еще и награждали, через что казаки наши так были огорчены и отчаянны, что никого в полон к себе не брали, а кого только находили на месте сражения, всех тех и рубили до смерти; да подлинно, что трудно в

баталии, а особенно между ногами распознать приятеля с неприятелем...»¹¹.

Избиение продолжалось «до самой темноты ночи». «Огорченные и отчаянные» казаки уложили на месте сражения более пятисот татар и множество раненых. Сами же потеряли убитыми восемь, да без вести пропавшими пятнадцать человек. Правда, урон в лошадях был очень велик — около шестисот голов¹².

16 мая 1774 года «Петербургские ведомости» рассказали своим читателям о подвиге Матвея Платова. Корреспондентом правительственной газеты был «предводительствующий второй армией генерал-аншеф, князь Василий Михайлович Долгорукий». О молодом герое заговорили казаки. Он стал известен в русской армии. Узнали о нем и высокие начальники. Подвиг, совершенный им на реке Калалах, был отмечен Золотой медалью с изображением императрицы и надписью на обороте:

За ревностную и усердную службу
Донского войска Полковнику
Матвею Платову¹³

«Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, — напишет много лет спустя Денис Васильевич Давыдов, — то пусть приведет себе на память подвиг молодого Платова, и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту же степень славы, на которую вознесла она и маститого героя Дона»¹⁴.

В мае-июне Девлет-Гирей потерпел еще несколько поражений. Между тем и Турция оказалась неспособной продолжать войну. 10 июля 1774 года был подписан мир, по которому Порты признала Кубань границей Российской империи. Опасность татарского вторжения в пределы Дона была ликвидирована. На севере, однако, набрала силу повстанческая армия Пугачева.

Походные полковники Иван и Матвей Платовы были отправлены на крестьянскую войну.

ГЛАВА 2

*«Я здесь пою
лишь браней честь»*

1. Кинбурн

Турция не примирилась с утратой Крыма и отказалась признать Георгиевский трактат. Подстрекаемая Англией, 13 августа 1787 года она объявила войну России. На юге империи началось спешное формирование двух армий — Екатеринославской под началом князя Г.А.Потемкина-Таврического и Украинской во главе с графом П.А.Румянцевым-Задунайским: первая должна была развивать наступление вдоль западного побережья Черного моря в направлении на Очаков-Измаил, чтобы соединиться с австрийцами и выйти к Дунаю; вторая — прикрывать театр военных действий со стороны враждебной Польши. Кубанскому корпусу генерал-аншефа П.А.Текелли-Поповича, основу которого составляли двадцать семь донских казачьих полков, предписывалось ударить через «вершины снежных гор» на Анапу, где укрылся чеченский «пророк» Мансур.

Война началась с нападения турецкого десанта на крепость Кинбурн, стоявшую на оконечности длинной косы, запиравшей вход в Днепровский лиман со стороны моря. Она защищала недавно основанные Херсон и Николаев с их верфями и пресекала сообщение между Очаковым и Крымом. Поэтому понятно, почему свой первый удар неприятель решил нанести именно здесь. Заботу о безопасности этого важного в стратегическом отношении района

фельдмаршал Г.А.Потемкин возложил на генерал-поручика А.В.Суворова, который и развернул деятельную подготовку к отражению неизбежного нападения врага: ремонтировал старые укрепления, воздвигал новые батареи, наблюдал за маневрами султанского флота.

В течение полутора месяцев после объявления войны турки готовились к высадке десанта на «узкий язык косы», время от времени бомбардируя Кинбурн со стороны моря. Но и гарнизон крепости не бездействовал. Русская артиллерия действовала столь успешно, что однажды разнесла в щепки большой линейный корабль противника, пустив на дно все его пушки и экипаж в пятьсот человек. 30 сентября обстрел усилился и продолжался с трех часов дня до глубокой ночи, из чего А.В.Суворов заключил: с рассвета, на праздник Покрова Богородицы, следует ждать незваных гостей. И не менее пяти тысяч.

Утром, как и положено в праздничный день, Александр Васильевич отправился в церковь. Огонь с неприятельских кораблей нарастал. Турецкие пушки жестоко косили русских солдат, рвали в клочья палатки, разрушали слабые стены крепости и жилые дома, а он, как ни в чем не бывало, продолжал молиться, приказав артиллеристам не отвечать ни одним выстрелом:

— Дайте им выгрузиться без малейшего препятствия.

— Уж не помутился ли разум у нашего командира? — спрашивал своего товарища один молодой офицер.

— Позволить столь сильному неприятелю свободно устроиться и изготавиться к атаке! — возмущался другой.

Суворов неистово крестился, прося у Бога помощи в осуществлении давно задуманного плана. А намечал он не просто отбить десант неприятеля, а полностью истребить его в полевом сражении. Потому и приказал генерал-аншеф не мешать высадке. И вот...

Флот турецкий подступает,
Турок на косу сажает,
И в день первый октября
Выходила тут их тьма...

В таком вот ритме солдатской песни передалось нам настроение того дня, надо думать, подогретое упоением победы. А какой ценой она досталась?

Не ошибся опытный А. В. Суворов: на косу перед Кинбурном высадился десант численностью не менее пяти тысяч отборных янычар, подготовленных французскими инструкторами. Русский полководец противопоставил им семь батальонов пехоты, двенадцать эскадронов регулярной кавалерии и три казачьих полка Василия Петровича Орлова, Ивана Ивановича Исаева и Павла Дмитриевича Иловайского¹.

Командующий десантом Эюб-ага отослал в Очаков суда, доставившие его янычар на косу, и таким образом отрезал им путь к отступлению. По-видимому, прав был турецкий историк Вассиф-эфенди, сказавший как-то о солдатах султана, что они могут сражаться с присущей им храбростью лишь в самых безвыходных ситуациях, когда нет уже иной возможности спастись, как победить врага. Такие условия и создал им командир².

Поспешно высаживаясь на берег, янычары брались за лопаты, чтобы окопаться и посредством ряда траншей, идущих поперек косы, подобраться к стенам крепости.

Однако из-за близости подпочвенных вод их ложементы не могли быть достаточно глубокими. Поэтому сооружались брустверы из мешков, набитых песком. А между линиями укреплений устанавливались переносные рогатки.

А.В.Суворов позволил туркам приблизиться на двести шагов к гласису и залпом из всех орудий дал сигнал к общей атаке. Казачий полк подполковника Исаева рысью вырвался слева из-за крепостной стены, врубился в авангард неприятеля и в одно мгновение уложил на месте до ста человек. В числе первых пал и храбрый Эюб-ага, хорошо знавший Кинбурн. В то же время четыре батальона пехоты под командованием генерал-майора Ивана Григорьевича Река вышли из ворот цитадели и со штыками наперевес устремились вперед. Поражаемые огнем с кораблей флотилии, они сумели-таки вытеснить янычар из десяти траншей. Но противник получил подкрепление и напряжение боя усилилось.

Стрелять стало уже невозможно — слишком близко сошлись отважные воины. И те и другие пустили в дело штыки и приклады. Янычары дрались с остервенением, вдохновляясь грохотом сотен орудий. Особенно досталось пехоте, потерявшей много людей. Погиб один из лучших ее командиров секунд-майор Егор Булгаков. Был ранен и вынесен из боя в безопасное место старик И.Г.Рек. Но тут подоспели казаки В.П.Орлова и П.Д.Иловайского. Турки взялись за сабли, сломали русских, опрокинули их и отбили свои ложементы³.

А.В.Суворов бросил в атаку последние батальоны и легкоконные эскадроны из резерва. Выхватив шпагу, он лично повел солдат в самое пекло боя. Неожиданно под ним рухнула сраженная ядром лошадь. Два янычара, увлекая до тридцати своих товарищей, кинулись на русского полководца.

— Спасайте генерала! — ошалело заорал grenадер Степан Новиков и один, не задумываясь, устремился на врагов, первого проколол штыком, второго застрелил, бросился на третьего⁴. Остальные спаслись бегством. Позднее художник К.И.Кеплен увековечил подвиг рядового Шлиссельбургского полка в картине, написанной в характер-

ном для времен стиле классицизма: эффектное освещение, театральные позы, блестящая техника...

В это время знаменитый корсар Ламбро Качиони, находившийся на службе у Ее Императорского Величества, отделился от эскадры нерешительного адмирала Н.С.Мордвинова, двинул свою галеру «Десна» против турок, отогнал семнадцать их кораблей, но остальные не прекратили пальбу. А.В.Суворов «получил картечу в бок, потерял дух и был от смерти на волосах». Во всяком случае, так он писал своему «высокопревосходительному брату» Петру Абрамовичу Текелли⁵. Генерал-аншеф лишился чувств, был унесен с места сражения, но скоро пришел в себя и вернулся в строй. Янычары дрались отчаянно. Русские отступили в крепость. Казалось, сражение проиграно бесповоротно.

Над лиманом уже опускался вечер, когда к неописуемой радости русских прибыло подкрепление — десять эскадронов легкой кавалерии, стоявших в двадцати верстах от Кинбурна. Прискакав на рысях, они, не развертываясь, бросились на врага. В то же время казаки, пройдя по отдели, ударили на них с моря во фланг, а пехота — из ворот крепости. Турки, прижатые к берегу, «как тигры» кидались на лошадей и всадников, убивали их и гибли сами. А.В.Суворов, хорошо знавший цену отваге и мужеству, воскликнул:

— Молодцы! С такими я еще не дрался... Прекрасное войско!⁶

Теперь уже русская картечь вырубала целые просеки в густой толпе янычар. Кавалерия неслась по горам трупов. Казаки полка В.П.Орлова Ефим Турченков и Нестор Рекунов отбили у неприятеля каждый по знамени, за что были произведены в сотники⁷.

А.В.Суворов по-прежнему находился в самой гуще сражения. В это время шальная пуля пробила ему левую руку. Он ослабел от потери крови. Казаки вывели его на берег моря. Есаул Дмитрий Кутейников обмыл и перевязал своим галстуком рану командира.

— Помилуй Бог! Благодарю! Помогло, тотчас помогло! — сказал генерал-аншеф, сел на лошадь и поскакал прогонять «всех турков в море»⁸.

А.В.Суворова, то и дело впадавшего в полуобморочное состояние, сопровождал заботливый grenadier. Он действительно всех прогнал. К десяти часам вечера бой прекратился. Из пяти тысяч спаслось максимум семьсот человек. Остальные были перебиты или утонули в волнах Черного моря. На этом, собственно, и закончилась кампания 1787 года. Не исключая очередного нападения на Кинбурн, генерал-аншеф уже не желал искушать судьбу и приказал не допускать впредь даже «наималейшей» высадки неприятеля на косу⁹.

Командующий корпусом был очень доволен действиями казаков в Кинбурнском сражении. Полковников В.П.Орлова и И.И.Исаева он представил к ордену святого Георгия четвертой степени, двадцатилетнего есаула Д.Е.Кутейникова наградил Золотой медалью и произвел в войсковые старшины¹⁰.

Через несколько дней А.В.Суворов написал Г.А.Потемкину:

«Светлейший Князь! Должно порадовать атамана Иловайского, которого войски 1-го октября толь мужественно поступали»¹¹.

Не знаю, порадовал ли Григорий Александрович Алексея Ивановича, но Александра Васильевича отблагодарил искренно: «Не нахожу слов выразить Вам, сколько я убежден в важности Ваших заслуг, сколько я Вас уважаю»¹².

И Екатерина II уважила «храброго старика» — наградила орденом святого Андрея Первозванного.

2. Очаков

Зима прошла относительно спокойно. Войска простояли на зимних квартирах. Обе стороны готовились к летней кампании. Было очевидно, что основные события развернутся там же, где и осенью минувшего года — в районе Днепро-Бугского лимана: либо турки еще раз попытаются взять Кинбурн, либо русские, опередив неприятеля, соберутся с силами и завоюют Очаков, чтобы не только обезопасить, но и расширить владе-

ния империи на юге. В целом, события так и развивались. С известными отклонениями, конечно.

20 мая 1778 года к Очакову подошла сильная турецкая эскадра из семидесяти четырех больших и малых судов под командованием храброго капудан-паши Гассана. Цель адмирала — усилить гарнизон крепости, отыскать и уничтожить русский флот, а потом приступить к отвоеванию Крыма.

А русский флот в это время стоял в Глубокой гавани лимана, в семи милях от Кинбурна. Эскадрой парусных линейных кораблей и фрегатов командовал забияка Поль Джонс из Шотландии, а флотилией легких гребных судов — принц Карл Нассау-Зиген, уроженец Германии. Оба избородили моря и океаны, служили самым разным государям и правительствам, принимали участие в войне за независимость Соединенных Штатов Америки на стороне Конгресса, но адмиралами стали в России. Жизнь и того, и другого могла бы стать основой для увлекательного приключенческого романа. Естественно, что нерешительный Н.С.Мордвинов был отстранен.

Еще до прибытия капудан-паши Гассана генерал-аншеф А.В.Суворов предложил фельдмаршалу Г.А.Потемкину штурмом взять Очаков. Но великому администратору пришла мысль создать о себе мнение как о великом полководце. И он отказал герою Кинбурна, решив оставить эту крепость для себя.

Турецкий флот уже пять дней простоял под стенами Очакова, когда светлейший князь Таврический, подняв без малого 50 тысяч солдат и казаков Екатеринославской армии, оставил Ольвиополь и двумя колоннами двинулся вниз по течению Южного Буга. Пять недель потребовалось ему, чтобы преодолеть расстояние, которое не спеша можно было пройти за десять дней.

Впереди шел конный отряд генерал-майора П.А.Палена, который почти на три недели опередил армию и достиг Очакова. Турки, обнаружив авангард, выслали против него значительные силы. Русские стали отходить, пытаясь увлечь за собою неприятеля и отвести его как можно

дальше от крепости. Хитрость удалась. Когда до двух тысяч всадников бросились за отступающими, казаки полковников М.И.Платова и И.И.Исаева остановились, развернулись, атаковали противника и гнали его до самых редутов, после чего вернулись назад.

28 июня командующий привел свою армию к Очакову, завоеванием которого он надеялся обрести славу героя. Но князь был баловнем Судьбы и потому, быть может, не стал великим полководцем. Еще до его прибытия турки проиграли морское сражение русским, которым очень помог ... А.В.Суворов неожиданной для капудан-паши Гассана пальбой из пушек, установленных на середине Кинбурнской косы.

Очаков, стоявший на скате западного побережья лимана, представлял собой неправильный вытянутый четырехугольник с бастиянами. Со стороны воды он был защищен каменной стеной, а с трех других — высоким валом и глубоким рвом, одетым в камень. Кроме того, перед цитаделью располагались полукружьем десять мощных люнетов, обширное пространство за которыми могло служить лагерем для целой армии.

Внутри крепости было много каменных зданий и две мечети, а на острие Очаковского мыса стоял мощный Гассан-пашинский замок, обнесенный земляным валом с рогатками. Со стороны Черного моря подступы к крепости находились под прицельным огнем системы фортификаций небольшого острова Березань.

Армия фельдмаршала обложила крепость, примкнув правым крылом к Черному морю, а левым к лиману. Флотилия принца Карла Нассау замкнула кольцо окружения. Но лишь 20 июля начались осадные работы. Слишком много шансов упустил светлейший. Многотысячный гарнизон цитадели оборонялся отчаянно, ободренный возвращением капудан-паши Гассана, который с уцелевшей частью эскадры снова «прилепился к Очакову», как говорил Г.А.Потемкин.

— Не штурмом хочу взять крепость, — говорил князь, — она добровольно должна мне сдаться¹³.

Остроумный и наблюдательный принц Шарль Жозеф де Линь, находившийся в очаковском лагере в качестве представителя союзников, нарисовал выразительный портрет Григория Александровича и глубже других постиг причины «непостижимой» нерешительности светлейшего. Вот строки из воспоминаний человека, который никогда не был его почитателем:

«Я вижу здесь предводителя армии, который под наружным видом бездействия, трудится непрестанно, не знает другого письменного стола, кроме своих колен, другого гребня, кроме своих пальцев, — постоянно лежит растянувшись, не зная сна ни днем, ни ночью, потому что его пожирает ревность к службе своей монархини, потому что каждый выстрел, направленный не в него, тревожит его при мысли, что он стоит жизни одному из его солдат. Боязливый за других, храбрый за себя, он стоит под сильнейшим огнем неприятельской батареи, чтобы отдавать приказания; беспокойный прежде опасности, бодрый среди ее, философ, искусный министр, глубокий политик, или десятилетнее дитя; не мстительный, просит извинения, когда полагает, что оскорбил кого, он скоро заглаживает сделанную несправедливость. Он думает, что любит Бога, а между тем только боится черта, которого воображает себе еще сильнее и могущественнее князя Потемкина»¹⁴.

Нет, не мог светлейший князь Таврический стать великим полководцем, поскольку слишком ценил жизнь своих солдат. Он долго занимался почти бесполезными рекогносцировками, составлением планов штурма Очакова и подготовкой к нему. Но пойти на штурм никак не решался.

При главной квартире Екатеринославской армии собралось блестящее общество. Многие дамы приехали навестить своих мужей или любовников. Жизнь была веселая и роскошная. Адьютанты скакали по соседним губерниям в поисках редкостей к столу князя. Проходили дни, недели, месяцы...

Гости разъехались. Дожди сменились метелями. Наступила «очаковская зима», более суровая, чем обыкновенно. Не осталось ни полена дров. Истощились запасы продо-

вольствия. Вокруг лагеря на несколько переходов — степь, покрытая снегом и льдом. Солдаты страдали от голода и холода. А крепость добровольно не сдавалась. Князь с каждым днем становился все мрачнее и утрюмее.

Впрочем, нельзя сказать, что жизнь под стенами крепости замерла совсем. И турки, и русские следили внимательно друг за другом, стремясь воспользоваться просчетами или благоприятными обстоятельствами, чтобы нанести удар своему противнику как можно более ощутимый. За действиями осажденных и эскадры Газы Хасана, стоявшей у острова Березань, наблюдала команда донских казаков-охотников. Среди добровольцев был и наш юный герой Петр Грузинов. Как следует из его послужного списка, он «при нападении неприятеля на нашу передовую стражу поступал храбро и прогонял одного с немалым уроном»¹⁵.

Петр Грузинов... Удивительный был юноша. Он всегда в числе добровольцев и в самой гуще событий. В этом мы еще не раз убедимся. Может быть, именно он и сообщил начальству, что 21 октября 1788 года капудан-паша, вос-

пользовавшись противным ветром, не позволившим русской гребной флотилии предпринять необходимые меры, чтобы помешать туркам подойти к Очакову со стороны Черного моря, высадил и ввел в крепость около полутора тысяч солдат в подкрепление гарнизону. Но на следующий день почти все суда неприятеля были потоплены губительным огнем береговых батарей Екатеринославской армии, а те, что уцелели, ушли в Аккерман.

Лишившись поддержки флота, турки не смогли удержать в своих руках остров Березань с его укреплениями. Пали духом и защитники Очакова. Однако о добровольной сдаче не хотели даже думать. Больше того, через несколько дней они предприняли смелую вылазку, в результате которой погибли генерал-майор С.П.Максимович и несколько солдат. Стало ясно, что гарнизон крепости будет драться до последнего.

Роман Максимович Цебриков, молодой человек, определенный на службу в походную канцелярию фельдмаршала Г.А.Потемкина, вел дневник. Вот что записал он 12 ноября 1788 года, через пять дней после падения Березани:

«Шел снег и продолжалась метель два дня непрерывно. Сколько в сии дни померзло людей и пало скота. Где ни помотришь, везде завернутые в рогожки человеки, везде палый скот... Там роют яму, в другом месте лежит нагой мертвец. Там делают гроб, в другом месте просят на погребение... Вздохи и стенания слышны везде»¹⁶.

В ту «очаковскую зиму» день штурма крепости оказался, кажется, самым холодным. Лишь южане могут представить, что такое двадцать три градуса мороза при повышенной влажности и сильном ветре. Люди гибли. Похоронные команды ежедневно подбирали от тридцати до сорока окоченевших трупов. Только решительный приступ мог разом избавить от нестерпимых страданий. Солдаты понимали это и рвались в бой.

5 декабря 1788 года собрали армию и объявили:

— Идти назад нельзя. Ни дров, ни хлеба нет. Нам остается взять Очаков или умереть. Завтра день святого Николая Чудотворца, заступника России. А потому завтра — штурм!¹⁷

Над бескрайней заснеженной пустыней из тысяч простуженных глоток вырвалось хриплое солдатское у р а !

Атака была назначена на семь часов утра. Согласно диспозиции, данной фельдмаршалом Г.А.Потемкиным, на приступ должны были идти шесть колонн одновременно: на замок паша Гассана, Нагорный ретраншемент и собственно Очаковскую крепость.

Успех штурма во многом зависел от действий первой колонны под командованием генерал-майора П.А.Палена. В состав ее вошли Тамбовский пехотный полк, один батальон егерей, армянские волонтеры, тысяча пеших и двести конных казаков полковника М.И.Платова. Она еще затемно вышла на исходные позиции и разделилась на три отряда: один устремился к воротам крепости; другой бросился на штурм замка; донцы ринулись вдоль ретраншемента и очистили его от неприятеля. Сопротивление было сломлено. Теперь надлежало помочь соратникам.

Оставив часть донцов наблюдать за замком, в котором засело до трехсот янычар, П.А.Пален повел остальных на штурм цитадели. Неожиданно турки кинулись в отчаянную атаку на колонну со стороны Нагорного ретраншемента. И трудно пришлось бы его казакам и солдатам, не подоспей вовремя кирасиры и егеря, посланные сюда главнокомандующим. С их помощью неприятель был совершенно разбит и понес большие потери убитыми и ранеными. Полторы тысячи человек, отрезанных от укрепления и крепости, сдались в плен. Первый отряд вступил в Очаков через Гассан-пашинские ворота, открытые уже изнутри алексопольскими гренадерами подполковника Михаила Зыбина.

Успешно для русских развивались события и на других участках штурма. Очаков пал. Трофеи были взяты огромные: 310 мортир, 180 знамен, много огнестрельного и холодного оружия, жемчуга, серебра, золота, одежды... Погибло и умерло от ран 9510 защитников крепости. В плен было взято более 4000 турецких солдат и офицеров, не считая, естественно, обывателей, многие из которых тоже сражались¹⁸.

Потери в армии Г.А.Потемкина были значительно меньше, но все-таки велики — 956 человек убитыми. У казаков погибли полковник Петр Мартынов, есаул Тимофей Карташов, сотники Андрей Фролов, Иван Попов, Яков Зама-руев, хорунжие Иван Пилипенков и Потап Беспалов. Пять донских офицеров были ранены, в том числе участник сражения на Кинбурнской косе Павел Иловайский, о котором с похвалой отзывался сам генерал-аншеф А.В.Суворов¹⁹.

В отряде полковника М.И.Платова сражался Петр Грузинов, один из главных героев последующих глав этого повествования. К сожалению, невозможно восстановить подробности его участия в этом сражении. Известно лишь, что за штурм Очакова он был произведен в есаулы. А вскоре после того переведен в полк В.П.Орлова, который после сражения на Кинбурнской косе так и остался под началом А.В.Суворова, и тот очень высоко ценил своего соратника. Вот как отзывался о нем великий полководец в письме к секретарю фельд-маршала Г.А.Потемкина, «почтенному другу» Василию Степановичу Попову:

«Хвалю я усердие в службе Василия Петровича Орлова. — Он с своими товарищами, коли бы мог, верно б перескакал отсюда на Очаковский гостинный двор»²⁰.

Не довелось, однако. Вместе с Александром Васильевичем слышал он из-за стен Кинбурна, как там, в Очакове, «собачки лают, как петухи поют», но в осаде и штурме крепости не участвовал и очередной награды не получил. Впрочем, успеет еще и саблей помахать, и отличиться.

29 января 1789 года есаул Петр Грузинов представился полковнику Василию Орлову. Первый был дисциплинированным, бесстрашным воином, второй — боевым и авторитетным начальником. Ни у того, ни у другого не было оснований для недовольства.

3. «Боже, благослови высокие подвиги
Вашей Светлости!»

Кампания 1789 года оказалась не просто успешной — триумфальной: войска под командованием А.В.Суворова разгромили неприятеля у Фокшан и под Рымником. Это позволило князю Н.В.Репнину, подкреплённому казаками полковника В.П.Орлова, без особого труда нанести поражение врагу на реке Салче и отбросить его измаильскую группировку к стенам крепости. Здесь все действовали решительно, и наш Петр Грузинков не был исключением.

Правда, новый командир не представил тогда отважного воина к награде, но в послужном списке есаула отметил, что в том бою он «своеручно сбил турецкого наездника и пленил его»²¹.

Рымникская победа способствовала успеху не только князя Н.В.Репнина. По язвительному замечанию Г.А.Потемкина, А.В.Суворов «вынес на своих плечах» австрийцев, за что принц Фридрих Иосия Кобург был «пожалован фельдмаршалом». Но нас более интересует другой герой летней кампании — М.И.Платов.

13 сентября М.И.Платов с отрядом казаков и конных егерей напал на турок при Каушанах и совершил это с таким искусством и столь стремительно, что разбил их наголову, взяв в плен самого трехбунчужного пашу Зайнал Гассана, чудом унесшего ноги после сражения у Рябой Могилы. За этот подвиг Матвей Иванович получил чин бригадира и звание походного атамана. Скоро сюда же прибыл с основными силами армии светлейший князь Таврический.

Фельдмаршал расположил войска на отдых, а атаману приказал немедленно выступить и занять Паланку. Всего за один переход он достиг цели, беспрепятственно вошел в покинутый турками замок и пленил его коменданта, не успевшего почему-то бежать вместе со всеми. Здесь казаки нашли восемь медных пушек, много порошу, ядер и

прочих припасов. Естественно, удачливый бригадир тут же отправил курьера в Каушаны, чтобы порадовать светлейшего успехом, достигнутым без малейшего приложения сил и без потерь.

Командующий, получив рапорт походного атамана, предписал ему следовать к Аккерману и предъявить тамошнему коменданту ультиматум — сдать крепость в обмен на полную свободу всем осажденным после капитуляции. Трехбунчужный паша Тайфур Солоникский попросил дать ему ночь на размышление. И получил согласие бригадира. Утром следующего дня турки выслали парламентаря, который потребовал отправить его к русскому фельдмаршалу, находившемуся уже в Паланке. Матвей Иванович и на этот раз уступил. Однако Григорий Александрович лишь подтвердил условия, изложенные Платовым. С тем он и вернулся назад. Несколько часов гарнизон выиграл, но это не изменило положения, ибо никто не пришел ему на помощь. И в этом проявилось следствие рымникской победы А.В.Суворова.

Понятно, что турки и не думали сдаваться. Как только казаки подошли к стенам крепости, они открыли жесточайший огонь из всех орудий с крепостного вала и военных кораблей, стоявших на Днестре. Бригадир М.И.Платов не стал испытывать судьбу и не бросил своих бесстрашных конников под картечь врага.

Г.А.Потемкин, узнав об этом, сразу же перебросил под стены Аккермана все наличные сухопутные войска и корабли флотилии, стоявшей у Гаджибея. Столь внушительная демонстрация силы произвела на защитников крепости незабываемое впечатление, и они выслали к командующему двух своих представителей с извинениями, что не смогли сразу уразуметь русского письма бригадира М.И.Платова. Адьютанты светлейшего доходчиво объяснили посланцам паша, что от них требуется только одно — капитуляция.

29 сентября 1789 года Аккерман был сдан. На четвертый день паша Тайфур Солоникский вывел из крепости трехтысячный гарнизон. Победителям достались десятки знамен и около сотни пушек.

«Поздравляю с завоеванием Аккермана и Паланки, — писал А.В.Суворов Г.А.Потемкину, — Боже, благослови далее высокие подвиги Вашей Светлости!»²²

4. «Кзаки разного звания не уступали регулярным»

В конце 1790 года русские войска, овладев Тульчей, Килией и Исакчей, вышли к Дунаю и остановились у Измаила, обороняемого почти сорокатысячным гарнизоном во главе с трехбунчужным пашой Айдос Мехметом. Твердыня, основанная еще генуэзцами, перестроенная и укрепленная французскими и немецкими инженерами, представляла собой прямоугольный треугольник, обращенный гипотенузой к воде. Вдоль катетов его тянулся высокий оборонительный вал, а перед ним — глубокий и широкий ров, наполненный водой, местами доходившей до пояса и даже до плеч. На штурм такой крепости, по мнению А.В.Суворова, можно было отважиться лишь один раз в жизни.

Первую попытку взять Измаил предпринял Н.В.Репнин через три дня после удачного сражения на реке Салче, но успеха не имел. Войска его корпуса, в том числе и казаки В.П.Орлова, тогда отошли и обложили Бендеры, принудив гарнизон сложить оружие.

В начале октября светлейший князь Таврический приказал стягивать войска к Измаилу, который буквально сковывал инициативу русского командования. Подошли корпуса П.С.Потемкина и И.В.Гудовича. Флотилия Осипа де Рибаса вошла в устье Килийского рукава Дуная, овладела островом Чатал напротив крепости и возвела на нем ряд батарей. Общая численность армии, собравшейся под стенами цитадели, достигла тридцати тысяч человек, в том числе восьми тысяч донских казаков.

Все попытки убедить турок сдать крепость без кровопролития не имели успеха. Время шло. Скоро стал чувствоваться недостаток в продовольствии. Солдаты устали,

поникли духом. А Иван Васильевич Гудович, старший среди «равночинных генералов», все не решался на активные действия. Он собрал военный совет, который принял решение отказаться от штурма и предложил отвести войска на зимние квартиры.

Терпение главнокомандующего лопнуло. Императрица требовала от него скорейшего окончания войны, а генералы отказались идти на приступ крепости и тем отодвинули на неопределенный срок подписание мира. 25 ноября светлейший князь Г.А.Потемкин-Таврический отправил курьера с ордером и личным посланием к сиятельнейшему графу А.В.Суворову-Рымникскому. Приказав великому полководцу поспешить под стены Измаила, чтобы принять командование над всеми стоявшими там войсками, он писал, поясняя, убеждая и уговаривая:

«Измаил остается гнездом неприятеля. И хотя сообщение прервано через флотилию, но все он вяжет руки для предприятий дальних. Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость. Поспеши, мой милостивый друг! По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части... Рибас будет во всем на помощь и по предприимчивости, и усердию; будешь доволен и Кутузовым. Огляди все и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимай. Есть слабые места, лишь бы дружно шли. Князю Голицыну дай наставление. Когда Бог поможет, пойдем выше»²³.

Утром 2 декабря 1790 года в расположение русских войск под Измаилом прибыл новоиспеченный граф А.В.Суворов-Рымникский в сопровождении казака, державшего в руке небольшой узелок с имуществом знаменитого генерала. Маленького, тщедушного старика встретили приветственной пальбой из ружей и пушек. Уже на следующий день он доносил главнокомандующему о подготовке к штурму и всеобщей ревности к службе.

Генерал-аншеф А.В.Суворов собрал военный совет и сказал:

— Дважды уже осаждала русская армия Измаил и два раза отступала. В третий раз нам остается победить или умереть. Правда, трудности большие, крепость сильная, гарнизон ее — армия. Но ничто не может противиться силе

оружия российского. Отступление произвело бы сильный упадок духа в войсках, отозвалось бы во всей Европе и придало бы еще более высокомерия туркам²⁴.

Наконец, А.В.Суворов объявил о своей решимости водрузить русские знамена на стенах Измаила и предложил собравшимся высказать свое мнение по этому вопросу:

— Пусть каждый из вас подаст свой голос, не сносясь ни с кем, кроме Бога и совести.

Бригадир М.И.Платов, как самый младший по возрасту и чину, должен был решить первым. Александр Васильевич взял у него записку и с нескрываемым восхищением прочел:

— Штурмовать!

«Штурмовать!» — написали все генералы.

Полководец кинулся на шею Платову и, обнимая его, приговаривал:

— Матвей Иванович, голубчик, казак, герой! Не сомневался, ей-Богу, не сомневался, благодарю, душевно благодарю. — И, довольный, рассмеялся.

Наградив каждого звучным поцелуем, Суворов закрыл заседание совета:

— Сегодня — молиться, завтра — учиться, послезавтра — победа или славная смерть.

— Победа или смерть! — поддержали решимость полководца его генералы²⁵.

Штурм крепости был назначен на 11 декабря 1790 года.

7 декабря А.В.Суворов послал коменданту крепости и командующему армии, укrywшейся за ее стенами, паше Айдос Мехмету письмо фельдмаршала Г.А.Потемкина с предложением сдать Измаил, чтобы избежать напрасного кровопролития. К нему он приложил свою записку: «Секраскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение»²⁶.

Один из помощников храброго пашы, принявший тогда пакет от русского парламентаря, сказал:

— Скорее Дунай остановится в своем течении, скорее небо упадет на землю, нежели сдастся Измаил²⁷.

Между тем русские готовились к штурму: плели фашины, сколачивали длинные лестницы, возводили редуты. А.В.Суворов составил обстоятельную диспозицию, в которой определил место каждого полка, роты, эскадрона, сотни. Он планировал бросить на приступ три группы войск под командованием генералов Павла Потемкина, Александра Самойлова и Осипа де Рибаса.

Донские казаки, объединенные в две колонны, четвертую и пятую, под командой бригадиров В.П.Орлова и М.И.Платова должны были действовать в пешем строю на левом крыле атаки в составе группы генерал-поручика А.Н.Самойлова²⁸.

За сутки до штурма на Измаил обрушился удар из 600 орудий флотилии, острова Чатал и батарей правого и левого флангов. Турки мужественно выдержали первый шквал огня, потом ответили непрерывной пальбой из пушек, которая постепенно стала слабеть, а к ночи прекратилась совсем.

11 декабря 1790 года. Темная ночь и густой туман опустились на землю. Никто не спал. Солдаты и казаки грелись вокруг костров, переговаривались. Ни на минуту не сомкнул глаз и генерал-аншеф А.В.Суворов. Он ходил по бивакам, шутил, ободрял людей. Они прониклись его уверенностью и ожидали сигнала к атаке.

Войска заранее вышли на исходные позиции и затихли. В пять часов утра в небо взвилась последняя сигнальная ракета, возвестившая о начале штурма. Увлекая егерей и гренадеров, пошли на приступ колонны Львова, Ласси, Мекноба и Голенищева-Кутузова. Осип де Рибас высадил на берег со стороны Дуная десантные отряды Арсеньева, Чепеги и Моркова.

Василий Орлов повел свою колонну в две тысячи человек на приступ Толгаларского укрепления восточнее Бендерских ворот и последующего движения влево для поддержки казаков Матвея Платова. Вал здесь был очень высок, крут и вооружен пушками. А перед ним глубокий ров, местами наполненный водой²⁹.

Матвеем Платову, возглавлявшему пятитысячную колонну донских казаков, предписывалось штурмовать крепост-

ной вал по ложине между Бендерскими и Килийскими воротами, а затем, оказав содействие высадке десантного отряда Николая Арсеньева с флотилии речных судов, овладеть Новой крепостью³⁰.

Непосредственным начальником бригадиров В.П.Орлова и М.И.Платова генерал-аншеф А.В.Суворов назначил графа И.А.Безбородко, а последнего подчинил командующему группой войск левого фланга А.Н.Самойлову.

В первых рядах обеих колонн шли охотники, вооруженные двенадцатиметровыми штурмовыми лестницами, и стрелки, призванные прикрыть своим огнем отважных добровольцев.

Туман уже не мог скрыть намерений наступающих. Молчавшая до того крепость как-то разом ожила, огласилась громом и треском выстрелов со всех трех фасов.

Везувий пламень изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит...

На подступах ко рву казаков осыпал град свинцовой картечи и пуль, выбивая из рядов десятки убитых и раненых. Они заколебались, но быстро оправались, достигли рва. Полетели вниз фашины, мгновенно были установлены лестницы. Офицеры, увлекая своим примером рядовых, решительно устремились наверх.

Уже известный читателю молодой есаул Петр Грузинов, как свидетельствует его послужной список, «находился с охотниками все это время впереди» и один из первых, если не самый первый, «влез на батарею» по штурмовой лестнице, которую принес вместе с другими добровольцами. Вслед за ним, отбиваясь саблями и пиками, вскарабкались Андриан Денисов, Иван Греков, другие полковые начальники, многие казаки. Но они не смогли прорваться через туры³¹.

Завязалась страшная рукопашная схватка. Вот уже сброшен оглушенный ударом банника по голове Андриан Денисов; из рук пушенным ядром «получил от неприятеля контузию в груди» Петр Грузинов; избитые и раненые падают вниз другие смельчаки. А помощи нет. Попытка штур-

мом взять измаильские укрепления на левом фланге атаки оказались неудачной.

Неудача первой попытки овладеть Толгаларским укреплением объясняется тем, что турки в это время сделали вылазку через Бендерские ворота и большими силами устремились во фланг и тыл штурмующим. Начался отчаянный бой. Пики казаков разлетаются под ударами турецких сабель. Ров наполняется телами спешенных станичников. Растерянность охватила даже бывалого командира колонны Василия Орлова. Видя гибель своих людей, он, по свидетельству очевидца, воскликнул:

— Жаль, пропала слава донских казаков!³²

Столь же неудачно, если не еще трагичнее, развивались события на направлении атаки пятой колонны. Несмотря на жесточайший обстрел, казаки преодолели ров, взобрались на вал и готовы были утвердиться на его куртине. Но именно в это время турки отворили Бендерские ворота... Казаки бригадира Матвея Платова тоже были сброшены с вала.

В общем, пропала бы слава донских казаков, если бы А.В.Суворов не заметил их отчаянного положения и не отрядил бы на помощь им воронежских гусар и тысячу казаков из резерва третьей колонны генерал-майора Федора Мекноба, а также карабинеров и пехотинцев. Все турки, вышедшие из крепости, были перебиты во рву и у Бендерских ворот.

Когда опасность была устранена, бригадиры снова повели свои сильно поредевшие колонны на приступ. Среди казаков было много необстрелянной молодежи. Горы тел погибших товарищей испугали их. Тогда Матвей Иванович бросился вперед, схватил лестницу и громко воззвал:

— С нами Бог и Екатерина! Товарищи, братья, русские — за мной!³³

И первым полез наверх. Все устремились за своим уже тогда легендарным начальником. Казаки обеих колонн снова поднялись на вал и держались на нем, несмотря на настойчивые контратаки неприятеля. В ожесточенном бою на куртине был тяжело ранен в руку генерал-майор Илья Безбородко. Изнемогая от потери крови, он передал ко-

мандование войсками бригадиру Матвею Платову. В это время подоспел батальон бугских егерей, присланных с левого фланга штурма Михаилом Кутузовым на помощь терпевшим бедствие соратникам. Это подкрепление, кажется, и склонило чашу весов. Неприятель был повержен, бастион у Бендерских ворот взят. Донцы устремились по ложнине, разделявшей Измаил на две части, достигли берега и связались с десантом Николая Арсеньева, который атаковал крепость со стороны Дуная.

Много испытавшие во время первого приступа Андриан Денисов, Иван Греков, Петр Грузинов, другие офицеры, оставшиеся в живых, не вышли из сражения. Они были в рядах штурмующих.

Успешно, хотя и с потерями, развивался штурм и на самом краю левого фланга под руководством Михаила Кутузова, и на всем правом крыле атаки, где действовали три колонны под общим командованием Павла Потемкина, и с судов флотилии под началом генерала Осипа де Рибаса, будущего основателя славного в нашей истории города Одессы, административного центра Новой России. Не Украины!

К восьми часам утра русские заняли все внешние укрепления Измаила и после непродолжительной передышки двинулись к центру города, где паша Айдос Мехмет укрылся за стенами каменных строений под защитой нескольких тысяч самых надежных солдат. Каждый дом, каждую улицу приходилось очищать штыками. Никто не просил пощады, ибо знал — не получит. Потому-то и стояли до последнего мужчины, женщины, старики.

И все-таки «гордый Измаил пал» и был отдан А.В.Суворовым на поживу солдатам. Защищать имущество было некому. Горы трупов венчали эту победу: турки потеряли почти тридцать одну тысячу человек убитыми; русские оставили на подступах к крепости, на ее валах, бастионах и улицах до четырех тысяч своих сынов³⁴.

Особенно велик был урон в офицерском корпусе русской армии — до двух третей состава. У казаков были ранены Петр Денисов, Дмитрий Кутейников, Алексей Иловайский, Иван Платов и другие полковые начальники, многие есаулы, сотники, хорунжие.

Князь Г.А.Потемкин, уведомляя Екатерину II о том, что Измаил «взят штурмом с неописанною храбростью войск вообще», отметил, что «казаки разного звания не уступали регулярным»³⁵. О своих заслугах фельдмаршал ничего не писал. Зато энергично хлопотал о награждении других, прежде всего графа А.В.Суворова, и тот считал командующего армией бескорыстным и доброжелательным человеком. Версия о светлейшем как о злом завистнике — заблуждение, переросшее в сознательную ложь, ныне сдержанно разоблаченную историком В.С.Лопатиным³⁶.

Наградами Ее Величества были отмечены бригадиры Василий Орлов и Матвей Платов, командиры полков Петр и Иван Денисовы, Николай Иловайский и Яким Машлыкин, уцелевшие после штурма охотники Емельян Астахов, Федор Мелентьев, Тимофей Попов, Андрей Харитонов, Никита Сидоров, Кирей Варламов, Алексей Греков, Антон Коньков, Иван Платов, Петр Грузинов и еще десятка два сотников и хорунжих³⁷.

Петр Грузинов, как и прежде, был среди добровольцев. Через месяц он был произведен в войсковые старшины и «за отличные подвиги и храбрость, проявленные при взятии штурмом крепости Измаил, по силе высочайшего указа» награжден первым золотым знаком Военного ордена. Совсем неплохо для юноши в неполных двадцать лет!³⁸

Падением Измаила закончилась кампания 1790 года. Войска ушли на зимние квартиры. Старейший князь Г.А.Потемкин укатил в столицу, ему готовилась триумфальная встреча, призванная утешить фаворита, уступившего в соперничестве за место в сердце императрицы молодому Платону Зубову. Вслед за ним поехали в Петербург высокие начальники — герои измаильского штурма. 25 марта 1791 года им был устроен прием в Зимнем. Присутствовал на нем и М.И.Платов, попавший в сферу внимания императрицы. По преданию, записанному Н.Ф.Смирным, «сия великая государыня, изустно похвалив службу» отважного бригадира, удостоенного Святого Георгия третьей степени, «не только обнадежила его в своем благоволении, но еще и наградила отличным правом во время приездов в Царское Село останавливаться в самом дворце, в

коем на такой случай повелено было назначать для него комнаты». Подозреваю, что Николаю Федоровичу поведал об этом сам Матвей Иванович, а он, случалось, и преувеличивал. А биограф знаменитого донского героя был очень доверчивым человеком³⁹.

А.В.Суворов был командирован в Финляндию с поручением построить систему укреплений, чтобы обезопасить Россию от возможных покушений со стороны недавно поверженной Швеции. Победоносно завершить войну должны были другие начальники, тоже известные, но менее авторитетные.

5. «За Дунаем, на Мачине, в генеральной баталии...»

Г.А.Потемкин, уезжая в Петербург, оставил вместо себя «отвратительно повелительного», по определению А.В.Суворова, генерал-аншефа Николая Васильевича Репнина. Турки стали стягивать свои войска к Мачину и к началу летней кампании 1791 года сосредоточили там до тридцати тысяч человек. А в подкрепление им подошла и стала под прикрытием крепостной артиллерии флотилия в составе пятидесяти судов. Значительно увеличился также гарнизон в Браилове. Новый командующий решил перенести военные действия за Дунай и приказал перебросить туда часть сил галацкой и измаильской группировок Екатеринославской армии.

Генерал-поручику Михаилу Кутузову с отрядом в составе трех тысяч бутских егерей, восьмисот пеших черноморских и пятисот конных донских казаков Николай Репнин предписал выступить из Измаила в район Исачки, разрушенной в ходе кампании 1790 года, но позднее занятой турками.

Тогда же из войск резервного корпуса в Галац прибыли две тысячи двести человек пехоты и шестьсот молдавских арнаутов под общим командованием генерал-поручика Сергея Голицына. Там они погрузились на суда флотилии «Дунайского героя» Осипа де Рибаса, спустились вниз до устья Кагула, где к ним присоединились казаки бригадира Василия Орлова.

Прежде чем продолжить движение, князь Голицын принял меры предосторожности: сформировал авангард из углицких мушкетеров и донских казаков, передал его под начало полковника Бардакова, приказал ему следовать вниз по течению Дуная, очистить его берег от засевшего в камышах неприятеля и тем исключить опасность неожиданного обстрела русского десанта. Под прикрытием этого заслона Осип де Рибас благополучно довел свою флотилию до Исакчи, куда уже подошел и расположился на острове перед крепостью генерал-поручик Кутузов с героями шестой измаильской колонны.

На рассвете 26 июня полковник Бардаков, пройдя мимо крепости по берегу Дуная, остановился, построил своих мушкетеров в каре, а казакам приказал прогнать с окрестных высот сторожевые пикеты противника.

Скоро подошли остальные полки отряда князя Голицына и примкнули к углицким мушкетерам, уже готовым не только отразить атаку, но и атаковать врага. Правда, его надо было еще найти. С этой целью командующий отправил в разведку и для расчистки дорог к неприятельскому лагерю четыре батальона пехоты, два гусарских и пять донских полков. Казаков возглавил бригадир Орлов.

Уходили в ночь по разным направлениям. Растянулись. Один из разъездов передовых казаков неожиданно был окружен численно превосходящим противником и вступил с ним в оживленную перестрелку, которая продолжалась более двух часов. И трудно сказать, чем бы она кончилась, если бы не подоспели на помощь друзья-станичники и пехота. Турки бежали, оставив на месте десятки тел своих погибших соратников.

Генерал-майор Осип де Рибас, высадив на берег пехоту Сергея Голицына, поставил суда флотилии под разрушенными стенами Исакчи таким образом, что они могли обстреливать как сам город, так и его окрестности. Защитники крепости не стали испытывать судьбу. Они бежали по дороге на Мачин.

В тот же день отряд М.И.Кутузова переправился на правый берег Дуная у Чатальского мыса, устремился к Бабадагу, силами донских казаков подполковника Якова Сы-

чева обратил в бегство толпу турок численностью в восемьсот человек и сразу же повернул на дорогу, ведущую в Исакчу. В полночь он остановил своих героев на отдых.

Утром отряд Кутузова продолжил движение и на подступах к Монастырищу атаковал неприятеля, бросив на него все тот же полк Сычева, несколько усиленный егерями. В разгар боя приключались казаки бригадира Орлова, посланные князем Голицыным. Столь мощное подкрепление повергло турок в ужас. Они кинулись бежать, ибо знали, что донцы не обременяют себя пленными. Предав огню селение, русские взяли курс на Исакчу. Через несколько часов галацкая и измаильская группировки соединились. На следующий день предстояла генеральная баталия, но чтобы она состоялась, необходимо было отмахать тридцать верст до Мачина, где противник сосредоточил значительные силы. А в запасе оставалось менее суток⁴⁰.

Армия выступила из Исакчи после пяти часов вечера. Отряды под командованием генерал-поручиков Михаила Кутузова, Григория Волконского и Сергея Голицына один за другим двинулись по двум параллельным маршрутам, предполагая нанести удар во фланги и в центр расположения противника. Узкое дефиле позволяло идти лишь вытянувшись в одну колонну.

Раньше всех выступил из Исакчи Михаил Кутузов. За ним последовали войска под командованием Григория Волконского. В авангарде обеих колонн шли шесть донских полков Алексея Орлова и Алексея Иловайского, Ивана Грекова и Никиты Астахова, Петра и Андриана Денисовых⁴¹.

Сергей Голицын повел свои войска справа от первых двух отрядов. В голове его колонны шли донские полки Ивана Янова, Саввы Мешкова и премьер-майора Серебрякова. Для отражения возможной атаки с кораблей турецкой флотилии князь оставил на берегу Дуная резерв в составе четырех батальонов пехоты и двух сотен казаков при восьми орудиях полевой артиллерии⁴².

Войска шли всю ночь, остановившись лишь однажды у безымянной речушки, чтобы сделать фашины, необходи-

мые для устройства гати через болото. На подступах к деревне Лункавице авангард генерал-поручика Голицына был атакован командой противника, насчитывающей до семисот человек. Началась перестрелка. Казаки премьер-майоров Янова и Мешкова, увлеченные отважным бригадиром Орловым, с леденящим душу гиканьем и свистом понеслись на врага, ударили в дротики, опрокинули его и кололи бегущих, пока те не были остановлены подоспевшими на помощь товарищами из мачинского гарнизона⁴³.

Подкрепление было значительным, до полутора тысяч человек, и два неуккомплектованных полка Янова и Мешкова вряд ли устояли бы перед ними. Но генерал-поручик Голицын усилил их казаками Серебрякова и арнаутами Муравьева. Донцам и молдованам, пришедшим на помощь товарищам по оружию, Орлов приказал поддерживать оживленную перестрелку с противником, а сам под прикрытием леса перевалил через довольно значительную высоту и обрушил удар в дротики на правый фланг неприятеля. Турки, сжатые с двух сторон, обратились в беспорядочное бегство. Русские гнались за ними, кололи их с ожесточением пиками, рубили саблями. Весь десятиверстный путь преследования оказался заваленным телами изувеченных врагов. Лишь огонь мачинских пушек и атака свежей кавалерии в две тысячи сабель охладил ярость наступающих. Наградой победителям стали семь знамен, отбитых у противника. Пленных и на этот раз не было⁴⁴.

Рано утром, в начале шестого, пехотные полки князя Голицына подошли к Мачину и построились в семь боевых каре. Едва увидев их, янычары, защищавшие укрепление, бросились на стоявшие у причалов суда и отплыли к Браилову. Конницу противника генерал-аншеф приказал преследовать казакам бригадира В.П.Орлова. И те ринулись в атаку с такой жестокостью, что неприятель не решился даже на самое малое сопротивление. Османы бежали столь стремительно, что промчались мимо самого Мачина. Донцы преследовали их, пока не утомили своих лошадей. «Число побитых турков весьма велико», — доносил командующему Василий Петрович после драки. Действительно много — до двух тысяч. И трофеи были, и пленные, правда, всего семьдесят три человека, но среди них

трехбунчужный паша Арслан Мехмет и вся его свита, предводитель янычар ага Самсонжи Сейт Гассан и другие высокие начальники⁴⁵.

Снеся с лица земли Мачин, войска Голицына двинулись дальше и первыми вышли на исходные позиции перед лагерем неприятельской армии. Турки сразу же устремились в атаку. Осыпаемые градом картечи и пуль, многие из них сумели-таки дойти до расположения русских, но были перебиты в рукопашной схватке солдатами Новгородского пехотного полка.

Вскоре подошли и заняли свое место в центре позиции полки князя Волконского.

Задержался отряд генерал-поручика Кутузова, которому выпало прорываться с боями, но и он наконец утвердился на левом фланге атаки.

Русские войска соединились и одновременно бросились на неприятеля. После шестичасового боя враг был повержен. Его потери только на месте баталии составили не менее четырех тысяч человек, не считая тех, что были побиты резервом на берегу Дуная при попытке высадить десант и казаками бригадира Орлова по пути следования к Мачину. И «в сем упорном сражении войска пленными не занимались», не до того было⁴⁶.

Потери русских значительно меньше: сто сорок один человек, в том числе двадцать четыре донских и черноморских казака. Раненых было в три раза больше⁴⁷.

Н.В.Репнин был доволен исходом сражения. В рапорте светлейшему князю Г.А.Потемкину он никак не мог найти подходящих слов, чтобы «достойно выхвалить искусство, мужество и беспредельное усердие главных командиров атак, генерал-поручиков, и неустрашимое рвение их подчиненных». Буквально все, утверждал он, «имели радостный вид и охотно шли в опасности»⁴⁸. Это сказано обо всех участниках сражения. Но князь Репнин воздал должное и нашим героям.

«Бригадир Орлов с донскими казаками и арнаутами, — писал командующий, — с обыкновенным его мужеством во время баталии делал все, что только возможно было, и не упускал ни одного случая... поражать неприятеля»⁴⁹.

С похвалой отозвался Николай Васильевич об уже известных нам полковых начальниках. В числе особо отличившихся премьер-майоры Иван Янов, Савва Мешков, Василий Серебряков, которые «подавали пример своим подчиненным» и «отлично храбростью заслужили уважение». Все они были удостоены именных Золотых медалей с изображением императрицы и кратким описанием подвига награжденного, например:

Воевда Донского

старшине, армии премьер-майору

Василию Серебрякову,

отличившемуся храбростью в сражении при Мачине

и разбитии многочисленной турецкой армии

28 июня 1791 года*.

Василий Михайлович Серебряков «в глазах всего корпуса изрубил двух турок». После окончания кампании он написал картину о сражении при Мачине. К сожалению, она не сохранилась, и что изобразил на ней донской художник-любитель, неизвестно*.

Таких наград удостоились двадцать донских воинов. Старшина Петр Грузинов до медали не дотянул. Но бригадир Василий Орлов отметил в его послужном списке, что он «в 1791 году за Дунаем, на Мачине, в генеральной баталии также поступая храбро, подавая пример подчиненным»⁵¹.

Двое суток простояли победители на месте сражения, похоронили погибших товарищей и, отслужив при звуках салюта молебен с благодарностью Всевышнему за одержанную победу, разошлись по прежним своим лагерям.

В ночь с 21 на 22 июня 1791 года русские войска под командованием генерал-поручика Ивана Васильевича Гудовича взяли Анапу. Среди пленных оказался самозванный имам Мансур. В последний день июля адмирал Федор Федорович Ушаков разгромил турецкий флот у мыса

* За сведения о Василии Михайловиче Серебрякове (Себрякове) — художнике автор выражает искреннюю признательность Владимиру Николаевичу Королеву, замечательному знатоку донской истории.

---

2. «Я ЗДЕСЬ ЯЛОЮ ЛИМЬ БРАЧЕЙ ЧЕСЯТЬ»

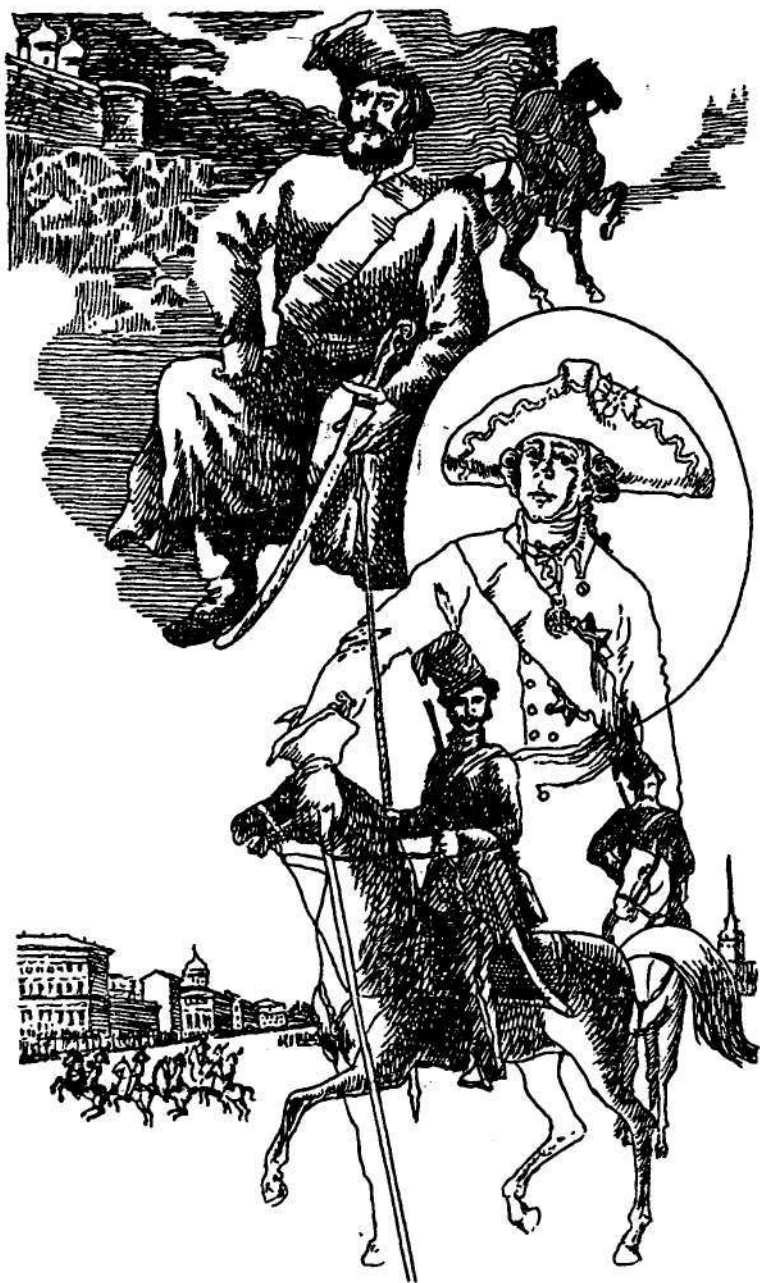

Калиакрия, вызвав панику в правящих кругах Константинополя. Война закончилась.

29 декабря 1791 года в Яссах был подписан мир. Россия утвердилась на берегах Черного моря. Немалый вклад в эту победу внесли донские казаки.

Мир с Турцией не принес казакам желанного отдыха. Весной следующего года они были отправлены в Польшу. Но прежде чем последовать за ними на берега Вислы, вернемся сначала в столицу донских воинов Черкасск...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*В поисках
воли*

ГЛАВА 3

Пугачев: народный герой или злодей из народа?

Не дай нам Бог увидеть русский бунт,
бессмысленный и беспощадный.

А. С. Пушкин

Имя и дела его стали одной из самых выдающихся страниц истории Отечества, деяний наших великих предков.

В. И. Буданов

1. До того, как решился

Емельян появился на свет в 1742 году в донской станице Зимовейской, где родился его отец Иван и дед Михайла Пугач. Неизвестно, за что получил свое прозвище старый казак, но его внук оправдал унаследованную от предка фамилию — до смерти напугал и провинциальных помещиков, и столичных дворян, и саму Екатерину II.

А начинал Емельян свою жизнь, вроде бы, как и многие его сверстники, не претендуя на какую-то особую роль даже в станице, не говоря уже о столице. Да и мог ли на что-то рассчитывать безграмотный недоросль, пусть энергичный и от природы очень сметливый? В четырнадцать лет он лишился отца, в семнадцать женился на Софье Недожевой и чуть ли не из-под венца ускакал на войну с Пруссией. За «отменную проворность» взял его к себе в ординарцы полковник Илья Денисов. Но однажды Пугачев упустил коня командира. Тот пришел в ярость и приказал

высечь юношу плетью. Затянулись раны на спине, боль унижения, однако, осталась, застряла в сердце. Навсегда.

Вернулся казак из неметчины, пулей и саблей не тронутый. Занялся делами домашними. Хозяйство не поправил, но детьми обзавелся. Уходя на войну с турками, оставил в Зимовейской сына Трофима и двух дочерей — Аграфену и Христину.

С турками дрался Емельян отчаянно, пику держал в руке крепко, колол врага насквозь. В бою отличился и за храбрость получил чин хорунжего. Так бы и служить дальше, может быть, и до старшины дотянул, а то и выше поднялся. Ан нет, уже там, под Бендерами, прихвастнул он как-то товарищам, что саблю подарил ему его «крестный отец»... Петр Великий.

Выходит: уже тогда у него возникла дерзкая мысль подобраться к ступеням трона? Думаю, что нет. Пугачев просто пошутил в компании станичников. И казаки встретили шутку смехом. Можно сказать даже, что он случайно втянулся в водоворот последующих грозных событий. Все определила ситуация и склонность Емельяна к импровизации, игре, аванюре. А также понимание, что «ротмистры и полковники совсем уже не так с казаками поступают» и «по всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения». Правда, и до него было немало самозванцев, выдававших себя за Петра III, но все они, кнутом битые, каленым железом меченные, безвестно сгнули в снегах и лесах севера и Сибири. Наш же герой вошел в сознание народа как «великий государь», а в историю — как предводитель, вождь восстания. Талантлив был необыкновенно, оттого и получалось у него лучше, чем у других.

Надоела Емельяну служба царская. К тому же «весьма заболел — гнили грудь и ноги», сил почти не осталось: пика казалась тяжелой, саблю уже не мог занести за плечо, тем более, развалить противника до седла, как бывало раньше. Генерал отпустил хворого для лечения в Черкасск. В госпиталь лечь отказался. Стал просить об отставке — не дали. Возникла мысль — бежать. Первый раз «шатался по Дону, по степям две недели». С этого все и началось. А получи Пугачев отставку, не вышел бы из него «великий

государь». Да и история России могла бы принять совсем другой вид: на многое повлиял раздутый им пожар — политику правительства, литературу, общественную мысль, дела и поступки людей.

Аресты чередовались с побегам. Иные из них были дерзкими. Уходил из-под стражи один и с охранявшими его солдатами. Скитался по Дону и Кубани, побывал в Малороссии и Польше, перебрался в Заволжье и на Урал. Выдавал себя за старообрядца, страдающего за веру, и «заграничного торгового человека», долго прожившего в Царьграде ради вызволения русских людей из турецкого плена. Много узнал о восстаниях крестьян, убедился, что на Яике «скорей, чем в другом месте, его признают и помогут». Однажды бывший гренадер, такой же, как сам он, отчаянный бродяга, сказал ему:

— Послушай-ка, брат, ты точно, как Петр III.

— Врешь, дурак! — взъерился Пугачев, но тот же час почувствовал, как что-то словно «подрало на нем кожу».

Похоже, что идея самозванства овладела Емельяном еще до встречи с гренадером и уже не отпускала, оттого-то и полоснуло его неожиданное сравнение с убиенным императором — «подрало на нем кожу».

В это время по Яику поползли слухи о том, что в Царицыне объявился Петр Федорович. Им был беглый крестьянин Федот Богомолов. Одни говорили, что императора схватили и засекли кнутом, другие утверждали, что он скрылся. Рассказывал Пугачеву об этом казак-старовер Денис Степанович Пьянов, в доме которого он остановился со своим случайным попутчиком Филипповым. Емельян Иванович отреагировал мгновенно:

— Вот, слушай, Денис Степанович, хоть поведаеть ты казакам, хоть не поведаеть, как хочешь, только знай, что я — государь Петр III.

— Как же ты спасся? — спросил изумленный хозяин.

— Капитан Маслов отпустил, — не стал вдаваться в подробности Пугачев¹.

Вскоре по доносу Филиппова Емельян Иванович был арестован, обвинен в намерении увести яицких казаков на Кубань и препровожден в казанскую тюрьму. О послед-

нем разговоре Пугачева с Пьяновым доносчик не знал. Его ожидало наказание кнутом и ссылка в Пелым с пропитанием на три копейки в день.

29 мая 1773 года Пугачев совершил последний в своей жизни побег. И исчез. Немного спустя на Таловом Умете объявился «Петр Третий». Приехал он в кибитке, запряженной парой лошадей. Вместе с ним были его товарищи по заключению и солдат-охранник. «Платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжный, кушак верблюжий, шляпа распущенная, рубаха холстина, у которой ворот вышит был шелком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные белые»². Одевание, как видно, не царское, зато надежное: попробуй-ка распознай в нем государя, чудом ускользнувшего от убийц, подсланных женой-преступницей.

2. 15 сентября 1773 года

Восемь всадников неспешно трусили по иссохшей за лето Оренбургской степи. Впереди на добром коне крепко сидел в седле широкоплечий мужик. На смугловатом лице его, обрамленном черной окладистой бородой и такими же смолянистыми стриженными под кружок волосами, плутовато светились умные глаза. Внешне он ничем не отличался от многих других русских людей, кое-что повидавших на своем веку и не утративших сил и азарта поиграть с жизнью — погулять на славу! По сторонам от него и на шаг позади ритмично привставали и опускались в стременах остальные наездники. Они называли своего предводителя «великим государем Петром Федоровичем».

На исходе дня всадники остановились, спешили, размялись. «Великий государь» заговорил:

— Едем мы на хутор к Толкачевым собирать казаков. Вдруг сойдутца, а у нас письменова ничево нету, штоб объявить народу. Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко! Ты при мне секретарем состоишь.

— Я пишу худо, Ваше Величество, — ответил девятнадцатилетний казак, любимец Пугачева.

— Ничево, Ванюша, человек ты молодой, ешо выучисся. Напиши в таком виде, што государь Петр III принял царство и жалует реками, морями, лесами, крестом и бородою — все сие яицким казакам надобно.

Почиталин расположился на земле, достал из торбы большой лист грубой серой бумаги, неровно обрезанный по краям. Писал медленно, старательно выводя неуверенной рукой малограмотного человека каждое слово. Кончив работу, он зачитал первый манифест и выжидающе посмотрел на собравшихся. Всем казакам он очень «пондравился», и они искренно стали хвалить своего юного товарища:

— Ты, брат Почиталин, горазд больно писать!

Он и сам был доволен первым опытом непривычной для него работы. Ведь даже отец не поверил в способность сына исправлять должность секретаря Его Величества — «где ему справиться». Усомнился, однако дал «ему чистое свое родительское благословение», приказал «верно служить государю и делать все, что заставит, учиться добру и привыкать к делам».

— Подпиши, государь, — сказал Почиталин, протягивая лист Пугачеву.

Неграмотный «государь» не мог подписать манифест, но обычная находчивость не изменила ему.

— Нет, Ванюша, подпиши сам, — велел Пугачев, — мне подписывать невозможно до самой Москвы: не могу казать свою руку и тому есть причина великая.

Секретарь подписал³.

Эта сцена разыгралась 15 сентября 1773 года, когда Пугачев пустился в свой исторический поход по Яику — роковая для крестьянского вождя дата...

Отряд Пугачева достиг хутора братьев Толкачевых, когда над степью опустилась ночь — темная, звездная, по-осеннему холодная. Сразу же поскакали по разным направлениям всадники, отправленные Иваном Зарубиным, созывать окрестных казаков на царский круг. Емельян Иванович волновался, но вида не подавал, держался важно, уверенно — входил в роль Петра Федоровича.

Утром следующего дня собралось до сорока человек. «Петра Федоровича», вошедшего в середину круга, встретили с почтением и любопытством. Он заговорил:

— Оpoznаете меня? И не думайте, што я умер. Вместо меня похоронили другого, а я одиннадцатый год странствую.

Я — точно государь, послужите мне верою и правдою. Знаю, што вы все обижены и лишают вас всей вашей привилегии и всю вашу вольность истребляют, а напротив того, бог вручает мне царство по-прежнему, то я намерен вашу вольность восстановить и дать вам благоденствие⁴.

Все пали перед ним на колени, убеждая новоявленного царя-батюшку в преданности размашистым двуперстным крещением.

Пугачев приказал принести распятие и привел всех к присяге, состоявшей в безмолвном целовании креста. Кончив церемонию, поинтересовался:

— Други мои, есть ли у вас лошади?

— Есть... Имеются... — отвечали казаки.

— Хорошо. Теперь, детушки, — распорядился Пугачев, — отправляйтесь по домам, разошлите от себя по форпостам и объявите, што я здесь, а завтра рано, севши на кони, приезжайте сюда ко мне. Кто не приедет, тот рук моих не минует. Слышите ли?

— Слышим, батюшка, и все исполним и пошлем людей своих как к казакам, так и к калмыкам⁵.

3. 17 сентября 1773 года в Петербурге

После переворота прошло десять лет. Наследник престола Павел Петрович вступил в пору совершеннолетия. Императрица, озабоченная поисками невесты, пригласила в Петербург ландграфиню Гессен-Дармштадтскую и ее дочерей — Амалию, Луизу и Вильгельмину. Устроили смотрины. Цесаревич, испытывая радость, смешанную с беспокойством и неловкостью, остановил свой выбор на младшей принцессе, нареченной по-русски Натальей Алексеевной. Под впечатлением первой встречи молодой человек, несмотря на усталость, долго ходил по комнате, насвистывая и вспоминая события минувшего дня, потом уснул и всю ночь видел ее во сне. Он полюбил свою избранницу светлым чувством еще непорочной души и чистого сердца и тут же уверовал, что только она и может быть ему «подругой всей жизни, источником блаженства в настоящем и будущем»⁶. Святая наивность юности! Пройдет каких-то три года и от его сентиментальности не останется и следа. Преодолеть эту слабость ему помогут циничная мать, неверная жена и распутный друг Андрей Разумовский. Тогда же великий князь был искренно влюблен и потому счастлив. Со стороны казалось даже, что он забыл о горестном своем положении

в мире развращенного екатерининского двора, бесцеремонно отпихнувшего его от трона.

Если судить по сухим записям в камер-фурьерском журнале, то вторник 17 сентября 1773 года ничем вроде бы и не отличался от других дней этого месяца, размеренных и несуетливых. Двор жил ожиданием свадьбы, простой люд столицы — даровой выпивки и закуски.

В этот день императрица проснулась, как обычно, рано, выслушала доклад секретаря Безбородко, просмотрела и подписала неотложные бумаги, приняла сына и имела с ним короткий разговор — о чем, неизвестно. Расставшись с великим князем, она подошла к окну, за которым полыхала разноцветьем сентябрьских красок необычная петербургская осень — теплая, сухая, солнечная. Очарование природы никак не отразилось на Екатерине. Какая-то тень покрыла ее чело и не сходила — долго.

В первом часу пополудни Ее Величество прошла в Эрмитаж, где был назначен обед. К столу уже явились Павел Петрович с Натальей Алексеевной, ландграфиня с принцессами Амалией и Луизой, придворные, сановники. В продолжение трапезы мягко звучали валторны и кларнеты⁷. Екатерина была не в духе. Лишь усилием воли заставляла она себя притворно улыбаться и поддерживать общую беседу. Впрочем, «ложь была главным орудием царицы, — отмечал один из лучших знатоков ее правления Я.Л.Барсков, — всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков»⁸.

Вечером все «соизволяли шествовать в каретах в оперный дом и смотреть представление французской комедии с одним балетом». В ложе императрицы «заседали» принцессы Амалия и Луиза, вместе с Ее Светлостью ландграфиней — женой и невеста. После спектакля театралы вернулись во дворец. Екатерина удалилась в свои внутренние покои. Остальные пошли «кушать вечернее кушанье»⁹.

Как видно, даже «французская комедия с одним балетом» не подняла настроения Ее Величеству: от ужина она

отказалась. Чем была недовольна царица? Что омрачило ее царственный лик?

Готовясь к перевороту, Екатерина Алексеевна создавала впечатление, будто претендует только на регентскую роль до совершеннолетия великого князя. Утвердившись на престоле, она уже не вспоминала об этом. Но зато помнили люди Никиты Ивановича Панина, и убеждали цесаревича в незаконности присвоенных его матерью прав на российский престол. Женитьба Павла Петровича неизбежно должна была обострить их надежды на передачу короны ему, единственному наследнику Петра III. Императрица знала о настроениях оппозиции. Общение с Его Высочеством стало невыносимо для Ее Величества.

«Екатерина считала тот день потерянным, — вспоминал Александр Михайлович Тургенев, — когда ей, по этикету двора или каким-либо иным обстоятельствам, приходилось видеть своего сына»¹⁰.

Наконец закончился этот невыносимый день. Екатерина осталась одна. В тот вечер она еще не знала, что где-то в Оренбургской степи на рассвете 17 сентября 1773 года вошел в казачий круг вдруг оживший «отец» ее сына, свергнутый, убитый, зарытый в могилу на погосте Александроневской лавры одиннадцать лет назад. За покойного Петра III выдавал себя казак донской Зимовейской станицы Емельян Иванович Пугачев.

А не предчувствие ли назревающих грозных событий терзало в тот день душу Ее Величества? Все может быть... Только как ренялся на такое мужик?

4. В тот же день на хуторе Толкачевых

17 сентября 1773 года на хутор к Толкачевым съехались около восьмидесяти человек, вооруженных пиками, саблями, ружьями, пистолетами. Из дома вышел Пугачев и приказал Почиталину прочитать манифест, написанный на привале в степи двумя днями раньше. Иван развернул бумагу и с чувством продекламировал запавший в память текст:

«Самодержавного ампиатора, нашего великого государя Петра Федоровича всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянное моем указе изображено яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю ампиатору Петру Федоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья отныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю ампиаторскому величеству Петру Федоровичу винные были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жоловаю я вас: рякою с вершин и до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свиньцом, и порохом, и хлебным провиантом.

Я, великий государь ампиатор, жалую вас, Петр Федорович»¹¹.

— Што, хорошо ли? — спросил Пугачев.

— Хорошо! — ответили дружно собравшиеся. — Мы все слышали и служить тебе готовы. Веди нас, государь, куда угодно.

«Хорошо!» Вот и Александру Сергеевичу манифест понравился. Спустя шестьдесят лет Пушкин написал: «Первое возмутительное* воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного»¹².

«Веди нас, государь, куда угодно...» Неужели же казаки пребывали в таком невежестве, что так вот, сразу, не сомневаясь, поверили в неожиданно явившегося «ампиатора», не разгадали в нем своего брата-мужика и готовы были идти за ним в огонь и воду, даже на смерть? Совсем не просто ответить на этот вопрос.

— Скажи мне, батюшка, сущую правду про себя, точно ли ты государь? — спросил его как-то Иван Зарубин. — Караваев поведал мне, что ты казак донской.

---

* Возмутительное, т. е. побуждающее к возмущению, восстанию.

— Врешь, дурак, — вспыхнул Пугачев.

— От людей-то утаишь, а от Бога? Я Караваеву дал клятву, что о том никому не скажу, так и тебе теперь обещаю. Не все ли мне равно, кто ты таков. Мы приняли тебя за государя, значит так тому и быть.

— Если так, держи в тайне. Я подлинно казак Емельян Иванов и был на Дону. По всем тамошним городкам и станицам молва идет, что государь Петр III жив и здоров. Под его именем я возьму Москву, но прежде наберу силу...¹³.

Знали правду и другие казаки. Зарубин не удержался от искушения, рассказал о разговоре с Пугачевым Тимофею Мясникову.

— Нам какое дело, государь он или нет, — ответил тот, — мы из грязи сумеем сделать князя. Если он не завладеет Москвой, то мы на Яике создадим свое царство.

Денис Степанович Пьянов, которому Пугачев впервые поведал тайну своего царского достоинства, прожил долго. Его повстречал Александр Сергеевич Пушкин во время путешествия по местам грозных событий. Между ними состоялся интересный диалог:

— Расскажи мне, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? — спросил поэт старика, давно пережившего свою золотую свадьбу.

— Он для тебя Пугачев, — сердито ответил Денис Степанович, — а для меня он был великий государь Петр Федорович¹⁴.

А ведь Пьянов чуть ли не самый первый узнал правду.

Приближенные к Пугачеву знали, с кем имеют дело, но продолжали выдавать Емельяна Ивановича за Петра Федоровича. В общем-то, им было «все равно», настоящий или ненастоящий он царь, лишь бы с ним «быть в добре», «восстановить прежние обряды», «истребить всех бояр». Те же, кто стоял подальше от ставки самозванца, рядовые повстанцы, «они верили, хотели верить», по выражению Пушкина. Со временем игра в «ампиратора» зашла так далеко, что хотели верить, жили в придуманном мире уже все, в том числе и сам он, «великий государь».

Однажды после баньки Пугачев, разомлевший и подобревший, приказал подать всем вина. Встал, вытер расшитым полотенцем дышащее жаром лицо, взял со стола чарку и, обращаясь к своим «графьям», провозгласил:

— Здравствуй, я, надежа-государь!

Все осушили чарки за здоровье «государя» и готовы были выпить за императрицу.

— Нет, — закричал Пугачев, — за нее не пейте, я не велю! Извольте кушать за здоровье Павла Петровича!

Казачи безмолвно повиновались.

— Здравствуй, наследник и государь Павел Петрович! — сказал Емельян и выпил, выпили и все присутствующие.

Захмелевший «государь» вполне вошел в эту роль. Глядя на портрет великого князя, он продолжал сквозь слезы:

— Ох, жаль мне Павла Петровича, как бы окаянные злодеи не извели его.

Казачи, по их же признанию на следствии, смотрели на самозванца с умилением и верили в искренность его родительских чувств¹⁵.

По свидетельству А.С.Пушкина, «не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, будто князь Павел Петрович долго верил или желал верить» слухам, что отец его жив.

Емельян Иванович повел свой отряд по Яику, преследуя цель взять Оренбург. Сам — впереди, под сенью развернутых знамен, в окружении свиты. По Южному Уралу закружил смерч народного бунта. И начался он в тот же вторник, 17 сентября 1773 года, когда Екатерина II отказалась «кушать вечернее кушанье».

На первых порах Пугачев шел, не встречая сопротивления. Казачи и солдаты переходили на сторону восставших, гарнизоны и жители крепостей встречали их хлебом-солью, колокольным звоном. Пылали дворянские гнезда. Раскачивались на веревках помещики и коменданты, повешенные бунтовщиками. Кровавый пир шумел на просторах Южного Урала.

5. В Петербурге свадьба

29 сентября 1773 года. Ликует Петербург. Улицы и площади столицы запружены народом. По обеим сторонам Невского — войска. Балконы домов украшены яркими коврами и гобеленами. В распахнутых настежь окнах празднично одетые люди. Повсюду веселье, шутки, смех, ожидание.

Около 12 часов свадебный кортеж двинулся от Зимнего дворца к Казанскому собору. Во главе процессии — отряд конной гвардии. За ним придворные чины, тайные советники, принцы дармштадтские и гольштинские. Камер-юнкеры и камергеры гарцевали перед каретой императрицы, запряженной восьмеркою лошадей. Братья Григорий и Алексей Орловы командовали конвоем Ее Величества. Екатерина была в русском платье из атласа, расшитом жемчугами, в мантии, опушенной горностаем. Против нее сидели Павел Петрович и Наталья Алексеевна.

Второй в кортеже следовала карета ландграфини и ее дочерей. Всего было тридцать придворных экипажей в шесть лошадей каждый.

Во время венчания гремел артиллерийский салют.

Выход молодых из собора толпа встретила рукоплесканием и громким, продолжительным «ура!». Красивым, незабываемым для современников было сие зрелище.

Свадебный обед состоялся в тронном и других залах Эрмитажа. Звучали тосты во здравие и счастье их высочеств. В конце дня невеста имела усталый вид. Жених был очень весел¹⁶.

«Во время брачного торжества, — вспоминая много лет спустя Гавриил Романович Державин, — стали разноситься по народу слухи о появившемся в Оренбургской губернии разбойнике, для поимки коего посланы гарнизонные и прочие команды»¹⁷.

Запомнил старый поэт: сообщение о возмущении яицких казаков пришло в столицу лишь 14 октября 1773

года. Как ни странно, в этой ошибке есть своя правда: историческая память роковым образом соединила начало пугачевского бунта с днем свадьбы наследника российского престола.

Торжества по случаю бракосочетания сына Петра III и Екатерины II продолжались две недели. В программе праздника были жареные быки и фонтаны виноградного вина для народа, опера, русская и французская комедии в придворном театре, маскарады для дворянства и купечества, бал и фейерверк¹⁸.

6. И на Урале свадьба

А между тем на Урале фейерверк крестьянской войны приобретал угрожающий характер. «Великий государь и над цари царь и достойный император Петр Федорович, рассудя своим мнением ко всем моим верноподданным послать сей имянной указ и прочая, и прочая, и прочая.

Да будет вам известно всем, что действительно я сам великий. И веря о том без сумнения, знайте, мне подданные, во всяких сторонах и находящиеся в здешних местах: мухаметанцы и калмыки, сколько вас есть и прочие все! Будучи в готовности, имеете выезжать ко мне встречу и образ моего светлого лица смотрите, не чиня к тому никакой противности, и пожалуйте, преступя свои присяги, чините ко мне склонность...

И как ваши предки, отцы и деды, служили деду моему блаженному богатырю государю Петру Алексеевичу, и как вы от него жалованы, так я и ныне и впредь вас жаловать буду. И пожаловал вас землею, водою, солью, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем, за что должны вы служить мне до последней погибели. И буду вас за то против сего моего увещательного указа отец и жалователь, и не будет от меня лжи: многа будет милости, в чем я дал мою перед Богом заповедь. И будет кто против меня противник и невероятен, таковым не будет от меня милости: голова будет рублена и пажить ограблена...»¹⁹.

То ли Иван Почиталин набил руку на изготовлении пропагандистских листов, то ли расширился секретариат «ампиратора» за счет более искушенных в грамоте повстанцев, но приведенный указ отличается от «первого возмутительного воззвания» и стилистикой, и содержанием. Именем Петра Федоровича Пугачев убеждает, обещает, призывает, угрожает. И надо признать, добивается успеха. Манифесты действуют на народ, будоражат казаков, солдат, крестьян, втягивают их в борьбу: одних — за совесть, других — за страх. Огромные просторы России от Яицкого городка до Башкирии, от Поволжья до Западной Сибири охватываются восстанием.

Победы окрыляют и опьяняют. Вот уже несколько месяцев Пугачев играет роль императора. Перевоплощение достигает такой силы воздействия, что образ, сотворенный на сцене жизни, отодвигает на второй план сознания реального беглого хорунжего Донского войска, начинает определять его мысли и поступки. В качестве Петра Федоровича он не считает себя связанным с неверной женой «Каткой», которая «желала убить мужа», и скоро поддается на уговоры приближенных жениться.

— Как ты женишься, так войско Яицкое все тебе прилежно будет, — убеждают его, и Емельян Иванович, оставивший в Зимовейской станице жену с тремя детьми на руках, не возражает против решения «Петра Федоровича» устроить личную жизнь.

Приглянулась Емельяну молодая, шестнадцати лет, казачка Устинья Петровна Кузнецова. Послал сватов, и следом сам явился.

— Хороша, — проговорил он похотливо, — хороша! Поздравляю тебя, со временем ты будешь всероссийской царицей.

Петр Кузнецов бросился самозванцу в ноги и стал горько плакать и причитать о том, что дочь его «молодохонька и принуждена идти замуж невольно».

— Чтoб к вечеру все было готово к стовору, — строго сказал Пугачев, — а завтра быть свадьбе!²⁰

Отец с дочерью были «в великих слезах», но перечить не стали, убоявшись навлечь на себя гнев «ампиратора»,

который и впрямь был скор на расправу. Обвенчались в Яицком городке. Свадьбу сыграли быстро, но по-царски пышно. Пили за здоровье государя, великого князя Павла Петровича и его супруги Натальи Алексеевны, пили за невесту, почти за каждого из присутствующих до утренней зари. «Всеавгустейшая императрица» с самого начала засомневалась в высоком происхождении своего мужа: слишком неотесан и груб был он в сравнении даже с офицерами малых чинов, которых ей все-таки доводилось видеть.

Пугачев совершил ошибку. Его женитьбу многие не одобряли. В самом деле, возможно ли царю сочетаться браком с простой казачкой? Сомнения еще более усилились после поражения под Татищевой крепостью и снятия осады с Оренбурга.

Поражение было страшным: все пушки достались противнику; в руках властей оказались первые, самые верные сподвижники: Зарубин, Почиталин, Подуров, Мясников, Кожевников, Толкачев, Горшков, Хлопуша — все те, с кем Пугачев начинал великое дело. Но движение отнюдь не было разгромлено. С отрядом в пятьсот человек ушел он на Урал. «Третий император» не унывал. С нарочитой бодростью он говорил:

— Народу у меня, как песку, и я знаю, что чернь меня с радостью примет²¹.

Желающих вступить в армию «Петра Федоровича» и в самом деле было много. Не хватало только оружия.

7. Некоторые подробности казанского приключения

«В бессильной злобе Екатерина II приказала расправиться с семьей Пугачева, арестовать и отправить» жену и детей его «в тюрьму в Казань». Такими вот доступными для разума словами один очень Заслуженный деятель науки возбуждал недавно у впечатлительных читателей чувство святой ненависти к трижды проклятому самодержавию. Конечно, царизм был жесток, но истина-то дороже...²²

Имел Пугачев собственный дом в Зимовейской. Стоял он в саду «с огорожей» на самом берегу реки и был, похоже, не столь уж и ветхим, коль решился расчетливый казак Еремей Евсеев купить его на своз. Не осталось у Софьи Дмитриевны ни кола, ни двора. Перебралась она в Есауловскую станицу, где доживала свой век старая мать ее непутевого мужа. Деньги скоро улетели как дым в трубу. И пошла она «по бедности между дворов бродить», чтобы подавнием милосердных людей прокормить голодных детей и больную свекровь. Смертельно уставшая женщина возвращалась поздно и забывалась в тревожном сне, чтобы с рассветом снова пойти по миру.

Пугачевский дом от Еремея отобрали, отвезли в Зимовейскую, сожгли вместе с плетнем и садом, пепел по ветру развеяли, а место, где стоял он, окопали рвом и посыпали солью, чтобы осталось оно «на вечное время без поселения, яко оскверненное злодейским жительство»²³.

Однажды прибыл в Есауловскую курьер с высочайшим повелением отыскать «прямую жену» и детей Пугачева, чтобы отправить их в Казань в распоряжение командующего правительственными войсками Александра Ильича Бибикова. Причем Ее Величество предписала содержать их «на пристойной квартире» — не в тюрьме, хотя и «под присмотром», однако же «без оказания им наималейшего огорчения, как не имеющим участия в злодейских делах» самозванца — авось, послужат они «некоторым способом... для устыждения тех, кто в заблуждении своим самозванцевой лжи поработился»²⁴.

Генерал-аншеф Бибиков в точности исполнил предписание Екатерины. Передавая Софью под присмотр капитана Измайловского полка Лунина, он наставлял:

— Смотри, Александр Михайлович, бабу с вырожденками не обижай, корми порядочно, ибо так ко мне указ. Не худо и отпускать ее, особливо в базарные дни. Пушай ходит в народе и рассказывает, что возмутил легковерных невежд никакой не государь, а донской казак Емелька Пугачев, которому она жена. Сие, однако, надлежит сделать с манерою, чтобы не могло показаться ложным уверением с нашей стороны...²⁵

«Сделать с манерою» не удалось. Не поверил народ женщине. А может, и не старалась она очень. На всем пространстве, охваченном восстанием, крестьяне, как государевы, так и помещичьи, были убеждены, что Петр III жив и жалует бедным от щедрот своих царских и землю, и волю. Не было у властей надежды и на солдат. Все выражали сочувствие самозванцу, готовы были оказать ему содействие и желали успеха его замыслам.

В конце марта Бибииков сильно захворал, а в начале апреля 1774 года умер. Его преемнику князю Федору Щербатову пришлось действовать в более сложных условиях. Пугачев, оторвавшись от наседавших на него войск подполковника Ивана Михельсона, повел свой двадцатитысячный табор на Казань. Новый командующий приказал перевести жену и детей самозванца в здание секретной комиссии, которую только что возглавил генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин, троюродный брат входившего во власть фаворита Екатерины II.

Слухи о приближении Пугачева к Казани породили панику. Губернатор отправил свое семейство в Козьмодемьянск. Его примеру последовали другие. По Московской, Пензенской и Симбирской дорогам тянулись вереницы обозов с беженцами и их имуществом. Оставшаяся без присмотра чернь предалась разгулу и пьянству, а чиновники — унынию и отчаянию. И это понятно: с тех пор как гарнизонные батальоны разошлись по разным командам, город по существу оказался беззащитным перед опустошительным нашествием восставших.

Тогдашняя Казань состояла в основном из небольших деревянных домов. Ее улицы были узки и кривы, за исключением Арской, выходившей на поле с тем же названием. Она и стала направлением главного удара для штурмующих. Прикрывшись возами с сеном, повстанцы подкатали пушки и почти в упор открыли огонь. От первых же выстрелов вспыхнул пожар. Многие солдаты и жители сразу перешли на сторону самозванца. Потемкин с командой в триста человек укрылся за стенами кремля. Неудержимой лавиной хлынули победители в город, сокрушая все на своем пути. Они врвались в дома, опустошали и

поджигали их, насиловали и убивали женщин, на глазах обезумевших матерей бросали в огонь младенцев. Повсюду слышались вопли, рыдания, стоны.

«Подробности казанского несчастного приключения, — сокрушался свидетель Платон Любарский, — не только мне, но даже Гомеру и Демосфену описать было бы невозможно»²⁶. Уж не потому ли и историки-марксисты не отважились?

Отступая за стены кремля, генерал-майор Потемкин приказал уничтожить узников местной тюрьмы, чтобы они не могли усилить восставших. И многие из них были перебиты, но большей части удалось спастись. Вышли на волю жена и дети Пугачева. Все они были отправлены в лагерь самозванца, устроенный на Арском поле. По пути одиннадцатилетний Трофим увидел своего отца, картинно гарцевавшего на нетерпеливом скакуне в окружении свиты.

— Матушка! Матушка! — раздался звонкий детский голос, — смотри-ка, батюшка меж казаков едит!

— Емельян! Собака! Неверный супостат! — истошно закричала Софья.

— Экая злющая, — весело сказал казак, сопровождающий бывших колодников, — кого это ты поносишь?

— Мужа своего окаянного, — огрызнулась женщина, — вон на коне красуется.

Казак подъехал к Пугачеву и, наклонившись, зашептал ему в самое ухо:

— Государь, та баба с ребятами уверяет, что она жена твоя. Как прикажешь поступить с шельмой?

«Государь» и на этот раз не растерялся. Не моргнув глазом, он обратился к казакам:

— Вот какое злодейство! Сказывают, что это жена моя. Это неправда. Она подлинно жена друга моего Емельяна Пугачева, который замучен за меня в тюрьме под розыском. Помня мужа ее мне одолжение, я не оставляю ее.

Софья не верила своим ушам. Наглость Емельяна настолько ошеломила несчастную женщину, что она не решилась возражать.

— Дайте бабе телегу, посадите ее с сиротами и отвезите ко мне в лагерь, — распорядился «государь» и, хлестнув коня, поскакал в город²⁷.

Пугачев спешил организовать штурм кремля. Но время было упущено. Противник успел запереть ворота и завалить их бревнами. Перекрестный обстрел со стороны госпитального двора и монастыря не принес желаемого результата. Вскоре пожар подступил к стенам крепости и стал угрожать нападающим. Невыносимая жара и удушливый дым вынудили Пугачева отвести войска.

П.С.Потемкин — Г.А.Потемкину, 12 июля 1774 года:

«Я в жизнь мою так несчастлив не был... Если Михельсон не будет, то не уповаю далее семи дней продержаться, потому что с злодеем есть пушки, а крепость очень слаба. Мне остается одно средство — при крайности пулю в лоб, чтобы с честью умереть, как верному подданному Ее Величества... Поверните меня к ее священным стопам, которые я от сердца со слезами лобызаю. Бог видит, сколь ревностно и усердно ей служил. Прости, братец, если дойдет до крайности. Вспоминайте меня как самого преданного вам человека. Самое главное несчастье, что на народ нельзя положиться»²⁸.

Не продержался бы и семи дней. На народ действительно нельзя было положиться. Когда начался обстрел осажденных, загорелись деревянные постройки и крыша Спасского монастыря в самом кремле. Старые крепостные стены в любой момент могли рухнуть. Солдаты начали роптать, говорили, что небольшой гарнизон не в состоянии защитить себя и других и лучше уж сдать, чем напрасно проливать кровь. Потемкин приказал повесить двух смутьянов и «тем устрашил всех и принудил к повиновению». Пугачевцы отошли. Наступила ночь, люди «не знали, что сулит им грядущий день, ежеминутно ожидали нападения, готовились к смерти».

На этот раз судьба оказалась благосклонной к Павлу Сергеевичу. Он не пустил себе пулю в лоб. И мы еще встретимся с ним на страницах этой книги, увидим его в окружении иных героев Земли Донской.

На Арском поле горели костры, и под жерлами пушек стояли на коленях пленники, ожидавшие решения своей

участи. Явился Пугачев — гордый, торжественный, довольный собой. Неудача под стенами казанской крепости не сломила его воли, не испортила даже настроения: победа-то была крупной, самой внушительной за все десять месяцев войны. Перед ним пылал поверженный город, а его жители с мольбой простирали к нему руки. «Государь» мог их казнить, но мог и помиловать. В тот вечер всех простил — да будет им известно, что он «действительно сам великий».

— Ступайте прочь, — сказал самозванец и пошел принимать подарки от делегации казанских татар.

Многолюдная стенающая толпа, мешая молитву со словами проклятия, потянулась туда, где еще утром стояла Казань и где у каждого был, какой ни есть, кров. Что делать? От кого ожидать помощи? Да и кому тогда было до них. Павел Потемкин — не Александр Бибииков. К нему даже архимандрит Платон Любарский не смел подступиться.

Начался пир победителей. Пугачев был щедр, вино распределял бочками. Он разъезжал по лагерю, благодарил соратников, поощрял метким народным словом «подданных». Все кричали «ура», славил «великого государя». Говор, шутки, песни, смех не смолкали до полуночи. Только артиллеристы не принимали участия в общем веселье, не смели нарушить «высочайший» приказ — быть готовым на случай тревоги. Она последовала скоро. На следующий день к Казани подошел отряд подполковника Михельсона численностью в восемьсот человек.

Не слишком силен был противник. Пятнадцатикратное численное превосходство над ним вселяло надежду на успех. Дважды бросал Пугачев в атаку своих бородатых рыцарей. «Злодеи наступали на меня с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, — доносил начальству Иван Михельсон, — коего только в лучших войсках найти надеялся»²⁹.

Понятно: не похвалишь противника — преуменьшишь значение победы над ним. Но эта оценка была, по-видимому, достаточно объективной. Только вряд ли она может служить основанием для возведения Пугачева в степень воначальника, наделенного природой талантом полководца.

Не смогли одолеть регулярный отряд крестьяне с вилами. Поражение было сокрушительным. Повстанцы потеряли всю артиллерию, две тысячи убитыми и ранеными и семь тысяч пленными. Сам Пугачев едва не попал в руки врага. Тридцать верст гнал он свою лошадь — вынесла, избавила от гибели своего седока родимая.

«Не можно представить себе, — писал Павел Сергеевич Потемкин, — до какой крайности весь народ в здешнем краю бунтует... Причина этого — крайнее издоемство, которое народ разорило и ожесточило»³⁰.

Такой вот народ был в России — нетерпеливый.

Отловленных под Казанью мятежников Потемкин приказал... отпустить по домам, а «дабы от оскудения в пути не надумали они сделать никаких насильств и грабежей, то дано им было на дорогу каждому по пятнадцати копеек»³¹. И все-таки бунтовали — не в деньгах, видать, дело.

Пугачев ушел от погони с отрядом не более четырехсот человек. Поэтому надо было подумать о восстановлении армии. И он прибегает к испытанному уже не раз средству: обращается с воззванием к народу. Его красноречивый секретарь Алексей Иванович Дубровский на едином дыхании сотворил очередной «высочайший» манифест, который по праву можно отнести к самым выразительным документам крестьянского восстания.

Именем «императора и самодержца всероссийского» Пугачев жалует всех «верноподданных» «вольностью и свободой, вечно казаками», «землями, лесами и сенокосными угодьями, рыбными ловлями и соляными озерами». И все это — «с монаршим и отеческим милосердием», «без покупки и без оброку», в общем, даром. Пользуйтесь во благо! Ради того он «вкусил и претерпел от злодеев дворян странствия и немалые бедствия». Впрочем, все это в прошлом³².

«А как ныне имя наше властью Всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим именным указом: кои дворяне в своих поместьях и вотчинах находятся, оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать... по истреблении которых всякий может восчув-

ствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут»³³.

Население Поволжья приняло этот манифест с большим сочувствием. Крестьяне восстали почти поголовно. Царя-избавителя ожидали как отца родного и всячески старались угодить ему — ловили, казнили и вешали дворян. Пугачев не ввязывался в сражения, он «бежал, но бегство его, — по выражению А.С.Пушкина, — казалось нашествием»³⁴. Кровавым смерчем пронеслись мятежники через Цивильск, Ядрин, Курмыш, Алатырь и Саранск. Екатерину раздражала способность «столь грубого разбойника» отрывать от ее генералов. Она отстранила от командования правительственными войсками Федора Щербатова и назначила на освободившееся место князя Петра Голицына. Началась бешеная скачка по пути, залитому кровью, отмеченному виселицами и пожарищами.

— Ваше Величество, помилуйте, — говорили Пугачеву сподвижники, — долго ли нам так странствовать и проливать человеческую кровь? Время вам идти в Москву и принять престол.

— Нет, детушки, потерпите, не пришел еще мой час, а когда наступит, то я и сам без вашего зова пойду. Теперь же я намерен идти на Дон, там меня некоторые знают и примут с радостью»³⁵.

8. Настроение в «верхах»

Иван Федорович Платов, почитай, уже год в Петербурге. И что там делает, неизвестно. Впрочем, можно предположить с большой степенью вероятности...

Место Григория Орлова в алькове Екатерины Алексеевны заступил мужественно красивый Потемкин, тоже Григорий, но Александрович. Императрица серьезно опасалась мести братьев бывшего любовника, особенно страшного в своем коварстве Алехана. В такой ситуации казаки, к которым имел особое доверие новый фаворит, могли получить роль почетной стражи Ее Величества, что вскоре и будет оформлено официально. Но об этом позднее...

В Петербург между тем стали поступать сообщения одно тревожнее другого. В понедельник пришло известие о разорении Казани и повергло всех в уныние. Явилось опасение за судьбу первопрестольной. Из Нижнего долетел крик о помощи губернатора Ступишина. Екатерина тут же созвала членов тайного совета и объявила, что для спасения империи намерена сама отправиться в Москву, чтобы на месте возглавить борьбу с мятежниками и вселить уверенность в ее обывателей. Императрица потребовала, чтобы собравшиеся высказали свое мнение относительно ее решения. Все молчали. Молчание стало тягостным.

— Что скажете вы, Никита Иванович, — обратилась она к Панину, — хорошо ли, дурно ли я поступаю?

— Не только нехорошо, — ответил граф, — но и бедственно в рассуждении целости империи. Такая поездка, увеличив вне и внутри отечества настоящую опасность более, нежели есть она на самом деле, может ободрить и умножить мятежников и уронить престиж наш при других дворах.

Мысль Никиты Ивановича понять нетрудно: выходит, дела в России настолько плохи, что Ее Величество берет на себя роль, вовсе не свойственную женщине. Разве нет у нее генералов, способных одолеть «столь грубого разбойника», на которых она могла бы положиться?

Григорий Александрович Потемкин энергично поддерживал решение своей возлюбленной отправиться в первопрестольную столицу:

— Надо ехать!

Князь Орлов «с презрительной индифферентностью все слушал, ничего не говорил и извинялся, что он не очень здоров, худо спал и потому никаких идей не имеет. Окликаные дураки Голицын и Разумовский твердым молчанием отделались. Скарредный Чернышев трепетал между фаворитами... и спешил записывать только имена тех полков, которым к Москве маршировать повелено». Так передал в письме к брату атмосферу того совещания Никита Панин³⁶.

Прямо-таки жаль императрицу: создается впечатление, что в ближайшем окружении Ее Величества — ни одного

способного человека и за советом-то не к кому обратиться, кроме графа Никиты Ивановича. Но Панина Екатерина не любит, ибо он спит и во сне видит на престоле своего воспитанника цесаревича Павла Петровича.

«Как ни глупы и молчаливы» были все члены тайного совета, иронизирует академик Дубровин, а все-таки постановили отклонить поездку императрицы в Москву, отправить против самозванца дополнительно к действующим войска и назначить главнокомандующим «знаменитую особу с такою же полною мочью, какую имел покойный генерал Бибииков», но кого именно, пока не определили³⁷. Панину же хотелось проташить на роль спасителя отечества своего брата Петра Ивановича.

Среди «тех полков, которым к Москве маршировать повелено», был полк донского старшины Ивана Федоровича Платова. Он выступил в поход сразу же по окончании заседания тайного совета, во второй половине дня 21 июля 1774 года.

Через сутки в столицу пришло донесение фельдмаршала Гумянцева о заключении мира с Турцией. То был самый счастливейший день в жизни Екатерины. Она добилась того, что оказалось не по силам даже Петру Великому — Россия получила выход в Черное море. «Теперь осталось усмирить бездельных бунтовщиков». И императрица накинулась на них «всеми силами, не мешкая ни единой минуты»³⁸.

Уступая настойчивости своего канцлера, Екатерина назначила Петра Ивановича Панина главнокомандующим правительственными войсками, подчинила ему гражданское управление в Казанской, Оренбургской и Нижегородской губерниях, но отказала в праве «живота и смерти» — казнить и миловать бунтовщиков по собственному разумению. Зная об отношении графа к черни, императрица убеждала его:

— Граф, задача не только в том состоит, чтобы поражать, преследовать и истреблять злодеев, поднявших оружие против нашей верховной власти, но главным образом в том, чтобы, сокращая пролитие крови заблуждающихся, возвращать их на путь исправления, восстанавливать по-

виновение, покой и безопасность внутреннего общежития³⁹.

В распоряжение нового главнокомандующего поступили громадные силы минувшей турецкой войны. «Кажется, противу воров наряжено столько войска, — писала Екатерина Панину, — что едва ли не страшна таковая армия и соседям была бы». Тем более, что в нее был призван Александр Васильевич Суворов⁴⁰.

9. Спектакль продолжается

Пылил Пугачев по дорогам Поволжья, скакал на юг, надеясь прорваться на родной Тихий Дон, поднять казаков и уйти с ними на Кубань. Он не мечтал уже вернуться в Россию, ибо знал, что по пятам за ним идут большие отряды, одолеть которые его лапотники, вооруженные «вилами, чекушками и дрющем», просто не могли. Они сами нуждались в защите. Погибли уже или попали в плен самые верные его товарищи, с кем пустился он почти год назад в свой великий поход по империи. Рядом никого. Не с кем слова молвить. Грустно. Емельян стал раздражителен, зол — «такой собака, чуть на кого осердится, то уж и ступай в петлю», — вспоминала позднее Софья Дмитриевна⁴¹.

Молча ехал Пугачев в сопровождении своих новых полковников. За ним катились кибитки его первой жены с детьми, наложниц, отобранных у казненных родителей на утеху плоти государевой. Всего «у него было девок с восемь» и все «хорошие, как писанные», — без сердца к несчастным заметила на следствии Софья Дмитриевна. Они ночевали в ее палатке, и лишь те, на кого падал выбор похотливого самозванца, покорно следовали за ним, «по две» обычно⁴².

Восстание, разливаясь по всем направлениям, докатилось уже до Петровска. Однажды после обеда Емельян вошел в палатку Софьи, выставил вон всех «девок», спросил:

— Что ты думаешь обо мне, Дмитриевна?

— Да что думать-то, буде не отопрешься, так я жена твоя, а они дети, — ответила она, указывая на сына и дочерей.

— Что правда, то правда, не отопрусь я от вас. Только слушай, Дмитриевна, что я скажу тебе. Теперь пристали к нам наши казаки донские и хотят у меня служить. И коль случатся между ними знакомые, не называй меня Пугачевым; говори, что я знаком тебе и твоему мужу, которого в суде замучили до смерти за то, что укрывал меня в своем доме.

— Как я стану говорить это, не знаю, право.

— Так и рассказывай, что ты жена Пугачева, да не говори, что моя. Ты видишь, что называюсь я ныне государем Петром Федоровичем, и все меня за такового почитают. Смотри же, Дмитриевна, исполняй, что велю, и я тебя не оставлю. А буде не то, не пеняй — своими руками голову срублю!

— Господь с тобой, Емельян, исполню, все, как есть, исполню.

— Не Емельян я, дура! — прохрипел «государь» и спешно вышел⁴³.

Что и говорить, очень крут был нравом герой нашей истории.

5 августа Пугачев покинул свой лагерь у Петровска и двинулся на Саратов, захолустный городишко Астраханской губернии, в котором никак не могли придти к согласию три человека: полковник Иван Бошняк, статский советник Михаил Ладыженский и гвардии поручик Гавриил Державин. Каждый пыжился, упивался собственным превосходством, не хотел уступать. С назначением Петра Панина распри прекратились, но было поздно: укрепления так и осталось неподготовленным к отражению мятежников.

При первых же выстрелах жители Саратова стали перебегать на сторону Пугачева, сначала поодиночке, а потом толпами. Почти весь гарнизон покинул Бошняка и во главе с майором и прапорщиком с барабанным боем, церемониальным шагом двинулся в лагерь мятежников, надеясь увидеть «государя». И каково ж было разочарование, когда командиры «усмотрели неистовство и похабство в зло-

дее», поняли, что перед ними «вор, разбойник и самозванец». И все-таки пришлось присягнуть все тем же нехитрым способом — перед образом в медных складнях⁴⁴.

«Жители без начальника и толпы без присмотра собирались, где хотели, — вспоминал обстановку того дня Державин, — нарядный был беспорядок!». Между прочим, тогда начинающий поэт внес немалый вклад, чтобы установить этот самый «нарядный беспорядок»⁴⁵.

Победители выпустили из тюрем арестантов, открыли винные погреба и предались неудержимому разгулу. Пьяные толпы металась по улицам, грабили, все ценное уносили на Соколову гору, где был разбит лагерь самозванца. Там было поставлено несколько виселиц, на которых вешали без разбору мужчин и женщин, купцов и бурлаков. Люди, желая избежать казни, шли к Пугачеву. Хмельные священники приводили к присяге всех желающих. Веселые цирюльники тут же стригли по-казацки в *кружало* волосы годным на службу. Хлеб и соль в тот день выдавались бедноте безденежно — щедрый был «государь Петр Федорович».

Пугачев оставил Саратов. Он держал путь дальше на юг. Тащился за ним многотысячный крестьянский табор, ежедневно пополняясь за счет тех, кто поверял в «третьего императора». Людей было много. Все умели грабить. Никто не умел воевать. Да и как воевать голыми руками? Емельян Иванович понимал, что надо поднимать казаков. Вызвал секретаря, приказал написать и отправить донцам воззвание. Алексей Иванович Дубровский привычно справился с поручением.

«Вы уже довольно и обстоятельно знаете, что под скипетр и корону нашу почти уже вся Россия добропорядочным образом по своей прежней присяге склонилась. Сверх того, несколько донского и волжского войска оказывают к службе нашей ревность и усердие и получили себе свободную вольность, нашу монаршую милость и награждение... Вы же ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые, не насытившись Россиею, и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род.

Мы, однако, надеемся, что вы, признав оказанные против нашей монаршей власти и своего государя противности и зверские стремления, которые вам всегда будут в погибель и повелителям вашим, придете в чувство покаяния, за что можете получить монаршее наше прощение и, сверх того, награждение, каково получили от нас склонившиеся верноподданные рабы»⁴⁶.

До чего же четко формулировал Алексей Иванович негладкие мысли своего повелителя!

Надо признать, что Пугачев хорошо понимал ситуацию на Дону. Не случайно же он упрекает казаков за оказанные ему «противности и зверские стремления» и призывает их к «покаянию», обещая «монаршее прощение и, сверх того, награждение». Нет, не было у Емельяна Ивановича уверенности, что донцы его с радостью примут. И все-таки рвался в родные места. Выбора у него не было. Надеялся силой заставить служить себе земляков, как делал это на Яике, Урале, в Поволжье.

Хитер и находчив был казак Творогов. Взяв у Дубровского только что составленный манифест, он вошел к самозванцу.

— Ваше Величество, извольте подписать, — протянул Творогов бумагу, — ведь именные указы государи сами подписывают.

Пугачев согласно закивал головой, как-то отрешенно посмотрел на вошедшего и, помолчав немного, проговорил:

— Иван, нельзя мне подписывать, пока не приму царства. Ну, поднимшу, открою свою руку, так ведь и другой, узнав как я пишу, назовется царем, а легкомысленный народ поверит и будет какое ни есть злодейство. Лучше пошли-ка ко мне Алексея, пускай он за меня подпишет⁴⁷.

Дубровский подписал и разослал манифест по донским хуторам и станицам.

— Алексей Иванович, — обратился Творогов к Дубровскому, — мне кажется, пропали мы совсем: видно, что грамоте он не обучен, коль сам не подписывает своих именных указов; государь Петр Федорович и по-русски, и по-немецки разумел.

— И я, Иван Александрович, думаю, что худо наше дело, — согласился Дубровский.

Творогов поделился своими сомнениями с начальником артиллерии самозванца, яицким казаком Чумаковым:

— Плохо наше дело, Федор Федорович, теперь я подлинно уверился, что он не знает грамоты и верно не государь, а самозванец.

— Как так, — поразился Чумаков, — тогда мы все погибли... Что же нам делать?

Из показаний Ивана Творогова на следствии:

«Потом, рассуждая каким бы образом арестовать его, не находили средства начать такое дело и боялись открыться в том другом, потому что все без изъятия почитали его за истинного государя... Условились мы таить сие до удобного случая. Хотя я и с самого начала при злодее у письменных дел находился, но клянусь живым Богом, что никак не знал того, что злодей грамоте не умеет, ибо он перед всеми нами показывался знающим тем, что писал в глазах наших какие-то крючки иногда мелко, иногда крупно и сказывал, что пишет по-немецки. Также, когда подам ему в руки что-нибудь написанное, то смотря на оное, шевелил губами и делал вид, что читает, почему и не смел никто из нас проверить его знание написанием другого, нежели он приказывал, потому что он содержал нас в великом страхе»⁴⁸.

Какого ты рода-племени,

Царь ты или царский сын?

Пока спектакль не подошел к финалу — царь! Все без исключения принимали его за истинного государя Петра Федоровича. Усомнился один Творогов. Однажды в Дубовке он обратил внимание на сотника Астраханского казачьего войска Василия Горского, бывшего депутата Уложенной комиссии, выходит, человека бывалого. Иван подошел к нему, взял за руку, спросил:

— Знаете ли вы по-немецки?

— Нет, — ответил сотник, смеясь, — родители обучили меня с нуждою и российской грамоте. Я больше упражнялся с конем и ружьем и, надеюсь, с успехом.

Огорчился Иван Творогов, удивился:

3. ПУГАЧЕВ : ЧАРОДЫШЬИ ТЕРОЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ...

— Как же вам не знать, ведь в Москве бывали и даже в Петербурге?

Проверку Пугачева на степень владения чужим языком пришлось отложить.

Горский уговорил нового знакомого представить его императору и выразил желание служить ему. Сняв шапку, он вошел в палатку самозванца, поклонился и по условному знаку рухнул на колени. «Государь» сидел на кошме перед разостланной скатертью, уставленной тарелками с рыбой, икрой, арбузами, калачами. Рядом с ним — красиво одетый мальчик, вокруг — несколько человек приближенных.

— Здравствуй, друг мой, здравствуй, ты кому присягал? — ласково спросил Пугачев.

— Всемиловитейшей государыне Елизавете Петровне.

Слова гостя вызвали настороженный интерес. Казаки посмотрели на него и тут же опасливо опустили глаза.

— Давно ли в службе?

— С сорок восьмого года.

— После государыни Елизаветы Петровны кому ты еще присягал? — допытывался Пугачев.

— Государю императору Петру III.

— А потом кому?

— Когда было объявлено манифестом, император Петр Федорович скончался и воцарилась государыня Екатерина Алексеевна, мы ей присягали и наследнику Павлу Петровичу.

— Давно ли ты, мой друг, из Москвы?

— Месяца с три, может, и больше.

— Что там про меня говорят?

— Говорят, что под Оренбургом и в тех местах воюет Пугачев.

Самозванец рассмеялся и, добродушно потрепав за волосы сидевшего рядом мальчика, сказал:

— Вот сын Пугачева, Трофим Емельянович, после него остался. А отца уже нет в живых. Жаль казака, верный мне был человек...

Емельян Иванович растер кулаком накатившуюся хмельную слезу, звучно высморкался, помолчал немного, потом, нервно колотя себя в грудь, отрывисто, как бы вбивая в сознание гостя каждое слово, произнес:

— Вот государь Петр III, вот император!

Сидевшие вокруг скатерти казаки преклонили свои головы к коленям, «на что смотря» и Василий Горский «пал ниц и лежал перед ним».

— Встаньте, други мой, встаньте. А ты знал государя Петра Федоровича? — неожиданно спросил он гостя.

— Знал, — ответил тот.

Пугачев приказал принести всем по чарке водки и стал рассказывать о своих злоключениях после ухода из-под стражи:

— В три дня доскакал я до Киева. Правда, загнал восемнадцать лошадей. А платил за каждую по десять или даже по сто имперялов, того не упомяну точно, только великую сумму.

— Смотри-ка, — поражались мужики, — по тысяче рублей давал за лошадь! Понятно: го-су-дарь. Кому же еще такое по карману?

— Да уж погулял я по свету и пришел на Яик, где в доме Творогова и остановился. Вот это — честный человек, — указал Пугачев на Ивана, — а брат у него плут, не узнал своего государя. Попадись он мне — повешу, истинный крест, повешу, и яростно ударил себя кулаком по бедру⁴⁹.

Надо думать, монолог этот вполне убедил Василия Горского. Конечно же, он узнал бы в самозванце государя, да только тот перевел разговор на иную тему, ничего не спросил.

— Далеко ли до Царицына? — поинтересовался «государь».

— Да верст пятьдесят с гаком будет, — ответил казак Попов.

— А крепок ли Царицын? — обратился он к Горскому.

— Шибко крепок, Ваше Величество.

— Э, мой друг, — протянул Пугачев, — царь Иван Васильевич под Казанью семь лет стоял, а у меня она в три часа пеплом покрылась. А, впрочем, что нам в Царицыне делать, пройдем его и на Дон, а оттуда в Москву. Божественные книги указывают, что на престол я взойду⁵⁰.

В этот день Емельян Иванович, кажется, превзошел самого себя. Может быть, предчувствовал...

Предадут меня сегодня,

Слава Богу — предадут.

Быть (на это власть господня!)

Государем не дадут...

Миновать Царицын Пугачеву не удалось.

10. Пугачевцы на Дону

В то время, когда основные силы Пугачева подходили к Царицыну, отдельные его отряды ворвались уже в пределы Земли Донской. Наказной атаман Семен Никитич Сулин протрубил всеобщий сбор казаков, способных держать оружие, в основном малолеток и стариков, ибо служилые находились в действующей армии, за границей или в отдаленных губерниях империи. Командовать ополчением он приказал ветерану Семилетней войны и недавних крымских сражений сорокалетнему полковнику Михаилу Сидоровичу Себрякову. Всем хорош был бы командир, если бы не мучил бедного геморрой, да так, что уже в седле сидеть не мог. По Дону поползли слухи, что идет-то вовсе не самозванец, а истинный государь. Казалось просто невероятным, что какой-то хоруцкий Емелька из Зимовейской станицы мог так долго противиться царским генералам. Поэтому люди шли на сборные пункты неохотно. Отроки еще подчинялись приказу начальства, а те, кто был помудрее, — противились.

— Как бы нам вместо Пугача, — говорили старики, — не поднять рук на помазанника Божия императора Петра Федоровича.

При всем старании Себрякову удалось собрать не более двухсот казаков. С такими силами немислимо было и мечтать об отражении мятежников, которые подступили почти к родной ему Етеревской станице. Михаил Сидорович собрал свое семейство, упаковал сундуки и укатил под защиту Новохоперской крепости.

«Прости, брат, — писал он с дороги старшине Лащину, — а я крайне болен от горячки с лихорадкой; не знаю, как быть живому. Желая вам добрых успехов. Постарайся, пожалуй, ко отечеству не пустить Пугачеву толпу»⁵¹.

А пугачевцы между тем ураганом промчались через Березовскую, Етеревскую, Малодельскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую станицы. Очевидец тех страшных событий Антон Ребров вспоминал на закате дней, а добросовестный донской историк Михаил Сениоткин записал за ним и передал в некрасовский «Современник» такой вот нехитрый рассказ почти столетнего старца:

«Злодеи в кратковременную бытность в донских станицах принуждали людей присягать и служить будто следующему в их главной толпе императору Петру Федоровичу, вели с собою, противящихся казнили, вешали и убивали до смерти, лошадей и воинские принадлежности брали на обмундирование себя, грабили пожитки и резали скот на пищу»⁵².

В Березовской пугачевцы потребовали станичный табун и выбрали из него самых лучших лошадей. В Малодельской повесили двух казаков. В Заполянской жестоко избили атамана и двух стариков за отказ дать им овса и сена. Жителей охватил несказанный ужас. Люди бежали в лес, бросая имущество. Женщины умоляли мужчин не оказывать бунтовщикам сопротивления, предлагали встретить их хлебом-солью, лишь бы спастись от смерти. Воины, выдавшие виды, колебались. Даже старшины не проявили обычной решительности, запуганные народной молвой о несметном числе мятежников.

Узнав об отъезде Себрякова, Сулин назначил походным атаманом ополчения войскового старшину Луковкина и приказал ему немедленно отправиться на Медведицу, сформировать там три полка и выступить против мятежной вольницы. Решить эту задачу было просто. Верховые казаки усомнились в болезни своего командира, но заподозрить его в трусости не посмели, не было оснований, ибо он пользовался репутацией героя и на самом деле был таковым.

— Мы готовы идти на злодея, но у нас нет главного начальника, — кричали они, — видно, это не Пугач, а государь, ежели Михаил Сидорович уехал, кабы не так, он остался⁵³.

Целых двенадцать часов убеждал Луковкин казаков и добился-таки успеха — поверили станичники. В самую полночь выступил он в поход, отмахал восемьдесят верст, запарил лошадей, уморил людей, внезапно напал на бивуак повстанцев и разбил их в пух и прах. В следующие два дня было покончено с другими отрядами пугачевцев, решивших поискать удачи на Дону.

Один из мятежников, «полковник» Акиев, был взят казаками в плен и доставлен в Черкасск. Под сенью петли прочли ему приговор, привязали веревками к кованым кольцам, вбитым в эшафот, отпустили от щедрот Петра Ивановича Панина триста шестьдесят ударов кнутом, потом отрезали уши в назидание другим. Испустил дух незадачливый герой российской кровавой истории.

Себряков, отъехавший в опасное для империи время в Новохоперскую крепость лечить свой геморрой с лихорадкой в придачу, был предан суду, который, однако, окончился для него вполне благополучно — высочайшим помилованием.

Наградой Луковкину были чин армейского полковника, Золотая медаль с портретом императрицы, должность судьи войсковой канцелярии и, конечно же, «уважение сограждан» — ценили в России преданных престолу людей.

11. Служба на Царицынской линии

О х, и трудна же была служба на Царицынской линии, протянувшейся на сотни верст от донской Качалинской станицы до Астрахани. Еще со времен Елизаветы Петровны на всем этом степном малолюдном пути отправляли донцы почтовую гоньбу. И в метель, и в дождь, и в холод, и в зной впрягали они своих отоцавших лошадей в тарантасы и кибитки, чтобы

докатить какого-нибудь чванливого курьера или важного чиновника до соседней станции. Животные, измученные непрерывной ездой и бескормицей, уныло тащились по разбитому или заснеженному тракту, вызывая раздражение нетерпеливых пассажиров, безжалостно отпускавших оплеухи и зуботычины невинным кучерам. Поэтому и ожидали казаки смену себе, как награду за невыносимые муки.

— Удивляюсь я, — сочувствовал царицынский комендант И. Циплетев очередному атаману линейцев, — почему Войско Донское так долго терпит и не просит Военную коллегию об устранении от таких тягостей. Истинно бедные казаки жалости достойны.

Особенно трудным выдался семьдесят четвертый год. Окрестные крестьяне бунтовали. На почтовых дорогах усилился разбой. Многие казаки загнали своих лошадей и, не вынеся царской службы, переметнулись на сторону самозванца. Наказной атаман Сулин понял, что дальше тянуть нельзя, собрал кое-как команду в шестьсот человек и, вручив ее под начало старшины Василия Перфилова, отправил на линию на смену той, что уже отмыкала свой срок. И надо сказать, пришла она вовремя. Мятежники подошли к Царицыну, а защищать его было некому. В распоряжении коменданта Циплетева находилось всего четыре гарнизонных роты и три сотни вооруженных добровольцев. Пугачев же вел за собой не менее пяти тысяч человек, одушевленных недавней победой на реке Пролойке, описанной А.С.Пушкиным. Это привело «город в такой страх, что едва мог колеблющийся народ бодрствовать и мужаться». В самую горячую пору работ по укреплению оборонительных сооружений крепости некоторые обреченно говорили:

— Напрасно трудимся, скоро все достанется батюшке Пугачеву.

Поэтому комендант был рад прибытию Василия Перфилова с казаками. С ним у него сложились доверительные, дружеские отношения, окрепшие в условиях серьезной опасности, нависшей над городом и его жителями.

Скоро за стенами Царицына собрались полки донских старшин Василия Манкова, Федора Кутейникова, Василия Грекова, Григория Поздеева, Афанасия Попова, Карпа и Михаила Денисовых⁵⁴.

На исходе дня 20 августа повстанцы подступили к Царицыну и со стороны линии открыли артиллерийский огонь. Из крепости ответили тем же. Дуэль продолжалась недолго. Перед заходом солнца Пугачев приказал отвести войска на ночлег к речке Меченой, протекавшей в десяти верстах от города. Во время их отступления казаки сделали вылазку и атаковали мятежную конницу. В происшедшей схватке Федор Кутейников был ранен копьем в левый бок и грудь, «близ правой титьки». Сброшенный с коня, он был взят в плен и отправлен в обоз самозванца. Полк его дрогнул, попятился, смешался. Хорунжие Крапивин и Терентьев*, служившие под началом Василия Грекова, преклонили перед мятежниками хоругви и увлекли за собой до четырехсот своих товарищей. Случай этот поверг командиров в уныние. Они потеряли веру в своих подчиненных, еще недавно являвших примеры храбрости и отваги в сражениях с татарами и турками. Но то были внешние враги. Гражданская война все перевернула с ног на голову.

Наступила ночь. Воцарилась тишина. Войсковые старшины собрались вокруг стола, освещенного желтым огоньком сальной свечи. Корявые строки горького признания вылились в рапорт царицынскому коменданту:

«К несчастью общему и погашению славы, нажитой кровью всего войска Донского, из находящихся при нас подкомандных некоторые показали такую трусость, что... мы об истреблении казаками злодея надежды не имеем. И хотя еще большая половина осталась с нами, но что последует от них, сказать никак теперь не можно. От истинного нашего сердца господа Бога просим, чтобы он даровал им прежнюю храбрость»⁵⁵.

---

* Тот самый Терентьев, который отличился в сражении против татар на реке Калалах под началом М.И.Платова.

12. Федор Кутейников в плену у мятежников

В лагере самозванца вешали часто и пороли не резе. Но одно дело вздернуть коменданта какой-нибудь захудалой крепости или отодрать розгами станичного атамана и совсем другое — настоящего полковника казачьих войск, взятого в бою. В глазах мятежников Кутейников был важной персоной. Раненого старшину привезли на крестьянской телеге и под улюлюканье собравшихся отходили дубинами по ребрам, отскакали за волосы, и, «надев ему на шею петлю», два дюжих молодца стали тянуть за концы веревки в разные стороны. Обреченный хрипел — зрители смеялись. Шумная, но незлобивая получилась потеха — умел веселиться русский мужик. Потом едва живого пленника отвели в «царский шатер». Пугачев сидел за столом в компании приближенных. Перед ним стояли штофы с водкой, различные закуски. Посмотрев на вошедшего, Емельян Иванович предложил ему выпить. Тот отказался.

— Не хочешь — неволить не стану, — и, помолчав, спросил, — ты дом Пугачева разорят?

— Не разорят, а исполнял высочайший приказ, — ответил Кутейников без вызова, но уверенно.

Вошла Софья Дмитриевна, вызванная адъютантом.

— Вот Пугачиха, узнаешь ли ее?

— Я ее никогда не видывал, не знаю.

В допрос вмешался один из сидевших за столом:

— Скажи-ка, старшина, готов ли ты служить верой и правдой великому государю Петру Федоровичу?

— Не готов, не могу отступить от присяги, данной Ее Величеству Екатерине Алексеевне.

— В таком разе ты будешь повешен.

— А может, лучше четвертовать его? — обратился к товарищам другой казак из свиты самозванца.

— Нет, надо разрезать ему пятки и вытянуть жилы, — решительно заявил третий и посмотрел на своего повелителя.

— Завтра расстрелять! — приговорил Пугачев. — А пока запереть его в сарае и поставить надежный караул⁵⁶.

Федор не спал. Лежа на соломе, он мучительно перебирал последние дни своей жизни:

— Два поражения кряду: на Пролейке реке и у Царицына. И от кого? От голодранца, шута, выдающего себя за покойного императора. Нет, лучше уж умереть, чем пережить такой позор...

Забрезжил рассвет. От тягостных раздумий отвлек его протяжный, звучный скрип отворяемых ворот сарая. Вошел татарин с гнусной опухшей физиономией, жестом приказал встать и выйти. На дворе ожидал их еще один стражник в такой же войлочной шапке, как и у первого. Поддерживая под руки с большим трудом стоявшего на ногах пленника, они перевели его через буерак и посадили на яру. Младший конвоир поднял ружье, нажал курок — получилась осечка. Повторил — выстрела не последовало. После нескольких попыток неудачливый стрелок в сердцах «вдарил его в припор, в левый бок, однако внутренности не захватил». Кутейников скатился в овраг и пролежал там без чувств более двух часов. Мятежники уже ушли, когда к израненному, избитому Федору вернулось сознание. Собрав остаток сил, поплелся он вверх по Царицынской Пичуге к Грачевской крепости, недалеко от которой настигли его донские казаки, бежавшие от самозванца. Они-то и доставили старшину в Качалинскую станицу, а оттуда домой⁵⁷.

13. 15 сентября 1774 года

Получив сообщение о подходе правительственных войск, Пугачев отказался от намерения штурмовать Царицын, решил пройти мимо. Но у стен города снова был атакован, лишился значительной части обоза и людей. Правда, и на этот раз, как и накануне, к нему переметнулись многие донские казаки, которые, несмотря на то, что он «рожу свою от них отворачивал», распознали-таки в нем бывшего хорунжего из Зимовейской станицы. Все они, поодиночке и группами, поки-

нули лагерь самозванца. Слух об этом мгновенно распространился по стану повстанцев и «привел их в такое замешательство», что никто не знал, за что приняться, говорил на следствии Иван Творогов. О походе на Дон пришлось забыть⁵⁸.

— Надежных людей у меня мало, — признался Пугачев атаману Андрею Овчинникову, — а всякой сволочи хотя и много, да проку от нее никакого: только услыша о Михельсоне, она сробеет, разбежится и стоять против него не будет. Поэтому надо, уклоняясь от драки, дойти до Черного Яра, а оттуда — прямо в Яицкий городок и там зимовать⁵⁹.

«Надежных людей» — это яицких казаков. «Всякой сволочи» — значит крестьян. Как видно, невысоко ценил Емельян Иванович тех, на кого делал ставку на последнем этапе гражданской войны. Набегался он с ними по степям Поволжья вдоволь. Пришел в отчаянье даже.

Обойдя Царицын и двигаясь по берегу Волги, Пугачев вошел в Сарепту, покинутую обитателями. Через сутки этот клочок российской земли, освоенной руками немецких колонистов, невозможно было узнать. Опустевшие дома были ограблены, мебель уничтожена, фабрики разрушены, инструменты переломаны, фонтаны испорчены, куски товаров разорваны и затоптаны в грязь. Люди, однако, в тот раз уцелели. Второе нашествие варваров обрушится на них через полтора столетия. И от него они не оправятся.

24 августа 1774 года повстанцы потерпели сокрушительное поражение у Сальникова Завода. Они потеряли две тысячи убитыми и в три раза больше пленными. В числе последних находились две дочери Пугачева и четырнадцать юных дворянок, составлявших гарем «самозванца» — для «столя великого государя» не так уж и много. Сам он пробился через заслон врагов и бежал. За ним ускакали верхами жена Софья и десятилетний сын Трофим. В этом сражении Емельян Иванович лишился самого близкого к нему человека, атамана Овчинникова, пропавшего без вести. На долю победителей выпала такая добыча, какая не снилась даже воинам великого Суворова, отдававшего сво-

им чудо-богатырям на поживу целые города поверженного противника.

Жалкое зрелище являл собою «великий государь». Вчера еще уверенный в себе, Пугачев болезненно переживал катастрофу, не стесняясь слез, горько оплакивал потерю верных своих полковников, убитых, пропавших без вести или плененных под Оренбургом, Казанью, Царицыном. Осталось у него не более двухсот яицких казаков да столько же «всякой сволочи» и среди них ни одного из тех, с кем затеял он почти год назад свою грандиозную авантюру, стоившую жизни многим тысячам доверившихся ему людей, разора больших и малых городов, станиц и деревень. Советоваться теперь приходилось с теми, кого только что ради поощрения пожаловал он чинами и званиями, наградил медалями. А они между тем начали уже плести сеть заговора против своего благодетеля во имя спасения собственных шкур.

Председатель пугачевской коллегии Иван Творогов все более проникался уверенностью, что предводитель повстанцев вовсе не император Петр Федорович, а самозванец. Под гнетом смертельной угрозы решился он наконец поведать об этом ближайшим товарищам, созвав их на тайную сходку. Рассказав о своих наблюдениях, организатор заговора спросил собравшихся:

— Так что же теперь нам делать? Согласны ли вы его связать?

— Согласны, — ответил за всех начальник артиллерии Федор Чумаков, — только надобно сговориться с другими казаками. Мы сами уже видим, что он не государь, а самозванец.

Условились подождать подходящего случая.

В ту же ночь Пугачев собрал на совет всех яицких казаков, спросил:

— Как вы считаете, детушки, куда нам теперь податься?

— Да кто же знает, мы люди темные, — ответили казаки, — а вы как думаете, Ваше Величество, куда лучше идти?

— Я думаю пойти вниз по Волге, потом пробраться к запорожским казакам. Там есть у меня два знакомых князька, — заливал «государь», — у одного наберется тысяч с

семнадцать, у другого — поменьше, они за меня верно вступятся⁶⁰.

Почти никто из присутствующих не знал, где живут запорожские казаки, однако догадывались, что где-то очень далеко. Скитальческая жизнь всем надоела, и они отказались следовать за своим предводителем.

— Воля ваша, государь, хоть головы рубите, а не пойдем в чужую землю. Что нам там делать?

— А может, в Сибирь или в калмыцкую орду хотите? — с нескрываемым раздражением и насмешкой спросил Пугачев.

— Нет, батюшка, мы и туда не пойдем, куда нам в такую даль забираться, у нас здесь отцы, матери, жены...⁶¹

— Так куда в конце концов вы хотите идти?

— Пойдем вверх по Волге, — решительно сказал Иван Творогов, которого поддержал Федор Чумаков.

— Но там трудно будет достать хлеба и есть опасность от воинских команд, — пытался возражать Пугачев⁶².

Казаки настаивали, и вожак вынужден был согласиться.

На следующее утро небольшой отряд выступил в поход. Несколько суток шли степью без воды и хлеба. Проливные дожди и сильные восточные ветры усугубляли лишения. Люди притомились от жажды и голода. Пугачев ехал молча, смотрел уныло...

Предадут меня сегодня,

Слава Богу — предадут.

Быть (на это власть господня!)

Государем не дадут...

Творогов и Чумаков не теряли времени даром, старались представить безвыходность положения, уговаривали казаков выдать самозванца и тем заслужить прощение императрицы. Добиться этого было непросто, ибо многие продолжали верить, что ведет их истинный государь и были преданны ему. Но хитростью и обманом, а то и вероломством, им удалось отделаться от тех, на кого нельзя было рассчитывать.

Между тем сильно поредевший в последние дни отряд Пугачева дошел до реки Узени. Здесь заговорщики узнали об обещании прощения всем раскаявшимся. Воззвание к

народу состряпал председатель секретной следственной комиссии, генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин, чудом уцелевший во время «казанского сидения». Был он поэтом и писателем, а потому и сладкоречивым. Вот несколько строк, вышедших из-под его пера:

«О, народ российской православной державы, опамятуйся, помысли в душе своей, какое страшное зло производится ныне! Воззри, какое происходит убийство и кровопролитие посреди градов и сел нашего возлюбленного отечества от внутренних злодеев. Отец, не внемля ни жалости, ни долгу крови, подымлет руки свои на сына и сын на отца; брат брата без сожаления поражает, кровь течет реками, истина страждет и злость торжествует...

И от кого все сие зло происходит? Беглый донской казак Емельян Иванов Пугачев, сеченный кнутом, скитавшийся между разбойниками, был пойман и содержан в Казани, оттуда ушел и подговорил подобных себе ящичких казаков, дерзостно принял на себя высокое звание императора Петра Третьего, смерти и погребению которого весь престольный град был свидетелем...

Опамятуйтесь, возгнушайтесь злодеем и придите в раскаяние перед Богом и перед помазанницей его великой государыней нашей. Или не видите вы, что сей враг славы, пользы и спокойствия России, сей предатель, сей изменник и бунтовщик монархине и отечеству, вашей кровью проливает кровь верных и презирает общую погибель. Или не видите вы, что он, ругаясь и разоряя храмы Божии, когда их грабит, обольщает легкомыслие и сердца народа: он обещает свободу от рекрут и податей... Но и свобода сия не может существовать в самом деле. Кто будет ограждать пределы нашего государства, когда не будет воинства? А воинство наполняется рекрутами. Чем будут содержать солдат, когда не будет подушного сбора? Где бы турки уже были теперь, когда бы в России не было воинов?..

Отрекитесь от сего мерзкого и гнусного злодея, от сего чудовища, рожденного на погибель человеческую, придите с покаянием в должное повиновение самому Богу, монархине и установленным от них властям... Правительством приказано приходящих с повиновением прощать и отпускать в дома...»⁶³.

Давненько же стали кормить наш народ обещаниями всяких поблажек и благ: одни сулили прощение за большие и малые провинности, другие — отмену рекрутчины и податей, третьи — свободу и светлое будущее... И все обманывали.

Отправляясь на поиски продовольствия, заговорщики взяли с собой десятка два надежных казаков. Пугачев приказал оседлать себе лошадь, да похуже, сберегая лучшую на случай, если придется бежать. Емельян Иванович не подозревал даже, что опасность подступила к нему совсем близко, по существу смотрела уже в глаза. Его окружали враги, преданные друг другу люди. Ни на одного из них он не мог положиться.

— Иван! Что задумали — выполняй! — распорядился Федульев.

Стоявший рядом с Пугачевым казак Бурнов схватил его за руки. Самозванец побледнел, неуверенным голосом сказал:

— Что вы задумали, на кого руки подымаете?

— Отдай-ка нам саблю... ножик... патронницу, — галдели казаки, — мы не хотим больше служить тебе, не хотим злодействовать, довольно и так прогневили Бога и государыню.

— Ой, ребята, меня вы погубите, но и себя не спасете — перевешают.

— Что до нас касается, то воля матушки нашей. Пусть всем нам головы срубят, только и тебе довольно уже разорять Россию, проливать человеческую кровь⁶⁴.

Пугачева посадили на лошадь. Один из казаков взял ее за повод, а остальные, окружив его со всех сторон, двинулись к переправе через Узень на яицкую сторону. На противоположном берегу Емельян Иванович подозвал к себе Творогова и упросил его отъехать в сторону, чтобы поговорить наедине.

— Иван! Что вы делаете, — начал он, — ты сам знаешь, кто на государя руку подымает, тому не будет прощения ни на этом, ни на том свете. Если не сам я, то сын мой и наследник Павел Петрович за меня отомстит вам. Подумайте хорошенько, не лучше ли оставить это дело.

Творогов первый пришел к мысли, что предводитель восставших никакой не государь, а самозванец, ибо грамоты не только немецкой — русской не знал, но, услыша такое, заколебаясь: а вдруг...

Какого ты рода-племени,

Царь ли ты или царский сын?

Иван долго ехал молча, борясь со своими сомнениями. Наконец решился, как отрезал:

— Нет уж, батюшка, не говори лучше, что задумали и положили сообща, тому и быть — отменить никак нельзя!

Пугачев оглянулся и, видя, что казаки несколько поостали, хлестнул свою лошадь.

— Прощай, Иван, оставайся! — и, свернув с дороги, хотел ускакать в степь.

— Ушел! Ушел! — испуганно закричал Творогов и кинулся в погоню.

Иван нагнал беглеца, хотел было схватить за ворот, но тот плетью ошпарил морду его лошади. Она отскочила в сторону сажен на десять. Он снова бросился догонять. И настиг-таки его, но Емельян Иванович повторил удачливый прием. Тем временем наперерез ему уже мчались казаки Железнов и Астраханкин. Понимая, что убежать не удастся, он спрыгнул на землю, рассчитывая укрыться в камышах. Преследователи тоже спешились. Завязалась борьба. Подоспевший Федульев помог задержать Пугачева.

— Как вы посмели поднять руки на своего императора, — тяжело дыша и бранясь, кричал Пугачев, — за это воздастся всем!

— Пусть воздастся, но ты нас больше не обманешь, — зло хрипел Творогов, связывая как-то сразу обмякшего пленника.

Пугачев горько заплакал, потом стал божиться, что не уйдет больше, просил развязать ему руки. Казаки согласились, посадили его на ту же самую клячу, которую совсем недавно он выбрал сам, и повезли дальше, отправив на форпосты и в Яицкий городок с известием, что самозванец арестован⁶⁵.

Может, потому и плакал Емельян Иванович, что позднее других осознал, сидя на кляче, нелепость своей роли? Ведь умный от природы был человек. Заинтересованных

зрителей уже не осталось, а он продолжал играть. Смешно и глупо. И оттого горько.

Переночевав на берегу небольшой речушки и отъехав от нее верст пятнадцать, остановились покормить лошадей. Заметив оплошность одного малолетка, положившего возле себя саблю и пистолет, Пугачев схватил их и устремился на Творогова и Чумакова.

— Вяжите старшин! — кричал он.

Казаки всполошились, повскакивали с мест.

— Кого вязать? — насмешливо переспросил Федульев, бесстрашно наступая на Пугачева.

— Тебя! — ответил тот, обложив смельчака выразительным мужицким матом.

Пугачев спустил курок — пистолет дал осечку.

— Братцы, не робейте! — подбадривал казаков Федульев.

Казаки окружили низложенного предводителя, размахивающего саблей. Бурнов ударил его в бок тупым концом копья. Чумаков кинулся на него сзади и схватил за руки. Пугачев был обезоружен, связан и посажен в телегу, на которой ехали его жена Софья и сын Трофим, неутешно рыдавшие вторые сутки. Емельяна Ивановича привезли в Яицкий городок и сдали под надзор тамошнему коменданту. Маршрут замкнулся 15 сентября 1774 года — роковым стечение обстоятельств.

— Что ты за человек? — спросил его капитан Савва Маврин.

— Донской казак Емельян Иванов Пугачев, — ответил арестованный самозванец, — согрешил я, окаянный, перед Богом и ее императорским величеством и заслужил все муки, какие на меня возложены будут, — и, помолчав, добавил, — снесу их терпеливо.

Я не царь и не царский сынок,

Я родом Емельян Пугач.

Спектакль кончился. Перемешалась в нем трагедия и комедия, драма и фарс. И неудивительно такое переплетение жанров — ведь продолжался он 365 дней, целый год! Занавес опустился. Петр Федорович ушел снова за кулисы истории. На сцене остался хорунжий из Зимовейской станции Емельян Иванович Пугачев, закованный в ручные и ножные кандалы. Свет померк. Но еще не погас...

14. А.Суворов, Е.Пугачев, П.Панин

Императрица приказала доставить Пугачева в Москву. Его посадили в клетку, установленную на телеге, и под усиленной охраной пехоты, казаков и двух орудий отправили сначала в Симбирск, где находился штаб графа Петра Ивановича Панина. Ежали днем и ночью, освещая путь факелами. Командовал конвоем генерал-поручик Александр Васильевич Суворов, прибывший к театру военных действий за две недели до пленения самозванца. Этот сюжет вдохновил Татьяну Назаренко на создание исторически достоверной картины, воспроизведенной в наши дни на страницах популярных молодежных журналов. Еще недавно такое соседство на одном полотне заступника народного и знаменитого полководца в роли душителя крестьянского восстания казалось просто невероятным. Не случайно же авторы школьных учебников и популярных книг о наших героях оставляли этот эпизод за пределами своего внимания, как будто правда двухсотлетней давности могла поразить цинизмом юные сердца, а лицемерие, возведенное в ранг государственной политики, воспитать активных строителей «светлого будущего». История их соединила на заключительном этапе кровавого пира и негоже историкам их разъединять. Художница поняла это раньше ученых. Между прочим, сам генералиссимус очень гордился тем, что на его долю выпал жребий внести вклад в дело «умиротворения» бунтующего края, причем не сладкими словами — силой оружия российского.

Генерал-поручик Суворов явился к графу Панину 24 августа. Приехал он «в одном только кафтане, на открытой почтовой телеге». И в тот же день тем же транспортом покатил дальше, чтобы ~~принять~~ начальство над ~~всеми передовыми~~ войсками, преследовавшими Пугачева. Добирался он без всякого конвоя по опасным тогда степным дорогам Поволжья. «Не стыдно ~~так~~ признаться, — говорил он, — что я ~~принимал~~ на себя иногда злодейское

имя», чтобы избежать плена. Получив от главнокомандующего широкие полномочия, он так и не успел ими воспользоваться. Основные силы мятежников были разгромлены солдатами полковника Ивана Михельсона, а самозванец, преданный своими сподвижниками, арестован.

Пугачев был доставлен в Симбирск вечером 1 октября. Утром следующего дня туда прибыл граф Панин. Не зная еще как, где и кем пойман самозванец, главнокомандующий тут же «с пролитием слез» поздравил Суворова от имени Ее Величества как «единого из главнейших пешников истребления сего проклятого сына». Это отнюдь не смутило Александра Васильевича, и он на глазах у многочисленной публики подобострастно шесть раз поцеловал руки и полы мундира Петра Ивановича. Известно: большим чудачком был будущий генералиссимус; может статься, и в тот раз потешал людей, кто знает? Бывало ведь и петухом кричал, махая при этом руками, как крыльями. Так что все могло быть. Кроме активного участия его в последних событиях, поскольку «приехал он, — как заметила Екатерина II, — по окончании драк и поимки злодея»⁶⁶.

Заподозрить императрицу в пристрастии невозможно: слишком высоко ценила она военный талант своего генерала.

В тот же день состоялась первая встреча Панина с Пугачевым, описанная Александром Сергеевичем Пушкиным.

— Кто ты таков? — спросил граф у самозванца.

— Емельян Иванов Пугачев, — ответил тот.

— Как же смел ты, вор, называться государем? — продолжал Панин.

— Я не ворон, — возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно, — я вороненок, а ворон-то еще летает.

«Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, — пишет А.С. Пушкин, — ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клоч бороды»⁶⁷.

Главнокомандующий любил похвастать тем, что самозванец в его руках. Приехал как-то в Симбирск лейб-гвардии поручик Гавриил Романович Державин, и Петр Иванович, не скрывая восхищения собой, спросил его:

— Видел ли ты, Гавриил Романович, Пугачева?

— Видел, ваше сиятельство, на коне под Петровском, — скорее с юмором, чем серьезно, ответил поэт, так как у этого города он, вроде бы, и не бывал, когда там правили бал мятежники.

— Иван Иванович, прикажи привести Емельку, — обратился старик к полковнику Михельсону, расплывшись в жирной ухмылке.

Оказалось, что Пугачев на своих двоих — совсем не то, что на коне. Отведав за строптивость ирава силу увесистых кулаков могучего графа и лишившись клока бороды, вырванного вместе с кожей его цепкими руками, он «из своего гордого вида тотчас низвергся в порабощение» и стал просить прощения. В широком крестьянском тулупе, с тяжелыми оковами на ногах Емельян Иванович предстал перед поэтом Державиным эдаким ничтожным деревенским мужичком, неспособным даже мухи обидеть. Войдя в приемную главнокомандующего, он тут же пал на колени и перекрестился.

— Здоров ли, Емелька? — спросил Панин.

— Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство.

— Надейся на милосердие государыни.

— Я слуга добрый и заслужить прощение ее величества всячески в состоянии⁶².

Показывал граф важного узника и другим приезжим, нередко разыгрывая перед ними сцены, достойные пера Дениса Ивановича Фонвизина. К сожалению, знаменитому комедиографу не довелось побывать в приемной графа. Другие же свидетели не обладали необходимым для того литературным дарованием.

Панин не спешил с отправкой самозванца в Москву. Надо было все продумать до мелочей, расставить на пути следования солдат, заготовить на почтовых станциях лошадей, а их требовалось немало. Постепенно Емельян Иванович оправился от шока, вызванного предательством сподвижников, арестом, побоями. Даже сидя на цепи, он позволял себе подтрунивать над своими тюремщиками. 25 октября зашел в камеру к нему Иван Иванович Михельсон и спросил:

— Знаешь ли ты меня?

— А кто ты такой? — поинтересовался узник.

— Я Михельсон, — ответил полковник.

«На сей отзыв Пугачев ни одного слова не сказал, — вспоминал позднее сенатор П.С.Рунич, — но побледнел и как будто встрепенулся, нагнул голову. Михельсон, постояв с минуту, оборотился и пошел к двери»⁶⁹.

Состояние поверженного вождя понять нетрудно: перед ним оказался тот самый Михельсон, который прилип к нему, как банный лист, еще под Оренбургом и не отставал уже до самого последнего боя у Сальникова Завода, где и разнес его мужиков в пух и прах, правда, потому только, что «не на то место определил пушки Чумаков». Однако справился с волнением Емельян Иванович и громко крикнул вслед уходящему:

— Господин полковник! Хочу попросить у тебя одну шубу, много ты их у меня отобрал. Моя-то, видишь, совсем износилась.

Позднее, когда зрителей собралось побольше, Пугачев не упустил случая еще раз позабавиться над Михельсоном:

— Где бы этому немцу меня разбить, если бы не проклятый Чумаков был тому причиной⁷⁰.

На другой день Пугачева повезли в Москву. Одновременно с ним в столицу доставили Афанасия Перфильева, Максима Шигаева, Ивана Почиталина, Тимофея Мясникова, Ивана Зарубина (Чику) и многих других его верных товарищей.

15. Конец Пугачева

Началось следствие. И неизвестно, сколько бы оно продолжалось, не будь у ее величества Екатерины Алексеевны помощников изобретательных, настоящих поэтов в деле дознания. Один из них С.Щецковский — омерзительнейший тип славной российской истории. Императрица ценила его за «особливый дар с простыми людьми до точности доводить труд-

нейшие разбирательства». У него и мертвый мог заговорить, все вспомнить. Он производил следствие в комнате, уставленной иконами и во время стонов и раздирающих душу криков читал акафист сладчайшему Иисусу — тонкий, набожный был человек обер-секретарь Тайной экспедиции Сената.

Пугачев сразу признался, ради чего он затеял свою авантюру, приказывал жечь на кострах, рубить на куски, сдирать с живых людей кожу; отдавал на поругание женщин и непорочных девиц:

— Не думал к правлению быть и владеть всем Российским царством, а шел на то в надежде пожитьяся, если удастся, чем убитому быть на войне*.

Держался Емельян Иванович стойко, хотя ежедневные в течение двух месяцев допросы с пристрастием изнурили его. Возникло даже опасение, что умрет и тем самым избежит заслуженного наказания.

Что Пугачев «стал хуже, то натурально, — успокаивал Ее Величество московский губернатор М.Н. Волконский, — однако же при всем том он не всегда уныл, случается, что и смеется»⁷¹.

В перерывах между допросами выставляли Емельяна Ивановича на обозрение и осмеяние. Но и в этих условиях он находил в себе силы острить. Престарелый писатель и государственный деятель Иван Иванович Дмитриев рассказывал Александру Сергеевичу Пушкину, что москвичи «между обедом и вечером заезжали на него поглядеть, подхватить от него какое-нибудь слово, которое спешили потом развозить по городу». Однажды протиснулся сквозь толпу зевак некий уродливый, безносый симбирский дворянин и начал бранить закованного арестанта. Пугачев, посмотрев на него, сказал:

— Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал⁷².

В последний день декабря в Кремлевском дворце собрались члены судебного присутствия, приглашенные. Со всеми мерами предосторожности привели самозванца, вве-

* Брикнер А. Г. История Екатерины II. Спб., 1885. С. 239, 240

ли его в зал заседаний и поставили на колени. Председательствующий генерал-прокурор А.А.Вяземский стал задавать вопросы. Пугачев отвечал на них, не упорствуя. Признал себя виновным, покался перед Богом, Ее Императорским Величеством, «всем христианским родом». На этом разбирательство дела закончилось. Осталось вынести приговор...

Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойного мученья вечно!

Стихотворец Александр Сумароков мучился, искал и не находил соответствующего его злодеяниям наказания. И судьи долго спорили, состязаясь в жестокости. Наконец решили: Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела развести по районам города и там сжечь.

Судьбу вождя должен был разделить Афанасий Перфильев. Другим его сподвижникам выпало отсечение головы, повешение, истязание кнутом с последующим вырыванием ноздрей, клеймением, высылкой на каторгу или на вечное поселение в Сибирь.

Небывалое со времен Петра Великого предстояло увидеть позорище! И к нему готовились как к празднику торжества справедливости. На московском Болоте загодя сработали эшафот с баллюстрадой. По сторонам от него поставили три виселицы. Отвели места для построения войск и размещения знитной публики. К утру 10 января 1775 года все было готово...

Стужа была лютая. Деревья покрылись колючим инеем, застыли, замерли в неподвижности. В звенящей, морозной, предрассветной тишине хрустел под ногами, скрипел под полозьями снег. Люди спешили на Болото: кто пешком, кто в санях, кто в каретах. Четырнадцатилетний Ванечка Дмитриев, запахнутый в тулупчик, подпоясанный кушачком, смотрел на эту красоту, запоминал увиденное — прочно, надолго, навсегда. Приехали. Остановились. Осмотрелись. Сказка кончилась.

Ванечка рос, мужал, старился. Александр Сергеевич Пушкин в пору работы над «Историей Пугачева» нашел его действительным тайным советником и знаменитым

писателем, давно закончившим свои воспоминания о пережитом, которые так и не решился предать гласности. Однако поэту доверился, кое-что рассказал и даже позволил сделать выписки из «Взгляда на мою жизнь»...

Вокруг эшафота примерзали пехотные полки, рядом с которыми стояли командиры и офицеры в шубах с поднятыми воротниками, повязанными шарфами. На «помосте лобного места увидел» Ванечка первый раз в жизни «исполнителей казни», палачей, зябнувших в ожидании дела, и вострепнулся от отвращения. «Все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет»⁷³.

Вдруг толпа заколыхалась, зашумела, закричала:

— Везут! Везут! Везут!

Показалась процессия. Впереди вышагивали кирасиры. За ними лошади тянули огромные сани, окруженные всадниками, в которых спиной к вознице сидел Пугачев. Напротив него — священник в черной ризе с крестом и чиновник Тайной экспедиции. Емельян Иванович был без шапки, в длинном белом тулупе. В руках он держал толстые горящие свечи, расплавленный воск от которых стекал ему на пальцы. Был он «смугл и бледен, глаза его сверкали». Наш юный зритель, стоявший вместе с братом в толпе, «не заметил в чертах его лица ничего свирепого» — обычный был человек⁷⁴.

Рядом с Пугачевым стоял Перфильев. Вот он показался мальчику суровым, мрачным, злым — «свиреповидным», одним словом. За санями плелись, гремя кандалами, другие осужденные. Процессия остановилась у лестницы, ведущей на эшафот. Пугачев и Перфильев поднялись по ступеням на возвышение. Отстучали дробь и замерли барабанщики. Выгнулись и застыли в каре солдаты. Один из чиновников начал читать приговор:

— Объявляется во всенародное известие...

Когда он назвал имя осужденного и станицу, в которой тот родился, восседавший на лошади обер-полицмейстер Москвы Николай Петрович Архаров спросил:

— Ты ли донской казак Емелька Пугачев?

— Так, государь, я казак Зимовейской станицы, Емелька Пугачев, — ответил он громко.

«Вид и образ его показался мне совсем несоответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг, — отметил Андрей Тимофеевич Болотов, — он походил не столько на звероподобного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь вид ничего не значущий»⁷⁵.

Афанасий Перфильев стоял все это время молча, неподвижно, потупя взгляд в землю. В памяти мемуаристов он остался человеком немалого роста, сутулым, рябым.

Чиновник Тайной экспедиции Сената дочитал приговор. Протоиерей Архангельского собора Петр Алексеев благословил осужденных и ушел с эшафота. Емельян Иванович, повернувшись к куполам ближайшего божьего храма, перекрестился несколько раз, потом стал торопливо прощаться с собравшимися на Болоте людьми, кланяясь на все стороны и повторяя срывающимся голосом:

— Прости, народ православный, отпусти мне, в чем согрубил я перед тобою. Прости, народ православный! Прости...

«Палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаны. Он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе», поднятая за волосы ловким мастером заплечных дел⁷⁶.

«Это происшествие так врезалось в память» нашего юного свидетеля казни, что и полстолетия спустя он сумел описать ее «с возможной верностью» и тем заслужить одобрение такого требовательного исследователя, каким был Александр Сергеевич Пушкин. «Хроника моя, — писал поэт Ивану Ивановичу Дмитриеву после выхода в свет «Истории Пугачева», — обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями»⁷⁷.

И я надеюсь на то же.

Отгулял, отбуйствовал, отзлобствовал самозванный крестьянский царь. Мятая душа его отлетела от грешного тела. Свет погас. Кончился эпилог спектакля, стоившего России неисчислимых жертв.

Емельян, ты наш родной батюшка!

На кого ты нас покинул?...

16. Последние штрихи к портрету

Каков же все-таки он, крестьянский царь Емелька, заставивший содрогнуться в страхе дворянскую Российскую империю? Можно ли поставить его в один ряд с «нашими великими предками»?

Пугачев — «отменно проворный» казак, в семнадцать лет обративший на себя внимание начальства и за храбрость получивший младший офицерский чин хорунжего, бесспорно, имел основание рассчитывать на успех и стремился уже в юности «быть отличным».

Пугачев — вор, умыкнувший у соседа лошадь и бежавший от наказания сначала за Кубань, в турецкие владения, а потом в Польшу, с которыми Россия находилась тогда в состоянии войны. Выходит, изменил Родине. И, кажется, получил от ее врагов «кое-какие денежные средства», необходимые для приобретения первых сподвижников.

Пугачев — тонкий психолог, осознающий рабскую преданность мужиков законному государю, принимающий на себя имя императора Петра Федоровича, заслуживающего, по представлению сердобольных русских людей, сочувствия и поддержки уже потому, что обижен, свергнут с престола. А за что, понятно: желал добра простому народу.

Пугачев — умный, даже талантливый от природы человек, хорошо понимающий нужды народа, обещающий ему золотые горы и реки, полные вина, и тем увлекающий его на дорогу, освещенную заревом пожарниц, отмеченную разгулом насилий, грабежей, убийств, обрушившихся лавиной не только на помещиков — на всех, кто не хотел признавать в нем «самодержавного амператора».

Пугачев — блестящий актер-импровизатор, способный перевоплотиться по ходу сценического действия, без труда пустить слезу ради вящей убедительности создаваемого образа.

Пугачев — бесстрашный авантюрист, действующий не столько из любви и сострадания к угнетенным, сколько из желания «быть отличным» и ради достижения своих честолюбивых замыслов ввергающий в кровавую бойню десятки тысяч обездоленных, темных, доверчивых людей — «всякой сволочи», по его же определению.

Пугачев — патологически жестокий человек, уголовный преступник, призывающий своих подручных вешать, жечь на кострах, рубить на куски, сдирать с живых людей кожу, отдавать на поругание «жен и девиц» на глазах не только мужей и отцов, но и детей — сыновей и младших братьев; герой, кровью вписавший свое имя в российскую историю; вождь, ославленный дворянскими поэтами и прославленный народом не как самозванец — как заступник сирых и бедных.

Пугачев — безответственный отец и муж, предающий своих голодных детей и жену; распутный, похотливый хам, бесчестящий чужих невест.

Нет, портрет Пугачева не напишешь в одном, только розовом цвете, не получится, документы не то, что протестуют — вопиют.

Можно ли поставить Пугачева на одну ступень с «нашими великими предками»? В общем-то, вопрос этот в известной степени риторический, ибо сама Судьба нашла ему место рядом с, бесспорно, выдающимся современником — Александром Васильевичем Суворовым. Правда, поставила их по разные стороны клетки. Так что с какой стороны не посмотри, а все-таки тянет наш герой больше на злодея из народа, деяния которого вряд ли можно отнести к самым лучшим страницам истории Отечества.

Наивными кажутся попытки авторов некоторых книг и сценаристов представить его апостолом, думающим только о том, как бы помочь обездоленным людям, мучительно переживающим из-за того, что вынужден действовать от имени покойного государя Петра Федоровича, а нака-

нине казни сожалеющим, что «преуспеть не сумел в затеянном». И уж совсем смешно, если не глупо, изображать Емельяна-царя эдаким нежным влюбленным в Устинью Кузнецову, шестнадцатилетнюю девушку, обреченную им на медленную смерть в одной камере с Софьей Дмитриевной и ее детьми. В общем, юноше, обдумывающему житье, он вряд ли может служить примером.

Конечно, Пугачев обещал крестьянам волю, а рабочим людям облегчение «от отягощения в заводской работе» и тем выражал объективно интересы трудящихся. Иначе не пошли бы за ним. Но пошли и шли, пока верили или «хотели верить», что он случайно избежавший смерти Петр III. А «хотели верить», пока он «рожу свою от них отворачивал». Стояло донским казакам присмотреться, убедиться, что ведет народ никакой не царь, а самозванец — стали разбегаться. Опасался Емельян Иванович разоблачения. Не мог он сокрушаться из-за того, что выдавал себя за покойного государя. Преувеличивали степень зрелости дремучего предводителя его просвещенные потомки, обремененные званиями писателей и ученых, вооруженных «самой передовой методологией».

А вообще-то не так уж и важно, кто поднимает угнетенных на борьбу и какие он ставит перед собой задачи. Народ всегда прав, если с него дерут три шкуры и уж тем более прав, если пытаются содрать десять.

Восстание, слава Богу, потерпело поражение. Даже временный успех крестьянского «ампиратора» обернулся бы для России падением в пропасть, из которой она не скоро смогла бы выбраться. Однако «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», заставил думать о путях развития Отечества. Попытка решить стоявшие проблемы без участия масс — совершить «революцию сверху» — через пятьдесят лет кончилась крахом на Сенатской площади, но породила надежду...

Россия вспрянет ото сна!

Поколению А.С.Пушкина не суждено было дожить до осуществления мечты. Летаргия затянулась почти на столетие. Ретроспективный взгляд на пробуждение народа с высоты исторического опыта, но как бы глазами поколе-

ния декабристов, вызвал невеселые мысли у поэта Юрия Яшенцева:

Россия вспрынет ото сна.
Но отличит ли Салтычиху
от Салтыкова-Щедрина?

Россия вспрыла. И не отличила. Закружилось «красное колесо», набрало обороты сразу, вовлекло в круговерть социальных страстей миллионы, переломало кости и судьбы отдельных людей, классов и целых народов. Сын пошел на отца, брат на брата. Кровь полилась потоками. Захлебнулись в ней и победители, и побежденные. Великая держава полетела в бездну. Остановится ли? Соберет ли воедино свои земли, розданные «ампираторами» новейшего времени «младшим братьям»: кому по случаю юбилея, кому в процессе решения национального вопроса — щедро, по-ленински.

17. Последствия бунта

Опыт крестьянской войны показал, что казаки готовы служить царю и отечеству, но не самозванцу. Однако преданность престолу не избавила их от нажима самодержавия. В 1775 году на Дону было учреждено гражданское правительство, осуществлявшее функции управления на своей территории на основании общих законов Российской империи под руководством «главнокомандующего Донского Войска князя Потемкина». Власть атамана ограничивалась лишь «военной частью», а сам он назначался и утверждался высочайшим указом. Урезались права Круга.

Вместе с тем императрица поняла, что в отношениях с казачеством нельзя полагаться только на власть силы, но следует самой царской службе казаков придать необходимые авторитет и рекламу. С этой целью Г.А.Потемкин вменил в обязанность донской войсковой канцелярии выбрать «порядочного поведения, самых лучших видом и ростом шестьдесят пять человек» и отправить их в столицу «для употребления при высочайшем дворе». При этом

казакам внушалось, что они удостоились столь высокой чести «в знак ревности и усердия всего войска». Первая такая команда прибыла в Петербург вскоре после казни Пугачева. В последующем через каждые два года на воспитание в духе преданности монархии отправлялась очередная партия посланцев Дона.

Вслед за войнами двинулись безусые юнцы. В конце лета 1776 года донская канцелярия отправила шесть казачьих детей обучаться в Московский университет и одного в Харьковский коллегиум. Семь молодых людей — капля в море, но все-таки...

«Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения может породить только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы», — так Екатерина Романовна Дашкова убеждала Дени Дидро и аргументировала защиту рабства крестьян в России.

Известно, что Екатерина II понимала это не хуже своей знаменитой тетки и потому, быть может, решила поставить просвещение на службу монархии. Понятно: просвещение не всего народа — избранных, благородных и именитых людей. Такая мысль могла зародиться лишь в «просвещенный век».

Таким образом, в условиях разложения феодально-крепостнической системы правительство стремилось использовать весь арсенал средств для укрепления своей власти: и пушки и просвещение. Не помогло.

Имена Разина, Булавина, Пугачева не удалось вытравить из памяти народной ни пушками, ни мерами идейного воздействия. Их помнили, о них слагали легенды, в сознании народа они приобрели былинную славу. Больше того, всего через два десятилетия после последней крестьянской войны в народных сказаниях и песнях появились новые герои — Фока Сухоруков и Иван Рубцов, возглавившие в 1792 году движение против переселения донских казаков на Кубанскую линию.

Да и представители дворянства не выдержали испытания просвещением. Начав на исходе XVIII века с увлечения просветительством и перейдя затем к пропаганде рес-

публиканских идей, они закончили 14 декабря 1825 года восстанием на Сенатской площади столицы. Там, у памятника Петру I, они разошлись с властью.

Первое поколение просвещенных казаков еще не принесло неприятностей правительству, но второе оказалось прочными узами связанным с идеями декабристов. Третьему отделению императорской канцелярии пришлось серьезно подумать, чтобы найти подходящее место Василию Дмитриевичу Сухорукову и его товарищам по новочеркасскому Литературному обществу.

ГЛАВА 4

Полковник свиты Павла I и его братья

1. Экскурсия

Однажды с группой студентов-историков я отправился на экскурсию в Старочеркасск. Собрались на набережной у речного вокзала. Моросило. Порывистый восточный ветер срывал с деревьев уже пожелтевшие листья и бросал их на мокрый асфальт. Скоростные теплоходы закончили навигацию. К причалу подошла обшарпанная «Москва», заказанная нами на тот воскресный день. Молодые люди штурмом взяли никем не обороняемую посудину. Спустились в салон. Запели...

Слева по борту увидели стелу, воздвигнутую на берегу, в память о казаках, погибших во время «азовского сидения», гражданской и Великой Отечественной войн. Впереди показались купола Воскресенского собора и колокольня. Наш тихоход пришвартовался наконец к пристани. Студенты высыпали на лужайку. Встретил нас научный сотрудник заповедника, недавний выпускник исторического факультета Ростовского университета. Он провел нас по выставочным залам, рассказывая о картинах бывшего Тихого Дона, ответил на вопросы, поведал о планах на будущее.

В конце экскурсии прошлись по тихим улочкам древней столицы казаков и как-то незаметно оказались на войсковом кладбище. Здесь к нам присоединился старик, перешагнувший уже, как оказалось, восьмидесятилетний рубеж. Перед нашими глазами предстало полное запустение:

покосившиеся кресты на могилах донских воинов, плиты с эпитафиями заросли быльем и кустарником, надписи на них угадывались с большим трудом, а порой и вовсе не читались. Остановились у небольшого провала в земле, пытаюсь понять его происхождение. Тут наши размышления о суетности жизни прервал старый казак, до сих пор молча сопровождавший нас.

— На этом месте, — сказал он, — был когда-то склеп Грузиновых.

Конечно, бродя по Старочеркасску, я ни на минуту не забывал о героях своего будущего повествования, но слова казака прозвучали столь неожиданно, что я растерялся.

— Каких Грузиновых, отец?! — вырвалось у меня.

— Да кто ж их знает. Склеп-то заброшенный был. От него и осталась эта яма...

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу.
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...

Господи, да неужели это о нас, о русских, написал такие проникновенные строки Александр Сергеевич Пушкин?!

2. Тридцать лет спустя

Закончилось третье десятилетие царствования Екатерины Великой. Наследник престола Павел Петрович за это время дважды вступал в брак, произвел на свет немало детей и написал «Рассуждение о государстве», в котором вполне обнаружил желание поменять титул В ы с о ч е с т в о на куда более желанный В е л и ч е с т в о. Однако царица-мать не спешила передавать сыну бразды правления империей, и великому князю пришлось ждать.

Получив авансом еще в юные младенческие лета за подвиг ожидания звание генерал-адмирала и чуть более

двух тысяч солдат под свое командование, возмужавший цесаревич продолжал пугать окрестных крестьян пальбой из пушек и между тем создавать в Гатчине модель полицейского абсолютизма. Однажды он обнаружил, что для этого ему не хватает казачьих войск. Екатерина позволила сыну заполнить недостающее звено. В мае 1793 года с Дона была вызвана особая команда, вошедшая в состав «гатчинских войск». Повел ее на берега Невы премьер-майор Петр Иванович Иловайский. Под его началом отправились сыновья старшины Грузинова: Евграф и Роман, к которым позднее присоединились их братья Петр и Афанасий.

Столь необычная фамилия молодых казаков — свидетельство их национального происхождения. По семейному преданию, родоначальником этой династии на Дону был некий князь Роман Намчевадзе, который «пользовался особенною милостью у одного из грузинских или абхазских владетелей». Но, будучи противником восточной ориентации своего покровителя, он задумал передать свою многострадальную родину под защиту «Российской империи, тогда возвеличенной Петром». Заговор провалился, и князь спас свою голову от плахи побегом за пределы Грузии.

Роман Намчевадзе в конце 20-х годов осел на Дону, женился на казачке Катламиной и имел от нее сыновей Осипа, Михаила, Илью и дочь Анну. Приглушенный столетием отголосок этого предания можно услышать в стихах ныне забытого поэта и писателя середины прошлого века Иосифа Романовича Грузинова, товарища М.Ю.Лермонтова по Благородному пансиону. Вот незатейливые строки, имеющие отношение к Роману Намчевадзе:

Мой дед пришел из-за Кавказа,

Он полюбил широкий Дон.

В былые дни там без заказа

Селился люд со всех сторон.

Старший сын Романа Намчевадзе Осип «отличался умом, энергичностью и образованием, знал языки русский, грузинский, турецкий и их грамоты», несколько лет служил писарем и дьяком в войсковой канцелярии, бывал в заграничных походах и по делам казачества в Москве и

Петербурге, состоял начальником по сыску беглых крестьян, производил следствие над участниками народных волнений и, пользуясь «репутацией человека солидного и добросовестного», ушел в отставку с чином войскового старшины и владельцем семи крепостных душ. Он-то и был отцом Евграфа и Петра Грузиновых, которым суждено было сделать завидную карьеру, поразить современников трагедией последнего дня своей жизни, стать героями произведений научной и художественной литературы и загадать немало загадок исследователям нашего времени.

3. Павловская Гатчина и ее обитатели

Войсковой старшина Осип Грузинов мог быть доволен своими детьми: за десять лет они добились того, на что ему потребовалось тридцать. К тому же теперь им предстояло служить самому наследнику престола. Думал: сыновья идут по пути к счастью, а оказалось — к смерти.

21 мая 1793 года рано пробудившийся Черкасск провожал молодых казаков в Петербург. Дорога дальняя, ответственность большая. Войсковой атаман Алексей Иванович Иловайский произнес приличную для момента речь, наказав брату Петру, шедшему во главе команды, сообщать о всех превратностях движения. Родители убеждали своих молодцов не поддаваться соблазнам столичной жизни. И Осип Грузинов не был исключением.

— Будьте храбры и честны всегда, — мог сказать он своим сыновьям Евграфу и Роману, как говорили другие, управляя детей на службу, — тогда и в счастье и в несчастье приму вас в дом и все с вами разделю, а в противном случае — не пушу и во двор и с поношением от одного прогону.

Надо думать, и сыновья заверили отца, что в точности исполнят свой долг. Потом, поцеловав старика, проглотив с усилием застрявший в горле комок, ушли из родного дома. Скоро исчезли за горизонтом купола войскового собора и колокольня. Впереди расстилалась бескрайняя, по-

4. ПОЛКОВНИК СВЯТЫ ПЛАВА I и ЕГО БРАТЯ

весеннему зеленой степь, поlyingающая у дороги лазоревыми цветами.

Двигались медленно. Опасаясь изнурить лошадей, устраивали большие привалы. Первое сообщение в Черкасск отправили 11 июня «из лагеря при речке Глубокой у хутора Тарасовки». Еще через неделю миновали станицу Казанскую. 16 июля были в Калуге. И лишь 26 августа прибыли в деревню Кузьминскую, Софийского округа. Там пока и остановились. На следующий день Петр Иловайский отправил на Дон рапорт и испросил в нем повелений у брата-атамана. Однако от Алексея Ивановича судьба казаков этой команды уже не зависела. В Петербурге начальство было поважнее.

Прошла первая петербургская зима. Весной часть полка Иловайского отправилась в поход в Латвию. Остальные двести восемьдесят казаков поступили в распоряжение президента Военной коллегии Н.И.Салтыкова. В июне 1794 года из них был сформирован особый эскадрон, вошедший в состав «гатчинских войск» великого князя Павла Петровича. Командиром его был назначен Евграф Грузинов. Ему были подчинены пять младших офицеров, в том числе брат Роман, и пятьдесят семь рядовых.

В Гатчину въезжали со стороны Петербурга через большие каменные ворота по замечательно исправной дороге, с обеих сторон которой стояли, как часовые, раскидистые деревья. Показался дворец с двумя примыкающими к нему башнями. Перед ним простирался обширный луг. Река Ижора, протекающая через парк, и несколько родников наполняли множество водоемов, каналов, больших и малых искусственных озер, в которых плавали форели и стерляди. Все это великолепие не могло не поразить воображения казаков.

Гатчина поражала не только красотой дворца, парка и павильонов. Там все было необычно, начиная от полосатого маламбаума при въезде во владения Павла Петровича, кончая внешним видом воинства, облаченного в мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы. Этот плац-маскарад включал еще усы и косы. Офицеры «павловской команды» в большинстве своем

были людьми грубыми, совсем необразованными, бродягами, выгнанными за разные провинности из армии, которым нередко придавали охоту к службе палкой. Такой коллективный портрет командиров гатчинского гарнизона написали современники¹.

Самым ярким представителем гатчинского типа был, конечно, будущий основатель военных поселений Алексей Андреевич Аракчеев. Впалые серые глаза, смотревшие из-под нависшего лба, широкий нос с угловатыми вздутыми ноздрями, большой рот и мясистые уши на огромной голове, венчавшей длинную, сутулую фигуру, придавали ему поразительное сходство с «обезьяной в мундире». Впечатлительный Н.А.Саблуков вспоминал на склоне лет:

— Все выражение его лица представляло странную смесь ужаса и злости. Он был страшилищем для всех живущих в Гатчине².

Первым наставником Павла Петровича в тактике являлся бывший вахтмистр армии Фридриха II Федор Линденер. Он знал практику, крепко сидел на коне, может быть, в свое время хорошо владел саблею, но был таким же невеждой, как прочие его сослуживцы, с той лишь разницей, что был невеждою прусским. Один из гатчинцев, наделенный острым, даже злым языком, охарактеризовал его так:

— Пошлая личность, надутая самолюбием, выдвинутая минутной прихотью великого князя³.

Из этой среды вышли также «сумасшедший Федька», что в переводе с языка Екатерины II означает — Федор Васильевич Ростопчин; Иван Кутайсов, которого даже весьма невзыскательный современник называл «разбойником с большой дороги»...⁴ Однако довольно. Портретная галерея гатчинского двора поистине неисчислима.

И все-таки Гатчина — не Черкасск: от нее — рукой подать до Петербурга. А в столице в это время тайком поговаривали о запретной книге Александра Радищева, о самом авторе, толковали о событиях в революционной Франции.

А что же Евграф Грузинов? Чем определялся его внутренний мир? Замыкался ли он в кругу служебных отношений или стремился вырваться за пределы гатчинского шлагбаума?

Документы не дают ответа на эти вопросы. Скорее всего, оказавшись в обстановке и атмосфере весьма своеобразной и в окружении людей в определенном смысле оригинальных, он некоторое время должен был наблюдать за всем со стороны. Постоянные смотры и маневры, строгая регламентация службы вряд ли давали возможность поддерживать связи вне гарнизона.

Почему же обязательно вне гарнизона? Может быть, имеет смысл поискать эти связи в самой Гатчине? Современники, кажется, несколько сгустили краски, давая обобщенную характеристику окружению Павла Петровича. Среди его офицеров встречались, правда, в виде исключения, люди иного образа мыслей и действия. Один из них — Андрей Семенович Кологривов, начальник гатчинской кавалерии, в состав которой входил и казачий эскадрон Евграфа Грузинова. Этот представитель старинного дворянского рода, любимец наследника престола был дядей двух декабристов. А его сын, Михаил, снискал себе

славу «ненавистника тиранов». Биограф младшего Кологривова считал даже, что вольнодумство юноши могло развиться прежде всего под влиянием отца⁵.

Здесь никак нельзя пройти мимо авторитетного свидетельства девятнадцатилетнего корнета Александра Грибоедова, обычно скупого на лесть и щедрого на иронию. Вот что писал он в победном 1814 году об Андрее Семеновиче, к которому был определен в адъютанты: «Ручаюсь, что в Европе немного начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего»⁶.

Будущего писателя поддержал хорошо осведомленный историк М.Н. Лонгинов, заставший еще многих младших современников генерала: «Кологривов имел удивительную способность привязывать к себе подчиненных, особенно молодежь»⁷.

А несколько позднее академик А.Н. Веселовский даже утверждал, что «этот гуманный и образованный генерал был популярен среди молодых офицеров, дом его всегда был открыт для них»⁸.

Так, может быть, эти характеристики — широкий кругозор, общительность, внимание к подчиненным — были свойственны только генералу Кологривову, а лет пятнадцать-двадцать назад он ничем не отличался от типичного гатчинца? Дадим слово не очень доброжелательному современнику, участнику событий 11 марта 1801 года, приведших к свержению и убийству Павла I:

«Полковник Кологривов, добродушный гусар, недурной фрунтовики, замечательный главным образом потому, что у него была очень красивая жена, не слишком жестокая к своим многочисленным поклонникам. Она заставляла своего мужа держать для этих господ весьма веселый дом»⁹.

В полковниках Андрей Семенович ходил еще в период командования гатчинской кавалерией. Выходит, уже тогда в его доме бывали молодые офицеры. И трудно даже предположить, что Евыграф Грузинов стоял вне общения со своим добродушным начальником. Я даже склонен считать, что именно здесь он приобрел знакомства и приобщился к чтению и собиранию книг, о чем пойдет речь далее.

4. Храбрый майор Грузинов и другие казаки

В 1792 году между Россией и Пруссией был подписан союзный договор, секретная статья которого предусматривала совместную борьбу против Польши, стремившейся к укреплению своего государственного строя. Поэтому русские войска под командованием генерал-аншефа Михаила Васильевича Каховского с берегов Дуная, где только что отгремела война с Турцией, были переброшены на берега Вислы. В авангарде их шли донские полки Василия Орлова, Ивана Грекова, Алексея Иловайского, Никиты Астахова, Петра и Андриана Денисовых.

В 1793 году был осуществлен второй раздел Речи Посполитой, по которому Пруссия получила значительную часть Великой Польши, Гдиньск и Торунь, а Россия — Киевскую, Волынскую и Минскую губернии. В присоединенных к империи землях было сформировано 15 полков из поляков, желающих служить в вооруженных силах Ее Величества. Командующим всеми приграничными войсками Екатерина Вторая назначила престарелого фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского.

Союзники оккупировали Польшу и расположили свои войска в окрестностях ее столицы. М.И.Кутузов, находившийся там с весны до конца лета 1792 года, строго следил за тем, чтобы русские военные не обижали местное население. Приказом по армии он разрешил отпускать в Варшаву только таких офицеров, «за поведение и тихость коих господа полковые командиры отвечать могут»¹⁰.

Казаки, как обычно, несли аванпостную службу. Они установили дружеские отношения с тамошними обывателями, которые, выбрав «депутатов из лучших особ», отправили их к чрезвычайному и полномочному послу Екатерины II в Варшаве Иосифу Андреевичу Игельстрому «благодарить его за спокойных квартирантов». Донские офицеры в это время вели вполне светскую жизнь. Они часто бывали в городе, участвовали «в больших вечерних собра-

ниях у главнокомандующего и польских вельмож», посещали театр, восторженно аплодировали героям патристической пьесы Войцеха Богуславского «Генрих VI на охоте», танцевали, влюблялись в столичных красавиц, играли в карты, обменивались новостями, в общем, «учились щеголять», как выразился на склоне лет Андриан Карпович Денисов¹¹.

Установился мир и ничто, казалось, не предвещало внезапного взрыва. А между тем Польша, униженная вторым разделом, жила мечтой о независимости и готовилась к восстанию. Разразилось оно неожиданно и застало врасплох русские войска и их беспечного командующего. Возглавил восстание энергичный генерал Тадеуш Костюшко, имевший большой боевой опыт, полученный в войне за независимость Северо-Американских штатов.

Руководители восстания обратились с воззванием к русским, рассчитывая привлечь их к совместной борьбе против «варварского правления» Екатерины II¹². Однако условия для такого союза тогда еще не созрели, хотя сочувствующих полякам в империи было немало, в том числе и среди военных, особенно среди солдат. Неразлучный спутник генерала Костюшко поэт и публицист Юлиан Урсин Немцевич писал даже о том, что один казачий офицер во время окружения Варшавы перешел на сторону повстанцев¹³. Все мои попытки отыскать в архивах Москвы, Петербурга и Ростова следы этого человека не увенчались успехом. И, кажется, не случайно: не было меж донцов — участников той войны отступников от присяги. Думаю, мемуарист поведал нам через столетия не об известном ему факте, а о слухах, доведенных до абсурда людской фантазией. Рискну предположить, что эти слухи были связаны с именем молодого майора Петра Осиповича Грузинова, уже известного читателю.

В 1874 году журнал «Русская старина» опубликовал «Записки» Андриана Карповича Денисова. В этих бесхитростных воспоминаниях ветерана многих кампаний несколько страниц посвящены «храброму майору Грузинову». Он действительно предстает перед читателем воином, впитавшим в себя лучшие черты офицера суворовской выучки:

4. ПОЛКОВНИК СВИДЫ ПАВЛА I и ЕГО БРАТЯ

смекалку, инициативу, смелость, неудержимую отвагу. Его послужной список буквально пестрит записями: «поступал мужественно», «употреблялся с командою в самых нужных местах», «исполнял возлагаемые на него должности исправно»...¹⁴. Далее следует перечень городов и местечек, в сражениях под которыми он принимал участие.

Денисов не назвал имени «храброго майора Грузинова». Биографы братьев, не удержавшись от соблазна нарисовать образ старшего из них красками поярче, нарекли его Евграфом. А это был Петр, произведенный в названный чин 1 января 1794 года...

6 апреля 1794 года под пасхальный колокольный звон костелов поднялась на борьбу Варшава. В первую же ночь русские потеряли четыре тысячи человек убитыми и пленными, но сумели вырваться из города и организовать отступление под прикрытием арьергарда из казаков отдельного корпуса генерал-майора Федора Петровича Денисова. Через неделю восстание перекинулось в Литву. Начальник виленского гарнизона Николай Дмитриевич Арсеньев был арестован на балу.

Неудачи русских в Варшаве и Вильне вызвали переполох и во вновь присоединенных губерниях. Польские полки, стоявшие в районе Белой Церкви, забыв о присяге, данной Екатерине II, решили пробиваться на родину, чтобы соединиться с повстанцами. П.А.Румянцев призвал А.В.Суворова и поручил ему разоружить ляхов, чтобы потом «сделать сильный отворот» и двинуться на помощь другим корпусам, присоединяя к себе все попутные отряды. В авангарде знаменитого полководца шли испытанные под Кинбурном казаки Ивана Ивановича Исаева.

Остатки варшавского гарнизона и отдельный казачий корпус генерал-майора Денисова, отбиваясь малыми силами от авангардных частей повстанческой армии, отступали к прусской границе. 29 апреля они столкнулись с поляками под Полонцом, где премьер-майор Петр Грузинов «с небольшой командой отразил неприятельские намерения, прогнал оного, довольно положил на месте и двадцать человек взял в плен»¹⁵.

Постепенно русские отошли от шока, вызванного психической резней, сконцентрировали свои силы и перешли к активным действиям. Первое серьезное сражение произошло под Шескоцинами, где военное счастье отвернулось от поляков.

В ту ночь, как и прежде, казаки стерегли покой своей армии, выставив пикеты вокруг лагеря. Полк Андриана Карповича Денисова почти в полном составе расположился там, где остановился. Утром 25 мая прискакала дозорный и сообщил, что неприятель, преследуя команду охранения, одной колонной скорым маршем приближается к месту стоянки русских войск. Вот как наш мемуарист описал развитие этих событий:

«Я приказал храброму майору Грузинову взять охотников и скрыться в стороне, в лесок, и сжали неприятельские передовые его проскочут, чтоб храбро в них ударил; сам же я поскакал к тем, которых гнали, и направил отступить к притоволенной засаде. Неприятель, видя малое число наших, без обороны уходящих, гнался без всякой осторожности. Майор Грузинов, вылетев из лесу, ударил с боляшой отважностью в бок; бегущие спереди опрокинули неприятеля; при этом многих убили, до двадцати человек взяли в плен и отступили перед их армией»¹⁶.

Послужной список премьер-майора Грузинова, подтверждая воспоминания ветерана, свидетельствует о том, что наш герой «при ударе с левого фланга на неприятельскую колонну первый врубился в середину оной и тем подал пример подчиненным»¹⁷.

Этим, однако, дело не кончилось. Поляки остановились, усилили арьергард кавалерией и, уже не нападая на русских, двинулись по дороге, ведущей через лес. А Андриан Денисов со своим полком пустился в обход его, увлекая за собой подоспевших на помощь казаков премьер-майоров Ивана Янова и Николая Иловайского. После нескольких минут бешеной скачки они вырвались на простор, рассыпались по полю зеленоющей ржи и стали ожидать неприятеля, который, как видно, теперь не спешил.

Поляки вышли из леса и расположились фронтом в ордер-батальни. Вскоре от основных сил армии отделился отряд кавалерии численностью не более четырехсот человек и, пройдя версты полторы вперед, остановился.

Подполковник Денисов молча смотрел в трехверстную даль, где о чем-то совещались польские наездники. К нему подъехал красный Иловайский, легко спрыгнул с лошади, поздоровался, спросил:

— О чем думаете, Андриан Карпович?

— О чем думаю? Пыгаюсь понять, почему вы, господин премьер-майор, позволяете себе опаздывать, — и отвернулся от молодого офицера.

— Виноват, Андриан Карпович, генерал Рахманов не скоро опустил.

Денисов знал Николая Михайловича Рахманова еще со времен совместной борьбы против мятежного «пророка» Мансура как командира Воронежского пехотного полка и человека болезненного и осторожного. Он недолюбливал его, но осуждать не стал.

— Понятно, — протянул Денисов и замолчал. — А о чем я думаю, угадай.

— Неплохо бы, Андриан Карпович, разбить этих удалцов, — ответил на предложение подполковника Иловайский.

— Да, хорошо бы. А еще лучше — малым числом. И чтобы вся неприятельская армия стала зрительницей нашего подвига! — чеканя каждое слово, говорил Денисов.

— Я готов, господин подполковник. Дайте мне сотни полторы казаков, и ляки никогда уже не осмелятся столь отважно на нас наступать.

— Благодарю тебя, премьер-майор, за ревность к службе и геройский дух! — И тут же распорядился выделить ему охотников из полков Василия Орлова и Ивана Янова.

«А как полки те были вместе и готовы, то в момент сия команда составила», — вспоминал лет тридцать спустя Андриан Карпович, диктуя историю своей жизни полуграмотному писарю.

Премьер-майор Иловайский четко определил общую задачу, развернул свою команду лавой и, взяв в руки дронтик воскликнул:

— Любезные друзья, вперед!

Двинулись «прямо на неприятеля шагом». Иловайский «на удалом коне впереди» казаков¹⁸.

При чтении «Записок» А.К.Денисова не покидает чувство, что минувшие десятилетия лишь закрепили в памяти старика картину того весеннего дня, когда он был молод и счастлив. А впереди была целая жизнь и слава. Вспоминая события того дня, он откровенно любит свои герои и гордится собой.

Неприятельская кавалерия изготовилась к бою, обнажила палаши. «Иловайский подошел на ружейный выстрел, пустился рысью и ударил с такою храбростью, что в минуту опрокинул всех и... ретировался, гоня перед собой человек пятьдесят пленных, да убитыми оставил на месте... столько же»¹⁹.

Все это произошло не только на виду всего польского войска, но и на глазах десятка прусских офицеров, прибывших с сообщением о приближении их армии во главе с самим королем Фридрихом-Вильгельмом II.

Вся польская кавалерия двинулась против казаков. Последние не стали испытывать судьбу и спокойно отошли, не сделав ни единого выстрела. Неприятель, пройдя версты три, остановился и повернул назад. Последний луч солнца погас за стеной леса, возвестив о конце напряженного дня.

На рассвете следующего дня подошли войска прусского короля и соединились с русскими. Его встречал генерал-майор Федор Петрович Денисов, дядя Андриана Карповича. После непродолжительного отдыха союзники пошли в атаку: первые на правом, вторые на левом фланге. «Слетелись, остановились в такой дистанции, что лишь саблями не могли рубиться, но наши скоро ободрились, пустились вперед... Польские войска в беспорядке бежали» и укрылись в ближайшем лесу²⁰.

Поражение было столь впечатляющим, что до А.В.Суворова, наступавшего на Варшаву со стороны Бреста, до-

шли даже слухи о «несчастном» Костюшко, который будто бы был «с небольшим числом своих окружен в тамошних лесах»²¹.

Слухи оказались неверными. Генерал Костюшко после поражения под Щекоцинами сумел сохранить свои основные силы и продолжить борьбу.

Только через две недели после сражения казаки оставили свой лагерь под Щекоцинами и двинулись на Варшаву. Маршрут наших героев проходил по живописной лесистой местности через селение со столь же красивым названием Липовое Поле, где закрепились до полутора тысяч человек пехоты с шестью пушками и около четырехсот кавалеристов под командованием полковника Добики. Силы отряда А.К.Денисова были в три раза меньше.

15 июля поляки, узнав о наступлении казаков, бросились бежать. Командующий корпусом приказал подполковнику А.К.Денисову обойти неприятеля, остановить и непременно разбить его неожиданным ударом в голову колонны. Задача эта была не из простых, поскольку донские воины чувствовали себя в лесу очень неуверенно.

Андриан Карпович снова призвал «храброго майора Грузинова» и поручил ему и его испытанной команде догнать неприятеля и непрерывной стрельбой указывать остальным направление поиска. Сам же с отрядом пустился напролом через лес. Скоро звуки выстрелов вывели его на поляков, которые собрались на просторной поляне и изготавились к отражению атаки.

И грянул бой. Он был жарким. Поляки дрались с отчаянием обреченных, их противники — с озлоблением. Под Денисовым пала смертельно раненная лошадь. Погибли три донских офицера и несколько рядовых. Но казакам удалось-таки врезаться в центр неприятельских сил, разорвать их ряды и приступить к истреблению врага. Более семисот человек сдались в плен, в том числе полковник Добики, отловленный позднее. Остальные были безжалостно перебиты. Кавалерия бежала еще до начала схватки.

Если верить послужному списку, то главную роль в достижении победы в бою под Липовым Полем сыграл премьер-майор Петр Грузинов и его команда. «Он первый

ударил в неприязельскую пехоту, из стрелков составленную, и врезался в середину оной так, что всю положил на месте и отбил одну пушку»²².

Сведения для послужного списка Петра Грузинова мог дать только подполковник А.К.Денисов. А ему нельзя не верить.

Кавалерии догнать не удалось. Зато результатом ее преследования явился провиант, изъятый на глазах отступающего противника из магазина в одной из польских деревень и отправленный к армии на четырехстах подводках, отобранных у окрестных крестьян. Однако вернемся к главному герою этого очерка.

Петр Грузинов... Удивительный был человек. Свой боевой путь он начал в пятнадцать лет. К двадцати трем годам за плечами оставил Кубань с дикими атаками против восставших черкесов, известную своей жесткостью «очаковскую зиму», сражения при Ларге и Сагче, осаду Бендер и штурм Измаила, участие в генеральной биталии на Мачине... И везде он среди добровольцев и в самом пекле событий. Но вот один эпизод выпал из официальной хроники его военной биографии. Зато был описан в мемуарах А.К.Денисова.

20 июля 1794 года лошадь подполковника Денисова, раненного в левую руку, перестала повиноваться и понесла своего седока в самую гущу врагов. Андриан Карпович признавался позднее:

«Я сильно испужался, так что видящие предметы едва мог различать; слышал какой-то шум, ружейные выстрелы и даже свист пуль. Очнувшись, увидел себя среди неприятельского кара, решился сдаться и уже вынимал правую ногу из стремени, дабы соскочить с лошади, полагая, что пешего не будут рубить...»²³.

Все последующее произошло как во сне:

«Храбрый полка моего майор Грузинов, прискакав с полком на место сражения и не найдя меня, берет человек двадцать казаков, скачет к неприятелю, видит в отдельной части польских войск какое-то непонятное ему движение, полагает, что я там терплю бедствие, летит, несмотря на малое число с ним находящихся казаков, прямо на непри-

ятеля. Поляки, как думать надо, сделали интервал в одном из фасов каре, презирая горсть несущихся на них казаков. Грузинов, угадав, что я в середине каре, закричал:

— Батюшка! Не бойся! Мы здесь!

Казак подхватили этот крик и, повторяя его, летели ко мне во все ноги...

Я оглянулся в ту сторону, откуда слышались эти крики и... круто поворотил мою лошадь, дал ей шпоры, полетел... В тот момент, когда я выскочил из каре, поляки осыпали нас пулями, но, видимо, Всевышнему было так угодно, что никто из казаков и ни одна даже лошадь не были ранены...

За спасение меня, при всяком воспоминании о сем, благодарить Грузинова по гроб не перестану»²⁴.

Андрей Карлович слово сдержал, ибо «Записки» свои диктовал лет через тридцать после казни «храброго майора Грузинова», когда до гроба осталось не более десяти лет.

Под натиском русских и прусских войск армия Тадеуша Костюшко и корпус Юзефа Зайончика отступали к Варшаве. Там союзники встретили упорное сопротивление повстанцев. Под стенами польской столицы Петр Грузинов узнал о движении своих земляков под предводительством Фокки Сухорукова и Ивана Рубцова против переселения донских казаков на Кубанскую линию. Мне ничего неизвестно об отношении премьер-майора к этому выступлению. Известно лишь то, что разговор об этом был и отложился в памяти отважного офицера. Не исключено, что возник он под впечатлением самоотверженной борьбы народа, защищавшего свою свободу и независимость.

В сентябре Фридрих-Вильгельм II оставил союзников, перебросив свои войска в новые владения Пруссии, окваченные восстанием. Отошли от Варшавы и русские.

3 сентября казачий авангард Ивана Исаева с ходу атаковал поляков у Дивина, куда к вечеру привел свои войска А.В.Суворов. Около полуночи он приказал выступить на Кобрин. Полководец спешил на соединение с армией генерала Ивана Евстафьевича фон Ферзена.

Генерал Ферзен, стоявший во главе русской армии, отступившей от Варшавы, воспользовавшись густым туманом

ном, перешел Вислу. Тадеуш Костюшко решил разгромить его прежде, чем тот успеет соединиться с войсками Суворова. Местом сражения он избрал окрестности деревни Мацеёвицы.

Деревня Мацеёвицы расположилась в ложине, по выходе из леса; недалеко от нее — плоская возвышенность, покрытая полями и кустарником; большой двухэтажный дом красиво смотрелся со стороны Вислы. Прямо перед ним — спуск, ведущий к плотине, усаженный ивами, справа — небольшая река; остальная часть равнины была покрыта топкими болотами. Эта позиция казалась полякам превосходной²⁵.

28 сентября 1794 года Костюшко соединился с остатками корпуса Сераковского, разбитого Суворовым, и двинулся на Мацеёвицы. Через семь часов трудного марша поляки вышли из леса у Кoryтницы и остановились против правого фланга русской армии. Перед ними предстала картина, описанная впечатлительным Юлианом Немцевичем:

«Мы увидели лагерь, занимающий... пространство, которое едва можно было окинуть взором. Лучи заходящего солнца отражались на ружьях густых рядов пехоты; ржание лошадей и рокот всей массы войск наполняли воздух смутным и глухим гулом, в котором слышалось что-то грозное»²⁶.

Предчувствие не обмануло секретаря генерала Костюшко.

Первое столкновение с казачьими сторожевыми постами произошло сразу же. И те, и другие понесли потери. Но уже через час перестрелка прекратилась. Пленные показали, что поляки расположились на позиции «при замке Мацеёвицком, дабы поставить» корпусу генерала Ферзена «преграду к соединению с войсками, вверенными Суворову»²⁷.

И.Е.Ферзен решил сорвать замысел неприятеля. На рассвете 29 сентября русские открыли стрельбу из орудий. «Их огромные ядра, пробиваясь сквозь кустарник, ломая с ужасающим треском ветви и вершины деревьев, — вспоминал Немцевич, — падали среди нас»²⁸. Под прикрытием губительного огня двинулись в атаку казаки генерал-май-

ора Ф. П. Денисова. Вынужденные идти по болоту, они увязали на каждом шагу. И все-таки вышли на сушу. Темерь в дело вступила польская артиллерия. Донцы уже готовы были повернуть назад. Но тут на помощь им подоспели два батальона киевских гренадеров и смоленских драгун. От плотины устремились на штурм замка курские мушкетеры. На левом фланге двинулись в наступление войска под командованием А. П. Тормасова, а на правом пришли в движение полки Н. М. Рахманова. Резерв армии отрезал путь отступления противнику с тыла²⁹.

«Кавалерия наша, — рапортовал генерал И. Е. Ферзен главнокомандующему князю Н. В. Репнину, — действовала в сем сражении отлично, врубилась в неприятельские колонны и, рассеяв их, преследовала так, что спастись никто не мог»³⁰. Почти все погибли.

Петр Грузинов в этом сражении, как обычно, был «впереди с охотниками, много раз прогонял неприятеля с чувствительным поражением и тем расстраивал его намерения». И в этот день он отбил пушку³¹.

Костюшко, потерпевший жесточайшее поражение, предпринял попытку спастись бегством и устремился по дороге, отделенной с обеих сторон от полей изгородью. Генерала сопровождали офицеры штаба. Несколько казаков, заметивших торопливых всадников и «по изрядству лошадей» угадавших в них господ, у которых могли быть «деньги и богатые вещи», бросились в погоню, рассчитывая поживиться³².

Нагнали. Двух его спутников убили сразу. Третий сам свалился с лошади и притворился мертвым. Костюшко бросился в болото. Казак достал его дротиком и три раза ранил в спину выше поясицы, требуя выйти к нему. Генерал подчинился.

Кзаки вывели Костюшко «из болота и зачали обирать; а он и сам подал им кошелек с небольшим числом червонных и часы». Невесть откуда взятый вахмистр ударил его по голове палашом, отчего несчастный упал, казалось, замертво. Тот поляк, что притворился мертвым, вскочил и отчаянно закричал:

— Не убивайте его, это Костюшко!

«Все от сего испугались, и воякист усакала первый; казакн сдлакали то же»³³.

Если эту сцену Андриан Карпович описал со слов очевидцев, опрошенных им тогда же, то все дальнейшее происходило на его глазах.

Денисов не сразу узнал Костюшко, хотя видал его раньше, в мирное время. Помог гравированный портрет генерала.

«Он был жив, но столь бледен, что более на мертвеца походил: голова была вся в крови, ноги без сапог, одет в кафтан со многими вязанными пуговицами, в атласном жилете и панталонах».

Подполковник приказал положить раненого на казачьи плащи и укрыть ими же. Через некоторое время ему стало лучше, «и он проглянул».

— Не хотите ли чего, генерал? — спросил Андриан Карпович.

Костюшко отрицательно покачал головой.

— Я знаю вас, и великому человеку готов оказать всяческую помощь.

— Я тоже вас знаю. Вы — Денисов.

Андриан Карпович пытался продолжить разговор, но Костюшко не поддержал. И через тридцать лет старик простодушно сокрушался, что не только награды, но и благодарности «за сие дело» от начальства не получил. Утешал героя лишь пистолет, вынутый из кармана едва живого пленника. Интересно, кого утешили сапоги?

Казакн смастерили носилки и раненого Костюшко доставили в дом, который несколько часов назад служил ему главной квартирой. Там уже находились другие высокие пленники: Иосиф Серажовский, Михаил Каминский, Юлиан Немцевич... Они «не могли удержаться от слез, увидев себя соединенными общим несчастьем»³⁴.

Здесь же собрались русские генералы Алексей Иванович Хрущев, Александр Петрович Торماسов, Федор Петрович Денисов, Василий Васильевич Энгельгардт... «Поспешность, с коєю они старались оправдаться в том, что они не варвары, показывала, как сильно упрекала их в том собственная совесть. Они не были таковыми по отноше-

4. ПОЛКОВНИК СВЯТЫ ЯВЛА I и ЕГО БРАТЯ

нию к нам. Нельзя быть злым, когда чувствуешь себя счастливым, а они были счастливы. Они вышли победителями из упорного, жестокого сражения»³⁵.

Особенно отличились в этом сражении казацкие полки корпуса Федора Петровича Денисова, нанесшие противнику решающий удар.

А.В.Суворов — О.М.Рибасу

«Милостивый Государь мой Осип Михайлович. Поспешаю уведомить Ваше Превосходительство о наизнаменитой победе, одержанной Генерал-Майором Денисовым с его отдельною частию войск над главным бунтовщиком Костюшкою в 29 день сентября при замке Мушковском на правой стороне Вислы. Неприятель, бывший в 9000 с 22-мя пушками, упорно сражался 7-мь часов, но потерпел совершенную гибель, и сам Костюшко в тяжельх ранах с генералами Каминским и Сераковским и всего артиллериею доставлен в наши руки. Превываю в прочем с совершенным почтением и преданностью...

Граф Александр Суворов-Рымницкий.

Октябрь 4-го дня 1794 года. Бржегестр»³⁶.

До польской столицы оставалось всего 20 миль. Между тем к Варшаве подошли и войска А.В.Суворова. Всем предстояло овладеть ее укрепленным предместьем Прагой. Командовать штурмом должен был герой Измаила, который до сих пор находился в тени.

Накануне штурма солдатам зачитали приказ Суворова:

«... В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать. Кого из нас убьют — царство небесное, живым — слава! слава! слава!»

Прага была взята.

А что же Петр Грузинов? Конечно, отличился. В тот день, 24 октября 1794 года, он не ограничился захватом одной пушки — отбил целую батарею, за что был награжден Георгиевским крестом четвертой степени и вторым за годы службы золотым знаком Военного ордена³⁷.

После падения Праги Петр Грузинов в составе своего полка принимал участие в разгроме польской конницы на косе между Вислой и ее болотистым притоком, где он с порученной ему командой «многих противников поразил»³⁸.

Через два дня капитулировала Варшава. Польшу еще раз поделили на части между Россией, Пруссией и Австрией. Костюшко под усиленным конвоем доставили в Петербург.

5. «Войскового старшину Грузинова именовать майором»

Евграф Грузинов ходил тогда еще в есаулах. Когда началась война России с восставшей Польшей, он «при добром распоряжении командовал с особливым своим усердием и расторопностью» оставшимися в Гатчине казаками. При этом «ревность его в службе и добропорядочное поведение» побудили генерал-поручика Петра Долгорукова обратиться 12 января 1795 года в Военную коллегию с ходатайством о награждении есаула Грузинова «в воздаяние его служения и в поощрение другим войсковым старшиною»³⁹.

Командир эскадрона был вызван в Петербург. Его принял президент Военной коллегии Николай Иванович Салтыков. Это был человек небольшого роста, с желтым лицом, очень живыми лукавыми глазами. Взяв со стола бумагу, он довольно звонким голосом начал читать:

«Донского войска полковой есаул Евграф Грузинов произведен мною сего числа в войсковые старшины, в котором чине надлежащим образом признавать его и почитать...»⁴⁰.

Протягивая бумагу, фельдмаршал договорил:

— Чего ради и сей открытый лист за моим подписанием вручаю вам, господин войсковой старшина. Старайтесь, Грузинов, старайтесь. За Богом молитва, за Ее Величеством служба не пропадет.

Поблагодарив старика, Евграф Осипович оставил большой президентский кабинет, сбежал по широкой лестнице и вышел на осеннюю улицу.

31 января 1796 года великий князь повелел «войскового старшину Грузинова не именовать сим званием, а именовать майором»⁴¹.

6. Звездный час гатчинцев

Прошло тридцать четыре года. Не стало матушки Екатерины Алексеевны. Заблудшее счастье добрело наконец до гатчинских болот. Наступил «краткий, но жестокостью незабвенный» период царствования Павла I. Он взошел на престол с державным скипетром в одной руке и с указом о создании лейб-гвардии гусарско-казацкого полка, подписанного через несколько часов после смерти императрицы, — в другой. Евграф Грузинов, произведенный в подполковники, получил при этом в командование два казачьих эскадрона: один своего имени, другой — имени Его Величества. Начальником над ним по-прежнему оставался Андрей Кологривов.

В начале декабря казаки принимали участие в церемонии перенесения останков Петра III из Александро-Невской лавры к месту захоронения русских царей и в обряде погребения Екатерины II. При этом Павел I, по свидетельству австрийского посланника, заявил: «Мать моя, взойдя на престол, призванная желанием народа, не имела времени отдать моему отцу последний долг; я считаю своим долгом заменить ее»⁴².

«В день погребения Петра и Екатерины Алексей Орлов должен был идти во главе процессии и нести на золотой парчовой подушке корону своей жертвы. Его видели выступающим вперед с горделивой непринужденностью; он не дрогнул перед испытанием. Император со сверкающими от гнева глазами, вся в слезах императрица, великие князья, двор, армия следовали пешком за погребальным шествием в сильный холод. Грандиозное мрачное представление продолжалось весь день», — вспоминал Адам Чарторыйский⁴³.

Венценосные супруги соединились под сводами Петропавловского собора.

Едва закончился иллюзион воскрешения событий почти тридцатилетней давности, призванный напомнить вельможам покойной императрицы о преступлении прошлого,

как начались вполне реальные волнения крестьян в Ладожском уезде. Причем они приобрели такой размах, что местные власти оказались не в состоянии справиться с ними собственными силами. Для восстановления порядка туда спешно был отправлен подполковник Грузинов со своими эскадронами. Под его началом состояли сто казаков, шесть офицеров и музыкант — трубач.

Первый месяц 1797 года подполковник Грузинов провел на берегу суровой Ладоги. Погода в ту зиму была неустойчивой. Морозы сменялись оттепелями. Снег почти сошел. Потом похолодало. А под самое Крещение началась страшная метель. В середине января поля снова обнажились. Вода не уходила в промерзшую до того землю и разлилась по ее поверхности, снесла мосты и мельницы. «Опасались, чтоб не сделалось вреда хлебам... Давно такого зла не было!» — записал в дневнике А. Болотов⁴⁴.

В Петербурге в это время готовились к коронации. 25 января в связи с этим последовал высочайший приказ: «Завтрашнего числа, в десятом часу, быть готовому артиллерийскому батальону и выступить в Москву; послезавтра — лейб-гусарскому и лейб-казацкому полкам — в том же часу, оставляя из лейб-гусар число, нужное для конвоя Его Величества, и в лейб-казацком полку ту команду, которая в командировке...»⁴⁵.

В упомянутой командировке как раз и находился отряд Грузинова, и по возвращении из Ладожского уезда он должен был сопровождать Павла I при следовании его на коронацию в древнюю столицу России. По-видимому, с заданием справился.

В Петербурге Евграф Осипович стал не просто подполковником гвардии, а и помещиком Московской и Тамбовской губерний, собственником тысячи душ крепостных крестьян и десяти тысяч десятин земли, пожалованной ему 15 января 1797 года «в вечное и потомственное владение» «в воздаяние усердия» к императору и «рвения к службе» царской⁴⁶.

«15 марта. Их Величества отбыли из Петербурга. Их путешествие в Москву продлится пять дней...

28 марта. Торжественный въезд Их Императорских Величеств в Москву. Порядок шествия: лейб-казаки, лейб-гусары, экипажи московских вельмож, молодые дворяне верхом, придворные чины, конная гвардия, кавалергарды... Император и великие князья — верхом... Императрица с великими княжнами — в карете... Шествие тянулось от Петровского дворца до Кремля и продолжалось от часа дня до пяти часов вечера. Холод в этот день был очень чувствителен⁴⁷.

В дни коронационных торжеств Евграф Грузинов был произведен в полковники и на глазах у всей гвардии, выстроенной вдоль Никольской улицы, получил только что учрежденные ордена Анны второй и третьей степени.

Император не обошел вниманием и братьев Евграфа Осиповича.

Роман Грузинов, пришедший в резиденцию наследника вместе со старшим братом, в это время был уже ротмистром. Ему выпала деревенька Лесной Тамбов со всеми ее ревизскими душами⁴⁸.

Петру Грузинову крестьян не полагалось — не служил в Гатчине. Но все же и его не обделили, сделали подполковником⁴⁹.

Афанасий Грузинов находился тогда в Кавказской армии Валериана Зубова. Он прибудет в Петербург «по требованию господина генерал-майора, барона Аракчеса» лишь в конце октября 1797 года и будет произведен «Его Императорским Величеством в корнеты с определением в лейб-казачий эскадрон»⁵⁰.

***

В исторической литературе утвердилось мнение, что Евграф Грузинов сделал блестящую карьеру благодаря исключительной близости к Павлу Петровичу, сначала наследнику, а затем хозяину российского престола. Историки утверждали, что он будто бы не только «исполнял секретные поручения цесаревича», но даже спал в его кабинете. Высшие же сановники, вступившие в заговор с целью

свержения и убийства законного государя, оклеветали его, ибо видели в нем серьезное препятствие своим намерениям. Все авторы без исключения (по традиции, идущей от Алексея Карасева) в доказательство ссылались на две записки наследника престола от 23 и 30 января 1796 года, опубликованные Аракчеевым, которому они и были адресованы. Вот их содержание:

П е р в а я: «Возвращаю вам Грузинова рапорт. Прошу узнать, что слышно о сих движениях войск, даже, что и врут, а при том, где и как долго стоять будут»⁵¹.

В т о р а я: «Здесь приобщаю обратно письмо Грузинова. Я весьма доволен точностью и расторопностью его и его донесениями. Пошлите сию записку к нему в оригинале, чтобы он ее прочел и видел мое удовольствие»⁵².

Свидетельствует ли «удовольствие» великого князя, если оно предназначалось Евграфу Грузинову, о близости между ними? Думается, что нет. По характеру выражения эмоций даже последняя записка представляется сдержанной. Цесаревич привычно соблюдает дистанцию, обращается к нему не непосредственно, а через гатчинского губернатора Аракчеева, не благодарит его, а скорее поощряет. Так что говорить о каких-то доверительных отношениях между ними, пожалуй, нет оснований. По утверждению современников, Павел Петрович никогда не испытывал чувства привязанности не только к близким ко двору подданным, но и к собственным детям. Евграф Грузинов не составлял исключения. Он не то что не спал в его кабинете, но во дворе-то бывал до зачисления в свиту лишь по вызову генерал-адъютантов.

Был ли названный в записках Павла Петровича Грузинов тем самым Евграфом Осиповичем, который привлекал внимание исследователей прежде и который теперь интересует меня?

В день ареста у Евграфа Осиповича были отобраны разного рода бумаги, в том числе высочайшие рескрипты, указы и грамоты, письма разных высокопоставленных особ, книги... Все это хранилось в его походном сундучке даже в беспокойные месяцы царской службы и опалы. Среди них нет лишь записок великого князя от 23 и 30 января 1796

года. Невозможно представить, чтобы услужливый и преданный Аракчеев не выполнил распоряжения своего повелителя и не отправил их по назначению. Отправил, конечно. Но не Евграфу, находившемуся здесь же, в Гатчине, а его брату, Афанасию Осиповичу, бывшему сначала в Польше, а потом «командированному волонтером в Персию». Командовавший там войсками В.А.Зубов произвел юного сотника 4 января 1796 года «за усердие к службе в есаулы»⁵³. Он-то имел куда больше возможностей информировать наследника престола «о сих движениях войск» во главе с братом последнего фаворита Екатерины II. А Павел Петрович не терпел любимцев матери, всех наказал, придя к власти.

* * *

Казачи и гусары возвратились в Петербург осенью и сразу были отправлены в новый поход на границу с Финляндией «для содержания кордонной стражи». С начала октября потянулись однообразные дни почти полного бездействия в заснеженных северных лесах.

Итак, Евграф Грузинов молод — двадцать семь лет; красив, по мнению современников, «писанный»; знатен — полковник и кавалер; богат — хозяин двух волостей в Московской и Тамбовской губерниях. О чем можно еще мечтать? Может быть, и в самом деле он был отмечен особым расположением императора? Отнюдь нет.

После смерти Екатерины II наступил «звездный час» для всех гатчинцев. Чины и награды посыпались на них, как из рога изобилия. Безусловно, казачий офицер, еще недавно ходивший в старшинах, за каких-то полгода высоко поднялся по ступеням служебной и социальной лестницы. Но что значит его продвижение по сравнению с карьерой, скажем, Кологривова. Тот в течение полутора месяцев шагнул из подполковников в генерал-майоры и получил в командование только что сформированный лейб-гвардии гусарско-казачий полк, не говоря уж о стреми-

тельном звете «гатчинского капрала» Аракчеева или царского брাদобрца Кутайсова. Что же касается пожалования Грузинову крестьян, то он получил их в строгом соответствии с той нормой, какую определял державный правитель для всех подполковников своей команды — тысячу душ, не больше и не меньше.

А как сам Евграф Грузинов воспринимал обрушившийся на него поток милостей царя? «Высокомонаршине милости принадлежат мне по заслугам!» — заявил он позднее протонерю Петру Волошеневскому⁵⁴. Однако важно выяснить реакцию полковника на высочайшие щедроты в момент их излияния. Это поможет ответить на вопрос, было ли его падение случайным или оно обуславливалось характером его отношения к действительности...

Московская казенная палата получила указ о пожаловании Грузинову крестьян 26 января 1797 года, а Тамбовская — на десять дней позже. В июне из названных губерний поступили первые сообщения в Сенат, что он для вступления во владение крепостными «как сам не явился, так и поверенного не прислал». Через полмесяца последовало напоминание, которое также не возымело действия. Затем по распоряжению петербургского военного губернатора полиция было вменено в обязанность объявить полковнику с подпиской о необходимости принять в управление свои имения. И это не помогло. Наконец, незадачливого помещика предупредили с нескрываемым раздражением, что из-за него «остается без выполнения именное высочайшее повеление»⁵⁵. Одного этого было достаточно, чтобы угодить в крепость.

Пока все обошлось. Павел I, по-видимому, еще не зная о нежелании Евграфа Грузинова принять царский подарок. 7 августа 1797 года он произвел бывшего гатчинца в командоры Мальтийского ордена и выделил под его начало несколько «состоящих в Петербургской губернии селений»⁵⁶.

Полагаю, что поведение Грузинова можно расценить как вызов системе, поощряющей человека за безупречную службу правом господства над другими людьми.

7. Конфликт

9 аступил новый, 1798 год. Павел I подписал указ о создании из подчиненных Евграфу Грузинову эскадронов самостоятельного лейб-гвардии казачьего полка и о назначении его командиром екатерининского генерала Федора Петровича Денисова, будущего графа.

Федор Петрович был боевым генералом, участником всех военных кампаний второй половины XVIII века, отмеченным многими русскими и иностранными орденами. После смерти Алексея Ивановича Иловайского он должен был стать войсковым атаманом, но неожиданно для всех отказался от столь высокой должности в пользу своего зятя Василия Орлова. Пока «черный народ» допивал в Черкасках «шипротвы вина и меду» за здоровье очередного вождя, Денисов был зачислен в свиту царя и жил в ожидании высочайшей грамоты о возведении его в «степень знатнейшего графского преимущества». В это время и последовало назначение его командиром лейб-гвардии казачьего полка. Впрочем, начальствование престарелого генерала было лишь номинальным, поскольку в действительности полком командовал (за постоянным отсутствием Денисова) Алексей Петрович Орлов, брат нового войскового атамана.

Евграф Грузинов сразу пошел на конфликт с командиром полка. Некоторый свет на отношения между ними проливают документы, хранящиеся в центральных архивах Москвы и Петербурга...

Город святого Петра. Исследовательские пути-дороги привели меня несколько лет назад в «огромный дом на берегу Невы», воспетый Н.А. Некрасовым в поэме «Русские женщины». Это бывший дворец графов Лавалей, в котором укрылся от своих товарищей ранним утром 14 декабря 1825 года диктатор восстания Трубецкой. Немыми свидетелями тех событий до сих пор лежат перед порогом львы, высеченные из красного гранита. Вошел

внутри, поднялся по широкой мраморной лестнице, открыл большую белую дверь в великолепный зал. Здесь в молодые годы кружился в танце блестящий гвардейский полковник, герой двенадцатого года и заграничных походов, князь Сергей со своей юной невестой, ставшей потом женой, Каташей.

Сегодня в этом доме размещается Центральный государственный исторический архив России. У дежурной по читальному залу получаю дело «О неуплате командующим лейб-казацким эскадром полковником Грузиновым денег за фураж, взятый у жителей Шлиссельбургского уезда». Листаю, читаю, сопоставляю...

В марте 1798 года Евграф Грузинов был отправлен в Шлиссельбургский уезд «для поимки разного звания беглых». Получив шесть тысяч рублей для закупки фуража и продовольствия «по таким ценам, по каким отыскать можно», он наотрез отказался заниматься делами материального обеспечения своего эскадрона, вследствие чего «лошади девять суток овса не получали и от того пришли в изнурение». Попытка воздействовать на упрямого офицера вызвала бурную реакцию: раздраженный полковник приказал передать через присланного курьера, «что ежели бы он получил еще пять указов от провиантской комиссии и столько же повелений генерала Денисова», то и тогда не стал бы этого делать. И шлиссельбургский исправник Степан Федоров вместо того, чтобы только «чинить пособие» эскадронному начальнику, взял на себя заботу о заготовке сена в имении бригадирши Натальи Дубянской, но денег для расчета с помещицей не получил. В результате последовала целая серия представлений: петербургскому гражданскому губернатору Ивану Гривенсу, генерал-провиантмейстеру Петру Оболяянову, инспектору кавалерии Петру Палену. Последний потребовал от Грузинова объяснений о вышеописанном «упущении и непристойных отзывах к команде» командира полка Денисова и, не получив в течение двух недель ответа, написал 16 апреля «всепоподданнейшее донесение»⁵⁷.

Не слепая ли зависть мелкого честолюбца руководила тогда действиями Евграфа Грузинова? Ведь многие вете-

раны гатчинского гарнизона — Аракчеев, Ростопчин, Кушелев, Кологривов и другие — уже по году отходили в генералах. Теперь, казалось, подошла его очередь. Но, увы, генералом он не стал и командиром полка тоже.

Нет, полковник не был карьеристом. Мог ли человек, бросивший вызов самому Павлу I нежеланием принять пожалованных им крестьян, рассчитывать на благосклонность императора? Вряд ли. Думается, что его реакция была выражением протеста против попыток превратить армию в полицейскую силу самодержавия. Это вызывало недовольство многих кадровых военных.

«Вам, может быть, известно, что генерал князь Репнин отправился из Петербурга с тремя гвардейскими батальонами в Новгородскую губернию для усмирения взбунтовавшихся там помещичьих крестьян, — писал М.М.Философов С.А.Тучкову, — стыдно... еще стыднее старым и заслуженным генералам»⁵⁸.

Значит, об этом говорили в столичных военных кругах. Стыдно воевать с мужиками, особенно стыдно тем, кто покрыл себя славой под знаменами Суворова в минувших сражениях с турками. Всем стыдно. Но лишь один молодой полковник Грузинов отказался, правда, не объяснив мотивов своего поведения ни Денисову, ни Обольянинову, ни даже Палену. Перед императором же молчать было нельзя.

18 апреля Павел I узнал о конфликте и запиской, отправленной с фельдгегерем, потребовал: «Господин полковник Грузинов, с получением сего, немедленно сдав вверенную вам команду подполковнику Грекову, быть ко мне в город Павловск»⁵⁹.

И прежде бывало император сносился со своими офицерами посредством бумаги и чернил, но лишь в исключительных случаях он сам определял степень виновности и меру наказания тем, кого ради профилактики или возмездия упекал в тюрьму. Обычно разбирательство поручалось Тайной экспедиции. Евграф Грузинов был из гатчинцев!

8. Петр Грузинов

«В Павловске... была цитадель или форт под названием Бип, куда офицеров при случае сажали под арест, — вспоминал Н.А. Саблуков. — Два полковника из донских казаков по имени Залувецкие, известные своими подвигами в предыдущую войну, были арестованы и посажены в Бип за смелые ответы»⁶⁰.

Среди донских казаков не было Залувецких, тем более «известных своими подвигами» в русско-турецкую войну. Может быть, за давностью лет мемуарист забыл фамилию братьев или назвал их по прозвищу. Но то, что он имел в виду Евграфа и Петра Грузиновых, не вызывает сомнения. Это подтверждается другими источниками.

Первым был взят под стражу Петр Осипович. Даже для того «незабвенного жестокостью» времени с ним обошлись крайне сурово, заключив с рогаткой на шее в павловскую тюрьму Бип. Уж не потому ли и назвали цитадель так, что по Благословлению Императора Павла в нее нередко отправляли самых близких ко Двору офицеров?

«Назад тому третий год от Его Императорского Величества был прислан ко мне офицер, — вспоминал перед казнью Петр Грузинов, — он арестовал меня и доставил начальню в Павловск ... а потом — в крепость, там устроившую, где судим я был воинским судом, а за что, не знаю... Содержался я там под караулом месяца три или более, точно не упомяну»⁶¹.

Коль судим был воинским судом, значит, должно было остаться следственное дело. Но все мои попытки найти его оказались безрезультатными. Вполне вероятно, что Петр Грузинов был взят под стражу за вольнодумство. Документы свидетельствуют, что он позволял себе сомнительные разговоры еще под Варшавой, обсуждая в кругу друзей движение казаков против переселения на Кубанскую линию, о чем я уже упоминал. А может, речь шла и о справедливой борьбе поляков? Или, допустим, о присяге, дан-

ной на верность Павлу I генерал-поручиком Тадеушем Костюшко и графом Игнацием Потоцким в Петербурге, после которой они получили свободу? Завистливые, досужие и даже сочувствующие современники чем угодно могли объяснить арест недавно удачливого офицера, в том числе и «переходом» его на сторону польских повстанцев. А этого не могло быть уже потому, что он чуть ли не каждый день был в драке. Следовательно, не до того было.

Однако вернемся к воспоминаниям Н.А. Саблукова: «... были арестованы и посажены в Бип за смелые ответы...» Это свидетельство мемуариста подтверждается, кажется, семейным преданием, записанным одним из сыновей Афанасия Осиповича...

* * *

Давно это было, в самом начале моих поисков материалов о героической и трагической судьбе братьев Грузиновых...

Москва. Чистопрудный бульвар. Я иду на встречу с внуком Афанасия Осиповича Грузинова. Опоздал. На пять лет опоздал. Петр Евграфович умер на 92-м году жизни. Меня встретила его вдова, Зинаида Григорьевна, старая женщина, сохранившая черты былой красоты. Она пригласила меня войти и провела в комнату. Запомнились стены, увешанные портретами предков, каждый из которых мог бы стать героем романа или исторической повести. С одной из миниатюр на меня смотрела молодая женщина. Я обратил вопрошающий взгляд на хозяйку.

— Некая Каролина Рейнсдорф, — сказала Зинаида Григорьевна, — да вы снимите, на обороте есть надпись.

Позднее, работая в Центральном государственном историческом архиве Москвы, я установил, что Каролина Григорьевна Рейнсдорф — жена Афанасия Осиповича Грузинова.

— Зинаида Григорьевна, а это кто? — спросил я, указывая на миниатюру с изображением юного офицера с модной прической начала XIX столетия «в порыве ветра».

— Один из рода Грузиновых, но кто именно, не знаю. Впрочем, и Петр Евграфович не знал.

Атрибутировать миниатюру помог мне легендарный Владислав Михайлович Глинка, замечательный историк и талантливый писатель. Посмотрев на изображение, он сказал:

— Славный молодой человек. Артиллерист. Герой. Обратите внимание: вот медалька за 1812 год. Боевая. Да, боевая! Серебряная на Андреевской ленте.

Для меня этих сведений было достаточно, чтобы понять: на миниатюре изображен младший из пяти братьев Грузиновых — Николай Осипович, выпущенный из 2-го кадетского корпуса в полевую артиллерию. Он действительно участвовал в Отечественной войне и заграничных походах русской армии.

Смотрю на фотографии. На одной из них — помещик Московской губернии Евграф Афанасьевич Грузинов, корреспондент герценовского «Колокола»; на двух других — его сыновья Александр и Петр. Первый — полковник, командующий Московским военным округом во время Февральской революции; второй — агрохимик, автор научных трудов по специальности...⁶²

Нерешительно спрашиваю:

- Зинаида Григорьевна, а не оставил ли кто-либо из предков вашего Петра Евграфовича воспоминаний?

— Оставил. Конечно, оставил. Муж очень дорожил этой рукописью.

Зинаида Григорьевна открыла ящик стола и протянула мне десяток листов с водяными знаками начала XIX века...

***

Из рукописи следует, что во время встречи Петра Грузинова с Павлом I разыгралась будто бы такая сцена:

— Я велю снять тебя с лошади и прогнать нагайками в Черкасск подвязывать коням хвосты, — кричал император, теряя самообладание.

Не сдержался и вспыльчивый внук Романа Намчевадзе:

— Государь, в то время, когда ты еще играл в войну со своей гвардией, я уже проливал кровь за Отечество и тешился над врагами при взятии Очакова и Измаила, и тому не подвязывать хвосты у коней, кто умел отвязать бундук у паши турецкого.

Павел не мог снести подобного ответа, задрожал весь от гнева:

— Схватить дерзкого, сорвать с него крест и кинуть ему в лицо!

— Крест мне дала Екатерина, а не ты, государь, — парировал Грузинов и в запальчивости обнажил саблю, но тут же, опомнившись, кинул ее к ногам Павла. Находившиеся в кабинете адъютанаты скрутили ему руки...

Конечно, гордившиеся своим пращуром потомки несколько преувеличили драматизм описанной сцены, но если допустить, что вспыльчивый казак мог в присутствии императора вынуть из ножен саблю, то почему бы он не решился употребить запрещенное слово «отечество» и позволить себе злую иронию над затянувшимися гатчинскими потехами Павла Петровича? Все это кажется невероятным, но почему же тогда по прибытии в Павловск на него надели рогатку — железный ошейник с тремя рожками? Похоже, Тайная экспедиция знала о нем больше, чем я.

Воспроизведенная сцена подтверждается в некоторых деталях и самим Грузиновым. Вот что сказал он через два года своим черкасским судьям: «Государь император высочайше указать соизволил лишить меня всех чинов, отобрать Георгиевский крест и знаки Военного ордена. Сие тотчас было исполнено через офицера»⁶³.

Беспорно, встреча подполковника Грузинова с императором Павлом состоялась и, как видно, была бурной. Но чем она была вызвана? Думаю, что доносом.

Почти в то же время и в том же кабинете был раздет до нижнего белья, постыдно избит флигель-адъютантами и в одной казачьей шинели спешно отправлен в Билп контр-адмирал П. В. Чичагов. При этом Павел I «гробовым голосом» кричал:

— Я знаю, что вы якобинец, но я разрушу ваши идеи! Уволить его в отставку и посадить под арест! Снимите с него ордена!⁶⁴

Удивительное сходство сцен, воспроизведенных памятью разных людей в разные годы независимо друг от друга.

К концу павловского четырехлетия в заключении находилось до пятнадцати тысяч человек. «Сам во все входит и скор на резолюции», — хвалил царя Василий Капнист в одном из писем к жене и чуть было не оказался в Сибири.

9. На качелях фортуны

Павел I принял Евграфа Грузинова 26 апреля 1798 года, но о чем был разговор, неизвестно. Ясно одно, что объяснения последнего не то чтобы не удовлетворили — рассердили государя. Отобрав у него ордена, не дав и часа на сборы, без гроша в кармане и без «одежды на перемену», он сослал его в Ревель. Запиской, адресованной тамошнему коменданту, царь приказал:

«Господин генерал-лейтенант граф де Кастро Лацерда, отправляемого к вам с фельдъегерем полковника Грузинова повелеваем содержать в городе; за поведением коего, также за перепиской поручаю вам иметь смотрение»⁶⁵.

Таким образом, полковнику было разрешено прожывать в городе, а не в тюрьме, как утверждали его первые биографы, хотя и «под караулом». Создается впечатление, что «упущению по службе» и «непристойным отзывам» Евграфа Грузинова о приказах генерала Денисова Павел не придавал сколь-нибудь серьезного значения: поживет под приглядом — одумается. Куда важнее определить истинный образ мысли его; ему разрешается переписка — может, в письмах раскроется.

Резвая тройка за два дня доставила к месту назначения. Через крепостные ворота въехали в город, остановились на площади, против комендантского дома. Фельдъегерь Варгалов, сдав своего спутника, удалился. Яков Лацерда

прочел записку императора и, посмотрев пристально на не кстати явившегося гостя, спросил:

— Господин полковник, во вторую кампанию с турками я довольно слышался о старшине Грузинове, не ваши ли то родственник?

— Петр Грузинов — мой родной брат, — ответил Евраф.

— Замечательной храбрости молодой человек. Жив ли? В каких чинах сегодня пребывает?

— Четыре дня тому был еще подполковником. А теперь лишен всего и содержится под арестом в павловской крепости Блп.

Генерал не спрашивал более. Шагая рядом, он жаловался:

— Живем тесно по причине большого поста морских и адмиралтейских команд. Рекруты, прибывающие сюда для пополнения гарнизона, от перемены климата впадают в болезни. Офицеры жалуются, что на деньги, выдаваемые от города, они по чинам своим квартир никак нанять не могут и должны добавлять от своего жалования...⁶⁴ Вот и пришли. Отдыхайте.

— Премного благодарен, Яков Антонович...

28 апреля комендант Ревельской крепости рапортовал царю: «При высочайшем вашего императорского величества повелении полковник Грузинов фельдшером сюда, в крепость, сего числа привезен, и в содержании его под присмотром высочайшее вашего императорского величества предписание я в самой точности исполнить потнуху»⁶⁵.

Однако как исполнить, если у присланного «для содержания под присмотром... ни денег на пропитание, ни одежды, кроме имеющейся на нем», нет. Чего доброго, важного преступника заедят вши или он умрет от истощения. И Яков де Кастро Лаперда пишет через веделю в Петербург, умоляя генерал-адъютанта А.И.Нелидова «при удобном случае испросить высочайшего о том повеления... отколь ему сие нужное довольствие прозводить»⁶⁶.

Страшным кажется сам по себе запрос коменданта, поскольку по тогдашним правилам ссыльные обязаны были добывать себе все необходимое за счет собственных средств

или путем сбора милостыни у жителей города. Как видно, первым способом Грузинов не мог воспользоваться, а второй был явно не по чину.

Вообще-то Евграф Осипович получал до ареста немалое жалование за службу — тысячу двести рублей в год. Кроме того, доходы от крепостных и нескольких селений в Петербургской губернии, выделенных полковнику в командорство, позволяли ему вести жизнь светского человека. Но от крестьян он отказался, хотя пока об этом открыто не заявил, делами своего командорства также не занимался. Поэтому денег Грузинову постоянно не хватало, приходилось одалживать у земляков. Куда уходили они, трудно сказать. По кабакам он не ходил, поскольку к вину так и не пристрастился до конца дней своих — явление почти исключительное в казачьей офицерской среде. Правда, покупал книги, но не так часто — расход невелик. Конечно, была любимая женщина... Но об этом позднее.

Весна вступала в свои права. Началось буйное цветение. Евграф Осипович бродил по узким улочкам, всматриваясь в своеобразную архитектуру города. Он уже многое узнал о старейшем сооружении Большой крепости — соборе Святой Марии. Но особое впечатление на него произвела ратуша с ее более чем шестидесятиметровым кивером, на шпиле которого примостился Старый Томас.

Добродушный служитель ратуши показал любознательному русскому древнюю скамью ратманов, украшенную резьбой. Искусный мастер, Марквард Хассе изобразил на ней единоборство Давида с Голиафом, символизирующее победу ума и смелости над глупостью. Наконец старик перевел ему надпись над входом в зал магистрата:

«Господин ратман, кто бы ты ни был, вступая в ратушу для совершения должности, перед этой дверью отбрось все тревожения личной жизни: гнев, несправедливость, вражду, дружбу, лесть, подчини обществу свою личность и заботу, ибо каким ты будешь к другим, таким предстанешь ты и перед судом божьим как подсудимый».

Эта надпись глубоко врезалась в память петербургского изгнанника. Повторяя ее, он добрал до старейшего в Ревеле монумента, что и поныне возвышается у подножия Ты-

4. ПОЛКОВНИК СВИТЫ ПАВЛА I и ЕГО БРАТЯ

нисяги на улице Марта: трехметровое распятие на каменной платформе, сооруженное в память о ратмане Блазиусе Хохгреве, погибшем 11 сентября 1560 года, во время Ливонской войны.

Умный, благодарный народ, он четыре столетия назад понял: могилы предков — священны.

В течение двух месяцев Евграф Осипович не отправил из Ревеля ни одного письма. Зато из Петербурга написал Павел I: «Господин генерал-лейтенант граф де Кастро Лашерда, с посланным к вам фельдъегерем отправьте в Санкт-Петербург находящегося в Ревеле полковника Грузинова 1-го»⁶⁹.

Но Павел не только вернул Грузинова из ссылки, но и включил его в свою свиту, о чем «Петербургские ведомости» оповестили своих читателей 2 июля 1798 года.

В тот же день император освободил и Петра Грузинова. Высочайшее великодушие, однако, на него не распространилось. Выпущенный из крепости, он сразу же был выслан в Черкасск. Причем наказному атаману Д.И.Иловайскому повелевалось за его поведением «иметь надзирание»⁷⁰.

Евграф Осипович недолго оставался в свите императора. С конца августа он перестал появляться при Дворе. Недовольный монарх потребовал выяснить, в чем дело. Начальник Военно-походной канцелярии Х.А.Ливсен отправил к Грузинову 15 сентября дежурного офицера с письмом, но тот, кажется, не застал адресата дома и вручил конверт лишь на следующий день. Содержание письма в какой-то мере восстанавливается по ответу.

Е.О.Грузинов — Х.А.Ливсену

16 сентября 1798 года:

«Милостивый государь Христофор Андреевич, на воспоминание по соизволению Его Императорского Величества от Вас письмо, писанное вчерашнего, а мною полученное сего числа, честь имею донести, что я от болезни, коею одержим был, ныне получил облегчение, почему и отставки желать не могу, и сего месяца 13 и 14 был уже и в разводе.

За тем с истинным почтением имею честь пребыть Вашему Превосходительству милостивому государю покорный слуга

Евграф Грузинов»⁷¹.

Подлинник приведенного документа я отыскал в Военно-историческом архиве России в Москве. Вызывающе аккуратный почерк, безукоризненный стиль, безупречная орфография, тон письма характеризует автора как человека грамотного, с развитым чувством собственного достоинства.

«...От болезни, коею одержим был, ныне получив облегчение, почему и отставки желать не могу...» Это, видимо, в ответ на раздраженное заключение корреспондента о нежелании продолжать службу. И все-таки концы с концами у Евграфа Осиповича не сходятся: «... сего месяца 13 и 14 был уже и в разводе...» Да, был, но в канцелярию не явился. Где был весь следующий день, вообще неизвестно. Любопытно, что именно 15 сентября, когда курьер с письмом Ливена не застал его дома, шесть офицеров лейб-гвардии казачьего полка под разными предлогами попросились в отставку и получили высочайшее разрешение. По слухам, это были самые преданные Грузинову люди.

И.А.Павлов — Павлу I,

16 сентября 1798 года:

«Во исполнение всевысочайшего Вашего Императорского Величества повеления, через Его Императорское Высочество великого князя Константина Павловича изъявленного, свиты Вашего Величества полковник Грузинов штаб-лекарем Обержом при плац-адъютанте Еврешинове свидетелествован и оказался здоров; о чем Вашему Императорскому Величеству всеподданейше доношу»⁷².

В тот же день последовал приказ: «Свиты Его Императорского Величества полковник Грузинов за ложное рапортование себя больным через шесть недель исключается из полка и посылается на Дон с фельдшерем»⁷³.

Значит, Ливен не ошибся все-таки в своем подозрении? Судя по всему, не ошибся. Полковник Грузинов и самые преданные ему офицеры добились увольнения от службы: кто по причине «смерти родителя» или «родительницы», кто — обоих сразу, кто «для получения доли наследства», кто — «для приведения в порядок оставшегося хозяйства»⁷⁴. Сам Евграф Осипович сказался больным и позднее даже не пытался отрицать этого. Вряд ли здесь не было сговора.

Так было в действительности. А историки утверждали, что Павел I «уговорил» Грузинова поехать домой навещать больного отца и при том обеспечил своего «любимца» деньгами на дорогу⁷⁵.

Минуло шесть недель. Наступила зима, в тот год снежная, вьюжная. О чем думал он, проезжая в последний раз мимо заветного дома? Благодарил судьбу, подарившую ему встречу с той, что ценила его ум, нежную, наполненную какой-то особой человечностью душу? А может, повторял вчера сказанные ею слова: «Неужели расстояние и время разведут нас навсегда, а грусть, тоска и нежность станут неизбежными спутниками нашей любви?» Кто знает?

В первой половине ноября Евграф Осипович под окранным молчаливого фельдшера докатила до Черкаска.

10. В доме отца

Осип Романович, разбитый тяжелой «паралитической болезнью», был прикован к постели. Приглядывал за ним дальний родственник, сорокалетний холостяк Иван Кондратьевич Шапошников, не имевший своего угла. Он же топил печь, готовил еду, наводил порядок в комнатах. Помогал ему «незаконнорожденный крестьянский мальчик Федот, по крестному отцу Данилов», с самого рождения живший в доме старшины Грузинова, внебрачным сыном которого он был⁷⁶.

Осип Романович открыл глаза и увидел сына.

— Здравствуй, отец, — сказал Евграф и, склонившись, поцеловал старика в сухие холодные губы, вытер слезы, стекавшие по его впалым щекам. Потом выпрямился, заметив Ивана Шапошникова и темноглазого Федота, приветствовал старшего пожатием руки, а младшему вручил подарок и сказал:

— Вырос ты, казак.

— Я не казак, господин полковник, — возразил Федот,

— я крестьянин, и мамка моя крестьянка. Спасибо Осипу Романовичу: уводил ее на свободу и выдал замуж.

— А я не полковник, к тому же не вольный...

Евграф Осипович замолчал, набил трубку душистым столичным табаком и вышел во двор. В калитку вошел Петр. Обнялись. Присели на ступеньку крыльца. Раскуривая трубку, гость слушал брата:

— Домой приехал четыре месяца назад вместе с Андреем Грековым. Он и сказал мне, что по приказу «курносого» принял твой эскадрон, но не удержался в командах...

— Знаю, — перебил Евграф, — Павел отправил его в Шлиссельбург «для пришествия в трезвое состояние». Ты лучше скажи, как живешь здесь?

— Как живу? Присматривает за мною сотник Степан Чеботарев, правду сказать, не очень строго. Позволяет отлучаться в Нахичевань и Ростов. Иногда заходит, но больше для виду, думаю. Люди сторонятся, на приветствие отвечают, но не останавливаются, даже те, с кем мерз под Очаковым и штурмовал Измаил. Страх поразил сердца и души казаков. Вот это отвратительно.

По свидетельству Федота Данилова, исключенные из службы братья Грузиновы жили под одной крышей, «имели между собою пищу общую и сходились для разговоров за столом». Но о чем шла речь, мальчик не знал, поскольку «больше обращался в детской игре» и к беседе взрослых не прислушивался. По возвращении из Петербурга Евграф Осипович «недели три по вечерам прохаживался по городу, а после того никогда уже из дому не выходил»⁷⁷.

Вскоре в дом старшины Грузинова потянулись с больших и малых хуторов родственники. Однажды зашел Иван Афанасьевич Афанасьев, истощенный до крайности давним недугом шурина Осипа Романовича. Посочувствовав зятю, пожаловался на свои болячки, рассказал племяннику о дочках, его двоюродных сестрах, наконец осмелился и, с трудом подбирая слова, спросил:

— Скажи, Евграф, для чего ты дошел до такого случая, что лишился высочайших милостей? Чем прогневил ты государя? Почему удалил он тебя из Петербурга?

— Павел — дурак, послушался генерала Ливена, — с раздражением бросил он дядюшке.

Испуганный таким поворотом разговора, старшина Афанасьев суетливо стал собираться, попрощался и вышел⁷⁸.

Выходит, что начальник императорской свиты Христофор Ливен внушил государю недоверие к полковнику Грузинову? Пожалуй. Так ли уж трудно было доказать неблагонадежность человека, который давно забыл об «исповеди и святом причастии», отказался от крепостных, не стал чинить суд и расправу над беглыми всякого звания, не пожелал служить высочайшему своему благодетелю, скававшись больным? Не трудно, конечно.

Приведенную реплику Грузинова не следует расценивать как попытку убедить достаточно ограниченного родственника в том, что он является жертвою клеветы коварного царедворца или «интриг, свивших себе гнездо у подножья престола», как писали его биографы. Не рассчитывая быть понятым, он просто уклонился от разговора. Я не исключаю, что генерал-адъютант Ливен принадлежал к числу участников заговора против Павла I, хотя его жена настойчиво отрицала причастность мужа к компании цареубийц⁷⁹. Но ставить поворот в судьбе полковника свиты в какую-либо связь с подготовкой дворцового переворота нельзя, нет достаточных оснований.

В сущности Евграф Грузинов был донкихотствующим рыцарем, полным веры в нечто вечное, незыблемое, в истину, требующую служения и жертв. А черкасские обыватели видели в нем безумца. Однажды полковник с горечью признался:

— Про меня говорят, что я полоумный...

Со временем, однако, кое-что прояснилось, окружающие поняли суть его расхождения с властью и, боясь хлопот, отказались встречаться с ним. Почувствовав себя чужим не только среди знакомых, но и родственников, он замкнулся в четырех стенах своей комнаты, а в начале апреля 1800 года, на «святой неделе», по свидетельству того же Федота Данилова, «перебрался на палату», где жил «особо уединенно и никого к себе не допускал»⁸⁰. Чем занимался обитатель чердака, мальчик не знал.

Ивану Шапошникову приходилось несколько раз подниматься на палаты за огнивом, чтобы растопить печь. Он обратил внимание на то, что Евграф Осипович постоянно курил «табачную трубку» и «упражнялся в чтении каких-то книжек»³¹.

«Каких-то книжек». Каких именно? Несколько лет безрезультатных поисков. И вот — удача! В Государственном архиве Ростовской области, в бумагах Ивана Попова, я нашел список книг, отобранных у Грузинова в день ареста. Их немного, около тридцати томов. Преобладают философские, исторические и географические сочинения. Есть стихи, учебники для народных училищ, атласы, изданные к «всеобщему землеописанию». Его не обвинишь и в небрежении к чтению книг церковных. Из авторов наибольший интерес представляют «стоический философ» Эпиктет, историк Квинт Курций Руф, римский писатель Валерий Максим, «граф и Большого мальтийского креста кавалер» Эмилио Тезауро, «французский дворянин» Мишель Монтень, немецкий педагог Гельмар Курас, «коллежский советник и профессор» Михаил Ломоносов и его ученик Иван Барков, основоположник норманнской теории происхождения Русского государства Готлиб Зигфрид Байер и другие. Приведенный перечень свидетельствует о целенаправленном читательском интересе владельца библиотеки.

Когда и при каких обстоятельствах приобщился Евграф Грузинов к литературе столь своеобразного направления? Думаю, в первые годы безотлучного пребывания в Гатчине и под влиянием его полкового командира Андрея Семеновича Кологровова.

Уже заканчивался второй год жизни в изгнании, а московское губернское правление продолжало искать «полковника и кавалера Грузинова», чтобы передать ему Воздвиженскую волость и доходы от крестьян, хранившиеся «под наблюдением уездного предводителя дворянства». Циркуляры летели из Москвы во все концы империи, а он сидел на своих палатах, перебиваясь на «одном хлебе и воде».

Нашли Евграфа Осиповича его крестьяне, пришедшие в Черкасск то ли за распоряжениями по хозяйству, то ли с какой-то просьбой. Но он прогнал ходяков палкой, грозя «прибить их, если они к нему еще придут»⁶². Так и пришлось гормычным возвращаться домой без «видов на обратный путь» — не дал барин, раздраженный холопской покорностью мужиков. Как все это не похоже на идиллическую картину встречи между ними, описанную моими предшественниками. Все они так или иначе использовали процитированные документы, но почему-то сочли более убедительным представить «борца за народное счастье» радушным хозяином, угощающим дорогих гостей «кашей с рыбой» — мол, чем богаты, тем и рады⁶³. А между тем в этой предельно раздраженной форме приема ходяков, зафиксированной на листах судебного протокола беспристрастной рукой писаря, самым непосредственным образом отразилось отношение Грузинова к праву владения «крещеной собственностью».

Рано утром, в день Воскресения Христова, по улицам Черкаска проскакали три всадника. У знакомого нам дома остановились, спешились, поводья набросили на колья, торчавшие из плетня, как-то нерешительно вошли во двор. Евграф, стоявший на крыльце, сразу узнал своих кредиторов, у которых еще в Петербурге одолжил около пятисот рублей, да так и не рассчитался. Это были казаки его эскадрона Зиновий Касмынин, Василий Попов и Илья Колесников, прибывшие из Луганской станицы с просьбой вернуть им деньги.

Попытаемся восстановить сцену, разыгравшуюся во дворе дома Грузиновых 20 мая 1800 года.

— Казаки, не забыл, кому и сколько должен, — убеждал хозяин неожиданных гостей, — но нет у меня денег, нет и рубля, подождите еще, прошу вас.

— Стыдно о том и говорить, господин полковник. Государь пожаловал тебе крестьян. И ты мог бы взять с них оброк и расплатиться с нами.

Напоминание о крестьянах вызвало у Грузинова такой приступ ярости, что, казалось, он совсем потерял контроль над собой:

— С крестьян! Вам дай волю — шкуру с крестьян сдерете! Не желаешь быть рабом, не терпи рабства около себя — вот древняя мудрость, забывтая ныне кровью сосущими⁸⁴. Мне не надо государевых крестьян, пушай возьмет их назад, а наше отдаст! Заселили землю казачью господскими слободами, армянами и греками, нам же оставили в пай — на один дом...⁸⁵

Он замолчал на мгновение, перевел дух, посмотрел на изумленных его словами казаков, спросил:

— Знаете ли вы, кто Дон заслужил? — И сам ответил, громко крича:

— Ермак! А теперь отымают. Вступился было за Отечество Пугач — его извели! Вступились Фока и Рубцов — их высекли!

— Не надо бы этого сказывать, Евграф Осипович, — испуганно пролепетал Касмынин.

Но Грузинов с еще большим раздражением продолжал:

— Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, то вся Россия затрясется!

Молчавший до сих пор Попов безнадежно махнул рукой:

— Что с ним говорить, он и вправду полоумный. Пойду-ка я к войсковому атаману, испрошу подорожную, поеду в Петербург и пожалуюсь самому государю...

— Езжай, — бросил Грузинов и тут же «употребил с крайнею запальчивостью ругательные на высочайшую Его Императорского Величества особу и на государыню императрицу изречения»⁸⁶.

Казак, перепуганный до смерти дерзкой речью своего бывшего командира, ушли.

11. За стенами дома Грузиновых

Бурлил Тихий Дон и тем привлек внимание правительства. Весной 1800 года Павел I направил туда генерала К.Ф.Кноринга для «исследования беспорядков» и изучения настроений казачества. Проехав по станицам, он «всюду нашел тишину и спокой-

ствие». Вывод инспектора подтвердил знаменитый петербургский детектив Юрий Николев. Это, однако, не успокоило подозрительного самодержца. Находясь в Петербурге, он знал о положении на юге империи больше, чем они. Новороссийские дворяне, военный и гражданский губернаторы края засыпали его жалобами на донских офицеров, укрывавших их беглых крестьян. В ответ на это государь подчинил войсковую канцелярию Сенату и определил в нее прокурором Антона Миклашевича, переселив его из Архангельска в Черкасск⁸⁷.

Но принятые меры не остановили приток новороссийских крестьян на Дон. Павел предупредил атамана Василия Орлова, что он будет лишен «чинов и места». Пока же император назначил в войсковую канцелярию «присутствующим по старшинству» генерала Ивана Репина, предписав ему «раз и навсегда положить преграду приему беглых» донскими чиновниками. В помощь ему он отправил в Черкасск своего адъютанта Сергея Кожина⁸⁸.

С.А.Кожин — Павлу I,

9 августа 1800 года:

«Всеподданнейше доношу, что по приезде моем сюда 5-го сего месяца на другой же день учредил я в самом Черкасске, яко главном городе, гаупвахтенный и на въездах караулы из казаков полка войскового атамана Орлова под предлогом поимки беглых и праздношатающихся людей, а на самом деле главное мое намерение было соблюдение благоустройства и тишины...»

За долг также поставляю всеподданнейше вашему императорскому величеству донести, что до сих пор в движении регулярных войск в донские пределы нет нужды...»⁸⁹.

Выходит, вопрос стоял даже о том, посылать или не посылать на Дон регулярные войска. Решили не посылать. Ограничились репрессиями: одних определили в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, других наказали кнутом «за дерзкие слова и речи об императоре», третьих сослали в Сибирь. Тысячу беглых крестьян вернули новороссийским и другим помещикам⁹⁰. В войске Донском создалась обстановка подозрительности и всеобщего страха. По свидетельству современника, все должны были

«смотреть один за другим и открывать вину каждого». Даже атаман Василий Орлов, по словам Кожина, «ежеминутно» ожидал «тяжелого наказания»⁹¹.

12. Арест. Следствие. Приговор

И.И.Репин — П.Х.Обольянинову,

13 августа 1800 года:

«Милостивый государь Петр Хрисанфович!

Присланные сюда под присмотр от государя императора служившие в лейб-казачьем полку и исключенные из службы полковник и подполковник Грузиновы, родные братья, удаляясь от всего здешнего собрания, жили весьма тихо, но вчера вечером, при захождении солнца...»⁹²

Последний луч заходящего солнца сверкнул и погас за прибрежными вербами. Белые барашки кучевых облаков окрасились багровым светом ушедшего за горизонт светила. На затихший после дневных трудов город опустились вечерние сумерки.

Петр Грузинов вышел из дома, легко вскочил на коня, подведенного Федотом, и рысцой поскакал к устью Протоки, намериваясь переправиться через нее вброд, чтобы обойти пикет у моста при главном выезде из Черкаска. Но и там оказался караул, «поставленный по удобности положения сего места» на другой стороне речушки. Часовой крикнул:

— Стой! Кто таков?

«Грузинов о звании своем умолчал, не дав ему знать о том».

— Ты что, оглох? Куда едешь? — не унимался часовой.

Петр, узнав в нем урядника Алентьева, попытался шуткой выйти из затянувшейся паузы:

— Да вот еду на Задонскую сторону открывать неприятеля...

— Какого еще неприятеля? — не понял юмора казак. — Вернись! Не видишь — караул?

«Ну и дурак же ты, голубчик», — подумал Грузинов и снова заговорил:

— Вы что ли Фоку ожидаете? По какому повелению поставлен караул?

— По повелению главной команды, — ответил урядник.

— Врешь ты. А ну-ка покажи бумагу о поставленном карауле! — «повелительным образом потребовал» Грузинов.

Но Алентьев знал службу и был настроен решительно.

— Я тебе покажу, — сказал он и, выругавшись, направил лошадь в воду.

Петр взял вправо и вправо переправился на левый берег Дона, где был остановлен подполковником Иловайским⁹³.

В это время атаман Орлов, извещенный уже о попытке Грузинова прорваться за город, отправил казака Василия Пастухова «спросить в доме его, куда он поехал» и у кого взял лошадь.

Посыльного встретил мальчик Федот. На крыльцо вышел Евграф Осипович. Спросил:

— Чего тебе надобно, казак?

Пастухов объяснил.

— Какое дело войсковому атаману до того, куда уехал мой брат? — ответил вопросом на вопрос и «азартно сбрил Орлова самыми поноснейшими словами... а также приехавших в Черкасск по воле государя императора» генералов Кожина и Репина, назвав их «лытством»^{*}.

— Не знаю, господин полковник, только мне велено...

— Вот пойд и скажи все сие, пусть они донесут на меня своему высочайшему... — и выдал Пастухову столь выразительный оборот, что казак не решился повторить его начальству⁹⁴.

С.А.Кожин — Павлу I,

13 августа 1800 года:

«... После рапорта о сем пришедшего казака Пастухова я, войсковой атаман Орлов и генерал Репин пошли к нему, Грузинову, в дом, где он был сташен подполковником Иловайским 8-м с чердака, по здешнему палатами

* Лытать — лодырничать; лытун — бездельник, бродяга.

именуемым, и взят. Мы его при себе раздели и яко важного преступника заковали как можно крепче и повергли в преисподнюю темницу...»⁹⁵

Генералы, пришедшие арестовать Евграфа Грузинова, обшарили чердак, перетрясли книги и, возможно, в одной из них нашли записку, написанную на двух листах бумаги белого и голубого цвета. Почти двести лет пролежала она в известном уже читателю доме на берегу Невы. Она-то и стала тем барьером, который так и не смогли преодолеть биографы братьев.

В тот же вечер был «посажен в ножную колодку» и Петр Грузинов, которому поначалу выпал лишь домашний арест.

Спешно была составлена комиссия военного суда, приступившая вскоре к столь же торопливому следствию. 13 августа 1800 года «с приличным караулом и конным конвоем» Евграфа Осиповича привели на первый допрос. Ему задавали вопросы, он отвечал:

— От роду мне тридцать лет...

Выходит, девятнадцать из них «был в службе Его Императорского Величества».

— Чинами происходил: сотником... есаулом... войсковым старшиною... подполковником... полковником...

И все это с точными датами, а по ним получается: пять ступенек за восемь лет.

— За службу мою пожалован я от государя императора орденами Святой Анны 2-го и 3-го классов...

Невелика награда, к тому же не за подвиги — за принадлежность к гатчинцам.

— Собственного имени не имею, а имею пожалованных мне от государя крестьян...

И от тех, как известно, отказался.

— У исповеди и святого причастия прежде ежегодно бывал, а назад тому лет шесть уже не бывал...

Значит, лишь в первый год пребывания в Гатчине и заглянул в церковь. А потом уж не до того было. Как не поверни, а все началось там, во владениях наследника престола.

— В верной Его Императорского Величества службе я присягал, высочайшие законы и вся строгость оных к тем преступникам, кои дерзнут изрыгать поносительные слова против помазанника Божия и своего самодержавного государя, мне известны...⁹⁶

Уж не потому ли Грузинов и высказал вполне определенное отношение к Павлу I в разговоре с казаками, что разделял убеждение Мишеля Монтеня: царь — «это обыкновенный человек и, может статься, даже более ничтожный, чем самый жалкий из его подданных»⁹⁷. А французского вольнодумца Евграф Осипович читал.

Допрос продолжался. Евграф Осипович, перебирая годы своей короткой жизни, вспомнил о первом аресте «за упущение по службе», освобождении из Ревельской крепости и зачислении в свиту, исключении из нее «за ложное рапортование о себе больным» и высылке в Черкасск. Он не только подтвердил показания Василия Пастухова, но и рассказал о том, что еще раньше, когда приходили к нему «Луганской станицы казаки Попов и Касмынин, разгорячась, сругал скверноматерно государя». Создается впечатление, что Грузинов сознательно затягивал на себе петлю, смотря «на смерть безбоязненно, потому что всегда ее предвидел», начитавшись «Философии нравоучительной» Тезауро.

Как видно, до сих пор Евграф Грузинов был откровенен, давая показания во вред самому себе. Но вот от него потребовали «открыть самую сущую истину; не утаивая ничего, объявить прямой предмет намерений» и назвать соучастников в замыслах «противу всемилостивейшего монарха и самодержца»⁹⁸. На это он ответил:

— Я против государя императора ничего не имел.

Казалось бы, на этом стоило и остановиться. Но нет, Евграф Осипович погружался все глубже и глубже и сказал даже сверх того, что интересовало его следователей, очевидно, чтобы погасить их интерес к «соучастникам в замыслах»:

— Что касается до найденных у меня в доме бумаг, в которых заключаются разные противные и дерзкие замыслы, то все оное писано самим мною в великий пост ны-

нешнего года, и я думал со временем все то произвести в действо; но в сих замыслах ни с кем соглашения я не имел, никому об оном не открылся и сам в делопроизводстве ничего не начинал.

На этом допрос окончился. Составили протокол. Члены комиссии военного суда приложили к нему руку, и только арестованный решительно отказался, хотя и признал «все написанное в нем справедливым»⁹⁹.

Итак, в чем же, по определению комиссии военного суда, состояла вина Евграфа Осиповича Грузинова? Прежде всего в оскорблении государя «зловредными и ругательными словами», затем во «вредных замыслах, обнаруженных по сысканным у него бумагам» и, наконец, в отказе подписать протокол допроса.

На основании изложенного Грузинова приговорили: «Лиша чинов и дворянского достоинства, отобрав патенты и ордена, наказать смертью, а именно четвертовать; пожалованных же ему государем императором крестьян обратиться в казенное ведомство»¹⁰⁰.

Приговор отправили на утверждение Павлу I. Но до получения ответа из Петербурга решили еще раз допросить и, «если он зло какое мыслил на священную особу Его Императорского Величества, то исторгнуть из него сие признание, разные употребя средства, и нет ли у него сообщников»¹⁰¹.

Суд над Евграфом Грузиновым завершился, следствие — продолжалось. В центре внимания комиссии оказалась записка, изъятая у него при аресте.

13. Записка Евграфа Грузинова

«Если ты не знаешь слов, то невозможно и исследование вещей». Эта крылатая фраза знаменитого шведского натуралиста Карла Линнея приобретает еще более глубокий смысл, когда мы пытаемся понять содержание исторического документа, написанного на языке даже не очень далеких наших предков. За словом всегда стоит определенное значение, кото-

рое со временем может меняться. Поэтому задача исследователя как раз и заключается в том, чтобы не приписывать значений, характерных для одной исторической эпохи; словам иного исторического периода. Соблюдение принципа историзма в данном случае становится тем более обязательным, что образованным людям восемнадцатого столетия было свойственно желание влиять на язык и направлять развитие его по определенному руслу. В своих поисках они часто обращались к использованию архаических форм славянской и церковнокнижной лексики, которую, правда, не всегда удавалось возродить к новой жизни. Больше того, многочисленные неоправданные инверсии, по мнению ученых-лингвистов, уже тогда нередко мешали читательскому восприятию авторского замысла. Эта тенденция, порожденная патриотизмом и борьбой передовых общественных групп с космополитизмом русской аристократии, особенно характерна была для творчества Александра Николаевича Радищева. Стремясь передать ораторский подъем и эмоциональное напряжение речи трибуна, он пользовался языком, традиционно окруженным ореолом проповеднического пафоса и высших сфер мышления. Влияние писателя и его книги на русскую интеллигенцию было исключительно велико. Это отмечали еще современники, причем даже из враждебного лагеря. Запрет «Путешествия из Петербурга в Москву» и уничтожение основной части тиража, конечно, ограничивали возможности знакомства читателей с его содержанием, но не исключали этого вовсе.

Знаменитого «Путешествия» в книжном собрании Евграфова Грузинова не было, но внимательное чтение его записки и материалов следствия привели меня к убеждению, что его общественно-политические взгляды формировались под прямым влиянием революционной идеологии Радищева. Отдельные мысли, наблюдения, выводы были следствием собственного опыта и обобщения русской исторической традиции.

А имел ли Грузинов возможность познакомиться с содержанием «Путешествия из Петербурга в Москву»? Такая возможность не исключается, хотя прямых доказательств

у меня нет. Зато косвенных достаточно. Читатель помнит, вероятно, мою попытку «ввести» Евграфа Осиповича в дом Андрея Семеновича Кологривова, начальника гатчинской кавалерии. Его жена Екатерина Александровна, урожденная Челищева, была близкой родственницей известного друга Радищева — Петра Ивановича Челищева, автора «Путешествия по северу России в 1791 году», написанного в духе радищевской книги. И это еще не все...

Была еще одна нить, связывающая фамилию этого необычного гатчинца с Радищевым. Прямой родственник Андрея Семеновича — П.Б.Кологривов, в самом конце XVIII века приобрел, кажется, даже у самого Александра Николаевича Радищева, только что вернувшегося из ссылки, село Веденское, что в Клинском уезде. Вот ему-то принадлежал самый полный из всех известных списков радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», выполненный с издания 1790 года¹⁰².

Ничего не утверждая и ни на чем не настаивая, замечу только, что в доме Андрея Семеновича Евграф Осипович имел, наверное, возможность познакомиться с книгой Радищева. Их почти ничто не разделяло: ни возраст, ни чины. Когда подполковнику Кологривову было двадцать, двадцатипятилетний Грузинов ходил уже в майорах. При известных достоинствах начальника эта разница не могла сказаться на его отношении к командиру казачьего эскадрона.

Записка Евграфа Грузинова, испещренная многочисленными исправлениями, вставками, исписанная вдоль и поперек, неразборчивым, нервным почерком, говорит не только о мучительном процессе творчества, но и о неожиданном широком крутозоре ее автора, сумевшего подняться над предрассудками и предубеждениями своего века, знакомого с важнейшими проблемами международной жизни и основными тенденциями развития литературы. В духе публицистики того времени он широко использовал архаизмы, которые под его пером приобрели радищевское звучание, исполненное торжественной патетики и высоких гражданских чувств.

На трех страницах обычного формата Грузинов изложил свое понимание задач коренной перестройки абсолютистского государства, определил некоторые принципы разработки законов, наметил контуры новых общественных отношений, провозгласил важнейшие демократические свободы. Расчет на осуществление задуманных преобразований делался с учетом опыта последнего крестьянского бунта. «Я не так, как Пугач, но еще лучше сделаю: как возьмусь за меч, то вся Россия затрясется!» — заявил он за два месяца до ареста¹⁰³.

В XVIII столетии риторическое выражение «взяться за меч» было устойчивой литературно-поэтической нормой. В данном случае начитанный офицер использовал этот оборот в эмоциональном разговоре со своими бывшими подчиненными. Что не удовлетворяло Грузинова в тактике предводителя стихийного народного бунта? Какой отрицательный опыт извлек он из него? Полковник гвардии, задумавший поднять меч против существующего строя, не разделял надежд Емельяна Пугачева на зараженное наивным монархизмом крестьянство и считал обреченным на поражение восстание, не имеющее обещанного тыла.

14 августа 1800 года Евграфа Осиповича, уже приговоренного к четвертованию, привели в присутствие суда и поставили перед ним вопросы, пытаясь выяснить смысл отобранной у него рукописи.

Грузинов понимал, что осуществление разработанного им плана будет возможно лишь в том случае, если ему удастся привлечь под свои знамена большие силы. Эту мысль он воплотил в торжественную формулу, открывавшую его записку: «Увсесилить и всеумножить щастие, по которому наименоваться атаманом»¹⁰⁴.

Прочитав эту фразу, председатель комиссии Родионов спросил :

— Как прикажете понимать сии слова?

— Я никак не возьму в толк, генерал-майор, чего не хватает вам для понимания сих русских слов? Их следует понимать так, как написано, не иначе, — сказал с откровенной издевкой Евграф Грузинов, продолжая смотреть в засиженное мухами окно судебного присутствия.

— Не забывайте, преступник, не забывайте! — взревел Родионов и ахнул огромным кулачищем по деревянной столешнице.

Грузинов построил главную часть приведенного предложения из настолько устаревших лексем, чем поставил в тупик не только своих малограмотных судей, но и историков нашего просвещенного века. Первые так и остались в неведении, а вторые нашли выход, но не лучший. Не посчитавшись с признанной лингвистами прочностью связи между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения, они отбросили последнюю, а смысл первой истолковали как стремление автора завоевать «счастье не для себя лично, а для всех людей»¹⁰⁵. А между тем Евграф Осипович, написав церковно-славянское слово «шастие» рядом с другими архаизмами («увеселить и всеумножить»), употребил его в изначальном значении «совместное участие». Для обозначения же понятия «счастье» в принятом теперь смысле в записке используется выражение «благо».

Таким образом, мечтая о лучшем жребии Отечества и желая приблизить его, Евграф Грузинов предполагал насколько возможно укрепить и расширить («увеселить и всеумножить») движение за счет участия («шастия») в нем прежде всего казачества, воля которого должна была возвести его пока на высшую ступень войсковой иерархии — атамана. И тем самым создать благоприятные условия для собирания сил, необходимых для последующей борьбы.

Сколько сабель мог получить на Дону наш претендент в атаманы, если бы ему сопутствовала удача? Максимум 25 тысяч, да и то при всеобщей мобилизации, как это было во время печально известного оренбургского похода казаков в начале 1801 года. Однако даже при фантастической способности донских воинов бить противника делать ставку только на них, конечно, было нельзя. Понимая это, Грузинов решил поднять на борьбу народы, находившиеся тогда под ярмом национального и феодального гнета. После некоторых подсчетов и трудных поисков литературной формы появилась чеканная, как приказ, фраза: «Набрать ратмену не менее двухсот тысяч человек, против коей всех,

4. ПОЛКОВНИК СВЯТЫЙ ПАВЛА I и ЕГО БРАТЯ

кто бы не вступил в войну, разбить; взять Стамбул у турков, утвердить там свою столицу, учредить Сенат...»¹⁰⁶.

Эта часть записки вызвала сразу несколько вопросов у членов комиссии военного суда:

— Что значит слово «ратмена»? На кого собирались вы пойти войной и разбить? По какому руководству и замыслу намечали вы выгнать турков из Стамбула, утвердить там свою столицу и учредить Сенат?

Осужденный на смерть молчал. Родионов выходил из себя, стучал кулаком по столу, угрожал страшными пытками. Грузинов не выдержал, «с большою грубостью, пренебрегая судом, начал решительно и дерзко», обращаясь к Орлову:

— Агаман, прикажи вывести меня и задушить! Я говорить не хочу и не буду, хотя и обещал. Не могу судим быть за оскорбление государя российского, потому что ему не подданный¹⁰⁷.

«Ратмена» — это, несомненно, рать, народное ополчение, или, по вымаранному определению автора, «войско людей, состоящее из «казаков, грузин, татар, греков, калмыков, черкесов». А может быть, там, на чердаке родительского дома, в дни великого поста он вспомнил надпись, которую видел в ревельской ратуше, что над входом в зал магистрата, и вложил в это понятие значение «армия единомышленников», отбросивших в великий час решающей схватки с противником все треволения личной жизни и полностью подчинивших себя общественным интересам? Думаю, вполне допустимое предположение.

Казакам в этой армии отводилась роль своеобразного авангарда. Русским крестьянам в ней места не нашлось, да и вряд ли приросших к своей деревне мужиков можно было соблазнить завоеванием столь отдаленных земель.

На первом этапе освободительной борьбы Грузинов предполагал создать «под солнцем на островах» сильное многонациональное государство с демократической формой правления.

Дочитав записку до этого места, генерал-майор Родионов посмотрел тяжелым взглядом на свою жертву и безнадежно спросил:

— Какими островами хотели вы завладеть? Будете ли вы отвечать на этот вопрос?

Грузинов отрицательно покачал головой, продолжая думать о чем-то своем. Сквозь окно судебного присутствия пробивались палящие лучи августовского солнца. Стояла невероятная духота. Хотелось пить.

Может показаться, что мы имеем здесь дело с выражением обычной общечеловеческой мечты о счастливой, обетованной земле, где социальные отношения строятся на принципах равенства и справедливости. Нет, в данном случае речь идет не о сказочных, а о вполне реальных островах Архипелага, бывшего в конце XVIII века одним из самых «горячих» районов Европы. О нем тогда знали не только дипломаты, но и солдаты. Однако не следует ограничивать государство Евграфа Грузинова узкими рамками небольших точек на карте Эгейского моря, отдаленных к тому же от Стамбула на десятки миль. Словосочетание «под солнцем на островах» является лишь условным обозначением географического положения огромной державы, которая должна была вырасти на развалинах Блистательной Порты.

Грузинов думал со временем «ногами пройти все все-ленные». Но чтобы «взять Стамбул у турков и утвердить там свою столицу», ему необходимо было отмерить шагами хотя бы часть этого пути. К сожалению, он не оставил нам маршрута предполагаемого наступления своей «рагмены», но мысль составить его у него была. Судя по национальному составу участников движения и вычеркнутому фрагменту записки, удар по Османской империи намечался в двух направлениях: «первую армию можно»... было бы двинуть через Кавказ, пополняя ее по пути следования татарами, черкесами, грузинами, а вторую — через Дунай, на помощь борющимся балканским народам, привлекая в нее греков Южной России. А если это так, то в государство «под солнцем на островах» вошли бы, кроме собственно островов, также прибрежные районы Средиземноморья — Европейская Турция, Малая Азия, большая часть Кавказа. В противном случае Стамбул вряд ли мог быть столицей. Любопытно, что эти же земли должны были вой-

ти в состав Греческой республики выдающегося революционера-демократа Ригаса Велестинлиса. Больше того, они оба намечали одни и те же формы государственного устройства. Оба важную роль отводили повстанцам Архипелага и воинским формированиям греков, прошедших выучку в русской армии.

После двух русско-турецких войн в Северном Причерноморье и Приазовье возникла довольно большая греческая колония, состоявшая в основе своей из эллинов-островитян. Из части этих переселенцев был создан особый полк, который нес кордонную службу на южных границах империи. Другие занялись хозяйственным освоением новых районов или включились в международную торговлю. Многие из эмигрантов служили офицерами в русской армии. Живя в России, они не порывали связи с национально-освободительным движением на родине. Не исключено, что с кем-то из них Евграф Осипович имел контакты, которые могли привести его к знакомству с «Новым политическим правлением для жителей Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдавии» Ригаса Велестинлиса, тайно отпечатанным отдельной брошюрой в Вене в 1797 году. Впрочем, русский перевод этой революционной программы был известен в кругах павловского правительства. Возможно, полковник императорской свиты как-то узнал о ее содержании? Ясно, что он находился в курсе важнейших проблем международной жизни и учитывал их в своих планах предстоящей борьбы против султанского деспотизма. Здесь важно обратить внимание на то, что Грузинов первый не просто поставил балканский вопрос, но и разработал (правда, в общих чертах) оригинальную программу его разрешения революционным путем. Позднее задача освобождения народов Балканского полуострова заняла важное место во внешнеполитических планах декабристов. Но среди последних лишь почтенный по возрасту барон В.И.Штейнгель и, кажется, князь С.Г.Волконский знали о трагическом конце полковника¹⁰⁸.

После завоевания Стамбула Грузинов предполагал «населить город разных вер людьми, а именно: казаками, та-

тарами, грузинами, греками, небольшим числом израильтянами, черкесами, небольшим числом турками»¹⁰⁹.

Между прочим, и Ригас Велестинлис также говорил о «допущении в общество людей разных вер» и о создании в этом же районе Европы такого государства, в котором «все... как христиане, так и турки, по естественному положению суть равны»¹¹⁰.

Если это случайное совпадение во взглядах двух замечательных современников, то его придется признать невероятным и объяснить лишь объективными предпосылками, которые ставили перед ними сходные задачи и неизбежно вызывали одинаковые решения.

Сам Грузинов, как известно, был человеком не очень твердых религиозных правил — ко дню ареста «у исповеди и святого причастия лет шесть уже не был». Но его беспокоила мысль, что в разноплеменной по составу населения столице молодого государства может возникнуть «разлад» из-за различий «в рассуждении вер». Чтобы укрепить «во всех согласие единодушное», он предполагал принять «такое наставление, которое никогда бы не произвело вражды между людьми»¹¹¹.

Раскроем «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, вчитаемся в строки «Проекта в будущем» из главы «Хотиллов». Вот отрывок, на который стоит обратить внимание: «Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделяющие за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству...»¹¹².

Два документа одной исторической эпохи, и какое поразительное сходство в самом смысле и даже лексике!

Одной из задач первого этапа борьбы было учреждение Сената.

— Извольте объяснить суду, какой Сенат вы думали учредить? — потребовал от Грузинова председатель комиссии Родионов.

Евграф Осипович и на этот раз не изволил. Изволили историки новейшего времени. По содержанию записки решительно не представляется возможным ответить на

4. ПОЛКОВНИК СВЯТЫ ЯВЛА I и ЕГО БРАТЯ

вопрос, утверждали они, получал ли названный орган наряду с законодательными правами и исполнительную власть или она стала бы прерогативой других учреждений¹¹³. Напротив, нет решительно никаких оснований для таких сомнений. «Сенат, повелевающий всеми под солнцем на островах живущими людьми» — это временное правительство, наделенное диктаторскими полномочиями исполнительной власти и начисто лишенное законодательных прав.

В записке определены и задачи временного правительства: утвердить единство борцов за свободу, закрепить первые завоевания масс, «составить закон неизменяемый» (конституцию) и тем самым подготовить условия для последующей схватки с российским самодержавием. И кого, как не его, полковника Грузинова, знающего путь к победе и твердо верящего в успех дела, должен был поставить народ у руля движения? Используя один из радищевских терминов для обозначения понятия главы государства и командующего вооруженными силами, он написал: «Внушить войску казацкому, татарам, грекам, черкесам, чтобы они возвели меня себе в начальники»¹¹⁴.

Опыт революционной Франции заставлял думать о том, как удержать уже завоеванные позиции. Не исключалось, что вставшим под знамя борьбы против деспотизма придется подавлять сопротивление внутренней реакции и отражать попытки иностранной интервенции. Поэтому временному правительству вменялось в обязанность следить за состоянием политической атмосферы, определять, «что чем пахнет», и в зависимости от этого решать, что будет потом. Сенат мог вынести смертный приговор «всякому непотребному» за действия против революции, принять решение о выдворении за пределы островов «подозрительных людей и шпионов под каким бы видом и от какого бы народа они не были»¹¹⁵. Руководитель движения надеялся довести преобразования до такого состояния, при котором была бы невозможна реставрация старых порядков. «Чтобы и после меня оные, враги свободы, у Сената ничего не получили», — заметил он в приписке слева от основного текста¹¹⁶.

Что определяло выбор Грузиновым направления удара на Стамбул? Думаю, что выбор этот был не случайным. Во второй половине XVIII столетия пестрая по национальному составу империя османов начала приходить в упадок. Поражения в войнах с Россией ослабили ее военно-политическую мощь, что создало предпосылки для роста освободительного движения народов Балканского полуострова, с надеждой смотревших на север. Правительство Екатерины II, учитывая обстановку, сложившуюся в этом районе Европы, разработало так называемый «Греческий проект». Он сводился к полному уничтожению Порты и созданию на ее развалинах греческого государства во главе с внуком императрицы, предусмотрительно названным при крещении Константином. Константин должен царствовать в Константинополе — Стамбуле! К тому же и греки просили о том. Сама по себе идея эта была столь же утопична, как и программа Евграфа Грузинова.

Иначе решалась балканская проблема в кругах павловского правительства. Официальное понимание задач русской дипломатии в этом регионе сформулировал Федор Васильевич Ростопчин, бывший гатчинец, предложивший разделить владения Турции между крупными европейскими державами. Россия должна была получить Румынию, Болгарию и Молдавию. Из островов Архипелага он рекомендовал учредить республику, надеясь, что греки со временем «сами пойдут под скипетр российский». Здесь Павел I заметил: «А можно и подвести»¹¹⁷. Ради точности надо, однако, сказать, что появился такой проект уже после исключения Грузинова из службы. Интерес же к этому району Европы обнаружился в придворных кругах несколько раньше, о чем свидетельствует перевод на русский язык революционной программы Ригаса Велестинлиса. Все это не могло остаться за пределами внимания Евграфа Осиповича. Намечая удар в направлении на Стамбул, он, конечно, рассчитывал на поддержку тех, кто уже боролся против османского ига.

С утверждением демократии на балканских и малоазийских берегах должен был завершиться первый и начаться второй этап борьбы.

Грузинов предполагал «учредить Сенат, возмогуший щастием всех под солнцем на островах живущих людей, покоря, принесть великую жертву...»¹¹⁸.

Эта часть записки вызвала очередной вопрос у членов комиссии военного суда:

— В чем, если не секрет, заключается та великая жертва, которую вы, Евграф Осипович, помышляли принесть?

Но Грузинов, оставаясь «в закоснелом упорстве, никакого ответа не učinил»¹¹⁹.

Секрет этот оказался за пределами доступного не только для членов суда, но и для вполне просвещенных историков. Приведенная фраза отягощена все теми же архаизмами и таинственна. Грузинов думал учредить именно такой Сенат, который был бы в состоянии («возмогуший») при активном участии («щастии») в борьбе освобожденных интернациональной ратью балканских народов покорить российское самодержавие и принести в жертву свободе жизнь императора Павла I.

«Народы... которые с величайшим трудом отделились от какого-нибудь невыносимого государя, торопятся посадить на его место другого, ибо не могут решиться возненавидеть порабощение». Это отрывок из книги Мишеля Монтеня «Опыты». Евграф Осипович, конечно же, читал эти строки. А прочитав, задумался.

«И наследника, какого имеем...», — решил было Грузинов определить судьбу цесаревича Александра Павловича, но тут же перечеркнул начатую фразу. Уж не потому ли назвал он жертву «великой», что вслед за Е го В е л и ч е с т в о м Сенат должен был отправить на плаху и Е го В ы с о ч е с т в о?

Возникает вопрос, зачем надо было столь тщательно маскировать смысл записки, имевшей программное значение. Может быть, в интересах конспирации? Несомненно. Ведь дошедший до нас документ говорит о том, что его автор находился в самом начале творческого пути и хотел оградить себя от всяких неожиданностей.

«В действиях человека крепкого великая есть разность. Прежде всего прочего должен он о себе по следующим обстоятельствам рассуждать: предводителем ли он при сра-

жении или подчиненным? И если он предводителем, то имеет более оберегаться, если же подчиненным, более от-важности вдаваться. Ибо должность первого в том состоит, чтобы ему Отечество спасти, а другого — За Отечество живот положить». — Так писал «граф и Большого мальтийского креста кавалер» Эмилио Тезауро в книге «Философия нравоучительная»¹²⁰.

Вдумчивым читателем был Евграф Осипович. Но книжная мудрость, усвоенная разумом, еще не управляла его чувствами, не научила его, «предводителя», «оберегаться» в реальной жизни: безрассудно все-таки вел он себя все последние месяцы перед арестом.

Однако вернемся к записке. Думаю, что ее автор не раскрыл планов царсубийства еще и по тактическим соображениям: не найдя крестьянам места в рядах штурмующих монархию, он, естественно, пытался не допустить, чтобы реакция использовала их в интересах контрреволюции. Мне кажется, что мы находимся здесь у истоков дворянской революционности, получившей своеобразное выражение в его стремлении опереться на силы, свободные от порока веры в «хорошего» русского царя — казаков, татар, грузин, греков, калмыков, черкесов.

«Принести великую жертву...» А что же потом? «Одно образовать...» Предложение не получило продолжения. Перечеркнув его, Евграф Осипович мысль о создании единого государства на развалинах двух поверженных империй выразил иначе: «А потом, чтобы тот Сенат составил закон для всех под солнцем живущих народов»¹²¹.

Как видно, вместе с расширением территориальных рамок революции от Средиземноморья до Балтики из известной формулы исчезло обстоятельство «на островах», определявшее раньше географические пределы распространения власти временного правительства. Закон теперь предназначался для всех граждан Государства под солнцем, а не только для обитателей «островов».

Герой «Путешествия из Петербурга в Москву», потрясенный страданиями и незащищенностью крестьян, с горечью воскликнул: «О, законы! Премудрость ваша часто бывает только в вашем слого! Но зачем нам блеск внешности? Не

полезностью ли наших постановлений, ко благу государства текущую, облистает наше лице?»¹²². Не от радищевского ли отрицания положительных свойств крепостнического законодательства следовал Грузинов, когда требовал от Сената «премудростно сочинить закон, который бы для всех под солнцем живущих людей был бы полезен»? Эта главная отличительная черта основного закона государства, рожденного в борьбе с деспотизмом, по его мнению, была бы порукой тому, что «никто из настоящих и будущих людей на земле его бы не отторгнул и тем бы прославился»¹²³. Предполагалось, что разработанный с учетом интересов многонационального населения страны закон будет «всеми принят и сохраним».

Таким образом, если на первом этапе революции общественные отношения должны были регулироваться посредством особых наставлений, то после ее победы они стали бы строиться на основе конституции, одобренной всем народом. Отсюда следует, что Государство под солнцем Евграфа Грузинова было бы демократической унитарной республикой, в которой исполнительная власть принадлежала бы Сенату, а законодательная — народу, выражающему свою волю, очевидно, через избранных депутатов. Не столь уж и важно, какую форму получил бы его парламент. Главное мы знаем: разработанный временным правительством и принятый всеми закон, а не произвол одного человека, должен был создавать политическую атмосферу в стране.

Сам Грузинов считал закон «всесильнее Вседержителя», то есть значительно сильнее Бога, правящего миром. Больше того, он был уверен, что со временем «знамений всемогущества» закона должен стать очевидным для всех. Пока же об этом приходилось только мечтать. Поэтому, желая придать будущему закону необходимым авторитетом, Евграф Осипович наделял его эпитетами, заимствованными из лексики библейских сказаний: «вседержитель истинный», «всемогущий чудотворец», «великосильный Бог». Используя в качестве определителей конституции слова, которые всегда относились к Всевышнему, он вовсе не думал укрепить в сознании масс слепою веру в божествен-

ную святость распоряжений верховной власти. После победы революции предполагалось организовать изучение закона, «чтобы все знали его наизусть и по оному поступали бы» сознательно¹²⁴.

«Властитель первый в обществе есть закон, ибо он для всех один», — писал автор «Путешествия из Петербурга в Москву»¹²⁵. Вслед за ним и Грузинов предпринял попытку показать возможность сочетания власти со свободой граждан и назвал закон будущего Государства под солнцем парадически «всевластительным» — обязательным как для народа, так и для правительства.

В рукописи Грузинова есть набросок, содержащий ряд определений для характеристики его политической системы. Мечтая о победе международной революции, он надеялся сделать Государство под солнцем «преблагим» — в высшей степени счастливым, «пресвятым» — обладающим абсолютным совершенством и чистотой общественных отношений, «преправедным» — основанном на принципах справедливости, «всеславным» — безусловно признающим за всеми гражданами высокие качества и право на отличие за заслуги перед родиной независимо от происхождения. Автор не представлял себе будущего без всеобщего социального и экономического равенства. Но каким образом он предполагал сделать свое государство «всесвободным» и «всебогатым», мы не знаем. Был ли еще путь к этому, кроме ликвидации крепостного права и помещичьего землевладения? Пожалуй, нет. В записке этот вопрос не получил отражения даже в самом общем виде. Но на практике, как мы уже убедились, Евграф Осипович показал себя противником существующего порядка, отказавшись принять пожалованных царем крестьян и земли в Московской и Тамбовской губерниях.

В записке Грузинова есть слова, характеризующие правительство Государства под солнцем. По его мнению, оно должно быть «всеведущим» — руководящим всеми, «всезнающим» — имеющим все необходимые сведения для правильного суждения о делах, «премудрым» — умеющим выбирать самые рациональные варианты решения общественных задач, обладающим «всемогуществом и всеси-

лием», основанным на участии («шастии») в политической жизни страны всех граждан¹²⁶.

Неожиданный арест, а вместе с ним крушение всех замыслов вывели Евграфа Осиповича из равновесия. Уже на первом допросе он бросил дерзко, что находится, «слава Богу, не в безумии», и потребовал «с грубостью, дабы ему истолковано было, почему император есть его законный государь?»¹²⁷. В этих словах обреченного человека слышатся отголоски как будто бы знакомой лексики. «Кто в часы безумия не шадит Бога, — можно прочесть в «Путешествии из Петербурга в Москву», — тот в часы памяти и рас суда не пощадит незаконной власти»¹²⁸. Создается впечатление, что даже оказавшись в «преисподней темнице», узник продолжал мыслить категориями революционной книги Александра Радищева.

В ходе первых допросов Евграф Грузинов, хотя и не дал показаний по существу поставленных вопросов, но и не скрывал, что все намеченное «со временем думал произвести в действие». Подсудимый был уверен, что члены комиссии не сумеют разобраться в зашифрованных им планах царевубийства. За стремление же взять Стамбул у заклятого врага России и учредить Сенат на каких-то островах не стоило, пожалуй, особенно опасаться: это вроде бы не выходило за рамки международной политики правительства, выступавшего в те годы инициатором создания Ионической республики.

«Но чтоб во всем том не обмануться...», — этим предостережением самому себе и окончил Грузинов свою записку.

Что это — утопия? С точки зрения решения поставленных задач, конечно, утопия. Но и мечта, порожденная условиями разложения феодальной системы. Без мечты никак нельзя, без нее может начаться только бунт, стихийный взрыв народного негодования, каких было немало в истории России.

Евграф Осипович не успел даже придать своей мечте достойную форму. Ведь мы имеем дело лишь с черновиком, представляющим собой скорее тезисы или развернутый план большой работы. Правда, после визита казака

Василия Пастухова он уже вряд ли тешил себя иллюзиями, что все обойдется, и мог уничтожить опасные бумаги. Дошедшие же до нас два листа могли сохраниться случайно.

Имел ли Грузинов шанс поднять на борьбу хотя бы казачков? Пожалуй, ведь обстановка на Дону была накаленной. Вот только чем бы все кончилось? Впрочем, кончилось тем, чем и должно было кончиться.

Была ли рассмотренная программа плодом раздумий только ее автора или в ней получили оформление идеи коллектива единомышленников? С определенностью ответить на этот вопрос не представляется возможным. На требование председателя комиссии военного суда назвать соучастников преступных замыслов он категорически заявил: «Несчастья ради другого истину не скажу». Похоже, единомышленники у него все-таки были. Но кто они? Вряд ли удастся когда-нибудь ответить на этот вопрос. Желая спасти своих друзей от неминуемой гибели, он не назвал их имен.

Записка Грузинова представляет собой первую в истории русской общественно-политической мысли программу революционного ниспровержения абсолютизма. В идейном развитии он, бесспорно, испытал влияние радикальной европейской и отечественной литературы, особенно А.Н.Радищева.

14. Фамильярные беседы после приговора

15 августа 1800 года генерал-адъютант Сергей Алексеевич Кожин, вспомнив о совместной службе с Грузиновым при высочайшем Дворе, «для вящего отыскания истины вступил с ним в фамильярный разговор»:

— Евграф Осипович, сколько ни пытался я понять мотивы вашего поведения, никак не мог. Государь излил на вас столько милостей, сколько на других за всю жизнь не выпадает. А вы дошли до такой степени злобы, что, забыв обо всем, осмелились произносить на него таковые гнус-

ные и мерзкие брани, от одной мысли о которых содрогается сердце каждого верноподданного.

— Очень даже может быть, генерал. Однако я не поданный вашему государю, как, впрочем, и все донские казаки.

— Да вы с ума сошли! Подумайте, что ожидает вас за такие злодейские мысли, полковник! — повысил голос Кожин.

— Исключенный из службы полковник, — уточнил Грузинов.

— Извините, погорячился, — примирительно сказал генерал.

— Что ожидает меня, я представляю. «Человек крепкий сам на беды не вызывается, — писал один итальянец, — но от них и не уклоняется, если к оным достойное дело его заывает».

— Какое дело, Евграф Осипович, может сравниться с жизнью в столице, с возможностью постоянно видеть любимую женщину? По слухам, у вас там осталась...

— Было, Сергей Алексеевич, было, — перебил Кожина Грузинов. — А о слухах не надо, мало ли что говорят...

— Покайтесь непринужденно, Евграф Осипович, советую вам. Государь милосерден, может статься, и простит.

— В чем каяться я должен, генерал? В том, что я думаю иначе, чем государь ваш?

— Вы не признаете себя виновным, разделяя по каким-то странным и нелепым представлениям донских казаков и великороссийских подданных, отказываетесь назвать своих сообщников. В столице многие восхищались вашим острым умом, начитанностью, общительным нравом. Не могу как-то представить даже, что никто из приятелей, единых с вами по образу мыслей, не посещал вас с тех пор, как приключилась с вами беда.

— Отчего же, многие у меня бывали.

— Кто же? — спросил Кожин.

— Не помню, решительно забыл всех, кроме дяди моего, Бориса Андреевича Катламина. Да и он, дочитай, год уже не бывал в доме нашем, хотя брат его, мой отец, страдает тяжелым недугом.

— Почему? — удивился генерал.

— Бойтся хлопот...

Так был назван еще один свидетель¹²⁹.

Все попытки добиться от Грузинова признания не имели успеха. Решили призвать на помощь святую церковь. Вечером того же дня протопоп войскового Воскресенского собора Петр Волошеневский, облачив свое тучное тело «в епитрахилию и ризу, изготовился во всем как бы для совершения исповеди», а на самом деле для допроса. Генералы Репин, Орлов и Кожин, дав ему последние наставления, укрылись за дверью, в соседней комнате, чтобы подслушивать.

Евграф Осипович шагнул в полумрак помещения, пропитанного смрадом ладана, восковых и сальных свечей, остановился. Из красного угла взирали на него суровые лики святых, освещенные дрожащим огоньком лампы. Протопоп, указав рыжевласой дланью на священное Евангелие и животворящий крест, предложил исповедаться.

— Батюшка, я нимало не грешен, и каяться мне не в чем, — решительно сказал Грузинов.

— Сын мой, не ласкай себя надеждой, ты нарушил присягу верноподданного и потому уже грешен.

— Я и все донские казаки российскому престолу неподвластны, а потому и не подданные, службой вечной ему не обязаны, а только временной. Вольность казачью заслужил в войне Ливонской Ермак Тимофеевич и никакой государь не имеет права посягать на нее! Выходит, не виноват я и не грешен. Так что с исповедью повремени, святой отец. Начинай без хитрости допрос.

Волошеневский понял, что к покаянию Грузинова не склонить. Отодвинув от себя атрибуты исповеди, он продолжал увещевать уже как частное лицо:

— Заблуждаешься, Евграф Осипович, — гортанно протрубил протопоп, — виноват и грешен, а паче перед таким благодетельнейшим государем, каков наш великий Павел. Он наградил тебя выше меры, произвел в полковники, пожаловал крестьян и землю. Ты же за все излишние высокомонаршие милости оказался нечувствителен и неблагодарен.

— Благodeяния российского императора принадлежат мне по заслугам моим, — упорствовал Грузинов. — Пожаловал рабов, говоришь. Значит, чести себе желал, ибо невозможно употребить щедроты тому, у кого имени нет, храбрости показать, кто силою слаб, также высокого разума изъяснить, кто знатными чинами и властью не обладает.

— Сын мой, но не могут же все обладать властью, кто же должен быть и подданным.

— Могут и должны! Народы, воспитанные в свободе и привыкшие сами править собою, считают всякий иной образ правления противоестественным и чудовищным. Те же, которые, как и ты, отец Петр, привыкли к монархии, поступают ничуть не иначе.

— По твоим словам и замыслам, клонящимся к уничтожению верховной власти, выходит один ужас! — всплеснул ручищами протопоп и начал неистово креститься, взывая к Господу с отчаянной просьбой вразумить раба своего Евграфа.

— Для тебя, святой отец, это ужас, для меня же открытие, ради которого я достоин возвышенности в памяти будущих людей. Я исповедую правду, ты служишь деспоту. «Христианская религия, — говорил один француз, — обладает всеми признаками справедливого вероучения...»

— Верно глаголил, — перебил Волошеневский.

— «... но ничто не свидетельствует об этом в такой мере, — продолжал Евграф Осипович, — как выраженное в ней с полной определенностью требование повиноваться властям и поддерживать существующий государственный строй».

— Антихрист тот француз, — заключил протопоп. — Как далеко ты зашел в своем заблуждении, сын мой! Кого ты совратил еще с пути истины?

Грузинов «по неоднократным домогательствам» Волошеневского «ответствовал с подобовероятностью, что он никого к тому сообщников не имел и все в доме с ним находившиеся о том ничего не знали»¹³⁰.

Отец Петр, хотя и уповал, что Орлов «с вышеименованными особами, генералами Репиным и Кожинным, несколько его, Евграфа, неистовых слов наслышались, по-

тому как он говорил обо всем громко и дерзко, не имея ни в очах, ни в лице должного по крайней мере зазрения или стыдения... от ожесточенности, свойственной одним злобным, с гордынею соединенным тварям», однако написал подробное донесение¹³¹.

Надежды на осуществление задуманного плана рухнули. И Грузинов, приговоренный уже к четвертованию, думает не о спасении души, а об утверждении своего имени в памяти потомков, поскольку считает себя «достойным к оказанию возвышенности за открытие»¹³². И «открытием» этим было понимание необходимости уничтожения верховной власти.

15. Такие разные мнения историков

В первые донесение П.Ф.Волошеневского использовали историки из лагеря белой эмиграции. Они уже не пытались убеждать читателей в том, что Грузинов пал жертвою интриг, как это делали их коллеги до революции. Так, С.Г.Сватиков доказывал, что он погиб за идею «донской независимости», которая в конце XVIII столетия «продолжала существовать в среде казачества». Основанием для такого заключения послужили его «автономистские речи» на исповеди. В самом деле, можно ли иначе расценить такое заявление Евграфа Осиповича, как «Казак! от всемонаршего престола не завяют... и к тому вечною присягой не обязаны... а потому и не подданные»¹³³. Взятые в отрыве от всего комплекса документов, характеризующих политические взгляды полковника, эти высказывания действительно только о том и говорят, что он «тяготился властью, которую проявляла метрополия по отношению к вольной колонии»¹³⁴. Конечно, принадлежность к казачеству не могла не повлиять на характер его взглядов. И это влияние в конечном счете проявилось во время следствия. Однако в записке, отобранной у него в день ареста, нет даже намека на необходимость борьбы за восстановление поправленных прав войска. С ее листов предстает человек, свободный от сословной

ограниченности, охватывающий мечтой о свободе не Дон только, а две империи сразу — Российскую и Османскую. Но именно эту записку и обошел своим вниманием Сватиков. Впрочем, условия для работы у этого замечательно-го историка были не из лучших.

Сватиков не был одинок в своих выводах. Аналогичную позицию отстаивал некий А. Ленивов в журнале «Вольное казачество», издававшемся в Праге. По его мнению, Евграф Грузинов отдал жизнь «за сепаратное начало, за сепаратный дух»¹³⁵.

Случайно ли совпадение точек зрения двух авторов, доживавших свой век вдали от родины? Думаю, что нет. Их стремление возродить идею «донской независимости» выражало надежду на падение Советской власти и возвращение в Россию.

Советская литература по этой теме представлена в сущности статьей В.З. Джинчарадзе и брошпурой О.Ш. Гвинчидзе, вышедшими из печати несколько десятилетий назад¹³⁶. К сожалению, оба исследователя включили в орбиту своих размышлений весьма ограниченный круг источников и слишком доверчиво отнеслись к сочинениям предшественников. В силу этого образ Евграфа Грузинова приобрел у них собирательный характер, впитав в себя деяния чуть ли не всех его братьев, за исключением, пожалуй, малолетнего Николая. Нельзя признать также удачным и анализ основного источника, позволяющего судить о системе политических взглядов нашего героя. Однако с интуитивной догадкой обоих названных историков, отнесших его к представителям революционной мысли радищевского типа, вопреки сомнению некоторых специалистов по павловскому четырехлетию, следует согласиться.

Нельзя не сказать также несколько слов и о книге Н.Я. Эйдельмана «Грань веков», посвященной описанию России того времени. Как и все сочинения этого ученого-писателя, она отличается оригинальностью формы и занимательностью изложения. Не беря на себя смелость судить о глубине авторского проникновения в самую суть описываемых им событий, скажу лишь о том, что глава «Казачи», посвященная по сути Евграфу Грузинову,

содержит, кажется, больше досадных ошибок и безапелляционных заявлений, чем глубоких наблюдений. Понятно, совсем не просто решить все проблемы идеологии казачества всего на трех страницах книжного текста, к тому же на основе весьма сомнительного материала¹³⁷.

16. В ожидании высочайшей конфирмации

С 16 августа 1800 года в комиссии военного суда начали слушать показания тех, кто хоть однажды побывал в доме Грузиновых после приезда братьев из Петербурга. Буквально все свидетели не добавили ничего нового к тому, что уже было известно следствию. Старшина Афанасьев, казаки Касмынин, Попов и Колесников лишь подтвердили, что Евграф Осипович «употреблял ругательные изречения» на императора, в чем подсудимый и без того признался уже на первом допросе и позднее не отрицал этого.

Но и самого Грузинова не оставили в покое, тщетно пытаясь добиться от него показаний по существу «зловредных предприятий», намеченных им в записке, вместе с кем и когда он «располагал все сие произвести в действо». Полковник проявил поразительную твердость, настойчиво отказываясь признать вину, заявляя, что никто не может поставить границ «воли духа», свободе мысли. Генералы Репин, Орлов и Кожин, направлявшие следствие, поняли, что им не сломить этого крепкого человека, и решили подвергнуть его пытке голодом и жаждой — «не давать ему есть и пить несколько времени, когда и потребует». Организм не выдержал, Евграф Осипович тяжело заболел. В течение недели им занимался войсковой лекарь Вильфинг¹³⁸.

С.А.Кожин — Павлу I,

26 августа 1800 года:

«Всеподданейше доношу, что предпринятых мер по исполнению замыслов или какого-либо заговора двух преступников Грузиновых следов совсем нет, ибо я и генерал Репин, также со своей стороны войсковой атаман Орлов, все меры тайные и явные на открытие оного истощили...»¹³⁹

Меры истощили, а сомнения, кажется, остались. Евграф Грузинов не дал показаний о сообщниках. Его брат также не раскрылся. В ходе параллельного следствия выяснилось, что Петр Осипович только в самое последнее время трижды выезжал из Черкаска в Нахичевань и Ростов. И с кем там встречался, неизвестно. При четвертой попытке прорваться через караулы был схвачен на выезде из города. Куда и с какой целью отправился он «после захождения солнца», выяснить не удалось. Сам же утверждал, что раньше ездил развеяться от скуки, а в последний раз решил коня искупать.

31 августа Евграфа Грузинова привели в судебное присутствие на последний допрос. Но и на этот раз он, «следуя прежнему своему ожесточению, не показал ни малейшего раскаяния в своих преступлениях, решительно и дерзко отказался от всякого ответа»:

— Не могу судим быть военным судом. Не упорствую, а не отвечаю и отвечать не буду, потому что несвободен. Раскүйте меня с братом, все скажу в войсковой канцелярии в полном собрании. И везде, где возможно, буду говорить!¹¹⁴⁰

На том следствие и кончилось.

***

Утром 4 сентября в Черкасск пришло повеление Павла I о прекращении следствия и суда по делу о донских чиновниках, обвиняемых в укрывательстве беглых крестьян. В тот же день в войсковой канцелярии состоялось многочисленное собрание. «Слезы нелicenseмной признательности были на очах большей части предстоящих». Атаман Орлов, «присягнув перед Богом», сказал присутствующим:

— Господа, если и после сей беспримерной высочайшей милости кто-либо из вас окажется неблагодарным, того уже без всякой пощады предам всей строгости законов и донесу о том его императорскому величеству.

«Мгновенно все в один голос воскликнули»:

— Атаман! Клянемся, что сами донесем тебе о таком непризнательном изверге!

«В тот же час поскакали во все края донских пределов нарочные с радостными известиями и нанстрожайшими предписаниями»¹⁴¹.

С.А.Кожин — Павлу I,

4 сентября 1800 года:

«Всеподданнейше доношу, что все сие многочисленное собрание пошло, толпясь, в собор петь молебен Всевышнему за здоровье и многолетие Вашего Императорского Величества. Избранные, престарелые, жены, матери — все молились, радовались и благодарили всемилостивейшего государя и владычину.

Позорище чувствительное и превышающее мои бранные силы всеподданнейше описать, сколь великое впечатление произвел на людей сей новый опыт отеческого милосердия Вашего Императорского Величества. Благодарность и усердие горит в сердцах их»¹⁴².

После молебна в доме Орлова собралось избранное атаманом общество. Много пили и ели немало, спорили до хрипоты и снова пили. Захмелевший Кожин пустился в рассуждения «о гнусности корыстолюбия, сильном заглушении здесь гражданских законов и прочих злоупотреблениях». Семидесятилетний отставной генерал-майор Дмитрий Мартынов, возвративший в результате последнего пересмотра его людей двести шестьдесят шесть душ чужих крестьян, не проливал вместе со всеми «слез нелепцемерной признательности» монарху. Он молча потягивал искристое красное вино, слушал, хмурился, мрачнел. Потом тяжело поднялся, уперся могучими пухлыми руками в край стола, подался вперед, уставясь осоловелыми глазами на утопающего в самодовольстве царского адъютанта, начал ехидно и зло:

— В жадности нас упрекаешь, забвении законов и прочих пороках! Тогда ответь, ангел мой златокрылый, почему из России ваши люди к нам бегут?

— Сей бессовестный вопрос... — попытался было говорить опешивший Кожин, но старик не слушал его, продолжал:

— Сам посуди, голубь мой залетный, пришел ко мне твой мужик, просит приюта, а у меня беда — свой человек

преставился. Где мне взять денег платить за него возложенные казенные подати до новой ревизии? Вот и принимаем ваших беглецов.

— Сей бессовестный вопрос в столь торжественный день неуместен, отец, — договорил наконец адъютант.

«Негодование на него, Мартынова, — отметил потом Кожин в донесении царю, — было общее и явное»¹⁴³.

Затянувшееся застолье прервал фельдъегерь, прибывший из Петербурга с указом Павла I от 25 августа о наказании Евграфа Грузинова «нещадно кнутом»¹⁴⁴.

17. Казнь

Ночью в центре города сколотили эшафот. Утром вокруг него поставили каре из казаков Атаманского полка и конной донской артиллерии. По углам каре установили четыре пушки. Когда на площадь согнали народ, канониры зажгли фитили, чтобы в любой момент успеть поднести огонь к запальным отверстиям орудий. По приказу начальника полиции, как-то кстати «учиненной в половине августа», толпа расступилась. По образовавшемуся людскому коридору в сопровождении усиленного конного конвоя прошел, громяхая цепями, узник. Поднявшись на помост, он остановился, склонив голову перед стоявшими внизу станничниками.

Аудитор громко, чтобы слышали все, прочел именной указ Павла I: «Исключенного из службы полковника Грузинова за измену против нас и государства повелеваем, лиша чинов и дворянства, наказать нещадно кнутом»¹⁴⁵. После оглашения приговора с него сняли кандалы, над головой переломили шпагу и, сорвав одежду, привязали к перевернутым саням. Приступили к экзекуции...

Посвист кнута — удар. Размах — удар. Еще... Еще... Еще...

Прошел почти час. Уставший палач опустил руку. По иссеченной спине Грузинова к бокам и пояснице сбегали струйки крови...

Не выдержал и второй палач, он «зашатался и выронил кнут». Тело полковника превратилось в сплошное месиво. «Ропот и сожаление народа, — по словам очевидца, — выражались только причитаниями баб и плачевными возгласами мужчин...»¹⁴⁶.

Истязание продолжил третий мастер заплочных дел. Священник Василий Рубашкин, стоявший тогда среди зрителей, насчитал «слишком четыреста ударов»¹⁴⁷.

После экзекуции Евграфа Грузинова отнесли под своды колокольни Петропавловской церкви. Через два часа он умер. Его истерзанное тело бросили в яму «за полисадом против пороховой казны» и зарыли¹⁴⁸.

В тот же день генерал-адъютант Сергей Кожин всеподданнейше сообщил царю, что «казнь над извергом Грузиновым» происходила «при собрании многочисленной толпы разного звания людей», и выразил уверенность, что в памяти собравшихся «сие зрелище останется надолго»¹⁴⁹.

Прервалась линия жизни удивительного человека. Прощай, Евграф Осипович. Я жил тобой и твоими рано созревшими мыслями почти два десятилетия, то следуя за ними, то отвлекаясь надолго от них к делам житейским, повседневным.

Это конец? Нет. Печальное повествование мое продолжается.

***

Указ Паала I Сенату
от 13 октября 1800 года:

«Генерал от кавалерии Репин исключается из службы с отобранием патентов за приведение к исполнению сентенции смертной казни на Дону вместо заменяющего оную наказания, положенного моею конфирмациею*. Поселеваем Сенату судить его, Репина, уголовным судом»¹⁵⁰.

Этот указ был воспринят историками как возмездие за наказание Грузинова. А.Карасев, И.Попов, М.Шаховской

---

* Конфирмация — утверждение приговора.

утверждали, что он был засечен кнутом вопреки конфирмации Павла I¹⁵¹. Поэтому над головой генерала и грянул гром. Эту точку зрения легко понять, она отвечала концепции названных исследователей, давших жизнь легенде о полковнике, как «верном слуге государя», преданном ему «телохранителе». По мнению же биографа самого новейшего времени, каким был ушедший из жизни О.Гвинчидзе, Репина предали суду «не за учинение расправы над Евграфом, а за то, что он не засек одновременно с ним брата его, Петра»¹⁵². Вероятно, лучше выдумать не мог.

18. Кто виноват?

В тот же день, 5 сентября 1800 года, когда был наказан Евграф Осипович, Василий Орлов сообщил Павлу I, что суд приговорил старшину Афанасьева и казаков Касмынина, Попова и Колесникова к смертной казни путем отсечения головы за то, что они, услышав от Грузинова «худительные изречения» на государя, не донесли о том «по долгу присяги» начальству¹⁵³. Император утвердил определенную комиссией меру наказания. В центре Черкаска снова вырос эшафот, наводя ужас на уже и без того напуганных обывателей.

27 сентября 1800 года священник Василий Рубашкин записал в дневнике: «Было наказание старшине Афанасьеву, одному уряднику и двум казакам на эшафоте отсечением голов. Давно такое действие в Черкасске происходило. Буди, Господи, воля твоя»¹⁵⁴.

П.Х.Обольянинов — А.О.Миклашевичу,

13 октября 1800 года:

«... С какими именно обрядами происходила смертная казнь, велико ли было стечение народа, где именно она была учинена и какое впечатление произвела в умах жителей, какие последовали затем слухи или толкования — все сие с подробностями, со всею возможною тайною поспешнейше мне донести»¹⁵⁵.

Василий Орлов получил высочайше подтвержденную сентенцию 25 сентября. Показав ее генералу Репину,

он отказался ознакомить с ее содержанием войскового прокурора Антона Миклашевича. Однако на следующий день они пригласили его «для совета».

— Что делать? — спросил атаман. — Утвержденный государем приговор находится в явном противоречии с именными указами 1754 и 1799 годов, запрещающими казнь в России.

— Если даже высочайшее повеление последовало в точном соответствии с сентенцией суда, — сказал Миклашевич, — следует все-таки, не приводя ее в исполнение, обратиться за разъяснениями к его величеству. Перед всемилостивейшим монархом лучше сделаться преступником в милосердии, нежели в жестокости. К тому же учинение смертной казни может вызвать в народе нежелательные толки и умовоображения.

— Вот видите, Василий Петрович, и прокурор согласен с моим мнением, о котором я прежде вам говорил, — напомнил Репин.

— Хорошо, — буркнул атаман и, приказав разобрать эшафот, отпустил вызванную к месту казни команду казаков.

Репин и Миклашевич, «свято полагаясь на честь и слово господина генерала от кавалерии Орлова», ушли¹⁵⁶.

Ночью, однако, застучали топоры. Сноровистые плотники быстро смастерили эшафот. Исполнительные командиры пригнали только что распушенных казаков, построили их в каре, поставили четыре пущки, заряженные картечью, и у каждой — канонира с зажженным фитилем. «В пятом или шестом часу пополуночи пришел войскового атамана со многим числом генералов и штаб-офицеров, нарочито собранных». Привели осужденных. Подполковник Шамшев прочитал высочайше подтвержденную сентенцию. Над головой старшины Афанасьева переломили саблю. Приговоренные к смерти, «помолясь Богу, поклонились всем собравшимся зрителям, стечение коих на утренней заре было невелико». Несуетливый палач в заgrabном одеянии развел своих жертв по углам помоста, привязал веревкой к вбитым в настил кольцам. Потом деловито

4. ГОЛКОВНИК СВЯТЫ ЯВЛАА I и ЕГО БРАТЯ

поплевал на ладони, взял топор... Через несколько минут все было кончено. Тела и головы казаков погрузили на повозки и под конвоем отвезли «к речке, называемой Протокой, и зарыли в землю». «Всех в одной яме», — уточнил в дневнике Петр Чеботарев¹⁵⁷.

«При совершении сей страшной экзекуции, — писал Миклашевич генерал-прокурору Обольянинову, — некоторые из зрителей и три казака, стоявшие в строю, поверглись от страха в обморок и тот же час отведены были прочь»¹⁵⁸.

Миклашевич, узнавший о случившемся утром, обратился к В. Орлову:

— Ваше высокопревосходительство, я требую объяснить, почему вы в нарушение общих государственных узаконенных распоряжений произвели в действо смертную казнь, отступив от данного вчера слова?

— Я решение свое переменил, — ответил атаман, — и исполнил в точности предписанную мне высочайшую волю. Может статься, государю императору угодно было обуздать тем здешние своевольства. Вот так-то, господин надворный советник.

«В таком случае осталось мне только молчать», — оправдывался позднее Миклашевич перед начальством, отвечая на вопрос, почему он не протестовал «против известного определения о смертной казни прежде, нежели оно было приведено в исполнение».

Войсковой прокурор, хотя сам и не был свидетелем казни, «но по тайному разведыванию получил достоверные сведения». Я использовал их почти с протокольной точностью в описании той страшной картины, которая повергла в обморок многое повидавших казаков¹⁵⁹.

Павел I — В. П. Орлову,

13 октября 1800 года:

«Господин генерал от кавалерии Орлов, узнал от генерал-прокурора, что обвиненные по делу о преступнице Грузинове I-м войсковой старшина Афанасьев, урядник Касмынин и казаки Попов и Колесников, по суду комиссии наказаны отсечением голов без точной на то моей воли. Хотя и доносили

вы мне 5 сентября о положенной на них смертной казни, но сие по общим государственным узаконениям должно было разуметь наказание нещадно кнутом. Если же в том усомнились или не вразумились, то почему прежде исполнения сентенции мне не донесли и не испросили точного моего разрешения?»¹⁶⁰

Как помнит читатель, Евграф Грузинов был приговорен судом к четвертованию. По подтвержденной же императором сентенции, его наказали «нещадно кнутом». В данном же случае государь не счел нужным менять формулировку. И Орлов не просто «в точности исполнил волю Его Величества», он, я полагаю, угадал тайное желание Павла I «обуздать тем своевольтва» на Дону. Потому-то в отношении атамана и не последовало никаких санкций.

Н.Х.Оболянин — В.П.Орлову,

13 октября 1800 года:

«Исключенного из службы генерала Репина государь император высочайше повелеть соизволил прислать с сим же нарочным прямо в канцелярию генерал-прокурора. Сообщаю Вашему Высокопревосходительству сию высочайшую волю для точного исполнения»¹⁶¹.

Как видно, приведенные документы и указ Павла I об исключении Репина из службы и предании его уголовному суду датированы одним и тем же числом. И нет решительно никаких оснований связывать крутой поворот в его судьбе с событиями 5 сентября, когда был наказан нещадно кнутом Евграф Осипович Грузинов. Генерал был принесен в жертву видимости соблюдения законности, хотя именно он первый стал возражать против решения Орлова привести приговор в исполнение в точном соответствии с конфирмацией царя. Правительство все-таки побаивалось возмущения казаков.

11 ноября Репин прибыл в столицу. Там он узнал, что его жена, «девица Андриоли», спустя четырнадцать месяцев после последней встречи с ним родила младенца. Вряд ли это известие утешило генерала.

19. А где же Петр Грузинов?

Священник Василий Рубашкин: «26 октября 1800 года. Был наказан кнутом 125 ударами бывший подполковник и кавалер Петр Грузинов... который заклеямен и отправлен в Нерчинск»¹⁶².

Поспешил святой отец отправить Петра Осиповича в такую даль. И биографы братьев, не затрудняя себя архивными разысканиями, повторили эту версию. Правда, его и в самом деле должны были послать навечно «в каторжную работу» в Сибирь, но при условии, если бы он остался жив. Не вынес, однако, Грузинов 2-й наказания кнутом. На следующий день «в пятом часу пополудни лишился жизни», что было засвидетельствовано штаб-лекарем Вильфингом и двумя приглашенными чиновниками. Антон Миклашевич сообщил об этом генерал-прокурору рапортом от 27 октября, который я обнаружил в делах Центрального государственного архива древних актов¹⁶³.

20. Афанасий Грузинов

Фортуна не баловала его своим вниманием. Начав службу казаком, он только через шесть лет дотянул до сотника. Волонтером ушел в Польшу, но прибыл туда, когда с восстанием Тадеуша Костюшко было покончено. В 1796 году, по-видимому, по рекомендации старшего брата добровольцем же был «командирован в Персию» в армию Валериана Зубова, который и произвел его «за усердие» в есаулы. После смерти Екатерины II командующий предстал перед судом. Не исключено, что какую-то роль в его судьбе сыграл Афанасий Грузинов, донесениями и расторопностью которого был «весьма доволен» Павел Петрович. Возможно, молодой человек информировал его не только «о сих движениях войск» и слухах («даже что и врут»), но и вполне реальных финансовых злоупотреблениях начальника, за что и удосто-

ился благосклонной записки наследника престола, процитированной мною выше.

Наследник престола стал императором Павлом I. Он произвел вызванного в столицу Афанасия в корнеты и отправил его в лейб-казацкий полк для несения кордонной службы на границе с Финляндией. Впервые за последние пять лет братья Грузиновы оказались вместе. Не хватало лишь младшего Николая, в то время воспитанника второго кадетского корпуса. И все-таки он был рядом. Старшие могли навещать его, когда приезжали в Петербург по делам или для получения нового назначения.

Первый арест Евграфа и Петра никак не отразился на судьбе Романа и Афанасия Грузиновых. Оба остались в полку и ушли с ним в поход в Прибалтику. Не отразилась на них и высылка старших братьев в Черкасск под надзор наказного атамана Дмитрия Ивановича Иловайского.

20 июля 1799 года Афанасий Осипович Грузинов 4-й был командирован в Голландию...

***

Вступив на престол после смерти Екатерины Великой, Павел Первый, казалось, решил разрушить все, что столь настойчиво создавала его мать. Прежде всего он отказался от совместных с Англией действий против Французской республики, мотивируя это недостатком финансов и истощением народа. Но удержаться на этих позициях новый император не смог. Вскоре он уведомил союзников о своем намерении поддержать их, чтобы общими усилиями справиться с «революционной заразой», угрожавшей всем странам Европы «совешненным истреблением закона, прав, имущества и благонравия»¹⁶⁴.

Между тем в состав новой Франции вошли левобережье Рейна, Бельгия, итальянские государства и часть Голландии, а на остальной ее части была создана дружественная ей Батавская республика. Летом 1798 года в Ирландии началось восстание, поддержанное военной силой революционного Парижа. Все это вынудило Павла I приступить к активным действиям.

В июне 1799 года корабли английской эскадры вошли в Балтийское море и бросили якорь на ревальском рейде, чтобы принять на борт две русские десантные дивизии под общим командованием генерал-лейтенанта И.И.Германа¹⁶⁵. Участник экспедиции полковник Александр Яковлевич Дубленский вспоминал: «Солдаты лежали один возле другого, так что по тесноте едва пошевелиться можно было... Пока попутный ветер нес корабли на всех парусах, мы попевали веселые русские песенки, прохаживались по шканцам, попеременно выводили людей на свежий воздух»¹⁶⁶. Но скоро начался шторм, продолжавшийся пятнадцать суток. Претерпев немало лишений, обе эскадры достигли наконец цели и, несмотря на «бурливую погоду», высадились на берег, уже занятый англичанами¹⁶⁷. Сосредоточение союзных войск завершилось 7 сентября. На следующий день была назначена общая атака: русских — против французов, англичан — против голландцев.

Русский корпус Германа численностью в 14465 человек состоял из двух дивизий под командованием генералов Эссена и Жеребцова¹⁶⁸. По диспозиции, данной герцогом Йоркским, они должны были наступать против левого крыла неприятельской армии, занимавшей позиции перед городом Бергеном.

Команда донских лейб-казаков числом в шестьдесят человек под началом четырех офицеров — штабс-ротмистра Гурова, поручика Давыдова и корнетов Филиппова и Грузинова 4-го — входила в состав дивизии генерал-майора Николая Ивановича Эссена.

Войска к наступлению не были готовы. Солдаты еще не оправались от изнурительного морского перехода. Артиллерия и кавалерия, кроме донских и уральских казаков, прибыли к месту военных действий без лошадей, поскольку по договору их должны были поставить англичане. Но союзники не выполнили взятых на себя обязательств. Поэтому даже гусары оказались в пешем стою. Не хватало продовольствия¹⁶⁹.

В бою 8 сентября И.И.Герман был взят в плен, П.А.Жеребцов погиб. Поэтому Н.И.Эссен, «сделавшись от сего несчастного происшествия старшим, принял на себя на-

чальство» и по окончании дела отправил в Петербург донесение на высочайшее имя¹⁷⁰. Надо сказать, писал он значительно лучше, чем командовал, как, впрочем, и его предшественники*.

Перед наступлением солдаты не ложились спать, ожидая сигнала к атаке. После полуночи вышли на исходные позиции. Тем временем надвинулись тучи, заморосил дождь и стало так темно, что за несколько шагов невозможно было увидеть человека.

Рано утром, часа за два до рассвета, русские войска, в авангарде которых шли донские лейб-казаки, устремились в атаку, «выбили неприятеля из трех ретраншементов, взяли штыками несколько батарей», очистили от французов деревни Камп, Грут, Схорль и, не останавливаясь, двинулись дальше на Берген¹⁷¹.

Французы, ошеломленные стремительной атакой, отступили, закрепились на позиции у Бергена и встретили наступающих губительным огнем артиллерии с фронта и флангов. И все-таки русские штыками пробивались в город, но удержать его не смогли. Английская бригада, назначенная им в подкрепление, опоздала. Генерал-лейтенант Герман попал в плен. Солдаты его корпуса обратились в беспорядочное бегство. Поражение было полным, горечь которого несколько сгладил подвиг донских казаков...

В общем смятении, охватившем отступающие войска, часть русских пехотинцев со знаменем, замешкавшись, попала в окружение. Поручик Богдан Давыдов, увидев это, остановил два десятка своих казаков и пустился с ними назад к Бергену. Донцы прорвались сквозь гущу французов, и их отважный начальник сам вырвал стяг из рук врага и, оберегаемый товарищами, помчался обратно. По свидетельству мемуариста, французы, ошеломленные такой дерзостью, даже не сразу открыли огонь по удаляющимся смельчакам¹⁷².

---

* Автор выражает признательность Александру Александровичу Егорову за возможность использовать архивные материалы о голландской экспедиции русского корпуса.

4. ПОЛКОВНИК СВИТЫ ПАВЛА I и ЕГО БРАТЯ

К вечеру противники расположились на своих прежних позициях. Русские не досчитались после боя 1792 человека, в том числе одного генерала. Казаки похоронили одного своего товарища. Утешало лишь то, что «неприятель потерял гораздо больше»¹⁷³. Но, думаю, Николай Иванович Эссен несколько преувеличил убыль в людях в республиканской армии.

Анализируя итоги этого дня, новый командующий писал в приказе по корпусу: «Неудача, которую мы имели 8-го числа сего месяца, не только не должна охладить храбрость российских войск, обративших на себя внимание всей Европы, но, напротив, должна служить поощрением к одержанию побед» в будущем¹⁷⁴. Успех не заставил себя ждать. Он пришел 21 сентября, когда союзники предприняли очередное наступление все в том же направлении — на Берген.

В атаку пошли в 6 часов утра: русские — против сильно укрепленного центра, англичане — на флангах. На этот раз Эссен не спешил. Выждав, пока союзники обойдут неприятеля справа и слева, он обрушил на его окопы шквал огня из артиллерии. Французы отступили, а ночью вообще оставили город. В этом бою казаки никак себя не проявили.

Французский генерал Брюн, отступив, укрепился на новой позиции. Прибывшее к нему из Бельгии пополнение значительно увеличило его силы. Герцог Йоркский решил разгромить неприятеля, чтобы открыть союзным войскам путь на Амстердам. Наступление было назначено на 25 сентября.

Русским выпало штурмовать французские укрепления у Бакума. В 8 часов утра выступил авангард генерал-майора Седморадского. За ним двинулись главные силы корпуса. Первыми ворвались в деревню десятка три лейб-казаков во главе с штабс-ротмистром Гуровым. Они выбили из нее неприятеля и держались до подхода пехоты¹⁷⁵.

Авангард, развивая успех, устремился на Кастрикум, куда отступили французы, и соединился с отрядом полковника Гладкого, под началом которого состояли эскадрон пеших гусар, остальные лейб-казаки поручика Давы-

дова, уральцы и команда егерей. Кроме того, в ходе боя генерал-майор Эссен прислал к ним в подкрепление три батальона и два полка пехоты. Несмотря на подавляющее численное превосходство неприятеля, войска держались здесь более трех часов. Англичане и на этот раз не спешили оказать помощь союзникам.

Французский генерал Брюн, видя бездействие англичан на обоих флангах, усилил свой центр, чтобы сломить упорство русских. Его пехота пошла в штыковую атаку, а кавалерия стремительно бросилась в обход. Но сотня донских и уральских казаков, «ударив с крайнею отчаянностью, удержала оную» и тем позволила полковнику Гладкому с частью войск арьергарда войти в узкое дефиле и отступить. Деревню Кастрикум, дважды переходившую из рук в руки, пришлось оставить¹⁷⁶. Бой прекратился лишь с наступлением темноты.

В этот день, 25 сентября, русские потеряли 381 человека убитыми и 735 ранеными¹⁷⁷. Среди последних были отважный ротмистр Петр Гуров и два гвардейских казака¹⁷⁸. Юный корнет Афанасий Грузинов 4-й остался цел, но «под ним была убита лошадь»¹⁷⁹.

Н.И.Эссен — Паалу I,

28 сентября 1799 года:

«...После двух кровопролитных сражений и побед 21-го и 25 сентября, когда ожидал я дальнейших успехов и когда уже разбитый неприятель оставил Северную Голландию, получил я письменное повеление от его высочества герцога Йоркского отступить в ночь с 26-го на 27-е число и занять прежний наш пост от Петена до Крабен Дама...

*Его королевское высочество сказал мне, что он сам донесет вашему величеству о причине сего отступления...»*¹⁸⁰.

Николай Иванович явно преувеличил успехи союзных войск и ничего не сказал о сложности своих отношений с английским командованием. Между тем в русском корпусе, в котором недоставало самого необходимого, ухудшилась дисциплина, что отмечается почти во всех приказах Эссена за сентябрь месяц. В одном из них он писал:

«К большому стыду нашему, столь мало царствует порядок и военная дисциплина в корпусе войск наших, что

я принужден буду принимать наистрожайшие меры. Солдаты оставляют на марше свои батальоны... и остаются позади для гнусного грабежа. Пришедши в селения, расходясь, опустошают сады и грабят дома жителей, нам преданных и расположенных давать нам все нужное добровольно. Собственная наша польза требует, чтобы мы селения, нами теперь занимаемые и селения, впереди находящиеся, оставляли безвредными, ибо они будут нашими зимними квартирами...»¹⁸¹.

Надо сказать, что казаки и их офицеры не запятнали себя недостойным поведением.

Добиться расположения батавских жителей не удалось. 6 октября герцог Йоркский заключил перемирие с генералом Брюном. Союзные войска погрузились на корабли и взяли курс к берегам Англии. Русских высадили на острова Джерси и Гернси, где они, по словам Семена Романовича Воронцова, «находились в сущей нагости; уже гораздо за сроки носили изветшавшую совсем одежду, иные более года назад должны были получить оную»¹⁸².

В конце июля 1800 года «расстроенный и совсем испорченный ...бестолковым Эссенем корпус» вернулся на родину, оставив в Голландии до трех тысяч русских могол, в том числе девять казачьих.

Вернулся в Россию и наш герой. За участие в этой кампании Афанасию Осиповичу Грузинову выпало повышение: в Петербург он явился поручиком¹⁸³.

***

В Петербурге Афанасия ожидал лишь малолетний кадет Николай Грузинов, но встретиться с ним не довелось. Брат Роман еще год назад высочайшим приказом был отстранен от службы по болезни в звании майора и с правом ношения мундира¹⁸⁴. Он уехал в свою деревеньку Лесной Тамбов, где занялся хозяйством и устройством личной жизни. Это и избавило его от неприятностей, связанных с трагедией, разыгравшейся в Черкасске на исходе лета 1800 года.

Афанасию Грузинову не удалось избежать ударов судьбы. Сразу по возвращении в Россию он оказался под опекой ведомства военного губернатора Петра Алексеевича Палена. Сначала его определили на гауптвахту, а потом по высочайшему повелению отправили «для жительства в город Нарву безвыездно». Тамошнему коменданту барону Маркловскому вменялось в обязанность за его «поведением стражайше наблюдать и каждые две недели извещать» генерал-прокурора Оболянинова «для всеподданнейшего донсения»¹⁸⁵. Так наш герой еще раз попал в сферу внимания Павла I.

24 сентября сенатский курьер Доброславский доставил Грузинова в Нарву и сдал под расписку генерал-майору Маркловскому. Вместе с ним он вручил ему саблю Афанасия Осиповича, чем поставил барона в затруднительное положение, поскольку тот не знал, что с ней делать. Ситуацию разрешил император, приказавший вернуть оружие поручику. «Для вернейшего присмотра за поднадзорным» комендант поселил его на квартире своего адъютанта и обеспечил на первое время самым необходимым¹⁸⁶.

Афанасий Осипович был арестован в тот же день, когда экспедиционный корпус И.И.Германа — Н.И.Эссена вернулся на родину. Он не успел даже распорядиться своим имуществом. Воспользовавшись оказией, он обратился к «любезному старичку» Григорию Минаевичу Плешакову с просьбой передать кое-какие его вещи на хранение двоюродному брату Александру Михайловичу Грузинову, продать лошадей и рассчитаться с кредиторами, а шинель, шкатулку и экипаж, оставшиеся на казачьем подворье, отправить в Нарву с поручиком Иваном Васильевичем Темировым¹⁸⁷.

А.О.Грузинов — П.Х.Оболянинову,
28 сентября 1800 года:

«Ваше Высочайшее милостивое государство, милостивый государь! ...22 числа сего месяца по высочайшему повелению отставлен я от службы. Исполняя волю милосердного монарха, отправили Вы меня в Нарву. Не имею я дневного пропитания и надежды к получению оногo откуда ни есть, ибо жил одним жалованием... Воззрите на горестное положение мое, удос-

тойте принять труд и исходатайствовать от щедрот монарших бедному и несчастному в нынешнем состоянии: малейшее пропитание. Великодушное Ваше вспоможение облегчит мою судьбу и обяжет меня чувствительнейше благодарить особу Вашего Высокопревосходительства.

В надежде с совершенным моим почитанием и глубочайшей преданностью Вашего Высокопревосходительства, милостивого государя всепокорный слуга

*Афанасий Грузинов 4-й*¹⁸⁸.

Просьбу Грузинова поддержал комендант Маркловский, подтвердивший, что его поднадзорный «никаких средств не имеет». Петр Хрисанфович Оболянинов «воззрился на горестное положение» отставного поручика и обратился к Павлу I. Его Величество распорядился «от щедрот монарших» выдавать на содержание попавшего в беду молодого человека «по двадцать пять копеек в сутки из сумм Тайной экспедиции»¹⁸⁹.

То ли времени у барона Маркловского не хватало, то ли была другая причина, только сообщал он в столицу о поведении ссыльного не чаще одного раза в месяц. Первый рапорт комендант отправил лишь через три недели после прибытия Афанасия Осиповича:

«Оный Грузинов 4-й ведет себя весьма тихо и скромно... о чем честь имею уведомить»¹⁹⁰.

На задержку никто не обратил внимания.

Природа не наделила Афанасия твердостью характера, присущей Евграфу, и ироничностью, свойственной Петру. Человек впечатлительный, он остро переживал беспричинную отставку, впадал в меланхолию, доходившую до отчаяния, что отразилось даже в официальном донесении наблюдательного Маркловского:

«Честь имею донести Вашему Высокопревосходительству, что по высочайшему государя Императора повелению живущий здесь в Нарве, под смотрением моим отставной поручик Грузинов 4-й ведет себя все время его пребывания тихо и благородно и ни в чем не замечен, кроме того, что он часто в слезах»¹⁹¹.

Вместе с этим донесением Маркловского курьер передал генерал-прокурору Оболянинову записку Афанасия

Осиповича с просьбой подать ему «несчастному руку помощи и испросить разрешения высочайшего монарха принять его на службу»¹⁹². Просьба осталась без ответа.

В начале декабря комендант Нарвы еще раз сообщил начальству, что Афанасий Грузинов «ни в чем сумнительном не замечен». Этим собственно и закончилось его «дело», из которого не видно, знал ли он о трагическом конце своих братьев.

Наступил новый год. Началось новое столетие. А с ним и новое царствование — «дней Александровских прекрасное начало».

21. Эпилог

В сентябре-декабре 1800 года «за дерзкие речи об императоре» в Черкасске были наказаны кнутом и плетью около сорока человек. Но этого Его Величеству оказалось недостаточно. Вот что сообщила нам в своих воспоминаниях Дарья Христофоровна Ливен, молодая жена тогдашнего начальника Военно-походной канцелярии:

«Три месяца назад император Павел в гневной вспышке решил предать уничтожению все донское казачество.

Под предлогом поддержания политики Бонапарта, первого консула, к которому он вдруг воспылал фанатическим расположением, Павел решил послать казаков тревожить с тыла индийские владения англичан. На самом же деле император рассчитывал, что при продолжительном зимнем походе болезни и военные случайности избавят его окончательно от казачества. Предлог и истинная цель экспедиции должны были храниться в великой тайне. Никто в России не должен был ничего знать о маршруте экспедиции, и только Ливен из кабинета государя под царскую диктовку отдавал для беспрекословного выполнения подобные приказы... Об истинных побуждениях императора стали догадываться, — известна была его ненависть к независимым формам внутреннего управления казачества, но представлялось совершенно невозможным проникнуть

4. ЯЛОКОВНИК СВИТА И ПАВЛА I И ЕГО БРАТЯ

в тайну действительного следования донских полков, и уже несколько недель были потеряны последние следы снаряженной экспедиции. Это обстоятельство и было, между прочим, одною из причин, ускоривших трагическую кончину императора»¹⁹³.

Возможно, Дарья Христофоровна была склонна к преувеличениям, как считали публикаторы ее мемуаров, но вообще отрицать свидетельство жены «военного министра» нельзя, она все-таки многое знала. Такая идея вполне могла зародиться «три месяца назад», то есть в октябре 1800 года. Казаки были отправлены во «всеобщий поход к стороне Оренбурга», но успели они дойти только до Саратова...

В ночь с 11 на 12 марта закончилось царствование Павла I. Днем уже известный читателю полковник Саблуков, стоявший у Михайловского замка со своим эскадром, начал приводить его к присяге. Раньше других он обратился к рядовому Григорию Иванову, которого в числе прочих пустили во дворец, чтобы убедить солдат в смерти императора:

— Ну что же, братец, видел ты государя Павла Петровича? Действительно он умер?

— Так точно, ваше высокоблагородие, крепко умер!

— Присягаешь ли ты теперь Александру?

— Точно так, хотя лучше покойного ему не быть...

А впрочем, все одно: кто ни поп, тот батька¹⁹⁴.

На престол вступил Александр I. По свидетельству той же княгини Дарьи Ливен, первым вопросом нового императора к ее мужу был:

— Где казаки?

Казаков вернули уже из-за Волги.

А.Грузинов — Александру I:

«Всеавгустейший Император!

Всепросветлейший Монарх!

Прошлого 1800 года сентября 23 дня блаженной памяти государь император, всемилостивейше отставив меня от службы, повелев арестовать и отправить в город Нарву на жительство, а через три недели по высочайшему Его Величества повелению отдана мне сабля. Находясь здесь в край-

ней бедности и не имея ежедневного пропитания, осмеливаюсь писать к милосердному престолу и священнейшим стопам Вашего Императорского Величества; всеподданнейше прошу меня несчастного всемилостивейше освободить. Я по великой моей ревности и молодым летам за особое постановление Ваше продолжал высокочестное Ваше Императорское Величество службу в лейб-казацком полку, в коем служил.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший отставной лейб-казацкого полка поручик Афанасий Грузинов 4-й.

Марта 19-го дня 1801 года. Нарва»¹⁹⁵.

Отставной поручик был возвращен на службу, получил чин ротмистра и через несколько лет ушел в отставку.

Роман и Афанасий Грузиновы уже в апреле 1801 года добились возвращения отписанных в казну имений Евграфа Осиповича в Московской и Тамбовской губерниях, правда, в урезанном виде, поскольку часть земли и крестьян Павел I успел передать своему шуту-карлику Ивану Ивановичу Ахлебинину, пожалованному высочайшим указом в чин статского советника¹⁹⁶. По семейному преданию, между братьями «произошло охлаждение из-за наследства. Родственные связи поддерживала, насколько могла, жена Афанасия, Каролина Григорьевна Рейнсдорф, женщина отменно добрая и кроткая». Ее стараниями отношения между братьями наладились.

***

Престарелый Осип Романович, дав вольную своим крестьянам, уехал вместе с Федотом Даниловым к сыну Роману, на руках которого и скончался, около 1820 года, немного не дотянув до ста лет. Прах старшины Грузинова был предан земле на погосте при церкви села Верхнеспаского, что в Тамбовской губернии.

Личная жизнь Романа Осиповича не сложилась. Уйдя в отставку, он женился на Ольге Андреевне Давыдовой, сес-

4. ПОЛКОВНИК СВЯТЫ ПАВЛА I и ЕГО БРАТЯ

тре сослуживца по «павловской команде» и соседа по имени. Она не отличалась пуританской верностью больному мужу, проматывала его состояние с неким мещанином провинциального Моршанска, чем немало ускорила отход его от земных забот. Похоронили отставного майора рядом с отцом.

От Романа Грузинова остался сын, названный в честь деду Осипом. Мальчик родился 25 декабря 1812 года, учился в университетском благородном пансионе и входил в окружение Михаила Юрьевича Лермонтова. Страстно увлекался литературой, издал два поэтических сборника и тягучие «Записки покойного Якова Васильевича Базалова» в двух частях. Последнюю публикацию предваряет портрет автора, сохранившего в своем облике тучность отца и национальные черты прадеда, князя Намчевадзе¹⁹⁷. Приведу несколько строф из его стихотворения, навеянного семейным преданием:

Друзья, люблю я молодую
Грузинку, мне она сродни,
Я, как дитя, ее балую,
И берегу молодые дни.

Мой дед пришел из-за Кавказа,
Он полюбил широкий Дон.
В былые дни там без заказа
Селился люд со всех сторон.

Он был грузин, она — грузинка,
Итак, немного мы сродни.
Как Греведолова картинка,
Мила она, глаза — огни.

Уста как будто амброй дышут,
Чудесно строен юный стан,
Ее лобзания зноем пышут,
А кудрей темных океан.

Не вдаваясь в оценку художественных достоинств этого и других творений Иосифа Романовича, напомним читателю эпиграмму М. Ю. Лермонтова, посвященную однокашнику Грузинову:

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — итак,
Кто ж видел женщин благодарных?...

Михаил Юрьевич оказался прав: не сумел Иосиф Романович приманить к себе коварных муз. Пришлось пойти на службу, но дослужился лишь до чина коллежского регистратора и должности секретаря московского дворянства¹⁹⁸.

***

24 апреля 1814 года лейб-гвардии отставной штабс-ротмистр Афанасий Осипович Грузинов обратился в общее собрание московского дворянства с прошением внести его «обще с детьми, сыновьями Евграфом и Петром, в родословную книгу» и выдать ему о дворянстве грамоту, а «детям для вступления в службу каждому порознь свидетельства»¹⁹⁹... Я нашел названные документы в делах Центрального государственного исторического архива города Москвы. Вот они:

«1810 года мая 21 дня в доме московского купца Григория Николаевича Рейнсдорфа у гвардии штабс-ротмистра Афанасия Осиповича Грузинова, что подлинно, родился сын Евграф и окрещен в приходе Покрова пресвятой Богородицы, что за Яузою на Лысачковой горе. Восприемником был означенный купец Григорий Николаев Рейнсдорф, а восприемница княжна Анастасия Евграфовна Волконская. В том засвидетельствовали прежде бывший там Покровской церкви протонерей Григорий Петров и дьякон Карп Петров»²⁰⁰.

«1811 года декабря 9 дня в доме малолетних детей Горяиновых у господина гвардии штабе-ротмистра Афанасия Осиповича Грузинова родился сын Петр; крещен 12-го дня; воспитанником был полицейских эскадронов воинский офицер Александр Михайлов Грузинов; воспитанница — московского купца Григория Николая Рейнсдорфа жена, Анна Егоровна; в том засвидетельствовали церкви Адриана и Наталии, что в Мещанской, протоиерей Матвей Николаев, дьякон Стефан Сергеев, пономарь Семен Егоров»²⁰¹.

Итак, переживший страшные годы террора Афанасий Осипович назвал сынов своих в честь погибших на эшафоте в Черкасске братьев. Естественно, что воспитанниками детей были родственники, родители жены и двоюродный брат отставного ротмистра. Непонятно лишь, как оказалась в доме московского купца в роли крестной матери первенца мелкопоместного дворянина петербургская княжна Анастасия Евграфовна Волконская? Что ее связывало с этим скромным семейством? Осмелюсь утверждать — кровное родство!

Из родословной Волконских, составленной замечательной представительницей этого рода, следует, что княжна Анастасия была единственным ребенком князя Евграфа Федоровича Волконского от второго брака с Марфой Степановной Колычевой. Других детей, в том числе и от первого брака с Анной Васильевной Хилковой, у него не было²⁰². Тайна появления на свет девочки уже в том, что неизвестен даже год ее рождения. Умерла же она 29 января 1823 года в девичестве.

Думаю, настоящим отцом Анастасии был Евграф Осипович, после ссылки которого влиятельный дипломат Колычев выдал «согрешившую» Марфу Степановну за престарелого князя Волконского, едва ли ни своего ровесника, и тот удочерил девочку, а позднее не препятствовал ее отношениям с семьей дяди Афанасия Грузинова.

Кстати, имя Анастасия было столь распространено среди женщин рода Грузиновых в начале XIX века, что кажется, им чтити память бабушки-казачки, матери пяти сыновей: Евграфа, Петра, Романа, Афанасия и Николая.

Не с Марфой ли Кольчевой проводил время Евграф Осипович Грузинов, когда сказался больным в сентябре 1798 года? Я убежден — с ней! Похоже, молодые люди очень любили друг друга, коль один махнул рукой на карьеру, а другая — на суд людской и на суд Божий. Они были счастливы. Две недели...

Крестник княжны Анастасии Евграф Афанасьевич Грузинов избрал военную службу, но дотянул лишь до штабс-ротмистра. Он принимал участие в усмирении польского восстания, после которого ушел в отставку. Семейой обзавелся поздно. Когда ему исполнилось пятьдесят девять, молодая жена подарила ему первую дочь, через четыре года — сына Александра, потом еще четверых молодцев, в том числе Петра, на встречу с которым я опоздал, и одну девицу. После рождения последнего ребенка наш герой представился в возрасте семидесяти пяти лет²⁰³.

Но остались дети. Как известно, их было семь. Я знаю всех поименно, но сознательно назвал только двух, им выпали разные судьбы: старший остался русским, а тот, что помладше, стал советским, может быть, не по духу — по обстоятельствам. Остальные, кажется, ушли из жизни раньше коммунистического апокалипсиса в России.

Александр Евграфович Грузинов... Профессор Донского университета. С. Вологдин назвал его «одним из видных общественных деятелей России»²⁰⁴. Но до сих пор он остается почти неизвестной исторической личностью периода великой смуты, ибо принадлежал к тому лагерю, который располагался по ту сторону большевистских баррикад, а значит, и по ту сторону дозволенных интересов советских летописцев.

Внук Афанасия Осиповича явился на свет через сто лет после рождения деда — 12 июня 1873 года. Он посвятил свою недолгую жизнь русской армии и дослужился до звания полковника. Мог бы подняться и выше: знания, приобретенный опыт и удача сделали его заметной фигурой. Во время первой мировой войны Александр Евграфович выполнял обязанности уполномоченного председателя Особого совещания по продовольственному делу. Анализ экономической ситуации, подготовленный им для озна-

комления общественности, опубликован, доступен для изучения и позволяет говорить о нем как о человеке с государственным масштабом мышления²⁰⁵. Но имя Грузинова, выражал уверенность современник, «будет особенно отмечено историей как имя первого командующего войсками Московского военного округа в памятные дни начала революции»²⁰⁶. После отречения великого князя Михаила, вызвавшего бурную реакцию в столице, он сообщил Павлу Николаевичу Милюкову, что вверенный ему гарнизон сохраняет дисциплину, чем вселил энтузиазм в лидера кадетов, размышлявшего тогда об ответственности за будущее страны²⁰⁷. В дальнейшем его усилия были направлены на изоляцию солдат от большевистской демагогии. В условиях безбрежной свободы эти усилия не увенчались успехом, и честный полковник оставил высокую должность сразу после апрельского политического кризиса.

В октябре 1917 года Грузинов отправился в Новочеркасск в качестве представителя Министерства продовольствия Временного правительства. Здесь в полной мере раскрылись его организаторские способности. Он принял участие в работе законодательного совещания при донском правительстве, взял на себя снабжение войск и заботу о раненых, а потом и фактическое руководство Советом.

В конце февраля 1918 года в Новочеркасске установилась Советская власть. Грузинов был арестован и препровожден в Москву, откуда бежал на Дон, где в тот период временно пал большевистский режим. Здесь он возглавил продовольственную комиссию.

11 сентября во время прогулки по Дону Александр Евграфович утонул... За два месяца до трагедии ему исполнилось сорок пять.

Я смотрю на тронутую временем фотографию полковника, запечатленного в полный рост, и не могу отделаться от почти навязчивой мысли: за этой смертью скрывается какая-то тайна. Может быть, об этом что-то знал его брат Петр Евграфович. Но на встречу с ним я опоздал на пять лет. Правда, остались его воспоминания, но мне не довелось их полистать.

Братья не похожи друг на друга. Александр с очень русским лицом напоминает Николая Осиповича, каким запечатлел его неизвестный художник на миниатюре начала XIX столетия. Петр, кажется, сохранил в лице черты сына солнечной Грузии и, по свидетельству Зинаиды Григорьевны, гордился этим.

***

Самый младший из братьев Грузиновых, Николай Осипович, выпущенный из второго кадетского корпуса в полевую артиллерию, принимал участие в Отечественной войне 1812 года, был награжден. По окончании кампании против французов возвратился на родину, «предался невоздержанной жизни юности и двадцати двух лет от роду от расстроенного здоровья, душевной тоски, гибели умственных способностей кончил жизнь самоубийством»²⁰⁸.

***

Прошло столько лет, а я все не могу забыть ту экскурсию в Старочеркасск. Помню, как мы остановились у едва различимого ложа пересохшей Протоки, пытаюсь угадать, где мог стоять дом старшины Грузинова, со двора которого 12 августа 1800 года «при захождении солнца» выехал верхом на лошади Петр Осипович; как в центре станицы нашли то «возвышенное место», на котором тогда так часто строили и разбирали эшафот... И слова восьмидесятилетнего казака: «Склеп-то заброшенный был. От него и осталась эта яма».

Непонятно. Современники в один голос утверждали, что Евграфа Осиповича похоронили «за полисадом против пороховой казны». По-видимому, и тело Петра было предано земле там же. По преданию, «над могилами праведников часто видели теплющиеся свечи, неизвестно кем зажженные». Не исключено, что с наступлением «дней александровских» прах казненных братьев Грузиновых был

---

4. ПОЛКОВНИК СВЯТЫ ПЛАВЛ I и ЕГО БРАТЯ

перенесен с городского пустыря в склеп, о котором поведал нам в тот осенний день старожил заповедника.

Евграф Осипович Грузинов считал себя «достойным возвышенности за открытие», славы и благодарной памяти потомков. И надо признать, в России в то «безумное и мудрое» столетие другого такого героя не было. Он первый разработал программу революционного ниспровержения деспотизма и «думал со временем все то произвести в действо»²⁰⁹.

Неумолимое время отсчитывало годы, десятилетия. Столетие прошло. Второе на исходе. Надежды не оправдались. А ведь достоин «возвышенности за открытие» Евграф Осипович Грузинов...

Как воздать должное? Как?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Во славу
Отечества
Российского*

ГЛАВА 5

От Немана до Смоленска

1. Вторжение

Живописны пейзажи Литвы. Среди бесконечных холмов, густых лесов и перелесков, зеленой глади июньских нив и лугов неторопливо несет свои воды в Балтийское море Неман. В нескольких верстах от города Ковно, у деревни Понемонь, река образует излучину, упирающуюся своей вершиной в холм, окаймленный возвышенностями левого берега. Словно сама природа позаботилась, создав условия для вторжения армии Наполеона в Россию: кажется, поставь на высотах артиллерию, наведи под прикрытием губительной картечи мосты, и уже не сыщется сила, способная остановить неуправляемое стремление героев Аустерлица к подвигам и славе.

Наступило утро 11 июня 1812 года. Едва первые лучи восходящего солнца озарили золотистым светом склоны прибрежных высот, взмыленные бешеной скачкой лошади, круто осадив почти у самой кромки воды, остановились посреди бивуаков передовых постов Великой армии. Из кареты, услужливо открытой всадником сопровождения, вышли Наполеон и начальник главного его штаба маршал Луи Александр Бертье. Оба сбросили с себя мундиры и, облачившись в форму польских улан, поскакали вдоль берега на север. Остановились за деревней Понемонь, у холма против излучины Немана. Осмотрев местность, император приказал навести мосты с интервалом сто метров один от другого.

В тот же день во всех ротах и эскадронах армии вторжения читалось воззвание Наполеона. Напомнив о победах французского оружия, обвинив Россию в отступлении от условий Тильзита, заявив о долге французов перед союзниками, он пообещал своим солдатам славу и прочный мир.

Наполеон был доволен: чтение его воззвания прерывалось возгласами восторга и одобрения. На подступах к Неману то здесь, то там раздавалось многоголосое: «Да здравствует император!» Солдаты, опьяненные легкими победами в Европе, верили своему кумиру.

«Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне, — писал один молодой француз домой. — Старые солдаты говорят, что они никогда не видели ничего подобного. Это правда, ибо собираются громадные силы. Мы не знаем только, против одной ли это России. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света»¹.

Он, этот восторженный юноша, не мог даже представить себе, что «конец света» совсем рядом, между двумя русскими реками: Березиной и Москвой.

Первым должен был переправиться на русский берег корпус маршала Луи Никола Даву. К вечеру он подошел к реке и затих в приготовленных природой укрытиях. За ним двинулись войска Мишеля Нея, Шарля Удино, Этьена Нансути, Людовика Момбрена и императорская гвардия. Всего на этом направлении было сосредоточено почти 218 тысяч человек и 527 орудий². Строжайше запрещалось разводить огни, нарушать тишину, чтобы дымом бивуачных костров и шумом не привлечь внимание противника.

С наступлением темноты три сотни саперов переправились на восточный берег Немана. Их встретил казачий разъезд. Хорунжий Александр Рубашкин, несколько приблизившись, спросил:

- Что за люди?
- Французы, — последовал ответ.
- Что вы хотите?
- Воевать с вами.³

Рубашкин прищорил коня, круто развернул его и поспешил к командиру лейб-казаков генералу Василию

Васильевичу Орлову-Денисову с донесением о вторжении неприятеля. Разъезд скрылся в лесу. Несколько выстрелов с обеих сторон возвестили о начале войны.

Вслед за саперами переправились три роты легкой французской пехоты из дивизии генерала Луи Морана. Под прикрытием этого заслона началось сооружение переправ. Чуть забрезжил рассвет, и Великая армия пришла в движение. Сохраняя стройность рядов, по скрипучим настилам понтонных мостов на русский берег устремился нескончаемый живой поток: уланы, драгуны, гусары, кирасиры, карабинеры, гренадеры, вольтижеры, велиты, фланкеры; за ними — артиллерия, обозы...

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий Бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерг
Очами чудными своими...

Прекрасно! Это — Федор Иванович Тютчев.

Наполеон обозревал величественную картину переправы своих войск. Чуть поодаль расположились генералы свиты. Среди них молчание, едва ли не уныние. Барон Гельдер Антоний де Дедем, обративший на это внимание, попытался шуткой снять напряжение. Арман Коленкур театральным жестом остановил его и тихо, почти шепотом, произнес:

— Здесь не смеются, сегодня великий день, — и, указывая на восток, будто хотел добавить: «Там наша могила».

Через некоторое время Наполеон сам переехал на правый берег, погарцевал у мостов, ободряя солдат, и, возбужденный их восторженными приветствиями, поскакал во весь опор туда, где угрожающе молчала Россия. За ним бросились маршалы Бертье, Даву, Мюрат. Верст пять продолжался этот лихорадочный, нервный галоп. Удивленный или испуганный отсутствием русских, император вернулся назад.

Неожиданно разразилась гроза. Оглушительные раскаты грома, казалось, сотрясали землю, ослепительные вспышки молний полыхали за стеной черного леса, потоки холодного проливного дождя с градом и снегом пронизывали до костей. В этом неистовстве природы адъютант Наполеона Филипп Сегюр, спустя годы, увидел чуть ли не предостережение свыше⁴.

Спустя годы? А в тот день, 12 июня? В тот день он вряд ли всматривался с суеверным страхом в штормовое небо. Стихия не остановила движение колонн, переправа самой многочисленной группировки французских войск под командованием самого императора продолжалась. По-видимому, надо было испить чашу до конца, испытать голод и холод, отступая по заснеженным дорогам Смоленщины и Белоруссии, погубить всю армию, чтобы потом связать эту катастрофу с внезапной переменой погоды.

Остальные части перешли границу позднее, 18 июня: вице-король Италии Евгений Богарне форсировал Неман со своими войсками у селения Прены, а генерал Жером Бонапарт — у города Гродно.

Слева и справа действия этих группировок Великой армии обеспечивали два корпуса: прусский Жака Макдональда и австрийский Карла Шварценберга. Во втором эшелоне стояли в полной боевой готовности войска под командованием маршалов Клода Виктора и Пьера Ожера, а также другие резервные части. Всего для броска на Россию Наполеон развернул 678 тысяч человек и 1372 орудия⁵. Такой концентрации столь больших сил на направлении главного удара еще не знала кровавая история Европы.

Главным содержанием стратегической концепции Наполеона было стремление навязать противнику генеральное сражение, чтобы мощным ударом своей армии уничтожить его живую силу и тем добиться победы в кампании или даже войне в целом. Осуществление этой идеи приносило ему успех в прошлом — под Ульмом и Аустерлицем, Йеной и Ауэрштедтом, Прейсиш-Эйлау и Фридландом... Он верил в свою звезду и в неизбежном теперь столкновении с Россией.

— Я иду на Москву и в одно или два сражения все кончу. Император Александр на коленях будет просить у меня мира, — говорил Наполеон аббату Доменико Прадту накануне вторжения в Россию⁶.

2. Был веселый, блестящий праздник

Русское правительство не питало никаких иллюзий насчет намерений Наполеона и принимало соответствующие меры. Оно знало буквально все о состоянии, численности и дислокации его армии. Еще в ноябре 1811 года Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне в Ярославль: «Мы здесь постоянно настороже: все обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту»⁷. Обстановка была действительно напряженной. И все-таки царь ошибался в оценке ситуации. Военные действия не могли начаться «с минуты на минуту»: наступила зима — время отнюдь не самое подходящее даже для войны, рассчитанной на «одно или два сражения».

Получив известие о концентрации сил противника у границ империи, Александр I в начале апреля оставил Петербург и через несколько дней прибыл в Вильно. Там «с надеждою на Всевышнего и на храбрость российских войск» он готовился отразить нападение коварного врага и... танцевал в окружении свиты блестящих генералов и божественно красивых дам.

Утром 12 июня Александр I уже знал, что «все силы Наполеона сосредоточены между Ковно и Меречем, и сего числа ожидается» вторжение противника⁸. Тут же к Матвею Ивановичу Платову полетел курьер с предписанием Михаила Богдановича Барклая де Толли собрать все полки корпуса около Гродно и «с первым известием о переправе неприятельской идти решительно ему во фланг, действовать сообразно обстоятельствам и наносить ему всевозможный вред». В то же время князю Петру Ивановичу Багратиону был отправлен приказ «обеспечить тыл» каза-

ков⁹. Этими распоряжениями пока и ограничились. Для всех прочих лиц, находившихся в Главной квартире, близость неминуемой войны оставалась тайной, им дела не нашлось, они были спокойны, они скучали.

«В тот самый день, в который Наполеоном был отдан приказ о переходе через русскую границу, Александр I проводил вечер на даче Беннигсена — на балу, даваемом генерал-адъютантами.

Был веселый, блестящий праздник; знатоки дела говорили, что редко собиралось в одном месте столько красавиц»¹⁰. Так, с документальной точностью, Л.Н.Толстой воссоздал атмосферу, царившую в главной квартире русской армии, когда военные действия поистине могли начаться с минуты на минуту.

Ярким светом, разливающимся через распахнутые окна загородного дома Леонтия Леонтьевича Беннигсена, и чарующими звуками музыки встретил ночной Закрете курьера от графа В.В.Орлова-Денисова, прискакавшего с известием о начале войны. Его принял генерал Александр Дмитриевич Балашев, который и сообщил государю важную новость. «Это известие осталось тайной нескольких лиц, облеченных доверием царя, — вспоминал позднее очевидец «веселого, блестящего праздника» декабрист Сергей Григорьевич Волконский, — и танцы и ужин продолжались»¹¹.

Император покинул бал и уехал в Вильно. Там он призвал к себе военного министра М.Б.Барклая де Толли, чтобы обсудить с ним первые распоряжения, направленные на осуществление разработанного ранее плана военных действий.

3. Первые распоряжения. Отступление

После разговора с царем М.Б.Барклай де Толли сообщил всем корпусным командирам подчиненной ему 1-й Западной армии, что неприятель переправился через Неман у Ковно, приказал им сосредоточиться у Свенцяи, где предполагал дать противнику первое серьезное сражение.

Аналогичное сообщение получил и Матвей Иванович Платов. Ему было приказано действовать по предписанию, полученному ранее, — «во фланг и тыл» неприятелю — и отступать по маршруту Лида — Сморгонь — Свенцяны¹² «Подкреплять» его должен был силами 2-й Западной армии генерал Петр Иванович Багратион¹³. Однако еще в течение двух суток казаки оставались в Гродно, занимаясь эвакуацией «вещей здешнего гарнизонного батальона, оружия, амуниции, больных нижних воинских чинов», находившихся на излечении в гродненском госпитале, «главной аптеки, стоящей казне немалозначащей суммы», хлеба, фуража и прочего. Чтобы отправить все это в тыл, потребовалось более тысячи подвод, которые должны были приготовить местные власти, но не приготовили. Атаман, распекая на чем свет стоит гражданского губернатора и его чиновников, посылал команды «по селениям собрать оные». Последние повозки отправляли уже под защитой пушек, расстреливая из них наседаящего врага, стремившегося овладеть мостом через Неман, ведущим в город¹⁴.

На исходе дня 16 июня, «спаливши мост», атаман с полками своего корпуса последовал на Щучин и далее по предписанному маршруту. Шли долго, почти всю ночь. Лишь перед рассветом остановились, чтобы немного отдохнуть, накормить и напоить лошадей. Потом снова двинулись в путь. Вскоре зарядил дождь, промочивший всех до нитки. На ночлег остановились в Мильковщизне. В 11 часов вечера по Виленскому тракту со стороны Лиды в село влетела почтовая тройка военного ведомства, впряженная в коляску. Из нее вышел и представился генералу Платову изящный молодой офицер:

— Ваше высокопревосходительство, флигель-адъютант его величества князь Волконский...

— Как же, помню, ваше сиятельство, по тильзитским встречам помню. Сергей Григорьевич, кажется? — И протянул князю руку.

— Правильно, Матвей Иванович... Вот прибыл к вам с пакетом от государя.

Платов принял пакет, распечатал его, развернул вчетверо сложенный лист бумаги. Читал медленно, повторяя

шепотом каждое слово. Потом поднял голову и, желая удовлетворить вполне возможный интерес князя, сказал:

— Его Величество повелеть соизволил, чтобы тянулся я с моим корпусом на соединение с первой армией военного министра, взяв путь на Новогрудок и Вилейку¹⁵. Что же, буду трудиться, чтобы исполнить в точности волю государя моего...

Платов немного помолчал, обдумывая что-то, потом продолжил:

— Ну а теперь, князь, расскажите, как удалось вам обратиться к нам на почтовой тройке?

— Удалось, Матвей Иванович. От Вильны до Лиды проселками ехал, а далее — почтовым трактом на Гродно. Вот и нашел вас. Поблизости от Свенцяи встретил корпус графа Павла Андреевича Шувалова, но потом уже наших войск нигде не видел¹⁶.

Атаман пригласил гостя к себе в палатку, приказал подать ему ужин и накормить его «верного слугу Василия», сопровождавшего князя по трудным дорогам войны еще со времен Прейсиш-Эйлау.

На рассвете корпус продолжил движение. В селе Ищельны Волконский простился с Платовым. Быстрая тройка князя скрылась за пеленой обложного дождя. Казаки же остались здесь на ночлег.

В тот же день, 17 июня, и П.И.Багратион получил через флигель-адъютанта А.Х.Бенкендорфа повеление Александра I двинуться на соединение с 1-ой армией тем же путем через Новогрудок и Вилейку, «действуя таким образом в правый фланг неприятеля»¹⁷. Но как действовать против противника, силы которого в несколько раз больше? Нельзя сказать, что царь вообще не думал об этом. В крайнем случае князю разрешалось отводить свои войска на Минск и Борисов.

К 19 июня 1-я армия М.И.Барклая де Толли сосредоточилась в Свенцянах; П.И.Багратион вывел свои войска к Слониму, а корпус М.И.Платова остановился на ночлег в Лиде. Клином между двумя русскими армиями врезались мощные группировки под командованием самого Наполеона и его приемного сына Евгения Богарне. Брат

же императора Жером, занявший Гродно на следующий день после ухода казаков, все еще оставался на месте.

Прошла всего неделя со дня переправы через Неман, но противник уже испытывал серьезные трудности. Обозы отстали. «Авангард еще кормился, а остальная часть армии умирала от голода, — вспоминал Арман Коленкур. — В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло 10 тысяч лошадей»¹². Солдаты роптали, требуя отдыха. Учитывая это, Наполеон решил приостановить изнурительную погоню за М.Б.Барклайем де Толли и ограничиться задачей окружения и уничтожения 2-й русской армии. С этой целью он направил сильнейший корпус маршала Л.Даву, насчитывающий 72 тысячи человек, через Ольшаны и Вишнев на Минск, чтобы отрезать П.И.Багратиону путь на соединение с военным министром.

М.Б.Барклай де Толли отказался от генерального сражения и 21 июня начал отводить свои войска к Дрисскому лагерю, который при подавляющем превосходстве сил противника действительно мог оказаться «мышеловкой» для русской армии. Возможность соединения таким образом стала проблематичной и отодвинулась на неопределенное время.

М.И.Платов, получив директиву императора следовать на соединение с 1-й армией, ускорил темпы движения. П.И.Багратион выразил беспокойство, что он идет «слишком скоро» и посоветовал ему сбавить ход и «поравняться» с ним. При этом князь в отношении своем от 19 июня резонно заметил: «Чем левее от Немана вы будете держаться и отдаляться от меня вперед, тем труднее будет сделать вам подкрепление и ваше отступление ко мне делается затруднительнее, ежели по несчастью искать оно вы принуждены будете»¹³. Тем не менее атаман шел вперед, имея ближайшей целью местечко Вишнев.

21 июня М.И.Платов получил повеление Александра I «соображать движения свои по направлению второй армии», что дало П.И.Багратиону основание уже не советовать атаману, как раньше, «поравняться» с ним, а предложить ему «к непременному исполнению» «вперед не сле-

довать», а остановиться в Вишневе и держаться «сколько возможность позволит». В случае же неудачи он рекомендовал отступить на Николаев, где намечал на следующий день переправиться через Неман, чтобы вместе пробиваться на соединение с войсками М.Б.Баркляя де Толли²⁰. Однако команда казаков, отправленная по направлению движения корпуса, обнаружила в Вишневе скопление неприятельской кавалерии, пехоты и артиллерии. Как оказалось, это был авангард маршала Даву под командованием генерала Пажоля. В наступивших уже сумерках произошла довольно жаркая схватка, которая продолжилась и на следующий день. Только убитыми противник потерял около ста человек. В плен попали один офицер и двадцать рядовых²¹.

Это была первая победа в полосе отступления второй армии, пусть небольшая, но победа. В ответ на сообщение о ней П.И.Багратион писал атаману: «Весьма порадован я успехами ваших партий; но еще более буду радоваться, если ваше высокопревосходительство удержите их до соединения моего с вами в должном респекте», то есть на почтительном расстоянии²².

Рапорт о победе казаков возбудил необычайный прилив энергии у П.И.Багратиона. Обоснованно полагая, что Даву со своим корпусом спешит к Минску, где думает перехватить 2-ю армию, князь решил «неожиданно с 50-ю тысячами храбрых воинов» прийти к М.И.Платову, ударить в тыл противнику, разбить его и, воспользовавшись этим, соединиться с основными силами М.Б.Баркляя де Толли. «А по таковым выгодным для нас обстоятельствам и того более нужно, — убеждает он атамана, — чтобы ваше высокопревосходительство подождали меня»²³.

Неопределенность всех повелений Александра I была причиной того, что М.И.Платов, хотя как-то и «соображал движения свои по направлению второй армии», однако чувствовал себя в той системе военной субординации вполне самостоятельным. П.И.Багратион мог ему что-то советовать, предлагать и даже «к непременно исполнению», атаман же действовал по собственному усмотрению, соображаясь более с обстоятельствами, чем с идеями князя. И на этот раз, «отразив наступление неприятеля с пораже-

нием его» у Вишнева, он решил пробиваться на селение Бакшты, там переправиться на левый берег Березины и идти на Воложин, чтобы встретиться с отрядом генерал-майора И.С.Дорохова, также отрезанного от М.Б.Барклая де Толли.

Уже на марше М.И.Платов получил «высочайшее повеление» примкнуть к П.И.Багратиону, что заставило его повернуть назад. Это был первый конкретный приказ царя за все десять дней войны, и выполнил его предводитель казаков с видимым удовольствием, «охотно», как сообщил он о том командующему 2-й армии²⁴.

В течение всего дня 23 июня М.И.Платов стоял с корпусом в Бакштах, ожидая подхода П.И.Багратиона. Но тот долго не мог переправиться с армией, артиллерией и громоздким обозом на правый берег Немана у Николаева. И все-таки переправился, правда, потерял на постройку моста почти два дня. Возбуждение от победы старого соратника у Вишнева у него прошло. Поразмыслив над возможными последствиями сражения с превосходящими силами маршала Даву и идущего по пятам Жерома Бонапарта, полководец пришел к разумному заключению, что даже в случае победы, или хотя бы прорыва, неизбежные большие людские потери сведут на нет успех его соединения с 1-й армией. А в случае неудачи вообще может произойти катастрофа. «По сим уважительным причинам» и решил князь Петр «отступить на Несвиж, и если нельзя будет на Минск, тогда на Бобруйск, Борисов и далее кругом» на встречу с войсками М.Б.Барклая де Толли. «Прискорбно таковое предложение, — писал он атаману, — но оно столько же необходимо; и потому, решившись на сие, я собираю войска опять на левую сторону Немана и потом пойду на отступление, ожидая вслед за собою и вашего высокопревосходительства, но не прежде ночи против 25-го числа»²⁵.

В результате лихих атак казаков у противника сложилось мнение, в то время обоснованное, что русские готовят наступление со стороны Николаева. С отступлением армии на Несвиж надо было еще более утвердить врага в этом заблуждении и таким образом отыграть хотя бы два

дня, потерянные при наведении моста, которым в сущности не пришлось воспользоваться. С этой целью П.И.Багратион оставил на один день для демонстрации нападения на Вишневу со стороны переправы три драгунских полка под командованием генерал-майора К.К.Сиверса. Со стороны Бакшты неприятеля должны были беспокоить казаки. Сам же форсированным маршем устремился на Минск, пытаясь наверстать упущенное время и упредить в таком же стремлении маршала Даву.

Уже по пути в Несвиж П.И.Багратион получил через М.И.Платова рапорт И.С.Дорохова с сообщением о том, что неприятель якобы оставил Воложин. Поэтому он приказал обоим генералам взять этот городок и «употребить все силы и старания», чтобы «удержать сей важный пункт по крайней мере» до 26 июня²⁶. Это должно было оградить его от флангового удара с севера при движении армии на Минск более коротким путем через Кайданы.

М.И.Платов на Воложин не пошел. Продержав противника в напряжении трехдневной демонстрацией готовящегося наступления на Вишневу, он переправился в ночь на 25 июня через Неман у Николаева, сжег за собой мост и повел свой корпус вслед за отступающей армией. П.И.Багратион выразил «чрезвычайное сожаление» по этому поводу. И не только потому, что атаман не предпринял попытки занять покинутый французами городишко, но и потому, что он, находясь «так близко к господину Дорохову и видя его положение, со всех сторон не столь выгодное», оставил его с небольшим отрядом, «так сказать, жертвою» врагу. Напомнив с нескрываемым раздражением «милостивому государю Матвею Ивановичу» об «усердии к службе государю и любви к отечеству», командующий порекомендовал ему найти способ соединиться с товарищем по оружию и следовать вместе с ним трактом, «прикрывая дороги минские со стороны неприятеля»²⁷. Это предписание уязвило самолюбие боевого генерала и чуть было не привело к осложнению отношений между ними. Но добрый нрав того и другого позволил им сохранить чувства дружбы и признательности до конца дней. До конца же оставалось чуть более двух месяцев.

Случай этот в силу его частного характера в калейдоскопе тех великих событий на полях России могли, конечно, обойти историки Отечественной войны 1812 года. Но биографы М.И.Платова не имели на то права, поскольку из таких нерешенных вопросов складывалось искаженное представление о человеке, бесспорно, неординарном.

У читателя может возникнуть вопрос, почему М.И.Платов, знавший цену воинской дисциплине, так охотно, по его же словам, присоединившийся к «вверенной его сиятельству армии», не выполнил предписание князя П.И.Багратиона? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вникнуть в обстоятельства, повлекшие за собой невыполнение приказа. Но именно они оказались за пределом внимания исследователей.

23 июня в ожидании подхода П.И.Багратиона, решившего дать французам сражение у Вишнева, М.И.Платов сообщил ему, что накануне «неприятель занял местечко Воложин... авангардом от корпуса Даву». Для наблюдения за ним он отправил в разведку большую партию казаков,

пообещав донести о ее результатах²⁸. Однако князь, желая сохранить армию, принял решение отступить на Несвиж и уже выступил в поход. На следующий день атаман получил записку И.С.Дорохова и, отправляя копию с нее командующему 2-й армии, высказал предположение, что противник мог создать лишь видимость вывода войск из этого города. «Быть может, — писал он, — это одна только маска»²⁹.

М.И.Платов получил приказ П.И.Багратиона занять Воложин, когда находился в Бакштах. «Тесная дорожка» между этими населенными пунктами «начиналась в густоте лесов, а потом проходила по топким болотистым местам и испорченным греблям, что по ней «в одно только зимнее время можно было проехать». Летом же «с великою трудностью едва могла бы пройти и пехота», в чем атаман сам лично убедился, пройдя по ней половину пути³⁰. Именно здесь «поутру 24 июня был открыт неприятель в довольном числе», ожидавший русских. Судя по всему, это и были войска, оставившие местечко, столь важное для осуществления плана отступления 2-й армии. Нетрудно представить себе, что бы случилось с корпусом, если бы командир его бросил своих казаков в это лесное болото.

«Одна оставалась проходима дорога к соединению моему с Дороховым — мимо местечка Вишнево, — рапортовал М.И.Платов князю П.И.Багратиону, — но как оное, так и места около него заняты уже неприятельскою армией маршала Даву, то я отдаю сие на ваше рассмотрение, возможно ли было сие сделать, когда и ваше сиятельство сами не решились туда следовать»³¹. Это был ответный выпад атамана.

Нет, Матвей Иванович не принес И.С.Дорохова, «так сказать в жертву» противнику. Отступая вслед за армией, он еще до получения предписания П.И.Багратиона приказал генерал-майору Дмитрию Ефимовичу Кутейникову с бригадой следовать «денно и ношно форсированными маршами» на соединение с ним и далее на Минск³².

Первый шаг к примирению сделал М.И.Платов, нашедший оправдание старому товарищу в том, что вроде бы

угодливый письмоводитель — «за письмоводителями это водится» — поднес ему, командующему, обремененному «разными военными делами», «под сердитую руку» «для подписания» отношение, составленное в «колких и выговорных» выражениях³³. Но благородный князь не воспользовался предложенным вариантом выхода из конфликтной ситуации, он откровенно признался, что его резкость была следствием информации И.С.Дорохова.

П.И.Багратион — «Господню Генералу Платову»,

25 июня 1812 года:

«...Я Вас могу уверить моею честью, что нет на свете человека, который мог бы меня с Вами поссорить... Я знаю Ваши достоинства. Следовательно, как Вам не грешно во мне сомневаться. А дабы доказать Вам, что я не имею к Вам досады, а благодарность только, Вы можете прислать ко мне мое отношение обратно... Я послал к Вам вчера бумагу и дал знать, что на Минск не иду...»³⁴

В свою очередь и М.И.Платов заверяет П.И.Багратиона в искреннем расположении к нему, о чем все «знают в Петербурге, также и в Вильне, и при войске Донском»³⁵.

Так развивался и благополучно разрешился этот случайный конфликт между двумя русскими генералами, связанными чувством давней привязанности друг к другу.

Ну, а что же И.С.Дорохов, чем руководствовался он, вводя в заблуждение П.И.Багратиона?

Отряд И.С.Дорохова, состоявший всего из двух егерских и двух казачьих полков при двенадцати орудиях, был отрезан и окружен противником. Не имея уже возможности прорваться к своей 1-й армии, он в течение недели шел с боями по лесам и болотам на соединение с войсками П.И.Багратиона. Изнурение пехоты доходило до того, что у многих солдат выступала «кровь под мышками». В таких условиях вполне можно было допустить ошибку и в оценке размещения отдельных частей противника, и в оценке действий атамана М.И.Платова и тем ввести в заблуждение и вызвать недовольство командующего последним.

И.С.Дорохов, потеряв 60 человек, 26 июня соединился со 2-й армией П.И.Багратиона. В последующих сражениях войны он покрыв себя немеркнущей славой героя.

4. Победа в годовщину Полтавской битвы

Все мысли П.И.Багратиона были устремлены к Минску. Он понимал, что, только достигнув его, можно рассчитывать на успешное соединение с 1-й армией. Но туда же спешил со своим корпусом маршал Луи Даву. Наконец, и Жером Бонапарт, засидевшийся в Гродно, после резкого выговора, полученного от брата-императора, неудержимо гнал свои колонны под палящим солнцем по пятам за отступающими русскими. Неотвратимость серьезного столкновения с неприятелем стала очевидной.

Прибыв в Кореличи, что на пути в Несвиж, П.И.Багратион приказал корпусным командирам ускорить темпы движения, разрешить полкам идти распаханным, то есть свободным, маршем, чаще делать привалы, «словом, употребить все, дабы не изнурить и сохранить» армию³⁶. Прямо-таки в стиле великого А.В.Суворова он писал: «Господам начальникам... вселить в солдат (убеждение), что все войски неприятельские не иначе что, как сволочь со всего света, мы же русские единовѣрные. Они храбро драться не могут, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него. Пуля мимо. Подойди к нему — он побежит. Пехота коли, кавалерия руби и топчи!»³⁷

24 июня П.И.Багратион понял, что ему уже не удастся опередить Даву, и отказался от следования на Минск. Он избрал направление на Слуцк — Бобруйск, предупредив об этом М.И.Платова, прикрывавшего отход армии. На арьергард буквально наседали кавалерия Жерома Бонапарта, а в распоряжении атамана «осталось только три сотни полка Атаманского, один — татарский, один — башкирский и один калмыцкий, да вторая рота донской конной артиллерии»³⁸. Собственно же казачьи полки отходили по другим маршрутам или были в разъездах, наблюдая за движением противника. Но и с этими ограниченными силами он смело бросился в атаку на передовую бригаду неприятеля, наступавшего на Кореличи. В разгар боя в схватку включи-

лись подоспевшие на помощь генерал-майор Николай Васильевич Иловайский и полковник Василий Алексеевич Сысоев со своими лихими конниками. Враг был опрокинут и обращен в бегство в сторону Новогрудка. С наступлением ночи казаки отступили к местечку Мир³⁹.

26 июня 2-я армия сосредоточилась в Несвиже. Чрезвычайное утомление войск, вызванное рядом усиленных переходов, и желание дать возможность продвинуть вперед тяжелый обоз и артиллерию, заставили П.И.Багратиона остановиться здесь на отдых. Получив сообщение М.И.Платова о появлении на ближних подступах к Кореличам сильной кавалерии Жерома, командующий предписал атаману удерживать Мир, лишь в случае значительного превосходства противника разрешил отступить. Подкрепив его двумя казачьими полками и отрядом генерал-адъютанта Иллариона Васильевича Васильчикова, он выразил уверенность, что казаки доставят ему победу, «ибо в открытых местах» им «и надо драться»⁴⁰.

Это предписание П.И.Багратиона и привело к известному в истории Отечественной войны бою у местечка Мир, который продолжался два дня; начало же его совпало с годовщиной блистательной Полтавской баталии — 27 июня 1812 года.

Успех и только успех нужен был его светлости князю Петру Ивановичу, «дабы выправить людей», начавших сгибаться под тяжестью изнурительного двухнедельного отступления. Потому-то так настоятельно советовал он атаману действовать осмотрительно, чтобы не оказаться «между двух огней»⁴¹. Беспокойство это было вызвано очень смутным представлением о силах наступающего противника. А они, как оказалось, были велики.

На аррьергард М.И.Платова наступал авангард правого крыла французской армии в составе девяти бригад польской, саксонской и вестфальской кавалерии, соединенных в четвертый корпус под командованием дивизионного генерала Виктора Латур-Мобура. Ему было 44 года. Современники считали его «блестящим офицером, обладающим

холодным спокойствием под огнем и пылкой храбростью при атаке. Благородный характер его заслужил ему название Баяра — рыцаря без страха и упрека»⁴². Но как командир корпуса он, кажется, не оправдал надежд.

Силы арьергарда М.И.Платова были значительно меньше, но в общем-то достаточными, чтобы задержать противника и дать армии необходимый отдых. Но события развивались так, что атаман достиг большего.

Готовясь встретить неприятеля, Матвей Иванович решил использовать уже не раз испытанный тактический прием казаков — «вентерь», суть которого состояла в заманивании противника в заранее приготовленную засаду. На пути наступления авангардного корпуса Латур-Мобура со стороны Кореличей он поставил небольшую заставу, по обеим сторонам дороги укрыл по сотне отборных казаков, в самом Мире расположил полк полковника В.А.Сысоева, а в пяти верстах от него, в деревне Симаковка, сосредоточил главные свои силы⁴³.

По свидетельству начальника походной канцелярии атамана Николая Федоровича Смирного, М.И.Платов, наставляя воинов арьергарда перед первым серьезным боем, призывал их «драться до изнеможения» даже в случае ранения или потери лошади.

— Мы должны в самом начале показать врагам, — говорил он, — что помышляем не о жизни, но о чести и славе России⁴⁴.

Передовую бригаду Латур-Мобура возглавлял генерал Турно. 27 июня еще до рассвета он двинул вперед 3-й уланский полк под командованием полковника Радзиминского. Не доходя до деревни Пясечно, он встретил заставу платовского арьергарда, атаковал ее, опрокинул и запальчиво стал преследовать. Поляки настигли преднамеренно отступающую сотню смельчаков и ворвались в Мир, где ожидал их полк В.А.Сысоева. Казаки с ужасным гиканьем бросились на неприятеля. Ошеломленные внезапным нападением, уланы оставили местечко, но тут же снова пошли в атаку. Началась жестокая рубка. Ржание лошадей, злобные ругательства людей, звон клинков, треск пик, разлетающихся под ударами сабель, — все слилось в какой-то невообразимый шум. Противник дрался отчаянно.

В разгар боя из Симаковки подошел М.И.Платов и неожиданно обрушился на врага всей мощью своих главных сил. Окруженный со всех сторон полковник Радзимицкий начал пробиваться через плотный заслон ожесточенно орудующих саблями и дротиками казаков, теряя десятками своих храбрых кавалеристов. И, казалось, ему удалось уже прорваться, но две партии донцов, находившихся в засаде, выскочили вихрем из укрытий и преградили уланам путь. Отступление тех, кто выскользнул из кольца, превратилось в беспорядочное бегство по дороге к Кореличам. Преследователи нагоняли их, мощными ударами сплеча разваливали чуть ли не до седла, пронзали насквозь своими страшными пиками. Первый акт скоротечного побоища завершился.

Тем временем Турно, следуя с двумя полками бригады, дошел до Пясечны, где и узнал о трагическом исходе столкновения своего авангарда с казаками у Мира. На пути его движения протекала небольшая речушка Уша с широкой болотистой поймой, пересеченной длинной насыпью, по которой и ринулся генерал всего с тремя эскадронами полковника Суминского спасать попавших в беду улан Радзимицкого, оставив последний полк охранять переправу.

Появление подкреплений на миг смутило казаков, они остановились, осмотрелись и, убедившись в малочисленности неприятеля, решительно кинулись на него. Поляки были повержены. Часть из них успела отступить по насыпи за Ушу. Другая часть влезла в болото. Испуганные лошади, храпя, лихорадочно бросались из стороны в сторону. Пытаясь вырваться из вязкой гнилой жижи, они сбрасывали своих седоков, которые тут же становились легкой добычей донцов, вооруженных длинными пиками.

М.И.Платов — П.И.Багратиону,

27 июня 1812 года:

*«Извещаю с победою, хотя с небольшою, однако же и не так малою, потому что еще не кончилась, преследую и бяю...
Пленных много, за скоростью не успел перечесть и донесть.
Есть штаб-офицеры и обер-офицеры...*

*А на первый раз имею долг и с сим Ваше Сиятельство поздравить. Благослови, Господи, более и более побеждать.
Вот ветеръ много способствовал, оттого и начало пошло...*

У нас, благодаря Богу, урон до сего часа мал. Избавь, Всевышний, от того и вперед, потому что перестрелки с неприятелем не вели, а бросились дружно в дротики и тем скоро отрокинули, не дав им поддержаться стрельбою»⁴⁵.

Переправившись через речку, Турно собрал остатки двух своих побитых полков в Турце. Третий полк бригады, оборонявший переправу, так и не вступил в дело.

М.И.Платов бросил в бой семь полных полков — генерал-майоров И.К.Краснова и Н.В.Иловайского, полковников В.А.Сысоева, О.В.Иловайского и Т.Д.Иловайского, Перекопский татарский, Ставропольский калмыцкий — и часть Атаманского, всего около 3500 сабель против 1300 у противника⁴⁶.

Бригада Турно действительно понесла ощутимые потери. Только в плен сдались 6 офицеров и 242 рядовых. На месте боя и по пути отступления противника осталось свыше 300 изувеченных тел. М.И.Платов потерял не более 25 казаков убитыми и ранеными⁴⁷.

Латур-Мобур, имея значительное превосходство в силах над М.И.Платовым, не сумел обеспечить своевременной поддержки головной бригаде Турно. Но надо отдать должное мужеству, с которым сражались поляки. Не случайно в плен попали только раненые, многие из которых вскоре скончались⁴⁸. Атаман же перед началом боя собрал все ближайшие полки и тем создал численный перевес над противником. И П.И.Багратион, стоявший в этот день с армией в Несвиже, держал в полной готовности дивизию генерал-майора Михаила Семеновича Воронцова, которая могла подоспеть на помощь казакам по первой просьбе их начальника⁴⁹.

В течение всего этого дня 27 июня П.И.Багратион настойчиво требовал от М.И.Платова точных сведений о противнике: месте расположения, численности и особенно об его пехоте. Это должно было определить характер дальнейших распоряжений командующего.

По данным разведки и показаниям плененных, выяснилось, что неприятельская пехота отстала от кавалерии, а отдельные части корпуса Латур-Мобура растянулись на довольно значительном расстоянии. Это означало, что

М.И.Платов, с наличными силами и подошедшим к нему отрядом генерал-майора Иллариона Васильевича Васильчикова, будет в состоянии противостоять натиску неприятеля. Поэтому П.И.Багратион приказал атаману удерживать Мир «до тех пор, пока армия будет находиться в Несвиже». А вывести ее «по дороге к Слуцку на Тимковичи» он собирался лишь в ночь на 30 июня⁵⁰.

28 июня М.И.Платов решил провести бой по тому же замыслу, как и накануне, когда его казаки основательно потрепали бригаду Турно, входившую в дивизию генерала Рожнецкого. Большую часть своего корпуса и весь отряд И.В.Васильчикова он расположил в укрытии за перелеском южнее деревни Симаковки, рассчитывая подвести противника под фланговый удар главных сил арьергарда, когда он бросится преследовать отступающую по большой дороге заставу и втянется в сражение с четырьмя полками, поставленными «впереды Мира», который атаман приказал «удерживать непременно»⁵¹.

Наступила ночь. Рожнецкий, опасаясь неожиданного нападения казаков, отправил полки бригады генерала Дзевановского вниз и вверх по течению Уши охранять переправы, приказав вернуться им рано утром. В результате этой предусмотрительности командира дивизии около двух тысяч человек накануне боя несколько часов провели в седле и без сна. Побитые днем уланы Турно отдыхали.

Горя желанием взять реванш за поражение и больше всего беспокоясь, как бы победу над казаками М.И.Платова в предстоящем бою не похитила у него бригада генерала Тышкевича, принадлежавшая дивизии Каменского, Рожнецкий еще до возвращения полков, отправленных в ночной дозор, выступил с уланами Турно по направлению к Миру, приказав Дзевановскому поспешно следовать за ним.

Мир уютно расположился в долине болотистой речки Мирянки, пересеченной длинной широкой насыпью, оканчивающейся плотиной, в конце которой живописно стояла водяная мельница. По обеим сторонам дороги, ведущей на Несвиж, в лучах восходящего солнца поблескивала зеркальная гладь прудов, что исключало возможность не-

ожиданного нападения. На подходе к местечку Рожнецкий разрешил сделать привал, выслав в охранение 15-й уланский полк, который, как было сказано, не принимал участия в событиях 27 июня. Вскоре подошла бригада Дзевановского. От католического священника поляки узнали о засаде М.И.Платова, составе и численности его корпуса. Таким образом, внезапность, на которую делал ставку атаман, исключалась.

Дзевановский предложил командиру дать возможность людям поесть, накормить лошадей и ожидать подхода дивизии генерала Каминского, под началом которого состояло 2700 кавалеристов и 6 орудий конной артиллерии. Но это предложение было отвергнуто самоуверенным Рожнецким.

— Как, вы хотите позволить опередить нас бригаде Тышкевича, которая находится в нескольких шагах отсюда? — с недоумением спросил он Дзевановского и, ссылаясь на категоричность приказа командира корпуса Латур-Мобура войти в соприкосновение с русскими, распорядился продолжать движение⁵².

В полдень дивизия Рожнецкого с бригадой Турно впереди выступила из Мира и пошла под палящим солнцем по Несвижской дороге, оставляя за собой длинный шлейф пыли. В пяти верстах от местечка 15-й уланский авангардный полк обнаружил казачьи пикеты, которые мгновенно укрылись за лесом.

Рожнецкий остановил дивизию и перестроил ее в линию эскадронных колонн. 7-й уланский полк под командованием полковника Завадского он отправил в лес прикрывать расположение войск, приказав остановиться при выходе на опушку. Безуспешно пытались казаки выманить поляков из укрытия и навязать им бой. Пришлось выкачать артиллерию.

М.И.Платов, убедившись в том, что противник не испытывает желания вступить в драку в отсутствие поддержки со стороны Мира, решительно двинулся вперед. Конная батарея открыла огонь по 7-му уланскому полку, часть казаков атаковала его, а другая часть в это же время обрушилась на бригаду Турно. Ядра разбивали в щепки деревья, но не причиняли особого вреда противнику, отступившему в глубь лесного массива.

7-й уланский полк поляков выдержал огонь артиллерии и дважды отразил нападение казаков. Атаман пустил в дело два эскадрона ахтырских гусар под командованием майора Д.В.Давыдова. Они пробились «по дороге сквозь лес, где неприятель упорно и сильно защищался, и совершенно одного опрокинули». Так описал этот эпизод атаки И.В.Васильчиков, представляя Дениса Васильевича к награде за действия 28 июня⁵³.

День был уже на исходе, а неистовая рубка продолжалась.

В девятом часу вечера, поднимая тучи непроницаемой пыли, из-за перелеска показалась голова колонны Д.Е.Кутейникова, вызванного М.И.Платовым из Столбцов через отправленного еще утром курьера. Он сразу же обрушился на левый фланг неприятеля мощью двух тысяч сабель и пик.

До прихода Д.Е.Кутейникова основные события разворачивались в районе расположения бригады Турно, где и находился тогда Дзевановский. Удар казаков явился полной неожиданностью для него. Заметив опасность, он помчался к своей бригаде. Несясь вдоль линии эскадронов, генерал бросал их один за другим в атаку с места, и тут же сам оказался в окружении дерущихся.

В то же время М.И.Платов снова атаковал бригаду Турно и 7-й уланский полк, который прорвался-таки через лес к своим, и привел неприятеля в смятение и беспорядок.

Густая пыль окутывала сражающихся. Звон клинков, звуки выстрелов и предсмертные крики раненых заглушали команды офицеров. Казаки Д.Е.Кутейникова опрокинули и погналы к Миру 11-й и 2-й уланские полки Дзевановского. Расстроенная бригада Турно отступала вправо под напором героев М.И.Платова и И.В.Васильчикова.

Все попытки польских офицеров остановить и устроить разбитые эскадроны не имели успеха. Едва удавалось им повернуть и привести в некоторый порядок какую-либо часть, как казаки начинали охватывать ее «лавой». Раздавался крик «нас отрезают», и все снова неудержимо неслись в сторону Мира, оставляя за собой убитых и раненых товарищей. Лишь незначительная часть бригады Тур-

но под командованием самого командира дивизии генерала Рожнецкого сумела выйти из боя относительно организованно⁵⁴.

Н.В.Иловайский, раненный саблей в плечо и пулей в ногу, не оставил поля боя. Превозмогая боль, бросался он из атаки в атаку с казаками, пока не «кончил свое дело». «Удивительно храбро сражался» И.В.Васильчиков. И.К.Краснов «способствовал много сей победе». Все другие офицеры и рядовые в этот день показали примеры отваги и воинской доблести, «дрались грудь в грудь», — отметил в тот же вечер М.И.Платов в рапорте на имя командующего второй армии князя П.И.Багратиона⁵⁵.

М.И.Платов — П.И.Багратиону

28 июня 1812 года:

«Поздравляю Ваше Сиятельство с победою и победою редкою над кавалерией...»

Генерал Кутейников подоспел с бригадою его и ударил с правого фланга моего и неприятеля так, что из 6-ти полков неприятельских едва ли останется одна душа или, быть может, несколько спасется.

Я Вашему Сиятельству описать всего не могу, устал и, на песке лежащий, пишу. Донесу, соображаясь за сим, не уверяю, будьте о моем корпусе покойны. У нас урон невелик по сему ретивому делу...»⁵⁶

Рапорт М.И.Платова дышит удовлетворением от победы.

М.И.Платов ввел в дело 13 полков, в том числе 11 казачьих⁵⁷ и 2 кавалерийских⁵⁸, да 2-ю роту донской артиллерии — всего 6500 всадников и 12 орудий. Со стороны поляков в бою участвовало 3600 человек и 3 пушки⁵⁹.

Потери обеих сторон неизвестны. М.И.Платов слишком неопределенно заявил, что у него «урон невелик по сему ретивому делу». Рожнецкий же, по свидетельству командира корпуса Латур-Мобура, оставил на поле боя и по дороге к Миру примерно 600 человек. Эта цифра представляется заниженной даже в том случае, если атаман под влиянием возбуждения от бесспорной победы гиперболизировал исход схватки, считая, что «из 6-ти полков неприятельских» едва ли осталась «одна душа». Пусть ни «одна душа», а «несколько спаслось» после такого побоища, на

ведь не три тысячи. Судя по всему, польский генерал старался скрыть размеры катастрофы.

Как могло случиться, что Латур-Мобур, имея возможность создать в ходе боя не только равенство, но и перевес в силах над М.И.Платовым, не воспользовался этим и в сущности принес дивизию Рожнецкого в жертву казакам? Произошло это так.

Природа наделила Рожнецкого не только незаурядной храбростью, но и чрезмерной самоуверенностью, в чем мы уже убедились. До середины дня он даже не сомневался в успехе предстоящего дела. Однако уже в начале боя спеси у него поубавилось, и он послал в Мир курьера, чтобы ускорить прибытие бригады Тышкевича из дивизии Каминского, без которого, кажется, уже не рассчитывал добиться победы над М.И.Платовым. Туда же он отправил и свой обоз.

Сразу же за Миром обозные встретили генерала Тышкевича. Эмоциональный рассказ фурлейтов о будто бы критическом положении дивизии Рожнецкого отнюдь не возбудил у него желания мчаться на помощь товарищу по оружию. Напротив, он остановил бригаду и даже отправил назад, к главным силам Каминского, находившуюся при нем конную полубатарюю.

Сам Каминский, пройдя Кореличи, остановился у деревни Пясечны, где и узнал о ходе боя перед Миром на начальном этапе его развития. Он тот же час повернул полубатарюю обратно и предписал Тышкевичу немедленно выступить на поддержку Рожнецкого. Это распоряжение достигло адресата, когда с высот у местечка уже видно было беспорядочное бегство польских улан, беспощадно истребляемых конниками М.И.Платова. Во исполнение повеления командира дивизии Тышкевич послал на помощь отступающим два эскадрона конных егерей. Первый из них, едва миновав мельницу, был атакован казаками. Потеряв одного офицера и двадцать два рядовых, он вернулся в поселок. Второй даже не тронулся с места.

Артиллерийский огонь из трех орудий полубатареи, вернувшейся к концу боя, остановил казаков, и они быстро отошли за лес, примыкавший к местечку. Ночью бой прекратился совсем. Над Миром установилась тишина.

Первый серьезный исследователь боя казаков с поляками под Миром В.И.Харькевич обратил внимание на отсутствие общего руководства и связи между отдельными частями 4-го кавалерийского корпуса наполеоновской армии. Командир корпуса Латур-Мобур 28 июня 1812 года вообще не управлял подчиненными ему войсками. Генерал Лорж, отчетливо слыша артиллерийскую канонаду, даже не потревожил свою кирасирскую дивизию. Каминский с большей частью вверенной ему конницы бездействовал весь день в каких-то десяти верстах от места сражения. Бригада Тышкевича спокойно наблюдала за истреблением улан Рожнецкого⁶⁰.

В то же время действия М.И.Платова «представляют собой образец сочетания благоразумной осторожности и решительности. Он прежде всего старается завлечь врага в расставленную ему ловушку, но затем, когда убеждается, что поляки, наученные горьким опытом предыдущего дня, не даются на обман, не теряет ни минуты и, пользуясь превосходством своих сил и отсутствием у противника близких поддержек, решительно атакует и бьет его. Самый бой ведется Платовым с большим искусством. Все его атаки направляются сначала против правого фланга Рожнецкого с целью отвлечь туда внимание противника, заставить его израсходовать резервы и тем обеспечить успех главного удара, который должна была нанести бригада Кутейникова»⁶¹.

П.И.Багратион — М.И.Платову,
29 июня 1812 года:

«Душевно Вас благодарю. Адьютант Ваш мною поздравлен. Ради Бога, осмотритесь хорошенько, ежели у них пехоты много, то и не вдавайтесь в дело не наверное...

По двум нашим победам, я думаю, кавалерия наша устала; ради Бога, приостерегитесь; я боюсь, чтобы нас не задержали долго, а потом их армия войдет к нам во фланг от Минска. Я уверен, что Вы не упустите ничего из виду в осторожности.

Генерал князь Багратион»⁶².

5. Бой у местечка Романово

Поражение дивизии Рожнецкого в двухдневном бою у Мира приостановило наступление кавалерии Жерома Бонапарта. Разведка, произведенная Латур-Мобуром 29 июня, показала, что М.И.Платов стоит на месте, где накануне гремел бой. Чтобы определить действительные силы русских, надо было их атаковать, но на это противник пока не отважился.

Вечером 29 июня М.И.Платов, выполняя предписание П.И.Багратиона, полученное накануне, повел свой корпус и отряд И.В.Васильчикова вслед за отступающей армией и утром следующего дня был уже в Несвиже. В последующие дни отход атамана прикрывал арьергард под командованием Акима Акимовича Карпова в составе сначала двух, а затем четырех казачьих полков⁶³.

В 5 часов утра 1 июля Латур-Мобур во главе авангарда 4-го корпуса подошел к Несвижу. Остановив полки перед городом, он сделал привал и вскоре с конвоем своим из трех эскадронов улан выехал по Бобруйской дороге, приказав Рожнецкому с дивизией следовать за ним. А.А.Карпов, оставленный М.И.Платовым в арьергарде, заметил неосторожное движение небольшой кавалерийской части, дал ей возможность отойти версты на четыре от своих; стремительно развернулся и «ударил так, что один эскадрон был истреблен, а последние прогнаны с немалым поражением». Только появление дивизии Рожнецкого спасло Латур-Мобура от неминуемой гибели или плена. В этом случайном столкновении с поляками казаки взяли в плен шесть человек⁶⁴.

Пленные показали, что «в Несвиже король Вестфальский — то есть Жером Бонапарт — с частью волтижеров», без пехоты, «следовал всю ночь»⁶⁵. М.И.Платов резонно предположили, что цель неприятеля — войти в соприкосновение с русскими, чтобы, если не разбить их, хотя бы задержать и тем дать возможность маршалу Даву перехватить 2-ю Западную армию П.И.Багратиона у Бобруйска и не дать ей соединиться с войсками М.Б.Баркляя де Толли.

«Я с Вами согласен, что надо нам спешить, — писал П.И.Багратион М.И.Платову 1 июля, — но проклятые обозы задерживают меня! Все мои заботы — добраться до Слуцка, там обозы пойдут вправо, по другой дороге. А я поспешу к Бобруйску... Прошу Вас остановиться и не ехать ко мне, чтобы без Вас худа не было...»⁶⁶

Вечером 1 июля М.И.Платов с корпусом прибыл в Романово, оставив у Тимковичей свой арьергард под командованием генерал-майора А.А.Карпова. В тот же день П.И.Багратион достиг Слуцка. Тревожные известия о наступлении Даву заставили его принять меры для облегчения дальнейшего отступления армии. С этой целью все обозы, кроме самых необходимых, транспорт с больными и пленными он отправил к Мозырю. Получив в Слуцке рапорт М.И.Платова о наступлении противника, пополнившего новобранцами свои поредевшие после боя под Миром полки, и желая обеспечить возможность безопасного следования на Мозырь, П.И.Багратион предписал атаману «остановиться в Романове со всеми легкими силами вверенного» ему «корпуса, употребив все средства остановить неприятеля» и удерживать его «до глубокой ночи 3-го числа»⁶⁷.

Следствием этого распоряжения командующего 2-й армии явился бой у местечка Романово, лежащего на левом берегу болотистой речки Морочи.

На рассвете 2 июля Латур-Мобур со своей конницей двинулся в направлении на Тимковичи. С появлением противника А.А.Карпов поднял свой арьергард и начал отходить к Романову. Опасаясь, что казаки уничтожат мост через Морочь и задержат его у самого местечка, он отправил 1-й конно-егерский полк под командованием полковника Пшепендовского преследовать отступающих. Поддерживать его должны были один эскадрон польских улан и вся дивизия Каминского.

От Несвижа до Романова «вел он, Карпов, неприятеля целые сутки в виду его до самого места сражения», — писал М.И.Платов в рапорте П.И.Багратиону⁶⁸.

М. И. Платов, получив донесение А. А. Карпова о наступлении на Романово только одного полка противника, срочно переправил на правый берег Морочи пять казачьих полков⁶⁹, которые укрылись в зарослях прибрежного кустарника. Но они были обнаружены поляками. Удостоверившись в значительном превосходстве сил атамана, Пшепендовский послал офицера доложить Латур-Мобуру, что перед ним стоит до 5000 казаков — у страха глаза велики, минимум в два раза преувеличил — и испросил указаний, должен ли он начинать дело? А далее все произошло как в анекдоте.

То ли из-за рассеянности, то ли в силу недостаточного владения французским языком, прискакавший польский офицер, по свидетельству очевидца этой сцены, доложил, что перед Романовым стоит не 5000, а 500 казаков. Не допуская возможности такой нелепой ошибки, Латур-Мобур резко сказал:

— Удивляюсь, как осмелился полковник Пшепендовский задавать такие вопросы!

— Не могу знать, мой генерал, — смутился курьер и поскакал к своему командиру⁷⁰.

Польские эскадроны располагались в уступном порядке правее дороги Тимковичи-Романово на небольшой песчаной возвышенности, с которой отчетливо были видны казаки, стоявшие перед рекой, и довольно большой лагерь на противоположном берегу, за местечком. Убедившись в несомненном превосходстве сил противника, Пшепендовский решил отступить. Но не успел он построить полк в походную колонну, как возвратился посланный им офицер с повелением Латур-Мобура атаковать неприятеля. Пришлось снова разворачиваться в боевой порядок. В это время на его флангах послышалось знакомое страшное гиканье платовцев.

Первый удар поляки отразили таким огнем из карабинов, какой «можно услышать разве что на учебном плацу». Вторая и третья атаки казаков также оказались неудачными. Но «они снова устремились вперед и бросились на фланги, в то время как клинообразная масса врезалась в

центр. Противник был встречен с прежним мужеством, но полк был, наконец, опрокинут и — трудно найти более подходящее выражение — увлечен»⁷¹.

Так описал эту схватку очевидец событий. Здесь чувствуется, конечно, стремление нарисовать картину с выгодными для конных егерей оттенками, но в целом, по видимому, он был прав: казаки имели столь ощутимый перевес, что действительно могли «увлечь» своей массой многочисленного врага.

Разъединенные эскадроны поляков, перемешавшихся с казаками, неслись, поднимая тучи пыли, в полном беспорядке к Тимковичам. На этом пути их мог поддержать только один эскадрон 12-го уланского полка, но его командир принял неудачное решение. Надеясь остановить преследователей, он развернул своих кавалеристов поперек дороги. Налетевшей обезумевшей толпой они были вовлечены в общий беспорядок неуправляемого бегства, которое продолжалось «не менее пяти верст до пехоты и до пушек» бригады генерала Сулковского из дивизии Каминского.

Нешадно палило солнце. Под его лучами буйно колосилась поспевающая рожь. «Дорога и хлебные поля усеяны были трупами», — писал М.И.Платов в рапорте П.И.Багратиону.

Латур-Мобур, получив донесение о поражении полка Пшепендовского, поднял и двинул вперед всю кавалерию корпуса и приданную ему пехоту. Но было уже поздно. М.И.Платов, не принимая боя, стал отходить к Романову «для соединения с отрядом генерал-адъютанта Васильчикова». Перейдя болотистую Морочь, он сжег за собой мост, разделил «на две части пушки донской конной артиллерии» и поставил их «в выгодных местах» для обстрела наступающего противника. Прикрывал батареи 5-й егерский полк под командованием полковника Николая Федоровича Гогеля. Казаки генерал-майоров И.К.Краснова, И.Д.Иловайского, Д.Е.Кутейникова и А.А.Карпова обеспечивали фланги. Регулярная кавалерия ахтырских гусар, киевских драгун и литовских улан составляла резерв атамана⁷².

Тем временем Латур-Мобур подошел к Романову. На правом фланге его наступала бригада Гаммерштейна, центр составляла дивизия Рожнецкого; на крайнем левом фланге развернулась бригада Тышкевича и конная батарея.

Началась оживленная артиллерийская перестрелка. Одна из русских батарей отвечала на огонь польских орудий, а другая действовала «по наступающим неприятельским колоннам». Казаки же непрерывно беспокоили неприятеля с флажгов⁷³.

М.И.Платов — П.И.Багратиону,

3 июля 1812 года:

«...Последнее дело сие после отражения артиллерийского огня неприятеля продолжалось более часу, и неприятель не выдержал нанесенного ему удара и оставил на месте довольно число убитых и отретировался назад к местечку Тимковичи. Затем наступила ночь...

В сем счастливом для нас деле... как при разбитии, так и при наступлении неприятеля, участвовали генерал-майоры Васильчиков, граф Воронцов, бывший безотлучно со мною среди сражения и под выстрелами артиллерии, Краснов 1-й, Иловайский 4-й и Карпов 2-й. Но в самой сильной атаке на неприятеля и в поражении его среди огня был генерал-майор Кутейников 2-й, который получил в левую руку саблею рану и потом, вместе с генерал-майором Иловайским 5-м, тоже раненным 28 июня, находились оба для примера подчиненным и при последнем поражении неприятеля при артиллерии, поощряя тем сражающихся...

О прочих отличившихся в сем деле храбростью офицерах по собрании надлежащих сведений имею долг донести Вашему Сиятельству особым рапортом, равным образом об убитых и раненых с нашей стороны, которых, благодаря Богу, в рассуждении большого и упорного сражения сего, небольшое число...»⁷⁴.

«Особого рапорта» атамана найти не удалось. Потому что нет и сведений о количестве убитых и раненых казаков, но, «благодаря Богу», их было вроде бы «небольшое число». А вот противник потерял намного больше. Мало того,

что «дорога и хлебные поля усеяны были трупами», донцы взяли в плен 360 человек, в том числе 17 офицеров⁷⁵.

3 июля аррьергард 2-й армии оставался на позиции, как и предписывал П.И.Багратион, а вечером выступил по дороге на Слуцк. Вскоре войска неприятеля вошли в местечко. Один из офицеров 1-го конно-егерского полка, лошадь которого вчера оказалась проворнее казачьих сивок и вынесла своего седока под защиту пушек дивизии Каминского, вспоминая о событиях минувшей войны, писал позднее:

«Мы нашли тяжело раненых — из числа попавших в плен к казакам — в часовне и около нее недалеко от Романово, хорошо перевязанными. Атаман Платов, герой дня, отнесся к ним с человеколюбием, приказал их перевязать и снабдить всем необходимым»⁷⁶.

В тот день, когда аррьергард Платова покинул Романово, 2-я армия выступила из Слуцка. После изнуряющей жары пошли проливные дожди. Обозные повозки и транспорт по самую ступицу проваливались в мокрый песок. Солдаты с трудом переставляли ноги. И все-таки люди не падали духом. 1 июля Багратион писал Барклаю де Толли:

«Должен сказать, наконец, что мое отступление, столь невероятными силами преследуемое почти 15 дней продолжающееся, благодаря Всевышнему еще не обескуражило вверенных мне воинов. Каждый желает драться, как и я»⁷⁷.

Такое желание солдат драться поддерживалось не только Всевышним, но и победами казаков. Их успех у Мира и Романово обеспечил условия для отдыха и отступления армии на Бобруйск. Теперь, казалось, стоило соединить все русские силы — и враг будет разбит.

6. Интрига

В самом начале июля Александр I, вопреки неодолимому желанию лично руководить военными действиями, уехал в Москву и далее в Петербург. Уезжая, однако, он не назначил главнокомандующего. Зато приставил к начальникам обеих армий людей, облеченных особым правом писать ему, когда сочтут

это необходимым. Этим правом широко пользовались А.П.Ермолов, которого М.Б.Барклай де Толли считал своим недругом, и Э.Ф.Сен-При, откровенно шпионивший за П.И.Багратионом и доносивший о каждом его шаге царю. Князь не раз выражал негодование на этого «дядьку». Кроме того, в армии остались многочисленные генерал-адъютанты императора и «другие не совсем благонадежные и совершенно бесполезные люди, осаждавшие главную квартиру», основным занятием которых, казалось, была интрига⁷⁸. Все это создавало атмосферу подозрительности и лишало командующих необходимой самостоятельности. Каждый из них действовал с оглядкой на северную столицу, где находился государь.

Еще до отъезда Александра I в Петербург выявились разногласия между командующими армий во взглядах на способы ведения войны. Пылкий П.И.Багратион был сторонником немедленных наступательных действий, тактики «искать и бить». Методичный и холодный М.Б.Барклай де Толли исповедовал осторожность, которую многие современники воспринимали как нерешительность, а то и трусость и даже измену. А он был героически храбрым, беспредельно преданным России генералом, правда, с «немецкой» фамилией.

Уже 17 июня 1812 года, то есть через пять дней после вторжения Наполеона, М.Б.Барклай де Толли жаловался императору:

«Государь! Более чем неприятно видеть, что князь Багратион теряет время в бесполезных рассуждениях и сообщает их Платову, сбивает с толку этого генерала, который и без того уже мало образован и непросвещен»⁷⁹.

Как видно, военный министр обвиняет только командующего 2-й армии. Отношение же его к атаману донских казаков пока высокомерно-снисходительное: право, можно ли к нему предъявлять какие-то претензии, ведь он «и без того уже мало образован и непросвещен». Михаил Богданович был прав: Матвей Иванович не был отягощен образованием и на седьмом десятке лет с превеликим трудом справлялся с пером. Впрочем, князь Петр Иванович в этом смысле тоже не был виртуозом. Однако это не мешало им

успешно бить противника, а в перерывах между стычками открыто порицать распоряжения М.Б.Баркляя де Толли, не зная того, что они предписывались царем.

По мере отступления отношения между Багратионом и Барклаем де Толли принимали крайние формы. Характерно в этом смысле письмо князя начальнику главного штаба 1-й армии генерал-лейтенанту А.П.Ермолову, написанное сразу же после блестящих побед арьберггарда Платова в кавалерийских боях у Мира и Романово. Вот несколько строк из него:

«... Ей Богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Он боится нас. Войско ропщет и все недовольны. У вас зад был чист и фланги. Зачем побежали? Надобно наступать... А я бы тогда помог... Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией. стыдно носить мундир... Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать... Если бы здесь был он, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников — никогда!.. Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу»⁸⁰.

В свою очередь царь и военный министр были недовольны действиями П.И.Багратиона. Они обвиняли его в том, что подчиненные ему войска не приближались, а удалялись от 1-й Западной армии. Военачальника, которого солдаты боготворили, как бесстрашного воина и мужественного полководца, упрекали в нерешительности и боязни сразиться с корпусом маршала Даву.

Чем дальше отходила армия от границ, тем нетерпимее становились отношения между двумя командующими, вовлекая все новых и новых людей. Исправить положение могло назначение главного начальника, но царь с этим не спешил.

В то время, когда Багратион под прикрытием отважных казаков Платова отводил 2-ю Западную армию на восток, Барклай де Толли привел свои войска в Дрисский лагерь, невыгодность расположения которого в стратегическом и

тактическом отношении на месте обнаружилась со всей очевидностью. 1 июля состоялся военный совет, единодушно решивший отступить к Витебску.

Туда же, к Витебску, устремился и Наполеон, не терявший надежды разгромить 1-ю армию Баркляя де Толли, чтобы затем нанести сокрушительный удар по приближающимся войскам Багратиона и тем закончить войну.

«Император и армия, — писал позднее А. Коленкур, — сильно желали этого сражения и потому тем более себя надеждой, что великий результат близок»⁸¹.

2 июля военный министр переправил свою армию через Двину и, кажется, задумался над вопросом, не дать ли, наконец, сражение французам. Но мысль эта, едва появившись, тут же исчезла. Слишком неравными были силы, чтобы рисковать без надежды на успех. Следствием этих размышлений явилось предписание Баркляя де Толли, «в коем изображена была неслыханная воля государя императора», чтобы Платов с вверенным ему корпусом следовал форсированным маршрутом через Могилев и Витебск на соединение с 1-й Западной армией. При этом от него ожидали подвигов, подобных тем, что «были при Мире»⁸².

Платов, вынужденный исполнять высочайшую волю, обратился к Багратиону с частным письмом, датированным 5 июля:

«Ваше Сиятельство... ей и ей же я Вас люблю душевно и почитаю, но покорнейше прошу, войдите в мои обстоятельства. Получа повеление от военного министра, объявленное мне высочайшим приказанием, что мне иначе делать, как должен исполнить то... Ежели Ваше Сиятельство находит, что я с казачьим корпусом нужен до Бобруйска прикрывать армию Вашу, оправдайте же меня перед государем и дайте мне повеление Ваше, чтобы я не был виновен за неисполнение мне повеленного соединения с 1-ю армиею...»⁸³

Нет оснований сомневаться в искренности Матвея Ивановича. Он действительно «душевно любил и почитал» князя Петра и готов был оставаться под его началом и в

будущем. Платов прекрасно понимал, в какое трудное положение может попасть Багратион, подпираемый с тыла Жеромом, а с фланга маршалом Даву, после ухода казачьего корпуса на соединение с 1-й армией. Но не выполнить «высочайшего приказания» атаман не мог. Поэтому и попросил оправдать его перед государем, если командующий решится задержать казаков в арьергарде своей армии.

Я не случайно обратил внимание на это предписание Барклая де Толли, выразившего волю Александра I, поскольку якобы нежелание его выполнить послужит потом для военного министра основанием предложить императору удалить атамана из армии. По счету военного времени неприятности постигнут героя Мира и Романова еще на скоро — примерно через полтора месяца. Это действительно немало, коль калейдоскоп уже описанных событий прокрутился всего за три недели, и главными их участниками были донские казаки во главе со своим прославленным вождем, который пока не дал повода для упреков в уклонении от службы царю, что, по тогдашним представлениям, было тождественно служению отечеству. Без учета этого наше понимание патриотизма русских людей в период войны будет искаженным. Радищевское понимание любви к Родине утвердится в общественном сознании позднее, в эпоху декабристов — «детей 1812 года».

А как сам Багратион отнесся к перспективе лишиться такого верного хранителя спокойствия 2-й армии, каким зарекомендовал себя в условиях отступления казачий корпус Платова? Внешне — спокойно; кажется, даже с пониманием, поскольку государь призывал атамана, по словам Барклая де Толли, «для защиты отечества».

«Я слишком уверен, что Ваше Высокопревосходительство совершенно видите пользу и непрременную надобности в скором соединении, — писал Багратион Платову 8 июля, — и потому... пожелаете поспешить сколь возможно, по мере нужды и пойдете, конечно, не менее 50-ти верст в каждый переход»⁸⁴.

Получив предписание командующего, Платов отмахал за сутки от Слуцка до Бобруйска более 50 верст, намереваясь прибыть в Могилев 10 июля, если не «днем, то ночью». Но и маршал Даву не терял времени даром.

Атаман шел по намеченному графику и прибыл бы в Могилев вовремя, но еще 9 июля в город вошли войска Даву. Багратион, пробиваясь на соединение с 1-й армией, решил дать маршалу генеральное сражение. Поэтому он задержал здесь корпус Платова на два дня.

Сражение это не состоялось, но произошла «битва и, — по мнению Платова, — довольно порядочная», в которой «с обеих сторон, если не десять, то девять тысяч убитыми и ранеными пало»⁸⁵. В ней, вместе с корпусом генерал-лейтенанта Н.Н.Раевского, отличилась бригада полковника Сысоева в составе пяти казачьих полков. Бой у Салтановки, а речь идет именно о нем, был действительно кровопролитным, хотя и скоротечным. Потери атаман несколько преувеличил, но совсем немного.

12 июля корпус Платова переправился вброд через Днепр у монастыря Ворколабова, отделился от Багратиона и стал догонять 1-ю армию. Через два дня атаман получил пакет от Барклая де Толли с сообщением о его решении дать генеральное сражение неприятелю у Витебска. Командующий писал:

«...Собрал я войска свои на сегодняшний день в крепкой позиции у Витебска, где с помощью Всевышнего приму неприятельскую атаку и дам генеральное сражение.

В армии моей, однако, недостает храброго Вашего войска, я с нетерпением ожидаю соединения оногo со мною, отчего единственно зависит ныне совершенное поражение и истребление неприятеля, который намерен по направлению из Бортова, Толочина и Орши частью своих сил ворваться в Смоленск, по каковому поводу настоятельнейше просил я князя Багратиона действовать на Оршу и занять сей город, а Ваше Высокопревосходительство именем армии и отечества прошу идти как можно скорее на соединение с моими войсками.

Я надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство удовлетворите нетерпение, с коим Вас ожидаю, ибо Вы и войска Ваши никогда, сколько мне известно, не опаздывали случаем к победам и поражению врагов. Я же отсель до тех пор не пойду, пока не дам генерального сражения, от которого совершенно все зависит»⁸⁶.

С 13 по 15 июля арьергард 1-й армии под командованием генерал-лейтенанта Петра Петровича Коновницына в трудном единоборстве отражал атаки противника. Избранная у Витебска позиция оказалась на деле вообще непригодной для сражения, особенно в случае его неудачного исхода и необходимости отступления.

«Мы в таком положении, — писал Ермолов Платову, — что и отступать невозможно без ужаснейшей опасности. Если Вы придете, дела наши не только поправятся, но и примут совершенно выгодный вид. Спешите»⁸⁷.

Атаман не пришел, не успел, а с одной надеждой на Всевышнего Барклай де Толли не рискнул вступить в сражение с противником, который имел двойное численное превосходство над его армией, и приказал отступать. В ночь на 16 июля русские войска оставили позицию у Витебска.

В штабе Барклая де Толли, по-видимому, были убеждены, что соединение русских армий сдерживается не только объективными трудностями отступления войск Баграциона, но и сознательно. Во всяком случае, такой вывод напрашивается после чтения письма Ермолова к Александру I. «Государь! — писал он 16 июля, — необходим начальник обеих армий. Соединение их будет поспешнее и действия согласнее»⁸⁸.

Платов, не зная о том, что 1-я армия оставила позицию у Витебска, продолжал пробиваться на соединение с ней по указанному ранее маршруту, теряя дорогое время. Вскоре он получил послание Ермолова с упреками за проявленную медлительность, датированное тем же числом, что и его письмо царю.

Платов отправил Ермолову ответ с описанием всех событий, начиная со дня, когда он вышел из Гродно. К письму атаман приложил записку следующего содержания:

«Я письмо к Вам писал на песке, сидя на коленях, как другу. Прошу довести его до сведения главнокомандующего, он увидит, что мне невозможно было успеть скоро соединиться с первой армией. А теперь уже есть надежда соединиться через два дня, разве — он, Барклай де Толли — отретуруется до Москвы, тогда уже не скоро нагоню.

Боже милостивый, что с русскими армиями делается? Не побиты, а бежим! Одна со страхом отступает, а другую отдаленными дорогами отводят без боя. Спасал я ее три недели удачно. Прошу Бога, чтобы благословил меня и другую защитить»⁸⁹.

Соединение казачьего корпуса с 1-й армией произошло действительно «через два дня», то есть 19 июля. Судя по всему, Ермолов не показал записку Платова Барклаю де Толли. Командующий выразил атаману свою «наичувствительную благодарность» и уверенность в том, что донские войска «покроют себя новой славой». Вместе с тем он предложил ему представить список офицеров «с описанием их подвигов» для награждения⁹⁰. Ничто, кажется, не предвещало грозы.

И Багратиону благодаря мужеству казаков и военному искусству их полководца удалось вывести свои войска из, казалось, неминуемого окружения. 20 июля его полки начали прибывать в район расположения 1-й армии у Смоленска. Соединение завершилось в течение трех дней.

«По духу 2-й армии можно было думать, что она пространство между Неманом и Днепром не отступая оставила, но прошла торжествуя, — вспоминал Ермолов. — Шум неумолкавшей музыки, крики неперестававших песней оживляли бодрость воинов; исчез вид претерпенных трудов, видна была гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых»⁹¹.

Ученик Суворова Багратион умел поддержать боевой дух в армии. Оттого-то его солдаты и воспринимали успешные сражения казаков как свои собственные победы.

Соединение двух русских армий было большим успехом их командующих. Превосходство сил Наполеона заметно уменьшилось, и он не получил желаемого и выгодного для него на том этапе войны генерального сражения.

А.П.Ермолов — Александру I,

после соединения русских армий:

«Ваше Величество, мы вместе. Армии наши слабее числом неприятеля, но усердием, желанием сразиться, даже самим озлоблением, соделываемые не менее сильными...

Государь! Нужно единоначалие, хотя усерднее к пользам отечества, в защите его, великодушие в поступках, склоннее к принятию предложений быть невозможно достойного князя Багратиона, но не весьма часты примеры добровольного подчинения.

Государь! Ты мне прощаешь смелость в изречении правды!»⁹²

Как видно, торжество соединения не сгладило остроты противоречий между командующими. Князь Багратион, отличаясь «умом тонким и гибким», по отзыву Ермолова, не проявил этих качеств в отношении к Барклаю де Толли.

Обычно тактичный Михаил Богданович долго терпел, щадя самолюбие авторитетного в армии и первого по времени производства в чин генерала Багратиона, но всему бывает предел. Он не выдержал и, по свидетельству очевидца, после соединения русских армий у Смоленска оказался участником такой неприятной сцены, разыгравшейся в присутствии подчиненных:

— Ты немец, тебе все русские нипочем, — несправедливо обвинил распалившийся Багратион военного министра.

— А ты дурак, и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским, — ответил на это Барклай де Толли⁹³.

В такой обстановке рассчитывать на единство действий даже после соединения армий явно не приходилось. Военного министра порицали все: интриганы по свойствам

характера и по положению в Главной квартире, боевые генералы и люди, близкие к царской фамилии, а значит, и влиятельные при дворе; в солдатском строю за его спиной нередко раздавались мужицкие каламбуры и просто смачные ругательства.

Мудрая Клио давно разрешила этот исторический конфликт, она оправдала устами А.С.Пушкина в непревзойденной поэтической форме Барклая де Толли и поняла горячего и искреннего патриота Багратиона, в то время выражавшего общее мнение. Именно тогда, в хриповатом хоре осуждения прозвучал зычный голос донского атамана, больно ранивший военного министра, обремененного ответственностью за судьбу армии и всей России.

— Я никогда не надену более русского мундира, потому что он сделался позорным, — бросил Платов в лицо военному министру в присутствии генералов и сэра Роберта Вильсона при первой встрече после соединения армий под Смоленском⁹⁴.

Обращает на себя внимание поразительное сходство лексики и самого смысла приведенной реплики Платова и процитированного выше письма Багратиона к начальнику штаба 1-й армии Ермолову. И это не удивительно. Несмотря на разницу в возрасте, отношения между ними, как было сказано, освящались давней боевой дружбой. Их частная переписка содержит выражения душевной любви, почитания и признательности, единодушного осуждения фулевского плана и пр. А ведь мы не знаем еще о характере их бесед накануне неизбежного свидания с военным министром.

Чем же была вызвана столь бурная реакция Платова? Думаю, ответ на этот вопрос можно получить из письма Барклая де Толли от 22 июля 1812 года, адресованного императору:

«...Позволю себе высказать Вам, Государь, мое мнение относительно предмета не менее важного.

Генерал Платов в качестве командующего иррегулярными войсками облечен слишком высоким званием, которому не соответствует по недостатку благородства ха-

рактера. Он эгоист и сделался крайним сибаритом. Его казаки, будучи действительно храбрыми, под его начальством не отвечают тому, чем они должны были быть. Доказательством служит его движение на присоединение к первой армии. Были переходы, когда он, не имея против себя неприятеля, делал только от 10 до 15 верст. При этих обстоятельствах было бы счастьем для армии, если бы Ваше Императорское Величество сообразовали найти благовидный предлог, чтобы удалить его из нее. Таковым могло бы быть формирование новых войск на Дону или набор полков на Кавказе, с пожалованием ему титула графа, к чему он стремится больше всего на свете. Его бездеятельность такова, что мне приходится постоянно держать одного из моих адъютантов при нем или на его аванпостах, чтобы добиться исполнения предписанного.

Государь, я осмеливаюсь просить Вас о принятии этой меры потому, что она сделалась безусловно необходимой для блага службы...»⁹⁵

В последних строках своего письма военный министр заверял царя о полном согласии между ним и Багратионом, что никак не соответствовало характеру их отношений.

Уже отмечалось, что 19 июля Барклай де Толли выразил атаману свою «наичувствительную благодарность» и, решив наградить донских офицеров, потребовал представить ему списки с описанием их подвигов, совершенных в арьергардных боях при отступлении 2-й армии от Гродно к Смоленску.

На следующий день, обращаясь к Платову с очередным распоряжением, Барклай де Толли писал: «Ваше Высочайшее превосходительство уже столь много одолжили 1-ю армию присоединением к ней, что мне остается только желать исполнения ныне предполагаемого, дабы отечество совершенно Вам было обязано благодарностью»⁹⁶.

В свете такого мнения обвинение Матвея Ивановича в слишком медленном движении на соединение с 1-й армией и стремление избавиться от него как от крайнего сибарита, проще говоря, бездельника, кажется неожидан-

ным. Ведь вроде бы ничто не предвещало такой развязки. И вдруг...

Скорее всего, записка Платова, приложенная к письму Ермолову и ему одному адресованная «как другу», каким-то образом попала все-таки в руки военному министру, и он, будучи человеком, по характеристике начальника его штаба, «не снисходительным» и «чувствительным к наружным изъявлениям уважения», не оставил без внимания колкий выпад атамана. При встрече с ним, которая могла иметь место 21 июля в доме смоленского губернатора, то есть через два дня после выражения ему «наичувствительной благодарности», командующий, можно предположить, потребовал от него отчета о причинах задержки с выполнением «высочайшего повеления» о необходимости форсированного марша на соединение с 1-й армией. В результате разыгралась та бурная сцена, свидетелем которой оказался сэр Роберт Вильсон, отиравшийся в главной квартире. На следующий день последовал уже известный рапорт Барклая де Толли императору с просьбой отстранить атамана «для блага службы» от командования казачьими войсками под каким-нибудь «благовидным предлогом».

Платов же, наперекор обвинению его в сибаритстве, еще раз продемонстрировал, теперь уже перед обеими армиями, свое полководческое искусство, отвагу и мужество казаков.

25 июля состоялся военный совет, который в сущности единодушно высказался за наступление в направлении на Рудню, где предполагалось прорвать центр французской армии, разъединить ее на части и нанести каждой из них максимально ощутимый урон до того, как они успеют сосредоточиться. Впереди главных сил должны были идти казаки Платова. Еще можно было успеть что-то сделать, Хотя три дня уже были потеряны, но действия требовались энергичные и смелые. При всех достоинствах Барклая де Толли импровизация и благоразумный риск выпадали из сферы его военной практики. Он должен был несколько раз все взвесить, прежде чем на что-то решиться.

Из Витебска к Смоленску вели три дороги: одна — через Поречье, другая — через Рудню, третья — через Красное. По какой из них пойдет неприятель? Вот вопрос, над которым думали-гадали генералы, принимая решение о переходе в наступление.

Баграцион считал наиболее вероятным красненское направление, позволявшее Наполеону, совершив обход, отрезать русским путь отступления на Москву, и не ошибся. Барклай де Толли, получивший неверные разведывательные данные о сосредоточении французов у Поречья, сделал вывод, что противник собирается обойти его правый фланг. Чтобы исключить эту опасность, он выдвинул туда свою 1-ю армию, а 2-ю отправил к Приказ-Выдре на Рудненскую дорогу, рассчитывая, что в случае необходимости она будет его подкреплять⁹⁷.

Платова забыли предупредить об этих перемещениях, и он продолжал идти по дороге на Рудню, но уже не впереди главных сил, как намечалось по диспозиции, а сам по себе, выдвинув в авангард бригаду генерал-майора В.Т.Денисова в составе двух казачьих полков.

Перед рассветом 27 июля в лагерь Платова примчался курьер от В.Т.Денисова с сообщением, что дивизия Себастиани в составе одного пехотного и девяти кавалерийских полков снялась с места и двинулась по Рудненской дороге по направлению к Смоленску. Атаман, ночевавший у деревни Зарубенка, имел в своем распоряжении всего семь казачьих полков и двенадцать орудий донской артиллерии. Правда, в ходе предстоящего боя силы сторон могли уравниваться, но только в том случае, если на помощь казакам до окончания дела подоспел бы вызванный сразу же после получения известия из авангарда о наступлении неприятеля генерал-майор П.П.Пален со своими гусарами.

Платов, не теряя времени, принял решение дать бой. С тем же курьером он приказал Денисову задержать неприятеля, а сам с пятью полками и артиллерией устремился на рысях к нему на помощь. У деревни Молево Болото он сблизился с ним, усилил его двумя полками под ко-

5. ОУН ЧЕМАЦИА ДО СМОЛЕНСКА

мандованием подполковника Т.Д. Грекова и тут же бросил в атаку. Казаки опрокинули равный им по численности авангард генерала Себастиани и преследовали его до соеденения с основными силами дивизии.

Теперь французы перешли в наступление и стали теснить авангард В.Т. Денисова. Видя это, Платов пустил для удара по левому флангу неприятеля полки Атаманский, К.И. Харитонов и Симферопольский татарский под общим командованием генерал-майора Д.Е. Кутейникова, еще не вполне излечившегося от раны, полученной в сражении при Мире. А сам лишь с небольшим конвоем здесь же, у дороги, развернул орудия конной артиллерии и приготовился встретить врага в центре.

«Тут вышло упорное сражение, продолжавшееся более часу». В атаку на батарею бросились полк конных егерей и батальон пехоты неприятеля, которые, несмотря на губительный огонь картечи, упорно пытались овладеть русскими пушками. Уже были сражены ружейным огнем некоторые канониры, метались в построениях одичавшие от ран артиллерийские лошади. Орудия, до которых осталось не более шестидесяти сажений, оказались в опасности. Но тут по флангу наступающих ударили казаки. К.И. Харитонов разбил конных егерей. И.Г. Мельников с двумя полками смял пехоту. Иван Григорьевич, «отличившийся во многих случаях неустрашимую храбростью, к сожалению, был убит» в этом бою.

Когда удалось отстоять артиллерию, началась общая атака на неприятеля, который «С Божьей помощью храбростью российских войск совершенно был опрокинут и преследован с большим поражением» сначала казаками, а последние восемь верст — подоспевшими-таки гусарскими полками П.П. Палена, которые тешились над остатками дивизии противника, пока те не укрылись под защитой своей многочисленной пехоты и артиллерии, «чем и кончилось сражение».

Себастиани «потерял большое количество людей, — информировал Платов об итогах этого боя Барклай де Толли, — ежли не больше, то по крайней мере половину кавал-

лерийского корпуса его, из пехотного же полка осталось не более ста человек и те спаслись кустарниками». Кроме того, в плен было взято десять офицеров, в том числе полковник, подполковник и майор, и «полагательно более 300 человек» рядовых.

«Неприятель пардона не просил, а войска российские Его Императорского Величества, быв разъярены, кололи и били его... С нашей стороны, по милости Божеской, убитыми урон невелик, а более ранеными...» Так завершил донской атаман свой рапорт военному министру, который и послужил мне основой для описания боя, данного казаками 27 июля превосходящим по силам французам у небольшой смоленской деревеньки, сиротливо приткнувшей свои кособокие избы к дороге, на которой во второй половине 1812 года вершились судьбы народов всей Европы и, конечно, России⁹⁸.

А где же были и что делали в это время Багратион и Барклай де Толли?

Багратион с самого начала усомнился в достоверности известий о сосредоточении войск Наполеона у Поречья и пытался убедить Барклая де Толли продолжать движение на Рудню, но безуспешно. Под предлогом недостатка питьевой воды в районе деревни Приказ-Выдра он отвел 2-ю армию ближе к Смоленску, поскольку его серьезно беспокоила возможность наступления французов по Красненской дороге, чтобы обойти русских с юга, захватить этот важный стратегический пункт и отрезать их от Москвы.

Первая армия простояла трое суток на одном месте. Когда выяснилось, что в Поречье никого нет, Барклай де Толли снова двинул свои войска к Рудне. На эти бесплодные ночные передвижения с дороги на дорогу было израсходовано слишком много сил и времени, чтобы еще думать о наступлении. Наполеон уже успел сконцентрировать для удара на Смоленск пять пехотных и три кавалерийских корпуса, да еще гвардию, создав группировку общей численностью в 185 тыс. человек.

Успех Платова в бою под Смоленском еще более усилил недовольство нерешительностью Барклая де Толли. Выразителем этого недовольства по-прежнему оставался Багратион.

П.И.Багратион — А.А.Аракчеву

29 июля 1812 года:

«...Воля Государя моего! Я никак вместе с министром не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя бы полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу. И вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку нет... Я думал истинно службу Государю и Отечеству, а на поверку выходит, что я службу Барклаю. Признаюсь, не хочу»⁹⁹.

Недовольство Багратиона беспорядочным командованием Барклая де Толли русскими армиями после соединения их у Смоленска с искренней заботой о судьбе отечества умело подогревал генерал-лейтенант Ермолов.

А.П.Ермолов — П.И.Багратиону,

1 августа 1812 года:

«...Пишите, Ваше Сиятельство, Бога ради, ради Отечества, пишите Государю. Вы исполните обязанность Вашу по отношению к нему, Вы себя оправдаете перед Россиею. Я молод, мне не станут верить... Я не боюсь и от Вас не скрою, что писал, но молчание, слишком продолжающееся, есть уже доказательство, что мнение мое почитается мнением молодого человека... Так, достойнейший начальник! Вы будете виноваты, если Вы не хотите как человек, усматривающий худое дел состояние, разумеющий тягость ответственности, взять на себя командование армией... Уступите другому, но согласитесь на то тогда только, когда назначится человек по обстоятельствам приличный. Пишите, Ваше Сиятельство, или молчание Ваше будет обвинять Вас»¹⁰⁰.

Александр I пока не видел среди своих военачальников «человека приличного по обстоятельствам», которого можно было бы назначить главнокомандующим. О Михаиле Илларионовиче Кутузове после аустерлицкого разгрома он даже не вспоминал. Между тем обстановка в армии на-

калилась до предела, чему немало способствовал один случай, к которому причастными оказались казаки Платова.

В бою у деревни Молево Болото они захватили документы, принадлежавшие генералу Себастиани, из которых стало ясно, что французскому командованию известен план наступления русских главных сил к Рудне. Точная осведомленность противника свидетельствовала о том, что он имеет ловких шпионов в штабе 1-й армии. Подозрения пали на Людвига Адольфа Вольцогена. Был ли он тайным осведомителем Наполеона, точно не известно, но Ермолов донес до нас содержание любопытного разговора, который состоялся у него с Платовым в это время.

— Казаки мои взяли в плен одного унтера, бывшего ординарца при полковнике, — начал Матвей Иванович, — и тот рассказывал, что видел два дня сряду приезжавшего в польский лагерь под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно о наших генералах.

Разговорились они «и о других, не совсем благонадежных и совершенно бесполезных людях, осаждавших главную квартиру, и, между прочим, о флигель-адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего». И Платов, бывший «в веселом расположении ума», посоветовал Ермолову:

— Вот, брат, как надобно поступить. Дай мысль поручить Вольцогену обозрение неприятельской армии и направь его на меня, а там уж мое дело, как разлучить немцев. Я дам полковнику провожатых, которые так покажут ему французов, что в другой раз он их уже не увидит. — Платов рассмеялся довольный, потом продолжил свой рассказ.

Я, Алексей Петрович, знаю и других, достойных таких же почестей. Не мешало бы, к примеру, и князю Багратиону прислать ко мне господина Жамбара, служащего при графе Сен-При, в распоряжения которого он много вмешивается.

— Что вы, Матвей Иванович, — в тон атаману сказал Ермолов, — есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии, облекаясь наружностью человеколюбия, сострадания выставляют себя защитниками прав человека.

В Вольцогене Барклай де Толли, кажется, не усомнился. Зато выслал из армии под наблюдение московского губернатора Федора Васильевича Ростопчина четырех других флигель-адъютантов императора: князя Любомирского, графов Браницкого и Потоцкого и Влодека. Последний приехал в Москву с письмом военного министра от 30 июля.

«Письмо Ваше я имел честь получить, — писал в ответ Ростопчин Барклаю де Толли, — и вручателя оного полковника Влодека под предлогом скорого прибытия сюда государя императора удержал, имея за сношениями его крепкий надзор»¹⁰¹.

В тот же день Ростопчин отправил письмо и Александру I, в котором выразил свое возмущение решением Барклая де Толли. «Они все четверо не могут быть изменниками, — достаточно резонно заметил он, — зачем же наказывать их таким позорным образом? Почему же не Вольцоген или кто-либо другой сообщил известие неприятелю?»¹⁰².

Вслед за флигель-адъютантами командующий 1-й армии очистил главную квартиру от ряда своих адъютантов, заподозренных им в силу каких-то причин в измене. Так, он выслал в Москву барона Левенштерна и графа Лезера.

Факты, приведенные в «Записках Алексея Петровича Ермолова», как правило, не вызывают сомнений, а вот с их оценкой, его характеристиками отдельных генералов не всегда и не во всем можно согласиться, хотя надо отдать должное его наблюдательности, умению все-таки постигнуть психологию сослуживца. В целом, высоко оценивая Барклая де Толли как человека «ума образованного, положительного, терпеливого в трудах», то есть работоспособного, равнодушного к опасности, неподверженного страху и так далее, он в то же время считал его «нетвердым в

намерениях», «робким в ответственности», «боязливым перед государем», с чем никак не согласуются многие поступки Михаила Богдановича¹⁰³.

По мнению М.А.Фонвизина, характерной чертой военного министра была независимость¹⁰⁴. Барклай де Толли не остановился даже перед удалением из армии великого князя Константина Павловича, который без тени смущения обвинял его перед солдатами чуть ли не в предательстве. Отделаться таким же образом от Платова «для блага службы» он не то чтобы не решился — не мог без высочайшего на то соизволения. Ответа же на свой рапорт от 22 июля командующий пока не получил.

6 августа русские войска оставили Смоленск. Со сдачей города, считавшегося «ключом к Москве», авторитет Барклая де Толли приблизился к нулю.

П.И.Багратион — А.А.Аракчееву,

7 августа 1812 года:

«...Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я не виноват, что он перешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругает его на смерть»¹⁰⁵.

Точно так же отзывался о нем и генерал Д.С.Дохтуров в письме к жене¹⁰⁶.

Терялось уважение к военному министру и общества. Вот, к примеру, как судили о военачальнике тамбовские женщины. «Не можешь вообразить, — писала одна из них, обращаясь к своему адресату, — как все и везде презирают Барклая»¹⁰⁷.

Конечно, Барклай де Толли допускал ошибки. В частности, под Смоленском, имея возможность нанести хотя бы частичное поражение противнику, пока тот еще не успел сосредоточиться, он потерял немало времени сразу после соединения русских армий и потом, когда переводил свои войска с Рудненской дороги на Пореченскую и обратно.

Но отступление от города в конечном-то счете еще современники признали правильным, правда, уже после того, как улеглись страсти.

---

5. ОЖИ ЧЕМАЧА ДО СМОЛЕНСКА

Какая несправедливость! Полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный», как характеризовал его адъютант Ермолова Фонвизен, человек, беззаветно служивший родине, и, быть может, спасший ее «искусным отступлением», больше других заботившийся о нуждах солдат, не только не был любим ими, но и постоянно обвинялся Бог весть в каких грехах¹⁰⁸.

Кто виноват в этой вопиющей неблагодарности? Дикость черни, на которую указывал А.С.Пушкин, или те, кто сознательно или бессознательно внушал ей нелюбовь к спасавшему народ вождю? Знать это чрезвычайно важно, ибо сложившаяся в армии атмосфера отразилась на судьбах многих людей, в том числе и на положении атамана Платова.

Главным виновником создавшейся обстановки был император, который слишком долго не мог преодолеть честолюбивого желания лично руководить боевыми действиями. Лишь 8 августа он назначил главнокомандующего всеми российскими армиями фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. Кандидатуру великого полководца настойчиво отстаивала перед царем Москва.

ГЛАВА 6

От Смоленска до Бородина

1. В арьергарде с Платовым

В бою под Смоленском отличилась дивизия генерала Д.П.Неверовского. «Каждый штык ее, — восхищался Д.В.Давыдов, — горел лучом бессмертия!»¹. На следующий день на помощь ему подоспел корпус Н.Н.Раевского. Они отступили под защиту каменных стен крепости и решили защищать город до подхода главных сил П.И.Багратиона.

Рано утром 4 августа Н.Н.Раевский получил от П.И.Багратиона записку: «Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобою. Держись, Бог тебе помощник!»²

П.И.Багратион не пришел на помощь другу. М.Б.Барклай де Толли отправил его армию на Московскую дорогу, чтобы не позволить Наполеону обойти левый фланг русских. Он вывел из города солдат Н.Н.Раевского, оставил в нем уцелевших героев Д.П.Неверовского, подкрепив их корпусом Д.С.Дохтурова и дивизиями П.П.Коновницына и принца Евгения Вюртембергского. Два дня они отражали иступленные атаки французов.

Общий штурм крепости не имел успеха. Наполеон приказал начать обстрел города из 300 орудий. «Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, — вспоминал Ф.Н.Глинка, — все что может гореть, запылало»³.

6 августа русские войска оставили Смоленск.

П.И.Багратион не выбирал выражений: «подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию»⁴.

Это в письмах к ближайшим сотрудникам царя. Перед подчиненными и самим военным министром Петр Иванович старался сдерживаться.

Других же ничто не смущало. Великий князь Константин Павлович, которого когда-то отчитал А.В.Суворов за неуважительное отношение к генералу А.Г.Розенбергу, забыл урок великого полководца. Однажды, подъехав к фронту солдат, он позволил себе сказать:

— Что делать, друзья! Мы не виноваты... Не русская кровь течет в том, кто нами командует!⁵

От Смоленска отступали тремя колоннами. «Солдаты очень приуныли. Шли, повесив головы. Каждый думал: что-то будет?»⁶

7 августа у Валутиной Горы, что за речкой Колодной, отряд П.А.Тучкова силами около трех тысяч человек, половину из которых составляли донские казаки А.А.Карпова, и одной роты конной артиллерии должен был остановить два пехотных и два кавалерийских корпуса противника, чтобы дать возможность войскам 1-й и 2-й армий, отступавших от Смоленска разными дорогами, сойтись на Лубинском перекрестке и продолжать движение к Соловьевой переправе через Днепр.

К полудню неприятель показался перед позицией русского авангарда, который к этому времени получил в подкрепление свыше двух тысяч grenадеров и шесть орудий. Продержавшись с этими силами у Валутиной Горы часа три, П.А.Тучков отступил за реку Страгань, где уже должен был стоять до последнего, чтобы решить поставленную перед ним задачу. О том, насколько большое значение придавал М.Б.Барклай де Толли удержанию этой позиции, можно судить по воспоминаниям его адъютанта полковника В.И.Левенштерна. Вот о чем поведал он много лет спустя.

Отступив за Страгань, П.А.Тучков лично доложил командующему, что больше не в состоянии противиться неприятелю, напавшему на его отряд силами четырех корпусов. И услышал в ответ:

— Генерал, возвращайтесь к своим солдатам и умрите вместе с ними, защищая отечество; если вы еще придете сюда, я прикажу вас расстрелять⁷.

Павел Алексеевич был способен положить свою жизнь на алтарь отечества. А вот задержать неприятеля теми силами, какими располагал в тот момент, едва ли. Понимая это, начальник штаба 1-й армии А.П.Ермолов срочно направил ему на помощь первый кавалерийский корпус графа В.В.Орлова-Денисова, в состав которого входил и лейб-гвардии казачий полк. Кроме того, ему были подчинены четыре гусарских полка, правда, один не полный, из отряда Ф.К.Корфа. Теперь численность авангарда достигла десяти тысяч человек, с которыми П.А.Тучков и вступил в бой против тридцати пяти тысяч отборных французских войск Нея, Мюрата и Жюно.

Бой начался в центре русской позиции. Французы несколько раз бросались в атаку, но, поражаемые шквалом картечи и пуль, отступали с большими потерями. В это время к месту сражения прибыл М.Б.Барклай де Толли. Убедившись в слабости отряда П.А.Тучкова, он спешно перебросил в район деревни Лубино третий пехотный корпус П.П.Коновницына. Численность авангарда 1-й армии возросла до пятнадцати тысяч штыков и сабель.

Отказавшись от бесплодных попыток прорвать оборону пехотных батальонов П.А.Тучкова в центре, французы обратили свои силы против левого фланга авангарда, где развернулась русская конница. Но прежде чем они двинулись в атаку, граф В.В.Орлов-Денисов успел принять кое-какие меры. Большую часть кавалерийского корпуса и конную артиллерию он оставил в кустарнике за болотом, а с лейб-казаками помчался к стоявшим перед ним у дороги гусарским и донским полкам.

Сам командир понимал: в случае поражения отступать некуда. Важно было убедить в этом подчиненных. Поэтому он отправил представителей всех гусарских эскадронов и казачьих сотен на рекогносцировку местности. Они скоро вернулись и доложили:

— Ваше Сиятельство! Путей отхода нет: впереди — неприятель, позади — непролазная топь.

— Значит, для нас остается одно из двух: либо победить врага, либо умереть с честью, — говорил граф, объезжая войска.

Лейб-казаков и гусар В.В.Орлов-Денисов построил в четыре линии перед болотистым ручьем, примкнув их правым крылом к пригорку, на котором устроил батарею, а на левом фланге расположил два эскадрона регулярной кавалерии и пять казачьих полков генерал-майора А.А.Карпова. Позднее М.Б.Барклай де Толли усилил конницу авангарда своей армии двумя пехотными полками из корпуса П.П.Коновницына и двенадцатью орудиями⁸.

В течение часа бой развивался вяло, противники ограничивались лишь перестрелкой. Правда, мариупольские гусары в это время «почти до тла изрубили» одну роту неприятельской пехоты, неосторожно высунувшуюся из кустов. Потом в атаку пошла французская кавалерия во главе с самим Мюратом. Она опрокинула казаков и стала их преследовать. Но В.В.Орлов-Денисов ударил ей во фланг, бросив вперед один за другим свои полки, стоявшие в четыре линии у деревни Заболотье.

Неаполитанский король долго не решался возобновить атаку. Наконец Жюно пустил в дело пехотную дивизию Охса. Она вышла из укрытия и направилась через лес на левый фланг русской позиции. Артиллеристы позволили ей приблизиться и расстреляли почти в упор из шестнадцати искусно замаскированных орудий, при содействии перекрестного ружейного огня двух полков, присланных из корпуса П.П.Коновницына. Неприятель обратился в бегство. За ним ринулись казаки и гусары. К восьми часам вечера бой здесь затих.

Известный военный теоретик и историк Антон Генрих Жомини, служивший и Наполеону и Александру, так описал этот бой у деревни Заболотье, что в нескольких верстах от Лубино:

«Мюрат, стесненный справа и слева лесами и болотами, не мог успешно действовать своею кавалерией. Орлов-Денисов несколько раз опрокидывал головы колонн его, хотевших дебушировать за Латышино против левого фланга русских. Должно признаться, Орлов-Денисов показал в этой борьбе столько же мужества, сколько показывал до того времени храбрости и деятельности король Неаполитанский»⁹.

Лестное сравнение.

Когда почти стемнело, французы еще раз попытались прорвать центр русской позиции. Контратаку возглавил сам генерал-майор П.А.Тучков. В ночной схватке он был ранен штыком в бок и голову, попал в плен и доставлен к Мюрату.

— Есть ли у вас какая-либо просьба? Я охотно выполню ее, — обещал французский маршал.

— Не забудьте наградить офицера, который представил меня к вам. Он действовал очень храбро против меня, — сказал генерал.

На другой день офицер получил орден Почетного легиона¹⁰.

«Сражение 7-го августа, известное по моим донесениям, — писал М.Б.Барклай де Толли, — может похвастаться совершенною победою; неприятель был отражен на всех пунктах, и победоносные войска почивали на поле битвы. Они отступили единственно потому, что цель их была соединение обеих армий»¹¹.

Потери французов были велики — около 9 тыс. человек. Русские лишились более 5 тыс. своих сынов. Такой была плата за соединение 1-й и 2-й армий¹².

***

В ночь на 8 августа 1-я армия подошла к Соловьевой переправе и в течение следующего дня под прикрытием казаков М.И.Платова переправилась на левый берег Днепра и двинулась вслед за войсками князя П.И.Багратиона по направлению на Дорогобуж.

На редкость неустойчивой была в то лето погода: в день переправы Наполеона через Неман была гроза, шел дождь со снегом и градом, потом установилась жара, в середине июля — ливень, в начале августа — снова невыносимый зной. Кавалерия, артиллерия, пехота, поднимая тучи непроницаемой пыли, продвигались на восток. Солнце казалось багровым, ни зелени близ дороги, ни краски лафетов, ни цвета мундиров нельзя было различить. Лица

солдат лоснились от пота и грязи. Люди дышали пылью, глотали пыль, изнывали от жажды и не находили чем освежиться. Лошади отфыркивались, брызгали пеной, напрягались под тяжестью орудий, ездовые безбожно ругались, понукая ими.

Войска по-прежнему отступали тремя колоннами. Их отступление прикрывали арьергарды: Северный — К.А.Крейца, Центральный — М.И.Платова и Южный — К.К.Сиверса.

Главные силы Великой армии Наполеона следовали по Большой Московской дороге. Поэтому основная тяжесть оборонительных боев легла на арьергард М.И.Платова, под началом которого у Днепра было всего восемь неукомплектованных казачьих полков: Атаманский С.Ф.Балабина, М.Г.Власова, Т.Д.Грекова, В.Т.Денисова, И.И.Жирова, Н.В.Иловайского, К.И.Харитонова и Симферопольский конно-татарский.

9 августа. У Соловьевой переправы показались колонны неприятельской пехоты и кавалерии. Арьергард встретил их огнем двух пушек, удачно поставленных, и остановил на подступах к реке. Под напором превосходящих сил противника казачьи полки отошли и закрепились на новой позиции у Пневой слободы, куда поздно вечером на помощь донцам прибыли батальоны егерей, эскадроны гусар и уланов со своей артиллерией¹³.

10 августа. На рассвете М.И.Платов приказал генерал-майору Г.В.Розену отойти с регулярными войсками арьергарда к селу Михайловке, а сам с донскими полками остался удерживать неприятельскую пехоту и кавалерию у переправы. К полудню французы под прикрытием плотного огня стрелков и артиллерии навели мосты. Передовые их части перешли Днепр и стали теснить спешенных казаков.

Между тем барон Г.В.Розен отвел регулярные войска арьергарда к Михайловке, где наилучшим образом использовал условия местности, готовясь задержать кичливого врага: на командной высоте, у подошвы которой протекал ручей, установил батарею в составе двадцати двух орудий; лес и кустарник занял семью батальонами пехоты, за ко-

торой на равнине разместил восемнадцать эскадронов кавалерии.

В три часа пополудни прискакал атаман. Он одобрил позицию, выбранную 30-летним генерал-майором, и расположение на ней войск. Спешенные казаки, отступая, навели французскую кавалерию, преследовавшую их, под удар двух орудий донской артиллерии, установленных за разрушенным мостом через небольшую речушку, и ружейных выстрелов передовой цепи егерей. Неприятель остановился, осмотрелся, подкатил несколько пушек и открыл ответный огонь.

Барон Г.В.Розен приказал отвезти орудия на основную позицию, а стрелкам отойти в лес влево и вправо от дороги, чтобы поставить наступающих под пули и штыки солдат егерского полка, который сдерживал натиск до 6 часов вечера, после чего отступил тем же порядком, увлекая за собой французские колонны под шквал картечи и ядер русских батарей.

В центре дрогнули французы. Но на правом фланге русские были потеснены. Г.В.Розен ввел в бой свежий батальон егерей, приказав им, «на занимаясь стрельбою, ударить в штыки». Неприятель не выдержал, попятился, потеряв немало убитыми и до сорока человек пленными.

Потерпев неудачу в центре и на правом фланге, французы решили испытать силы русских на левом крыле их позиции. В десять часов вечера они ринулись в атаку, но напоролись на штыки егерей. Бой кончился лишь в полночь при свете осветительных ядер, выпущенных в сторону врага¹⁴.

Подводя итоги этого дня, М.И.Платов писал начальнику штаба 1-й Западной армии А.П.Ермолову, что «с самого утра не было и часу свободного... чтобы неприятель не наступал на арьергард самым наглым образом»¹⁵. После полуночи атаман приказал отвести войска к селу Усвяжье.

В течение двух следующих суток наступление противника сдерживалось силами одних казачьих полков. Солдаты Г.В.Розена отдыхали и готовились к будущим испытаниям.

Из дневника артиллериста:

«12 августа. Мы сошлись на дороге с несколькими казачками, провожавшими из арьергарда раненых товарищей своих, и вступили с ними в разговор. Они очень жаловались, что даже им стало невмочь стоять против вражеской силы; что именно сего дня они шибко схватились с французами, так, что из-за густой пыли друг друга не узнавали.

— И тут-то, батюшка, — промолвил казак, — наших пропало сотни три. Нет уж мочи держаться: так и садится окаянный на шею; а их пушки: только мы приготовимся ударить на гусаров, как пустят треклятые в нас хлопущки* и катышки**.

Право, уж и Матвей Иванович откажется; воюйте себе сами как хотите»¹⁶.

О напряженности боя 12 августа писал на следующий день сам М.И.Платов: «Неприятель наступает, но не в таких уже силах, как вчера, когда имел я перед вечером с ним довольно сильное дело, что едва мог... удержать оногo»¹⁷.

13 августа. Еще до рассвета регулярные части арьергарда, снявшись с позиции у села Усвятье и пройдя через город Дорогобуж, остановились за рекою Осьмою. Генерал-майор Г.В.Розен готовился встретить французов, преследующих донские полки: у переправы поставил десять пушек; стрелков как егерских, так и спешенных казаков «раскинул по всему правому берегу»; на флангах расположил конницу.

Отступающие казаки вывели французов под огонь русской артиллерии и стрелков. Они попятались, остановились, устроили три батареи и открыли «сильную канонаду, но наши орудия действовали удачно»¹⁸.

Перестрелка продолжалась до самой ночи. Враг был задержан почти на сутки, правда, ценой гибели 60-ти человек.

Кажется, именно в этот день до Матвея Ивановича дошли обвинения в том, что его арьергард недостаточно упорно сдерживает французов. Хотя «некоторые, подобные шакалам, и помышляют, что... я допускаю неприятеля на

---

* Гранаты.

** Картечь.

сближение к нашей армии, — писал атаман в штаб армии, — сего никогда я не делал... доказательно, что и теперь нахожусь не менее 30-ти верст от оной»¹⁹.

В конце этого дня арьергард был усилен двумя егерскими полками и четырьмя орудиями.

14 августа. «Сильное неприятельское наступление весь сей день отражаемо было с большим успехом донскими полками».

Регулярные войска арьергарда Г.В.Розен отвел в село Беломирское, еще не покинутое последним кавалерийским корпусом. Это вызвало серьезное беспокойство М.И.Платова, считавшего, что М.Б.Барклай де Толли за шесть переходов сумел отдалиться от него не меньше, чем на 45 верст. В начале четвертого пополудни он написал А.П.Ермолову: «Ежели Вы сего вечера с армиею из Семлева не выступите, то я не отвечаю за завтрашнее утро... Не привести бы к Вам неприятеля близко... Идет он одною большою дорогою с великими силами. И потому я прошу доложить главнокомандующему...»²⁰

Матвей Иванович настаивает: утром 15 августа армия должна быть в Вязьме, в противном случае жертвы, принесенные арьергардом за неделю непрерывных боев, могут оказаться напрасными.

Почему М.Б.Барклай де Толли за неделю отступления после переправы через Днепр не сумел отдалиться от арьергарда на безопасное расстояние? От ответа на этот вопрос зависит объяснение ситуации, в которой оказался М.И.Платов. Дело в том, что командующий 1-й армии, а фактически всеми русскими войсками, решил, наконец, дать Наполеону генеральное сражение и даже поручил офицерам штаба найти подходящую позицию, отправив их к Вязьме и далее. Из Семлева он писал Александру I:

«Кажется, теперь настала минута, где война может принять благоприятный вид... наши войска подкрепляются резервом, который Милорадович ведет к Вязьме. Теперь мое намерение поставить у этого города в позиции 20 или 25 тысяч человек, и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удерживать превосходящего неприятеля, чтобы с большею уверенностью можно было действовать наступательно»²¹.

Приведенные выше строки из рапорта М.И.Платова свидетельствуют о том, что он не был информирован о намерениях главнокомандующего.

Нельзя не согласиться с мнением генерал-лейтенанта Бориса Михайловича Коллюбакина, что «Платов не исполнил возложенной на него задачи и на него падает ответственность за день 14 августа, но не менее того падает ответственность на Баркляя и штаб 1-й армии... не обеспечивших Платову исполнение им трудной его задачи ни соответственной численностью арьергарда, ни надлежащей организацией и составом... равно не видим и определенных указаний арьергарду свыше»²².

15 августа. Генерал-майор Г.В.Розен с егерями и регулярной кавалерией ночевал у Беломирского и готовился отразить французский авангард, подпираемый войсками Великой армии. Казаки, сдерживая наступление, вели неприятеля на главные силы арьергарда, развернувшиеся на левом берегу реки Осьмы. Сражение продолжалось с одиннадцати утра до восьми часов вечера и, по мнению М.И.Платова, по напряжению, может быть, «уступало одной только баталии кровопролитной»²³.

«Все стремительные атаки неприятеля были отражены храбростью егерей и кавалерией, а равно и действием 32-х орудий, — писал М.Б.Барклай де Толли М.И.Кутузову сразу по прибытии его в армию, — арьергард, видя бездействие неприятеля и имея нужду в отдохновении, отошел к Семлеву, где расположился лагерем, посты же оставил на реке Осьме. В сем деле лично находился король Неаполитанский»²⁴.

В этот день М.И.Платов потерял убитыми и ранеными больше, чем за два месяца отступления от Немана, поскольку шесть раз ходил в атаку на сильную неприятельскую кавалерию. «Участь арьергарда, — по признанию атамана, — была на волоске»²⁵. И все-таки начальник штаба 1-й армии А.П.Ермолов упрекнул его в том, что он сблизается с войсками «от одного авангарда малого» французского. Но все как будто прояснилось, и он с облегчением написал: «Теперь видите, что я прав... А вчерашний выговор чуть было не сразил меня до болезни»²⁶.

16 августа Матвей Иванович последний день воодушевлял своих героев. Вечером он уступил командование арьергардом П.П.Коновницыну.

2. В чем причина?

Почему М.Б.Барклай де Толли столь сурово обошелся с генералом, который в доблести, славе и любви к нему солдат соперничал с лучшими учениками суворовской военной школы? Ответить на этот вопрос совсем непросто, но необходимо...

А.П.Ермолов спустя 50 лет написал в своих воспоминаниях: «Главкомандующий, справедливо недовольный беспорядочным командованием атамана Платова арьергардом, уволил его от одного, позволил ему отправиться из армии, и он находился в Москве, когда князь Кутузов дал ему повеление возвратиться к донским войскам...»²⁷. Это — ошибка, обусловленная вовсе не памятью ветерана, — она у старика была ясной, — а неосведомленностью.

Наконец М.Б.Барклай де Толли получил ответ на свое послание Александру I от 22 июля 1812 года. Император писал: «Что касается генерала Платова, то исполняя Ваше желание, я отзываю его для свидания со мною в Москву под предлогом, что мне необходимо лично переговорить с ним относительно сформирования новых казачьих полков на Дону»²⁸.

М.Б.Барклай де Толли — Александру I
14 августа 1812 года:

«По высочайшей Вашего Императорского Величества воле, атаман Войска Донского генерал от кавалерии Платов отправляется в Петербург. Расставшись с ним, как с одним из благороднейших помощников моих, я не могу умолчать перед Вами, Государь, о тех новых к славе и пользе Отечества подвигах, кои во все продолжение настоящей кампании являл он на каждом шагу. Его примерная храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в военных делах искусство обеспечивали все движения наши, удерживая превосходящего силами неприятеля и тем успокаивали целые армии. Я не могу определить цены заслуг его, но приемлю смелость всеподданнейше донести, что они по всей истине достойны тех отличных воздаяний, коими от монарших Вашего Величест-

ва щедрот украшаються блестящие доблестями среди верных слуг Ваших и бесстрашных защитников Отечества»²⁹.

В тот же день, 14 августа, М.Б.Барклай де Толли сообщил М.И.Платову о получении «высочайшего рескрипта», почти дословно повторил ему свой отзыв о нем царю и, сверх того, написал:

«Я, конечно, решился бы на принятие смелости убеждать Государя Императора о позволении остаться Вам здесь по-прежнему, но, зная важность цели, для коей Вы призываетесь, ограничиваюсь изложением перед Его Императорским Величеством в полной мере признательности моей к заслугам Вашим и ходатайством о достойном воздаянии оным. Уверенный в уважении всемилостивейшего монарха к представлениям моим, я смело предвараю Ваше Высочайшее Величество, что прибытие Ваше в столице встречено будет дарованием Вам того титула, коим отличаются заслуги и достоинства, подобные Вашим»³⁰.

Так разрешился конфликт между М.И.Платовым и М.Б.Барклаем де Толли, разразившийся в нервной атмосфере всеобщего недовольства отступлением. Вряд ли в официальном документе и в частном письме лучше можно было сказать о заслугах атамана. Освобождение его от должности не имело никакого отношения к так называемому «беспорядочному командованию» им арьергардом, о чем писал в своих воспоминаниях А.П.Ермолов. Уступил он начальство П.П.Коновницину в связи с делом, начавшимся значительно раньше и получившим такое благополучное окончание.

Этот вывод подтверждается и процитированным выше рапортом М.Б.Барклая де Толли Кутузову, только что вступившему в должность главнокомандующего, в котором нет ни слова упрека атаману за отвод войск, имеющих «нужду в отдохновении», к Семлеву. Напротив, говорится, что арьергард 15 августа вполне справился с поставленной перед ним задачей, отразив «все стремительные атаки неприятеля». Похоже, что военный министр сам не верил в возможность генерального сражения близ Вязьмы.

Правда, Матвея Ивановича упрекнул Алексей Петрович. Но у генерала Ермолова мог быть свой резон, напри-

мер, желание переложить ответственность за ошибки, допущенные штабом армии, на командующего арьергардом, который в течение двух месяцев действительно не знал ни сна, ни отдыха, отбиваясь от более сильного противника.

И все-таки после того, что военный министр писал императору 22 июля, эти документы представляются несколько неожиданными. Выходит, он простил атаману и его дружбу с П.И.Багратионом, и невыполнение приказа о срочном соединении казачьего корпуса с 1-й армией, и оскорбительную записку, если она каким-то неведомым нам путем попала ему на глаза, и ту бестактную выходку в присутствии генералов и сэра Роберта Вильсона?

Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что острота конфликта за минувшие три недели, конечно же, притупилась. Рассудок взял верх над чувствами. Опытный профессионал М.Б.Барклай де Толли не мог не оценить достоинства М.И.Платова — полководца, его «новых к славе и пользе Отечества подвигов», «его примерную храбрость, благоразумные распоряжения и отличное в военных делах искусство», проявленные им в период с 9 по 14 августа при совершенно недостаточных силах.

«В подобных условиях, — по мнению генерал-лейтенанта Б.М.Коллюбакина, — арьергард должен был состоять по меньшей мере из целой дивизии пехоты, не считая егерских полков, при пособии сильной артиллерии... и нескольких драгунских полков. Казачьи же полки не могли быть устойчивы против первоклассной французской пехоты, да еще на подобной закрытой и пересеченной местности»³¹.

И все-таки казаки и егеря выстояли. Это и оценил по заслугам командующий войсками М.Б.Барклай де Толли.

И изменилось ли отношение М.Б.Барклая де Толли к М.И.Платову-человеку? Думаю, нет оснований сомневаться в искренности «честного и благородного» военного министра. Ведь он имел возможность ограничиться официальным предписанием атаману — отправиться к «престолу для важного совещания о спасении общем», как и писал ему, и не расточать комплименты человеку, уязвившему его самолюбие. Но неприятный осадок от того столкновения, наверное, остался.

Историк Александр Николаевич Попов, пытаясь объяснить несоответствие первого отзыва военного министра об атамане от 22 июля и его же характеристики от 14 августа, поставил вопрос, не получивший, впрочем, ответа: «Предполагал ли Барклай эту официальную бумагою доставить государю повод, чтобы даровать Платову награду, которую для него испрашивал?»³²

Предполагал, конечно. Ведь, с точки зрения военного министра, его заслуги «по всей истине достойны тех отличных воздаяний, коими от монарших... щедрот украшаются блестящими доблестями среди верных слуг... и бесстрашных защитников Отечества». Однако Александр I наградами не бросался. Тем более в период отступления русской армии.

Рескрипт Александра I, датированный 28 июля, М.Б.Барклай де Толли получил примерно 2 августа. Прочитав его, он не сразу сел отвечать своему повелителю, а, как видно, почти через две недели. Поэтому может возникнуть вопрос: как мог военный министр позволить себе так долго не информировать императора о деле, которое сам же и возбудил? Похоже, что ему было известно об отъезде государя из Москвы в Петербург, а затем в Финляндию для переговоров с наследным шведским принцем в Або. Поэтому не было необходимости спешить с ответом Александру I, как и отправлять атамана на встречу с ним не имело никакого смысла. Но в то же время он не мог держать его при себе без дела. И военный министр приказал М.И.Платову командовать арьергардом. Матвей Иванович, ценой чрезвычайного напряжения сил и больших потерь, успешно справился с поставленной перед ним задачей. М.Б.Барклай де Толли по достоинству оценил это.

М.Б.Барклай де Толли 14 августа сообщил Александру I о поездке М.И.Платова в Петербург, но в течение двух последующих дней он продолжал командовать арьергардом и отправился в путь лишь по прибытии в армию М.И.Кутузова. А это значит, что атаман ни одного шага не мог сделать, не согласовав его с новым главнокомандующим.

18 августа М.И.Платов в сопровождении многочисленной свиты покатыл в легкой коляске на свидание с им-

ператором, но не в Петербург, как предписывал М.Б.Барклай де Толли, а в Москву, где государя не было, и М.И.Кутузов, только что прибывший из столицы, конечно, не мог не знать об этом. Поэтому версию официальной цели поездки надо сразу же поставить под сомнение.

Утром 22 августа М.И.Платов прибыл в Москву и остановился в доме генерал-губернатора Федора Васильевича Ростопчина.

Ф.В.Ростопчин — Александру I,

23 августа 1812 года:

«Платов приехал вчера утром, предполагая, что Вас встретит здесь. Сегодня вечером он уехал обратно к войскам. Народ, узнав, что он остановился у меня, собрался в большом количестве, желая его видеть. Он сообщил известия о состоянии войск и толпа разошлась, чрезвычайно довольная им...»³³

Ни о чем другом Ф.В.Ростопчин Александра I не информировал, хотя и знал, что М.И.Платов «прибыл в Москву, дабы иметь более средств для посылки приказаний казакам, от которых требовалось поголовное вооружение»³⁴. Осведомленность генерал-губернатора о действительной цели приезда атамана не вызывает сомнений, она подтверждается документами³⁵.

22 августа М.И.Платов отправил в Новочеркасск «решительное предписание» Андриану Карповичу Денисову, в котором потребовал, «чтобы все снаряженные из Войска служилые отставные чиновники и казаки и, словом, все приуготовленные к ополчению при тех самых господах генералах и полковниках, кои назначены, высланы были по получении сего в 24 часа в поход» и следовали «прямейшими дорогами к Москве форсированно, без роздыхов, делая не менее шестидесяти верст в сутки»³⁶.

Надо сказать, что М.И.Платов, хотя и «объяснился обо всем подробно в рассуждении ополчения» с московским генерал-губернатором, но свое «решительное предписание» в донскую столицу отправил все-таки вопреки царскому манифесту 18 июля 1812 года, исключавшему Дон из числа губерний, в которых высочайше разрешалось проявлять «вооруженный патриотизм». Предпринимая этот ответственный шаг, он должен был прежде всего получить на

то согласие М.И.Кутузова и условиться с графом Ф.В.Ростопчиным о сохранении в тайне от императора не санкционированных им действий.

Надо отдать должное ненадежному Ф.В.Ростопчину. Он и в самом деле сообщил Александру I только о том, что М.И.Платов надеялся встретить его в Москве. Больше того, в своих воспоминаниях граф вообще исключил мысль о предполагаемом якобы свидании атамана с царем, зато написал о том, как предводитель донских казаков энергично хлопотал об организации войскового ополчения, «принимал и отправлял многих курьеров»³⁷.

Вполне убедительно мнение историка А.Н.Попова, написавшего более столетия назад: «Поездка Платова в Москву с той целью, чтобы сделать распоряжения о донском ополчении, показывает, что князь Кутузов желал сохранить оное в глубокой тайне»³⁸. Тем более, замечу, что эта тайна вписывается в сферу последующих «хитростей» фельд-маршала, при помощи которых он надеялся обмануть Наполеона. Эта секретность, я думаю, и породила представление о том, что ополчение на Дону формировалось по инициативе «снизу». Инициаторами его по праву следует признать М.И.Платова и М.И.Кутузова — в равной мере.

В заключение приведу одно любопытное свидетельство весьма осведомленного современника, каким был Сергей Николаевич Глинка, «тогдашний историограф Дона», связанный личной дружбой с М.И.Платовым. Вот о чем поведал он в своих «Записках о 1812 годе»:

«Коленкур и себя и властелина своего обманывал, когда говорил, что будто бы война турецкая истощила Войско Донское и будто бы Дон опустел и обессилел. Кутузов и Платов знали об этой молве и разыгрывали притворную ссору...»³⁹.

«Громкая весть» об этом разнеслась по Москве в тот день, когда донской атаман прискакал на дачу к графу Ф.В.Ростопчину. Может быть, сам Матвей Иванович и распространил ее по заданию главнокомандующего. Во всяком случае, это свидетельство С.Н.Глинки подтверждается целым рядом обстоятельств, не выпадающих из логики последующих событий.

Вечером 25 августа атаман Матвей Иванович Платов вернулся в армию и на следующий день принял участие в знаменитом Бородинском сражении. Но об этом — через несколько страниц: армия еще не дошла до поля русской славы. Последуем за ней в арьергарде с казаками.

3. Накануне

11 августа 1812 года северная столица, обеспокоенная двухмесячным отступлением западных армий, провожала М.И.Кутузова спасти Россию. Среди провожающих был любимый племянник полководца, который спросил его:

— Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?

— Разбить? Нет, не надеюсь разбить! А обмануть — надеюсь!

Приведенный диалог не следует расценивать как отказ нового главнокомандующего от активного военного противостояния с Наполеоном. Но стремление перехитрить опасного противника отличает все его действия от вступления в должность до изгнания французов из России. И в осуществлении этой тактики он заметную роль отводил донским казакам и их атаману М.И.Платову.

Старая русская тройка лишь через неделю докатила Михаила Илларионовича до Царево-Займища, где обвиняемый во всех смертных грехах осторожный М.Б.Барклай де Толли решил, наконец, дать Наполеону генеральное сражение. Приветствуя войска почетного караула, старый полководец нарочито бодро и не по возрасту зычно сказал:

— Ну, как можно отступать с такими молодцами!

И этого было достаточно, чтобы по армии мгновенно разнеслось: «Приехал Кутузов бить французов». Солдаты и офицеры любили старого полководца и верили в него. Он, последний из «стаи славной екатерининских орлов», принял командование, когда ему исполнилось 67 лет.

М.И.Кутузов, осмотрев избранную М.Б.Барклайем де Толли позицию и взвесив шансы, приказал отступить. Уповая на помощь Всевышнего и храбрость русских войск, он вместе с тем настойчиво требовал пополнений, без чего считал невозможным «отдаться на произвол сражения». А резервы надеялся получить по прибытии основных сил к Можайску.

Таким образом, отступление продолжалось, но с иным, нежели прежде, настроением и с верой в ум и находчивость главнокомандующего. «Все сердца воспряли, дух войска поднялся, все ликовали и славили его», — писал будущий декабрист А.Н.Муравьев⁴⁰.

Генералы же встретили это назначение по-разному. 16 августа 1812 года, накануне прибытия М.И.Кутузова в армию, и М.Б.Барклай де Толли, и П.И.Багратион высказали свое отношение к выбору Александра I: первый в письме к жене, второй в письме к своему постоянному адресату Ф.В.Ростопчину.

М.Б.Барклай де Толли: «Счастливый ли это выбор, только Богу известно. Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления»⁴¹.

П.И.Багратион: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет — французов — к вам, как и Барклай... Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабы и интриги»⁴².

Впрочем, и царь не был в восторге от своего выбора, считая и М.Б.Барклай де Толли, и П.И.Багратиона, и М.И.Кутузова «одинаково мало способными быть главнокомандующими», и назначил «того, на которого указывал общий голос»⁴³.

Обе армии отходили к селению Царево-Займище двумя параллельными дорогами. Прикрывали их отступление три арьергарда под общим командованием П.П.Коновницына. Вот портрет нового начальника, написанный пером очень требовательного А.П.Ермолова:

«Генерал-лейтенант Коновницын был офицер предприимчивый и неустрашимый, но не была испытана способность его обнимать обширные и многосложные соображе-

ния. Справедливо приобрел он известность отличного храброго и твердого в опасности офицера, но многие, ожидавшие в нем соответствующих способностей и распорядительности, обманулись; войны настоящего времени представили ему новую сцену, на которой, при чрезмерном честолюбии и неукротимом желании возвыситься, одной храбрости было уже недостаточно; он, как человек очень умный и еще более хитрый, ловко умел пользоваться слабостью князя Кутузова, в чем способствовал ему полковник Толь... с которым вошел он в тесную связь»⁴⁴.

Кроме общего командования силами охранения армии, П.П. Коновницын возглавлял Центральный арьергард, который до 21 августа оставался в том же составе, как и при М.И. Платове, только казачьи полки его перешли теперь под начало генерал-майора Н.В. Иловайского.

В составе Южного арьергарда графа К.К. Сиверса сражались одна артиллерийская рота, четыре полка регулярной кавалерии и восемь казачьих полков, сведенных в бригаду, под командованием генерал-майора А.А. Карпова.

Самый малочисленный Северный арьергард барона К.А.Крейца состоял всего из четырех конных полков, в том числе одного казачьего подполковника И.И.Андрянова.

17 августа. Регулярные войска Центрального и Южного арьергардов шли след в след за отступающей армией. Казаки Н.В.Иловайского и А.А.Карпова с трудом сдерживали напор превосходящих сил противника. П.П.Коновницын дважды в течение дня извещал К.К.Сиверса, что с кавалерией Мюрата «не будет заводить дела». Полки К.А.Крейца прикрывали соратников от возможного обхода слева.

18 августа. Центральный арьергард почти сомкнулся с армией, а левый ее фланг был обойден французским авангардом в районе Царево-Займища. Создалось угрожающее положение, при котором М.И.Кутузов при всем желании не мог «отдаться на произвол сражения». Поэтому он и приказал отступать.

19 августа. Столкновение у Царева-Займища кончилось для русских благополучно лишь благодаря мужеству артиллеристов, сумевших под огнем наседающего неприятеля зажечь мост, открыть створ плотины, спустить воду в реку и тем спасти егерей Г.В.Розена, которые неминуемо были бы отрезаны от основных сил арьергарда. Действия отряда П.П.Коновницына удачно защищали от ударов и обхода слева и справа войска К.К.Сиверса и К.А.Крейца.

Под натиском авангарда противника Центральный арьергард отступил по большой Московской дороге. В то же время левая колонна французских войск уже обходила его правый фланг. Но неприятель не воспользовался приобретенным преимуществом. Он неожиданно расположился на отдых.

П.П.Коновницын отступал столь быстро, что измотал не только французов, но и заставил остановиться К.К.Сиверса. Чтобы прикрыть левый фланг Центрального арьергарда, он выслал в охранение к селам Покровское и Воронцово по четыре донских полка из отряда генерал-майора А.А.Карпова.

20 августа. Маршрут отступления к Гжатску проходил по равнинной местности, поэтому вся тяжесть сдерживания противника падала на регулярную кавалерию и казаков, которые в течение тринадцати часов не выходили из боя, сменив на пути всего в шестнадцать верст восемь промежуточных позиций и обеспечив тем самым главным силам армии условия для безопасного отхода. Удачному исходу сражения под этим городом во многом способствовали умелые действия К.А.Крейца, которому П.П.Коновницын приказал «держаться, покуда все прочие войска перейдут мост» через Гжать, «а может быть, и умереть»⁴⁵. Его арьергард, отброшенный к реке и окруженный французами, и в самом деле оказался на краю гибели. Но отважный командир бросился со своими драгунами и казаками в воду, форсировал Гжать и перетащил по дну ее два орудия.

Однако и неприятель к этому времени уже перебрался на восточный берег по не успевшему стореть мосту почти вслед за войсками П.П.Коновницына и еще раз отрезал путь отступления Северному арьергарду. Хладнокровие и теперь не оставило К.А.Крейца. Он рванулся в сторону, пошел полями, ломая плетни и изгороди, ускользнул от многочисленной кавалерии противника и устроил засаду у деревни Лескино. Тринадцать баварских эскадронов совершенно неожиданно были атакованы с фронта драгунами, а с флангов казаками И.И.Андрианова, перебиты и обращены в бегство. При этом они потеряли только пленными пятьсот человек⁴⁶.

О действиях полков К.К.Сиверса почти ничего не известно. На левом фланге его арьергарда отряд А.А.Карпова дважды вступал в бой с противником и потерял двадцать казаков убитыми и ранеными⁴⁷.

21 августа. Отряд А.А.Карпова не удержался на последней вчерашней позиции у деревни Колесники и отошел по пути отступающих армий к Колоцкому монастырю.

Французы вошли в Гжатск, оставленный арьергардом П.П.Коновницына, и расположились на отдых. В три часа пополудни Наполеон приказал сделать всеобщую переключку «готовым к бою войскам». Таковых оказалось 133 тысячи и 587 орудий. Но еще продолжали подходить оставшие части.

22 августа. Русские войска, прикрываемые упорным сопротивлением арьергарда, вступили на поле предстоящей битвы. На следующий день М.И.Кутузов написал царю: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местностях найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе»⁴⁸.

Таким образом, избранная позиция представлялась М.И.Кутузову достаточно крепкой. Но для инженерной подготовки ее слабого левого флага необходимо было выиграть время. А это зависело от силы сопротивления арьергарда П.П.Коновницына.

23 августа. В девять часов утра сорок эскадронов кавалерия, две большие колонны пехоты и восемнадцать орудий главного авангарда французской армии обрушили страшный удар по отряду Н.В.Иловайского, прикрывавшему при поддержке артиллерии отступление своих уставших товарищей. Казаки отошли к деревне Гряднево, где после соединения с основными силами арьергарда вступили в схватку с самоуверенным врагом.

«В продолжении десяти часов сражения, — писал П.П.Коновницын князю П.И.Багратиону, — мы уступили неприятелю не более девяти верст, останавливаясь в пяти позициях»⁴⁹. В этот день был смертельно ранен отважный генерал-майор Иван Кузьмич Краснов, в молодые годы отмеченный вниманием А.В.Суворова.

Под напором превосходящих сил корпуса И.А.Понятовского по параллельной дороге отступал казачий отряд А.А.Карпова.

Лишь с наступлением темноты все три арьергарда отступили и расположились на ночлег по деревням в районе Колоцкого монастыря. В двух верстах западнее горели в ту ночь бивуачные костры французов.

«Поутру рано открылось нам великолепное зрелище всей огромной французской армии, построенной в боевой порядок и спускающейся против нас по покатости горы

перед монастырем, — вспоминал А.Н.Муравьев. — Но это необыкновенное зрелище скоро обратилось для нас в смертоносную битву»⁵⁰.

Под «смертоносной битвой» А.Н.Муравьев разумел сражение за Шевардинский редут, которое развернулось во второй половине дня 24 августа.

24 августа. Утро началось лихой атакой второго батальона Изюмского гусарского полка и отряда донских казаков под командованием подполковника М.Г.Власова против кавалерии противника, в результате которой у деревни Валуево, а не у Колоцкого монастыря, как утверждали многие исследователи, «три французских эскадрона были совершенно уничтожены»⁵¹.

В середине дня П.П.Коновницын, теснимый усиленным авангардом французов, переправил свой аррьергард через реку Колочу у села Бородина, оставив по приказу М.Б.Баркляя де Толли на ее левом берегу казачий отряд М.Г.Власова, состоявший из трех полков, «для наблюдения за противником и прикрытия правого фланга» русской армии в промежутке между Малой и Старой деревнями, где они находились до 26 августа⁵². Остальные же полки вошли в состав своих корпусов, занятых инженерной подготовкой поля битвы.

После отступления из района Колоцкого монастыря П.П.Коновницына вся тяжесть сдерживания стремительно наступавшего врага выпала исключительно на долю аррьергарда К.К.Сиверса и входившего в него казачьего отряда А.А.Карпова. Отбиваясь при содействии артиллерии от превосходящих сил польской кавалерии, они прошли село Ельню и повернули на север. Вскоре казаки остановились на высотах южнее деревни Утицы для наблюдения за Старой Смоленской дорогой, а регулярные полки, продолжив движение, присоединились к стоявшим уже на позиции у Шевардинского редута войскам генерал-лейтенанта А.И.Горчакова.

Аррьергард К.А.Крейца при отступлении попал в окружение у деревни Глазово и едва не погиб. Лишь благодаря отчаянной храбрости всех, а особенно драгун Сибирского полка, ему удалось силой прорваться к селу Бородину, где

казаки И.И. Андрианова были определены в отряд М.Г. Власова, поставленный в охранение правого фланга армии.

Подводя итоги событиям минувшей недели, предоставляем слово прекрасно осведомленному и исключительно добросовестному полковнику Н.П. Поликарпову: «Донские казаки... и донская конно-артиллерийская рота старшины Суворова 2-го были главными деятелями во всех решительно боевых делах и действиях арьергарда Коновницына с 17 по 24 августа. Находясь постоянно в тылу отступавшего арьергарда, включая и отряды Сиверса и Крейца, и, следовательно, в самом близком, а весьма часто и в непосредственном соприкосновении с передовыми частями французского и польского авангардов, донцы... не упускали неприятеля из виду, бдительно следили за всеми его движениями и действиями и очень часто вступали с ним в горячие и упорные схватки. Ни одно боевое столкновение... не обошлось без участия в них казаков»⁵³.

Едва регулярные полки арьергарда К.К. Сиверса успели расположиться на позиции, казаки уже приняли удар поляков, наступавших на Шевардинский редут по Старой Смоленской дороге. Подробности этого дела донцов не получили отражения в официальных документах, а может быть, они не дошли до нас. Ясно одно, что под напором превосходящих сил корпуса И.А. Понятовского А.А. Карпов отвел шесть своих полков из восьми за деревню Утицу, где они в ходе Шевардинского сражения предупреждали попытки поляков обойти русские войска на левом фланге. И, видимо, очень успешно, поскольку многие офицеры отряда за подвиги, совершенные в этот день, были удостоены высоких наград, в частности, сабли с надписью «За храбрость». А остальные два полка — полковника А.И. Быхалова и войскового старшины И.В. Грекова — в это же время «содержали цепь впереди фронта 2-й армии, прикрывая батареи»⁵⁴.

Шевардинское сражение было главным, но не единственным событием второй половины дня 24 августа. В то же время французы настойчиво пытались взять село Бородино. И если первый эпизод оказался в центре исследовательских интересов многих историков, то второй остался

за пределами их внимания, хотя о нем писали и скромные участники войны и видные полководцы. По качеству информации для нас особое значение имеет свидетельство М.Б.Барклая де Толли. Вот что сообщил он М.И.Кутузову в рапорте от 26 августа 1812 года:

«Неприятель 24-го числа делал неоднократно усилия овладеть деревнею Бородино, но каждый раз был остановлен в сем предприятии храбрыми лейб-гвардии егерским и Елисаветградским гусарским полками. Сей последний полк под начальством храброго своего шефа генерал-майора Всевожского, невзирая на сильное неприятельское нападение и действие его артиллерии, удерживал свою позицию и тем выполнил в точности данное ему от меня приказание — держаться, сколько бы ни стоило ему, до самой ночи, пока не будет усилен тремя казачьими полками, обратно ожидаемыми с левого фланга второй армии»⁵⁵.

Строгость приказа М.Б.Барклая де Толли — «держаться, сколько бы ни стоило» — понятна: надо было выиграть время для завершения инженерной подготовки поля битвы и определить направление главного удара Наполеона. Труднее понять, о каких «трех казачьих полках, обратно ожидаемых с левого фланга», идет здесь речь. Составитель хроники Отечественной войны 1812 года Н.П.Поликарпов в пояснениях к процитированному рапорту высказал предположение, правда, очень осторожное, что на помощь защитникам Бородина должны были прибыть казаки отряда М.Г.Власова⁵⁶. Это — ошибка. И она легко обнаруживается.

Я уже отмечал, что регулярные полки Центрального арьегарда П.П.Коновницына, переправившись через Колочу, «присоединились к своим корпусам». Казаки же, по свидетельству М.Б.Барклая де Толли, «остались на левом берегу сей реки для наблюдения и прикрытия правого фланга, и в сей день, а равно 25-го числа, препятствовали неприятелю распространится своею позициею в сию сторону»⁵⁷. Выходит, на левый фланг бородинской позиции они не посылались, а потому и ожидать их возвращения не приходилось. Не случайно же командующий 1-й

Западной армии приказал генерал-майору Всеволожскому «держаться, сколько бы ни стояло ему, до самой ночи».

В государственном архиве Ростовской области есть дело, проливающее свет на этот эпизод Отечественной войны. Из него следует, что уже после окончания битвы за Шевардинский редут в подкрепление храбрым гвардейским егерям и елисаветградским гусарам были отправлены «полки Быхалова I-го и Грекова 21-го, содержавшие ранее цепь в армии князя Багратиона». Они прибыли к месту назначения лишь с наступлением темноты и «восстановили бой в пользу защитников Бородина»⁵⁸.

Как известно, на долю отряда А.А.Карпова выпали серьезные испытания еще при отступлении от Колоцкого монастыря. Судя по всему, не миновали они казаков и во время Шевардинского сражения при попытках поляков обойти левый фланг 2-й армии. К тому же предстояли трудная ночь в боевом охранении и, как оказалось, еще более напряженный день. А по существу звуки боя не стихали здесь до рассвета 26 августа, то есть до начала генеральной пробы сил. Потому-то и отправили сюда на правый фланг не три, а только два полка, стоявших поближе к селу Бородину.

«На другой день эти полки отошли для прикрытия батарей у села Бородина, а оттуда вернулись на левый фланг второй армии»⁵⁹.

Шевардинский редут, недостроенный перед боем, до основания разрушенный во время сражения, не представлял уже сильного укрепления. Продержавшись до ночи, оборонявший его отряд А.И.Горчакова по приказу М.И.Кутузова отошел за Каменский овраг на главную позицию 2-й армии, которая проходила от деревни Утицы, стоявшей на Старой Смоленской дороге, через деревню Семеновскую до высоты Курганной. Далее до села Бородино тянулись рубежи, защищаемые 1-й армией.

Упорное сопротивление арьергарда П.П.Коновницына в период с 22 по 24 августа, многочасовое ожесточенное сражение за Шевардинский редут и село Бородино позволили М.И.Кутузову выиграть время, необходимое для завершения инженерных работ. «Слабое место сей позиции»

он успел все-таки исправить «посредством искусства», возведя батарею на центральной Курганной высоте, построив Семеновские и Масловские флешы и другие укрепления. В законченном виде избранная позиция представлялась главнокомандующему настолько «крепкой», что он опасался даже, как бы неприятель не начал «маневрировать... по дорогам, ведущим к Москве», и не отказался от предложенного ему здесь сражения⁶⁰.

Из дневника артиллериста:

«25 августа. Солнце светило ярко, и золотыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей; оно играло на меди пушек ослепительным блеском. Все устраивалось для кровопролития следующего дня: московские ратники оканчивали насыпи на батареях, артиллерию развозили по местам и приготавливали патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили портупей и перевязи...

Наступила ночь; биваки враждующих сил запылали бесчисленными огнями кругом верст на двадцать пространства; огни отражались в небосклоне на темных облаках багровым заревом; пламя в небе предзнаменовало пролитие крови на земле»⁶¹.

ГЛАВА 7

В славный день Бородина

Известный в начале XX века историк Н.П.Поликарпов написал к столетию Отечественной войны ряд интересных, документально обоснованных исследований, в том числе и статью «Боевые действия и подвиги казачьих полков и донской конной артиллерии в сражении 26 августа 1812 года при селе Бородине». Отметив, что «во всех наших крупных военно-исторических сочинениях боевая деятельность артиллерийских рот» изучена «поверхностно», он вполне справедливо заключил: «А относительно описания действий казачьих полков... дело обстоит окончательно плохо. Ни один военный историк не только не распространяется о действиях казаков в Бородинском сражении, но даже не перечисляет казачьих полков, участвовавших в нем». Это и побудило его «сообщить» читателям «основанную на архивных первоисточниках справку», как определил характер упомянутой публикации сам автор¹. Конечно, с точки зрения достижений современной науки и вновь выявленных документов не все наблюдения и выводы Н.П.Поликарпова сегодня представляются бесспорными. Однако его «справка», посвященная «тактической демонстрации» Платова — Уварова «на крайнем левом фланге французской армии» могла бы стать неплохой основой для дальнейшего исследования этого эпизода Бородинского сражения. Могла бы, но не стала. Она «затерялась» на страницах юбилейного журнала «Тысяча восемьсот двенадцатый год», известного только узкому кругу специалистов.

В 1952 году М.В.Нечкина отнесла вопрос о диверсии Уварова — Платова с русского правого фланга в тыл Наполеона к числу недостаточно изученных. С тех пор минуло более сорока лет, а решение его не продвинулось вперед ни на шаг. Историки Б.С.Абалихин и В.А.Дунаевский, констатируя это, справедливо замечают, что при определении значения этого рейда следует исходить из того, какую задачу ставил М.И.Кутузов перед командирами казачьего и кавалерийского корпусов и как она была ими решена. Правда, они заведомо убеждены, что «историки преувеличивают значение данной операции, поскольку «участники битвы, в том числе видные полководцы, были невысокого мнения» о ее результатах. Авторы подкрепляют свое предположение ссылками на документы, к сожалению, без анализа обстоятельств, вызвавших их появление².

Н.А.Троицкий в монографии «1812 великий год России», положительно встреченной теми, кого принято считать специалистами, поддержал Б.С.Абалихина и В.А.Дунаевского и вполне резонно отпустил несколько колких замечаний в адрес советских историков, считавших рейд Ф.П.Уварова и М.И.Платова «гениально задуманной и блестяще выполненной» операцией, «особенно важным» эпизодом Бородинского сражения, его «решающим мероприятием». В обоснование своей иронии он тоже сослался на авторитет видных и не очень видных, но известных русских военачальников³.

Цель настоящего очерка — внести посильный вклад в исследование этого вопроса, оказавшегося спорным уже на начальном этапе его изучения, когда современники и ближайшие потомки великой Бородинской битвы высказывали в печати диаметрально противоположные суждения о значении рейда Платова — Уварова.

***

Готовясь к сражению, М.И.Кутузов умело расположил наличные силы на поле предстоящей битвы. Согласно диспозиции, составленной им 24 августа, они делились на войска левого и правого крыла и центра. За центром и на флангах стояли резервы.

Отдельный казачий отряд А.А.Карпова в составе восьми донских полков — самого генерал-майора А.А.Карпова, полковников О.В.Иловайского, Т.Д.Иловайского, А.И.Быхалова, В.А.Сысоева и войсковых старшин И.В.Грекова, Д.Д.Комиссарова, Г.Г.Мельникова — входил в резерв левого крыла⁴. Ему было приказано вести наблюдение за Старой Смоленской дорогой с целью предотвратить возможность обхода Бородинской позиции в районе деревни Утицы. Этим, однако, не исчерпывались задачи, поставленные перед казаками накануне сражения.

До и в ходе Шевардинского боя выяснилось, что сил казачьих полков А.А.Карпова явно недостаточно для надежного прикрытия Старой Смоленской дороги, и это отметил в донесении царю Александру I М.Б.Барклай де Толли⁵. Поэтому М.И.Кутузов приказал подыскать подходящее место для скрытного расположения значительных сил из главного резерва левого крыла русской армии. Таковое было найдено за Утицким курганом, куда главнокомандующий отправил в ночь с 24 на 25 августа третий пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А.Тучкова, московских и смоленских ополченцев. В результате принятых мер на крайнем левом фланге была сосредоточена группировка до 24 тысяч человек при 18 орудиях⁶.

«Когда неприятель, — говорил при этом М.И.Кутузов, — употребит в дело последние свои резервы на левый фланг Багратиона, то я пушу скрытое войско ему во фланг и тыл»⁷.

Таким образом, более чем за сутки до генерального сражения М.И.Кутузов планировал нанести удар в тылу и по правому флангу наступающей французской армии силами мощной резервной группировки. И в этой операции важную роль должны были сыграть иррегулярные войска А.А.Карпова, заявившие о себе в ходе арьергардных боев при отступлении от Немана до Бородина. К сожалению, этот замысел главнокомандующего был сорван генералом Л.Л.Беннигсеном, который перед самым сражением самовольно переместил корпус Н.А.Тучкова в просвет между Семеновскими флешами и Утицким курганом, поставив его фронтом к противнику⁸.

Оборону южной флешки держала сводно-гренадерская дивизия генерал-майора М.С.Воронцова. К ней была приписана на 24–26 августа первая донская конно-артиллерийская рота войскового старшины П.Ф.Тацина.

В резерв правого крыла были определены два конных корпуса — первый кавалерийский генерал-лейтенанта Ф.П.Уварова и отдельный казачий атамана М.И.Платова, вступившего в командование вечером 25 августа после возвращения из Москвы, куда был отправлен М.Б.Барклаем де Толли. Они расположились за войсками правого крыла Бородинской позиции в районе Масловской рощи.

В состав корпуса Ф.П.Уварова входил, кроме прочих, лейб-гвардии казачий полк генерал-майора В.В.Орлова-Денисова, состоявший из трех эскадронов и черноморской сотни.

В исторической литературе утвердилось мнение, что накануне Бородинского сражения корпус М.И.Платова состоял из девяти казачьих полков. Нет, из четырнадцати, в том числе: генерал-майоров Н.В.Иловайского, В.Т.Денисова; подполковников М.Г.Власова, И.И.Андрианова, Т.Г.Грекова, К.И.Харитонов; войсковых старшин М.Г.Чернозубова, И.И.Жирова; Атаманского под командованием полковника С.Ф.Балабина; а также Перекопского и Симферопольского татарских, Башкирского, первого Тептярского и Бугского⁹.

Всего в отдельный казачий корпус М.И.Платова в день Бородинского сражения входило пятьдесят сотен и двенадцать конных орудий второй артиллерийской роты войскового старшины П.В.Суворова.

По диспозиции М.И.Кутузова, составленной 24 августа, корпус М.И.Платова не получил строго определенного назначения. Больше того, в этом документе о нем нет даже упоминания. Объяснить это можно лишь с учетом важнейших элементов общего замысла главнокомандующего: его понимания роли и значения резервов, вероятных перспектив планируемого сражения и наиболее эффективно-го использования сил казачьих полков в последующем.

Наставляя командующих обеими армиями перед сражением, мудрый полководец говорил: «Резервы должны

быть сберегаемы как можно долее». По его убеждению, генерал, сохранивший их, не может быть побежден¹⁰. Благоприятное расположение сил правого крыла, защищенного от прямого удара противника природными преградами, позволяло М.И.Кутузову перебрасывать отдельные дивизии и целые корпуса, подчиненные М.Б.Барклаю де Толли, для усиления слабого левого фланга П.И.Багратиона; не прибегая к использованию казаков М.И.Платова и кавалеристов Ф.П.Уварова.

Известно, что уже при первом осмотре позиции М.И.Кутузов проникся «большой уверенностью к победе», о чем и уведомил императора 23 августа. Не оставила она его и на следующий день. «Возлагая все упование на помощь всевышнего и на храбрость и неустрашимость русских воинов», при счастливом исходе сражения он думал дать «собственное повеление на преследование» противника¹¹. В авангарде наступающей армии казаки должны были сыграть свою историческую роль. Опыт войн против Турции и наполеоновской Франции показал, что не было им замены и в арьегардных боях. Потому-то и не получил корпус М.И.Платова строго определенного назначения. Оно последовало уже в ходе Бородинской битвы, да и то под давлением не предусмотренных главнокомандующим обстоятельств.

Вступив в командование корпусом, М.И.Платов в ночь с 25 на 26 августа отрядил пять сотен Атаманского полка под командованием С.Ф.Балабина «вправо верст за пятнадцать» от занимаемой позиции. Недостаток документальных данных не позволил историкам определить цель этой экспедиции. Н.П.Поликарпов считал «наиболее правдоподобным предположение, что они были высланы для связи с отдельным кавалерийским ... отрядом» генерал-лейтенанта Ф.Ф.Винценгероде, в составе которого прикрывали направление на Петербург казачьи полки бригады И.Д.Иловайского¹². Это не так.

М.И.Платов поручил атаманцам вести наблюдение «за неприятельским движением, дабы он не мог зайти за фланг нашей армии»¹³. В то же время он приказал М.Г.Власову, оставленному 24 августа с бригадой казаков на левом бе-

регу Колочи, поддерживать связь «с полковником Балабиным и в случае надобности подкреплять» его¹⁴. Так что войсковой атаман, несмотря на содержание диспозиции, думал о предстоящем сражении, от исхода которого зависела судьба России, и готовился к нему.

Наступила ночь. Сражение должно было начаться перед рассветом. М.И.Кутузов проснулся рано, объехал войска, убедился в том, что солдаты, офицеры и генералы горят желанием сразиться с неприятелем, победить или умереть.

Наполеон провел ночь перед сражением в «мучительном беспокойстве», сам не спал и не давал заснуть своим адъютантам. Обращаясь к дежурному генералу Ж.Раппу, он внезапно спросил:

— Верите ли в завтрашнюю победу?

— Без сомнения, ваше величество, но победа будет кровавая.

Наполеона всю ночь не покидала мысль, что русская армия снова не примет сражения. Когда же на востоке блеснул первый луч нового дня и осветил поле Бородинской брани, император французов воскликнул:

— Вот оно, солнце Аустерлица!

Ошибся баловень фортуны. То было солнце Бородина, и светило оно не ему, а русскому полководцу М.И.Кутузову.

Трудно теперь определить, кто первый сказал, что корпус М.И.Платова до середины дня 26 августа бездействовал, но это мнение утвердилось в исторической литературе и до сих пор никем не подвергалось сомнению. И виноват в том сам атаман, который в рапорте М.И.Кутузову почёму-то не счел нужным дать подробного описания событий, а ограничился предельно лаконичной фразой: «Какое происходило действие против неприятельского левого фланга, Вашей светлости по личному присутствию... известно»¹⁵. Вряд ли стоит сомневаться в том, что главнокомандующий действительно знал значительно больше других о ходе сражения, однако факты, которыми он располагал, не получили отражения в официальных документах, в том числе и в пространной реляции на имя Александра I.

В делах войсковой канцелярии Государственного архива Ростовской области сохранился черновой вариант рапорта атамана о действиях его корпуса 26 августа. Последний раз он был опубликован к 150-летию Отечественной войны 1812 года в сборнике «Бородино». А из него следует, что донские казаки включились в дело уже на начальном этапе его развития. Так, С. Ф. Балабин, отправленный накануне «вправо верст на пятнадцать», в этот день «тревожил неприятеля и поражал его довольно»¹⁶. Сам же М.И.Платов с семью полками — Н.В.Иловайского, Т.Г.Грекова, К.И.Харитонов, В.Т.Денисова, И.И.Жирова, частью Атаманского и Симферопольским конно-татарским — уже в семь часов утра «выступил из лагерного расположения» и последовал «на левый фланг неприятельской армии», где до начала знаменитого рейда «действовал наступательно на... кавалерию и пехоту противника, «неоднократными ударами в дроты опрокидывал его... с поражением и взятием в плен до двухсот конных и пеших стрелков»¹⁷.

Почти одновременно с атакой на село Бородино двинулся в наступление пятый корпус И.А.Понятовского, преследуя цель обойти левый фланг русской армии, чтобы отрезать ее от Можайска. Условия лесистой местности сильно затрудняли движение, артиллерия отставала. Поэтому его войска только около девяти часов утра достигли деревни Утицы, захватили ее, но далее продвинуться не смогли. Поляки неоднократно возобновляли атаки, но всякий раз они успешно отбивались силами Утицкого отряда, в составе которого, как было сказано, сражались казачьи полки А.А.Карпова.

Однако главные события разворачивались не на флангах, а на левом крыле русской армии, у Семеновских флешей, которые оборонял пехотный корпус генерал-лейтенанта М.М.Бороздина.

В пять утра начался артиллерийский обстрел флешей. Затем последовал штурм. Наполеон бросил в бой пехотные корпуса маршалов Даву, Нея, Жюно, всю кавалерию Мюрата, доведя постепенно число атакующих до 45 тысяч штыков и сабель и 400 орудий.

Первые попытки неприятеля взять главные оборонительные рубежи 2-й армии были отбиты героями П.И.Багратиона. При этом почти полностью была истреблена дивизия М.С.Воронцова. «Она исчезла не с поля сражения», — как оценил ситуацию ее израненный командир. Оставшихся в живых, в том числе, и донских артиллеристов П.Ф.Тацина, принял под свое командование генерал-лейтенант Д.П.Неверовский.

Но и французы понесли большие потери. Даву упал, контуженный в голову, лошадь под ним была убита. Погибли многие генералы и командиры полков. Маршалов Наполеона, кажется, стала покидать уверенность. Они запросили у императора подкреплений, но получили отказ.

Семеновские флеши, покрытые тысячами убитых людей и лошадей, несколько раз переходили из рук в руки. Ближе к полудню начался последний отчаянный штурм уже разрушенных укреплений. П.И.Багратион решил предупредить врага контратакой.

«Вот тут-то и последовало важное событие, — вспоминал позднее поручик Алшеронского пехотного полка Ф.И.Глинка. Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы и все левое крыло наше по всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки»¹⁸.

Атака русских была отбита.

Теперь Даву повел своих героев в штыковую атаку. Осыпаемые градом русских пуль, французские гренадеры не отстреливались. П.И.Багратион, хорошо знавший цену воинской отваги, восторженно приветствовал врага криками: «Браво, браво!» Это был последний бой князя Петра, любимца А.В.Суворова и всей армии, смертельно раненого осколком ядра.

«В мгновение пронесся слух о его смерти, и войско невозможно удержать от замешательства, — свидетельствует участник сражения А.П.Ермолов. — Около полудня вторая армия была в таком состоянии, что некоторые части ее, не иначе как отдавая на выстрел, возможно было привести в порядок»¹⁹.

Флешы, вошедшие в историю Отечественной войны с именем П. И. Багратиона, оказались в руках французов. Командование 2-й армией временно принял на себя П.П.Коновницын. Он отвел войска за Семеновский овраг и стал готовиться к отражению атак противника. Первые попытки сместить русских с новой позиции были отражены.

После падения Багратионовых флешей главным пунктом Бородинского сражения стала Курганная высота, на которой была возведена батарея. Атаки на нее начались еще в 10 часов утра. Теперь же она попала под перекрестный огонь французской артиллерии, который нарастал с каждой минутой. «Ядра с визгом ударялись о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, как плугом, — вспоминали пережившие этот ад солдаты и офицеры лейб-гвардии Московского полка. — Сверкало пламя, гремел оглушительный гром»²⁰.

Внезапно канонада стихла, в атаку устремилась пехота и кавалерия противника. Уже изготовилась к броску королевская гвардия Евгения Богарне. Ее «полки строятся во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах... В шуме падающих бомб и гранат, непрерывного свиста железа и свинца раздаются крики:

— Да здравствует император! Да здравствует Италия!»

Такими словами передал предчувствие победы скромный офицер Великой армии Цезарь Ложье²¹.

Наполеон сосредоточил на направлении Курганной высоты до 35 тысяч штыков и сабель. Положение защитников батареи оказалось критическим, а судьба сражения предстала сомнительной. Но неожиданно натиск неприятеля стал слабеть. Что случилось? Почему повернула назад и поспешила вернуться за Колочу королевская гвардия? Начался знаменитый рейд казаков М.И.Платова и кавалеристов Ф.П.Уварова.

Как известно, еще с 24 августа отряд М.Г.Власова наблюдал за неприятелем в районе нижнего течения Колочи, до впадения ее в реку Москву. На следующий день

вечером М.И.Платов послал в том же направлении, только несколько дальше и севернее, пять сотен атамандов во главе с С.Ф.Балабиным. А вскоре после начала Бородинского сражения подошел поближе к ним и сам с семью полками.

Наполеон был уверен, что его «сообщения, большая дорога со всеми обозами и тылом надежно прикрыты болотистой рекой Войной, а далее еще Колочей». Поэтому в ночь перед сражением он скрытно поставил «всю армию», за исключением четвертого корпуса вице-короля Италии Евгения Богарне, «против левого открытого и необеспеченного фаса русских»²². Но казачьи разъезды отыскивали броды и обнаружили, что у села Бородина осталось совсем немного французов и донесли о том М.И.Платову. Это и определило все последующие действия атамана. Уже после 8 часов он направил принца Э. Гессен-Филиппсталльского, состоявшего при нем волонтером, к М.И.Кутузову с просьбой разрешить его казакам и кавалеристам Ф.П.Уварова «в тыл съездить» к неприятелю²³. Главнокомандующий отказал, поскольку замыслил нанести удар на противоположном фланге, где он должен быть более эффективным.

Обходной маневр на левом фланге французской армии накануне сражения даже не планировался. М.И.Кутузов, считавший Наполеона «одним из величайших» среди военачальников своего времени, и подумать не мог, что он не воспользуется шансом, который дарила ему фортуна в случае наступления его в направлении на деревню Семёновскую, где действительно было самое «слабое место» Бородинской позиции. Старый полководец, беззаветно веривший в мужество русского солдата, опыт и отвагу П.И.Багратиона, рассчитывал перемолоть здесь главные силы противника, в решающую минуту нанести ему последний, сокрушительный удар из засады мощной утицкой группировкой, основу которой составляла пехота и прежде всего корпус Н.А.Тучкова. Малочисленный казачий отряд А.А.Карпова в этой тактической операции, извлеченной из арсенала классического военного искусства, мог играть лишь вспомогательную роль.

В 10 часов утра М.И.Кутузов узнал, что начальник его штаба Л.Л.Беннигсен самовольно изменил расположение войск утицкого участка, поставив корпус Н.А.Тучкова фронтом к противнику, и тем самым сорвал запланированный маневр. Надо было срочно принимать решение.

Желая удостовериться в справедливости донесений, М.И.Кутузов въехал на возвышенность, осыпаемую пулями и осколками гранат, внимательно осмотрел своим единственным глазом поле сражения, не обращая внимания на опасность. «На волоске была жизнь того, на ком лежала надежда России, — писал свидетель этой сцены А.И.Михайловский-Данилевский. — Адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели из-под выстрелов»²⁴. В 10 часов 30 минут главнокомандующий лично приказал Ф.П.Уварову и М.И.Платову атаковать левый фланг и тыл французов, «чтобы хотя бы несколько оттянуть силы» их от второй русской армии и дать ей возможность перестроиться²⁵.

Таким образом, инициатива рейда принадлежала атаману донских казаков М.И.Платову. М.И.Кутузов поддерживал его, но лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств.

Около 11 часов 30 минут Ф.П.Уваров и М.И.Платов переправились через Колочу в районе деревни Малой. После этого первый повел своих кавалеристов прямо на Беззубово, перед которым стояли французский пехотный полк и итальянская бригада легкой кавалерии дивизионного генерала Орнано, а второй с казаками перешел реку севернее этого пункта.

Ф.П.Уваров бросил в атаку гвардейских лейб-казаков В.В.Орлова-Денисова и елисаветградских гусар. Конница Орнано, уклоняясь от столкновения, отступила по мельничной плотине за Войну. Пехотный же полк построился в каре и трижды отразил не подготовленное артиллерией наступление русской кавалерии. Командир корпуса приказал развернуть против оборонявшихся несколько конных орудий. Французы отступили вслед за итальянцами, бросив пушку.

Все это произвело такое сильное впечатление, что Е. Богарне приостановил атаку королевской гвардии на Курганную высоту. И оборонявшие ее солдаты Н. Н. Раевского сразу почувствовали облегчение. Но тем пока дело и кончилось. Попытка Ф. П. Уварова организовать преследование неприятеля по той же плотине через Войну была пресечена отступившими.

Тем временем М. И. Платов с полками Н. В. Иловайского, Т. Г. Грекова, К. И. Харитоновы, В. Т. Денисова, И. И. Жирова, М. Г. Власова, частью Атаманского и Симферопольским конно-татарским, переправившись через Войну севернее Беззубова, был обстрелян итальянской артиллерией. Ф. П. Уваров своими орудиями заставил ее замолчать. Воспользовавшись затишьем, атаман приказал казакам «принять направление частью во фланг, а частью в тыл» поверженной батареи «и сделать стремительный в дротики удар на неприятеля».

По мнению майора Д. Н. Болговского, составленному на основе личных наблюдений, рассказов участников сражения и показаний пленного французского генерала, М. И. Платов «исполнил это движение с такою точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем только при выходе из дефиле в удалении приблизительно одной версты от его крайнего левого фланга»²⁶.

Свидетелем дальнейшего развития событий оказался Ф. Н. Глинка. «Передовые французские пикеты всполошились и дали тыл, — писал он. — Казаки сели им на плечи. Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили коней своих. Донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадаках мчались стрелами, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы»²⁷.

Неприятель, ошеломленный внезапной атакой казаков, доносил атаман М. И. Кутузову, не выдержал и отступил, «оставив убитыми на месте немало». После этого он, «хотя и делал наступление, но был прогоняем неоднократно с поражением до самой ночи»²⁸.

Стремительность атаки, произведенной казаками М. И. Платова, обеспечила «неожиданный успех» корпусу Ф. П. Уварова.

«Как ракета с длинным хвостом, — вспоминал несколько лет спустя известный теоретик и военный историк К.Клаузевиц, — понеслись казаки — В. В. Орлова-Денисова — к плотине, молниеносно оказались на другой стороне и присоединились в лесу к своим собратьям»²⁹.

Вслед за казаками в атаку по плотине устремились другие полки корпуса. «Русские почти уже подступили к итальянским батареям и заставили их замолчать», — свидетельствует уже знакомый нам юноша Ложье³⁰. Правда, он умолчал о том, что артиллеристы снялись с позиции и бросились бежать, оставив на месте две пушки. Эту существенную деталь отметил в своем рапорте начальству Ф.П.Уваров³¹. Противник был опрокинут, смят «и преследован с большим уроном» до соединения с стоявшими в каре войсками королевской гвардии. Пехота Дельзона и легкая кавалерия Орнано, подкрепленные драгунами и отрядом почетной стражи, получили возможность взять реванш...

Одновременная атака корпусов Ф.П.Уварова и М.И.Платова вызвала панику в стане врага. Сам вице-король подвергся смертельной опасности, под ним была убита лошадь, погиб и один из его адъютантов. Сильное замешательство на левом фланге французской армии встревожило Наполеона. Он не исключал, что вслед за кавалерией М.И.Кутузов бросит в бой и крупные силы пехоты. Поэтому император поспешил к Е.Богарне и после выяснения обстановки приказал ему дать отпор русским. С этой целью он «вынужден был подлинно взять часть сил» из числа тех войск, которые штурмовали батарею Н.Н.Раевского на Курганной высоте³².

Очевидец налета казачьих полков Д.Н.Болговский утверждал, что «этот маневр Платова решил участь русской армии, потому что Наполеон, извещенный о происходившем на его крайнем левом фланге, приведенный в сильное раздражение этой помехой, направил на его поддержку... колонну в двадцать три тысячи человек — диверсия, которая лишила его на остальную часть дня средств воспользоваться успехами, одержанными его правым крылом»³³.

Такого же мнения придерживался умнейший И. П. Липранди и другие участники Отечественной войны, а также многие русские историки, когда они пытались хоть как-то оценить ход и итоги Бородинского сражения.

Существенный интерес представляет также мнение по этому вопросу прозревших с годами французских современников. В обобщенном виде их точка зрения наиболее полно выражена в мемуарах адъютанта Наполеона графа Сегюра, ни на шаг не покидавшего своего повелителя в день «битвы гигантов».

Исход боя за батарею Н. Н. Раевского и всего сражения в целом, по расчетам Наполеона, зависел от успеха атаки на Курганную высоту четвертого корпуса вице-короля Италии Евгения Богарне. И император убедил его в этом.

Вот что писал об этом эпизоде сражения генерал Сегюр:

«Принц — Евгений-Наполеон Богарне — собрал все свои силы для генерального приступа — батареи Н. Н. Раевского, — как вдруг с левой стороны раздались ужасные крики, которые привлекли к себе его внимание. Уваров с двумя кавалерийскими полками и несколькими тысячами казаков напал на его резерв; там воцарился беспорядок, и он устремился туда, подкрепленный Дельзоном и Орнано, и, быстро отогнав этот отряд, вернулся, чтобы вести своих в решительную атаку... Но уже время было упущено. Нечего было думать о захвате всей русской армии и, быть может, целой России; оставалось лишь удержать за собой поле битвы. Кутузову дали время опомниться, он укрепился на оставшихся у него малодоступных высотах и открыл всю долину своей кавалерией»²⁴.

В процитированном отрывке есть, конечно, неточности в деталях, но в главном Сегюр все-таки прав: М. И. Кутузов действительно выиграл время, и не два часа, а несколько больше, и успел-таки усилить защитников батареи на Курганной высоте, перебросив туда два корпуса с правого крыла русской армии — пехотный и кавалерийский; французскому командованию и впрямь не приходилось уже думать о безоговорочной победе — удержать бы поле сражения.

Как уже отмечалось в начале настоящей главы, современные исследователи Б.С.Абалихин и В.А.Дунаевский высказали мнение, что «историки преувеличивают значение рейда» корпусов Ф.П.Уварова и М.И.Платова с русского правого фланга в тыл Наполеона, поскольку «участники битвы, в том числе видные полководцы, были невысокого мнения о его результатах». Так ли это?

Что касается рядовых участников Бородинского сражения, то я уже ссылался на их оценки этой операции, и они никак не согласуются с приведенным выше заключением. Обратимся теперь к мнению «видных полководцев».

«Князь Кутузов отрядил первый кавалерийский корпус для нападения на левый фланг неприятеля с помощью казаков генерала Платова, — писал М. Б. Барклай де Толли Александру I, — и если бы нападение сие исполнилось с большей твердостью, не ограничиваясь одним утомлением неприятеля, то последствие оно было бы блистательно»³⁵.

Все так. Но оценка эта дана без учета поставленной перед командирами корпусов задачи, их сил и реальных возможностей и, думаю, с пристрастием.

С назначением М.И.Кутузова главнокомандующим самолюбие М.Б.Барклая де Толли было уязвлено настолько, что в день Бородинского сражения он упорно искал смерти и не находил ее. После него генерал не успокоился и под предлогом болезни попросил об отставке, но до того, как она была принята и даже позднее, не упускал случая, чтобы навести тень на старого полководца. Переписка военного министра с императором содержит немало тому доказательств. К этому ряду следует отнести и его оценку результатов рейда.

Характерно, что М.Б.Барклай де Толли вообще не говорит о положительных результатах рейда, но обращает внимание на то, что он мог оказать серьезное влияние на ход сражения. Однако не оказал. Из трех начальников, имевших непосредственное отношение к осуществлению этой операции, командующий 1-й Западной армией назвал только двух — М.И.Кутузова и М.И.Платова. От первого

зависела точная постановка задачи, от второго — ее решение. Генерал-адъютанта императора Ф.П.Уварова он не упоминает даже, очевидно, из уважения к выбору Александра I.

В самом деле, отправь М.И.Кутузов в тыл противника конницу числом поболее, придай ей в помощь пехоту, да поставь перед ними задачу пояснее, то и «последствие одного нападения» было бы иным. Но главнокомандующий пустил в рейд всего шесть тысяч всадников и с единственной целью — «атаковать неприятельский левый фланг, чтобы хотя несколько оттянуть силы» Наполеона от 2-й русской армии и центра, которые оказались в труднейшем положении, имея перед собой грозного врага.

Поставленная задача была успешно решена в результате умелых действий атамана М.И.Платова. Вряд ли опытный и рассудительный М.Б.Барклай де Толли не понимал того, что другим казалось очевидным.

Нелегко определить отношение к этому делу М.И.Кутузова. Документом, дающим хоть какое-то представление о мнении главнокомандующего по этому вопросу, является его ответ на запрос императора, почему за Бородинское сражение не был представлен к награждению Ф.П.Уваров. Приведу важные для нас строки.

«Говоря о первом кавалерийском корпусе, я имею долг присовокупить.. — писал М.И.Кутузов императору 12 ноября 1812 года, — что генерал-лейтенант Уваров по усердию своему к службе Вашего Величества сколько ни желал в сражении 26-го августа при Бородине что-либо важное предпринять с порученным ему корпусом, но не мог совершить того, как бы ему желалось, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно ему было приступить к делу, в сей день, так сказать, не действовали»³⁶.

Первый исследователь изучаемого вопроса Н.П.Поликарпов считал, что содержащаяся в процитированном отрывке фразу «казаки... в сей день, так сказать, не действовали» можно объяснить только незнанием главнокомандующим «истинного хода дел в районе боевых действий»

корпусов Ф.П.Уварова и М.И.Платова, поскольку это противоречит фактам³⁷. Можно ли согласиться с таким объяснением? Думаю, что нельзя.

Я уже отмечал, что более или менее обстоятельный рапорт М.И.Платова М.И.Кутузову, написанный месяц спустя после знаменитого Бородинского сражения, так и остался в черновом варианте в делах его походной канцелярии. К этому времени вполне был осознан подвиг защитников Семеновских флешей и Курганной высоты. На фоне славы героев Багратиона и Раевского вклад казаков в общее дело победы мог показаться атаману настолько незначительным, что он не считал даже возможным сколько-нибудь подробно описывать свой рейд в тыл противника и ограничился замечанием: «Каково происходило действие против неприятельского левого фланга, Вашей Светлости по личному присутствию... известно»³⁸. Так что обвинение главнокомандующего в неосведомленности лишено оснований.

Иначе прокомментировали ответ главнокомандующего на запрос императора историки Б.С.Абалихин и В.А.Дунаевский. Проявив завидную эрудицию, они вместе с тем без серьезного исследования вопроса заявили: «Неудавшимся считал рейд и Кутузов, по замыслу которого он проводился. Ответственность за невыполнение поставленной задачи фельдмаршал возлагал на Платова»³⁹.

О том, кому принадлежал замысел рейда, я уже писал. А вот остальные положения приведенной оценки требуют пояснений.

М.И.Кутузов был очень не прост по натуре своей: умен, хитер и даже лукав; он умел играть людьми, когда ему это было нужно, и близкие к нему люди это очень хорошо понимали. По убеждению А.В.Суворова, его не сумел бы обмануть даже сам Осип де Рибас.

«Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком: это был другой Моцарт или Россини, обвораживавший слух разговорным своим смычком... Тех, кого он подзревал в разделении славы его, невидимо подъядал так, как подъядает червь любимое.. деревцо», — так отзывался

о нем человек, ежедневно его выдавший и имевший с ним постоянные деловые сношения, дежурный генерал С.И.Мавевский⁴⁰.

Оставлю за пределами комментария нелюбовь М.И.Кутузова делиться с кем-либо славой, если даже это относилось и к М.И.Платову, чтобы не бросать тень на великого полководца, в чем упрекнул меня однажды мой «черный оппонент». Но сыщется ли такая тень, которая могла бы заслонить его заслуги перед спасенной им Россией? Обращу внимание лишь на поразительную способность фельд-маршала играть «разговорным своим смычком». Однако прежде приведу удивительно тонкое наблюдение академика Е.В.Тарле.

«Исследователь, даже искренно любящий и почитающий этого великого русского человека, — настаивал он, — решительно обязан подвергать самой настойчивой и внимательной критике каждое слово, особенно каждый официальный документ, исходящий от Кутузова, и прежде всего обязан в каждом случае спрашивать себя: кому и зачем он пишет»⁴¹.

Изучаемый документ был адресован императору. Нелзя не согласиться с Н.А.Троицким, утверждающим в своей прекрасной книге, что личная неприязнь между Александром I и Кутузовым не была так глубока, как считают некоторые историки; во всяком случае она «никогда не вырастала до конфликта»⁴². Дело даже не в этом. Их отношения и не могли принять привычную для нас и нынешних представителей высшей власти форму склоки. Ясно, однако, что их отношения не были искренними.

Известно, что Александр, вопреки своим чувствам, вызванным поражением под Аустерлицем, назначил Михаила Илларионовича главнокомандующим войсками во время войны с турками и пожаловал ему за победу над ними графский титул и княжеское достоинство. А в августе «великого года России» поставил его во главе всех западных армий, хотя после того и «умыл руки».

М.И.Кутузов до конца дней своих болезненно переживал несправедливое обвинение его царем в поражении под

Аустерлицем. И все-таки с «благоговением», пусть внешним, писал Александру: «Вы... изволите меня вызывать именем отечества, которое я, конечно, люблю всеми чувствами, но где имя Ваше, Государь, там не надобно мне гласа отечества»⁴³.

Император своим запросом — почему не представлен к награде за участие в Бородинском сражении генерал-адъютант Ф.П.Уваров — вмешивался в прерогативу главнокомандующего определять вклад корпусных начальников в общую победу. Это могло вызвать протест. Тем не менее надо было отвечать.

Современники очень сомневались в способностях Ф.П.Уварова как полководца. Судя по всему, не пользовался он авторитетом и у главнокомандующего. И не без оснований. Его неумение быстро ориентироваться в обстановке боя вполне обнаружилось и в описываемом здесь рейде, когда он трижды предпринимал атаку на пехоту противника, не подготовив ее артиллерией, пока не получил на то указаний атамана. В результате время было упущено. Неприятель успел подтянуть сюда значительные силы, хотя и за счет ослабления натиска на русский центр. Но хитрый М.И.Кутузов не стал обвинять царского адъютанта и начал играть «разговорным своим смычком», поставив возможный успех первого кавалерийского корпуса в зависимость от действий донских казаков. А казаки «в сей день, так сказать, не действовали», то есть вообще-то действовали, но не настолько, чтобы представлять за это к награде.

А имела ли избранная М.И.Кутузовым формула реальное содержание? Или она была призвана только погасить интерес Александра I к личности Ф.П.Уварова?

Имела, конечно. Я уже обращал внимание на малочисленность корпусов М.И.Платова и Ф.П.Уварова. Это предопределило не только характер поставленной перед ними задачи — «атаковать неприятельский левый фланг, чтобы хотя несколько оттянуть силы» Наполеона от 2-й русской армии и батареи Н.Н.Раевского, — но и их тактику.

Корпус М.И.Платова состоял из четырнадцати полков и донской конно-артиллерийской роты. За время арьергардных боев некоторые из них потеряли убитыми и ранеными более половины своего личного состава. В рейд же М.И.Кутузов отправил только восемь полков, а шесть оставил на позициях, которые они заняли еще вечером 25 августа. В силу неблагоприятных условий местности атаман не взял с собой артиллерию. Выходит, повел он в атаку не более 2500 казаков, а может быть, даже меньше.

У Ф.П.Уварова было под началом столько же — 2500 человек.

Таким образом, силы обоих корпусов не превышали пяти тысяч сабель, а это значит в четыре раза меньше, чем у противника. Отсюда следует, что от М.И.Платова и Ф.П.Уварова никак нельзя было требовать решительных действий, их конницу можно было использовать только для тактической демонстрации. Эту задачу и возложил на них главнокомандующий.

Вернемся теперь в район боевых действий этих корпусов, где мы оставили их, когда пехота Дельзона и легкая кавалерия Орнано, подкрепленные драгунами и отрядом королевской гвардии, получили возможность взять реванш. Под напором превосходящих сил противника русские отступили, укрывшись «в кустарниках и за холмами».

«Платов, дебушируя из дефиле, скрывавшего ничтожество его сил, — писал Д.Н.Болговский, — опасался скомпрометировать себя решительной атакой неприятеля, противопоставившего ему уже батарею. Он счел более полезным угрожать ему положением, которое оставило бы его в сомнении относительно его действительных сил»⁴⁴.

Аналогично действовал в это время и Ф.П.Уваров со своим корпусом. Маневрируя, он «делал вид», что намерен атаковать противника еще раз⁴⁵.

Вице-король и сам Наполеон считали, что «в кустарниках и за холмами» находится не только кавалерия, но и пехота русских, которые ожидают лишь «удобного случая», чтобы оттеснить французов с Новой Смоленской дороги.

Эта ошибка, писал И.П.Липранди, была «единственной причиной» того, что натиск «с правого неприятельского фланга на наш левый прекратился»⁴⁶.

Таким образом, участники рейда, так сказать, не действуя, сумели все-таки выполнить поставленную М.И.Кутузовым задачу и оттянули на себя более 23-х тысяч человек. И главнокомандующий отметил это в реляции на имя Александра I. «Хотя положение места было не весьма выгодное, — писал он, — но атака была сделана довольно удачно, неприятель был опрокинут»⁴⁷.

А вот что писал об этом адъютант главнокомандующего, генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский:

«Действия Платова и Уварова имели чрезвычайно важное влияние на участь сражения и вполне оправдали ожидание князя Кутузова»⁴⁸.

Из всего сказанного трудно заключить, что «ответственность за невыполнение поставленной задачи фельдмаршал возлагал на Платова», — как о том писали Б.С.Абалихин и В.А.Дунаевский. Однако нежелание М.И.Кутузова поделиться славой с атаманом, предложившим ему «спасительную мысль» «в тыл съездить» к неприятелю, прослеживается отчетливо. В его реляциях на имя Александра I нет иных слов о рейде, кроме «я приказал». Все правильно, все справедливо: главнокомандующий выслушивал донесения, принимал решения, то есть брал на себя ответственность за судьбу России. Он имел право не вдаваться в подробности. Определять же вклад других военачальников в победу народа — дело историков, которые могут, конечно, ошибаться, но ошибками способствовать развитию науки.

И еще замечу: если М.И.Кутузов и М.И.Платов действительно разыграли «притворную ссору», чтобы ввести в заблуждение Наполеона, то представление атамана донских казаков к награде за участие в Бородинском сражении было бы просто нелогичным.

Представлять же к награде одного только Ф.П.Уварова М.И.Кутузов не мог по этическим соображениям. Такой

шаг главнокомандующего был бы откровенно оскорбительным по отношению к соратнику по многим баталиям прошлого, несмотря на договоренность с ним. Потому-то и вынужден был он играть «разговорным своим смычком» в ответ на запрос императора. И партию исполнил блестяще.

Более двух часов потребовалось Наполеону, чтобы восстановить порядок на левом фланге своей позиции. За это время М.И.Кутузов произвел перегруппировку наличных сил, подкрепил резервами вторую армию, пришедшую в расстройство после гибели П.И.Багратиона, и защитников батареи Н.Н.Раевского.

Отразив налет конницы М.И.Платова и кавалерии Ф.П.Уварова, Наполеон приказал во что бы то ни стало взять Большой бородинский редут. Последовала атака, встреченная отчаянным сопротивлением защитников батареи Н.Н.Раевского. Ценою огромных потерь французам удалось захватить Курганную высоту.

«Перед глазами ворвавшихся предстала ужасающая картина: редут был похож на настоящий огнедышащий кратер; здесь и там лежали целые горы трупов; на полуразрушенных брустверах были разбиты все бойницы, и при вспышках выстрелов можно было различить только одни жерла пушек; однако большая часть орудий уже была опрокинута или сброшена с разбитых лафетов», — можно прочесть в справке исторической службы французской армии⁴⁹.

Бой за батарею Н.Н.Раевского принес французам лишь некоторый тактический успех. Общий же замысел Наполеона был сорван. Русская армия была полна решимости сражаться до конца. Посланцу М.Б.Барклая де Толли, не пожалевшему мрачных красок в докладе о положении дел и предложившему начать отступление к Москве, возмущенный М.И. Кутузов резко ответил: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому, как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах, завтра погоним его из священной Земли русской»⁵⁰. Казаки, по замыслу полководца, должны были наступать в авангарде. Потому-то

и бросил он в рейд чрезвычайно ограниченные силы со столь же ограниченной задачей. Трудно представить себе последствия этой схватки, если бы фельдмаршал не принял предложения атамана и, стоя под осколками гранат на высоте наблюдательного пункта, мысленно не увидел всей картины того знаменитого в истории нашей военной славы дня.

Пошел дождь. С наступлением темноты Наполеон отвел свои войска на исходные позиции. Он оставил батарею Н.Н.Раевского, деревни Семеновскую, Утицу и Утицкий курган. Генерал-лейтенант К.Ф.Багговут, вступивший в командование после гибели Н.А.Тучкова, «послал партию казаков наблюдать сие отступление, которые потом, возвратясь, донесли» ему, «что неприятель отступил за Колочу реку»⁵¹.

Отход неприятеля на позиции, которые он занимал утром, не дает оснований делать далеко идущий вывод о том, что Наполеон тем самым признал свое поражение на Бородинском поле, как писали известные советские генералы Л.Г.Бескровный и П.А.Жилин⁵². Не лучше ли согласиться с тем, что после столь ожесточенного сражения он решил отвести войска, чтобы дать солдатам возможность отдохнуть, но не на трупах павших соратников. Однако казаки и там не оставили их в покое и несколько раз в течение ночи поднимали целые дивизии по тревоге и даже вынуждали строиться в каре вокруг шатра императора⁵³. Сон французов отнюдь не был сном победителей.

За мужество, проявленное в Бородинском сражении, А.А.Карпов представил 167 человек к различным наградам. При этом он отмечал, что казаки действовали «с неустрашимой и отличной храбростью, поражали противника пиками, расстраивали его тылы и брали довольно число в плен». А полковые начальники и младшие офицеры, «несмотря на сильные пушечные и ружейные выстрелы, находились всегда впереди и воочию подавали подчиненным своим пример», сами много раз «врезались в колонны неприятельские... своеручно поражали наездников польских, прогоняли их с «нужных для нашей армии мест»⁵⁴.

«Я, слава Богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием», — писал Михаил Илларионович жене⁵⁵.

Не стоит возражать против столь категоричного утверждения главнокомандующего, ибо он действительно не был побит, а «русские, — даже по признанию самого Наполеона, — заслужили право быть непобедимыми»⁵⁶. Таковыми они и остались после Бородинского сражения.

Так завершилось кровопролитнейшее в истории войн Бородинское сражение, в котором был сорван наполеоновский план разгрома русской армии. Немалая заслуга в этом и донских казаков. Значение рейда конницы М.И.Платова и кавалерии Ф.П.Уварова следует оценивать не по количеству пораженных и плененных противников, а по его последствиям. Результатом же была победа. Пусть только нравственная. Со временем она перерастет в материальную.

Потери были велики. Поэтому М.И.Кутузов отказался от продолжения сражения, предполагая дать его на подступах к Москве.

ГЛАВА 8

Золотые дни русской армии

1. От Бородина до Тарутина

Вскоре после полуночи русские снялись с Бородинской позиции и четырьмя колоннами двинулись к Можайску. Отход их должен был прикрывать арьергард под командованием М.И. Платова в составе всех его казаков, части первого кавалерийского корпуса, трех егерских полков, пехотной дивизии и роты конной донской артиллерии. Согласно диспозиции, данной войскам на 27 августа, атаман должен был выступить «за час до рассвета и... следовать за армией, стараясь, сколько возможно, избегать сражения с неприятелем»¹.

Армия остановилась за Можайском, у деревни Жуково. Следом за ней подошел арьергард, никем не преследуемый, и расположился перед городом.

Наполеон, узнав об отходе русских, сформировал авангард в составе четырех кавалерийских корпусов и одной пехотной дивизии под командованием маршала Иохима Мюрата и приказал ему овладеть Можайском.

Из воспоминаний графа Ф. Сегюра:

«Мюрат, подступив к Можайску, вообразил, что этот город в его власти, и послал пригласить императора расположиться в нем на ночлег, но оказалось, что русский арьергард укрепился у стен этого города, за которым на возвышенности разместились все остальные войска. Таким образом, они закрывали дороги в Москву и Калугу. Русские имели твердый и внушительный вид, как и перед битвой; Мюрат же со свойственным ему бесстрашием захотел броситься на них. Эта битва зашла так далеко, что потери, понесенные нами накануне, еще увеличились»².

Как видно, М.И.Платову не удалось избежать столкновения с неприятелем, и русский арьергард, по признанию генерала свиты французского императора, с честью вышел из трудного испытания. 28 августа М.Б.Барклай де Толли именем главнокомандующего М.И.Кутузова предписал атаману донских казаков «непрерывно удерживать неприятеля... дабы обозы, артиллерия и раненные могли уйти далее по дороге к Москве» и не затруднять отступления армии³.

Рапорт атамана главнокомандующему о боевых действиях войск арьергарда 28 августа 1812 года у Можайска не содержит важных для нас подробностей, и все-таки общая картина событий этого дня по нему восстанавливается. В шесть часов утра французы возобновили атаки. М.И.Платов выставил против них шесть батальонов егерей, прикрываемых от обхода с севера и юга полками регулярной кавалерии и казаков, а из города орудиями донской конной артиллерии, размещенной «на разных возвышенностях»⁴.

Под напором французов М.И.Платов отступил за Можайск, укрепился близ города на высотах, которые накануне были заняты русской армией, и сдерживал неприятеля в течение двух часов, после чего отошел еще на пять верст на восток и продолжал отбиваться от значительно более сильного противника и с фронта, и с флангов. На его арьергард наступали уже не только войска Мюрата, но и пехотные корпуса Даву и Нея «и вся та кавалерия, которая была в сражении 26-го числа... у деревни Бородино» во главе с самим Наполеоном. Но и «после того на всяком шагу ежеминутно продолжалось сражение до самой ночи»⁵.

Арьергард отступил от Можайска примерно на 15 верст. М.И.Платов счел своим долгом донести князю М.И.Кутузову «и по всей справедливости свидетельствовать о неуспешных трудах и рвении, с неустрашимую храбростью оказанных в сих местах и на каждом шагу» генералами Н.Н.Раевским и Г.В.Розеном⁶.

28 августа арьергард с трудом укрепился у села Моденова. М.И.Кутузов вынужден был усилить его двумя бригадами пехоты, тремя егерскими полками, ротой батарей-

ной артиллерии, частью первого и всем вторым кавалерийским корпусом. Вместе с тем он отстранил атамана от командования войсками охранения и назначил вместо него М.А.Милорадовича.

Матвей Иванович оказался не у дел. Это вызвало толки. Вот что писал об этом известный герой Отечественной войны М.С.Воронцов, хорошо знавший атамана:

«Тут он действительно был виноват, ибо вместо того, чтобы держаться как можно дольше на месте сражения и драться на каждом шагу, к вечеру привел неприятеля на плечах к армии, когда старик Беннигсен по дряхлости не успел еще рассмотреть у Можайска позицию, которая одна только и была хороша... Скорое отступление — арьергарда — и было, может быть, причиною потери Москвы. Князь Кутузов на Платова весьма сердился»⁷.

Большое видится на расстоянии: задержи М.И.Платов Великую армию Наполеона даже на неделю, все равно второй батальон, подобной Бородинской, быть не могло. Думаю, лучше других понимал это сам М.И.Кутузов, хотя изо дня в день не устал повторять: под Москвой «должно быть сражение, решающее успехи кампании и участь государства»⁸. Не случайно же еще вчера, 27 августа, в диспозиции, данной войскам, он предписал командующему арьергардом выступить «за час до рассвета и следовать за армией, стараясь, сколько возможно, избежать «столкновения с неприятелем»⁹.

Как уже отмечалось, выполнить это предписание главнокомандующего атаману не удалось: в течение суток арьергард отбивал атаки противника и отошел за Можайск. Так что возлагать на М.И.Платова ответственность за потерю Москвы нельзя. Впрочем, и М.С.Воронцов в этом не был убежден.

Все было хорошо. И вдруг, через сутки, после ежеминутных боев на каждом шагу он стал не нужен. Чем можно объяснить такой поворот в судьбе нашего героя? Думаю, только игрой в «притворную ссору», о которой поведал нам С.Н.Глинка. И она зашла, кажется, слишком далеко. В эти дни распространились слухи о намерении М.И.Платова перейти с казаками на сторону неприятеля. Об этом говорили в армии и судачили в петербургских салонах.

Через три дня после отстранения атамана от командования арьергардом неизвестный участник войны записал в дневнике: «Дорогой говорили об измене Платова»*.

Эти слухи поддерживал и «сумасшедший Федька» Ростовчин, который «поселился близ квартиры Платова и ловил его речи, сказанные под влиянием перцовки», как писал историк А.Н.Попов.

Ф.В.Ростовчин — Александру I,

21 сентября 1812 года:

«...Мне хотелось узнать образ мыслей Платова; я стоял рядом с ним, а как он тщеславен, болтун и немного пьянюга, то я убедился, что это человек опасный, и не следует раздражать его при настоящих обстоятельствах. По злобе Кутузов его преследует, а у него бродят дурные замыслы в голове; говорит о том, что хотел Наполеон предложить ему и казакам, что если для русских дело кончится плохо, то он знает, что делать, что казаки пойдут за ним и т. п.»¹⁰.

Перцовка, конечно, была, хотя Матвей Иванович предпочитал горчичную. Но она ли повлияла на эмоциональное состояние донского трибуна, хмельные речи которого звучали чуть ли не на всю деревню? Атаман слишком дорожил своей репутацией, чтобы допустить столь откровенную глупость, не заручившись поддержкой того, кто мог оправдать его в глазах императора, расположением которого он дорожил больше всего на свете.

С 28 августа М.И.Платов «был почти без всякой команды, но не отъезжал от армии... Что же касается до слуха о предложениях ему от Бонапарте, не знаю, были ли ему сделаны; но ни он, ни один казак, — успокаивал граф М.С.Воронцов своего столичного корреспондента, — не мог бы никогда подумать изменить России и ежели бы он до того с ума спятил, то верно казаки первые бы его связали и передали начальству»¹¹.

Как видно, в Петербурге беспокоились, в армии слухам не верили. Они и рассчитаны были не на своих, а на чужих. Но к этому сюжету я еще вернусь.

*Военно-исторический сборник. 1913. № 2. С. 168.

Армия отступала на восток. Войска охранения под командованием М.А.Милорадовича в течение всего следующего дня мужественно отражали атаки авангарда Мюрата. Неприятель был отброшен с большими потерями и больше уже не пытался нападать на арьергард русских. Сложилась ситуация для подготовки к сражению за Москву, о котором так много говорил М.И.Кутузов. Но оно не могло быть дано, ибо резервы, на которые он рассчитывал, не подошли и в ближайшее время не ожидалось, а без них князь никак не отваживался пойти на решительные действия.

«Был ли выход из этого трудного положения? Да, — отвечает большой знаток истории Отечественной войны генерал П.А.Жилин, — для этого необходимо было открыть московский арсенал, вооружить патриотов. Однако Ф.В.Ростопчин, как представитель реакционных кругов дворянства, предпочел оставить противнику десятки тысяч ружей, более сотни орудий, боеприпасы, чем вооружить ими народ»¹².

Может, это и так, но и царь, и «представитель реакционных кругов дворянства», и сам главнокомандующий имели в виду подготовленные резервы, а не пушечное мясо, которым можно было бы завалить дороги, ведущие на Москву. Все они руководствовались иными моральными и нравственными принципами, а потому думали и поступали иначе, нежели известные полководцы нашего недавнего прошлого и самого новейшего времени.

Между прочим, этот представитель «реакционных кругов дворянства» приказал сжечь свое собственное имение, чтобы оно не досталось французам. Так что классовый принцип распределения русских людей того времени по лагерям здесь не действует.

1 сентября 1812 года в подмосковных Филях состоялся военный совет, перед началом которого все его участники были решительно настроены сражаться за Москву. В ходе его М.Б.Барклай де Толли сумел убедить часть генералов, что в сложившихся условиях важнее сохранить армию, пополнить ее резервами и продолжить войну «с удобством».

Вопрос об участии М.И.Платова в совете в Филях оказался спорным. В протоколе заседания, приведенном в

изложении на страницах журнала военных действий, его имя отсутствует¹³. Не упоминают о нем и некоторые мемуаристы. Это без колебаний называют атамана среди тех, кто решал участь древней русской столицы, Л.Л.Беннигсен, П.П.Коновницын и анонимный автор «Записок о сдаче Москвы», офицер из окружения М.А.Милорадовича¹⁴.

Е.В.Тарле считал участие М.И.Платова в совете в Филях доказанным¹⁵. Тем не менее историки последующих лет, не вступая в полемику с авторитетным для читателей академиком, с настойчивостью, достойной лучшего применения, в числе собравшихся в избе крестьянина А.Фролова называли только тех генералов, которые попали в армейский журнал военных действий¹⁶.

Утвердительно отвечает на вопрос об участии М.И.Платова историк Н.А.Троицкий, книга которого «1812: Великий год России», хотя и вызвала возражения по отдельным позициям, но в целом получила высокую оценку коллег. Автор называет атамана рядом с теми генералами, которые «высказались за сражение»¹⁷.

Кутузов прервал споры:

— Приказываю отступить!

На следующий день русская армия покинула Москву. Вместе с ней из белокаменной ушли «женщины, купцы и ученая тварь», по определению Ф.В.Ростопчина¹⁸. Эвакуацией руководил М.Б.Барклай де Толли. М.И.Кутузов, избегая встреч, уезжал из столицы один, без свиты, в сопровождении своего ординарца. Понять психологическое состояние главнокомандующего можно: ему невыносимо было слышать упреки и обвинения, видеть слезы старых солдат — просто «стон стоял в народе». Чаще всего в этот день звучали слова:

— Измена!.. Ужасно!.. Позор!.. Стыд!..

Измены, конечно, не было. Но было ужасно. И был позор. И стыд был. М.И.Кутузов утешал Александра I, что принял все меры, чтобы в городе «ни один дворянин... не остался»¹⁹. Но в госпиталиях остались 22 тысячи беспомощных «нижних чинов», значительная часть которых сгорела в огне великого пожара. «Душу мою раздирает стон раненых, оставляемых во власти неприятеля», — вспоминал А.П.Ермолов²⁰.

Какие чувства теснились в сердцах казаков и их атамана, неизвестно. Вряд ли они чем-то отличались от переживаний всех русских людей.

Михайлу Милорадовичу удалось договориться с Иоахимом Мюратом позволить русским войскам, «не наступая сильно», выйти из города. Впрочем, французы в последнее время и не рвались в бой: стоило ли теперь терять людей, когда неприятель уже и не помышлял защищать свою столицу и победа казалось близкой.

Французы вступили в Москву со стороны Арбата, когда последние полки русского арьергарда еще находились в городе, пытаясь хоть как-то определить участь оставленных в госпиталях товарищей.

Из воспоминаний Боссе:

«Между казаками и Неаполитанским королем на одной из главных площадей было нечто вроде переговоров о приостановке враждебных действий. Они просили и получили отсрочку, чтобы подобрать всех и удалиться, не делая беспорядка. В особенности обращались они к великодушью победителя, поручая ему многочисленных раненых, которых они должны были оставить. Это и было справедливо, хотя сомневаться в лояльности французской армии значило не знать ее. К несчастью, зажженный самими же русскими пожар долгое время не давал возможности оказывать им помощь, которая была обещана. Пока шли эти переговоры, казаки, постоянно видевшие Неаполитанского короля, одетого всегда очень эффектно, бывшего всегда впереди авангарда, подошли к нему с чувством уважения, смешанного с восторгом и радостью. Он один во всей армии носил на шляпе большой султан из белых страусовых перьев и был одет в какой-то особенный польский плащ цвета серого льна, опушенный соболем и кунницей. Король отдал им все деньги, бывшие при нем, даже часы, а когда у него уже больше ничего не осталось, он занял часы у полковника Гурго, у своих адъютантов и офицеров... казаки выражали свой восторг и громко говорили, что великодушие этого героя французской армии равно его храбрости»²¹.

Среди тех, кто вел переговоры с Мюратом и был одарен им часами, находился М.И.Платов. Вот что запомнилось другому свидетелю этой же сцены барону Г.А.Дедему:

«Король продолжал свой путь, окруженный казацкими генералами, которые осыпали его самыми лестными похвалами за его храбрость. Он думал, что русские не узнавали его, но атаман сказал:

— Я давно узнаю ваше величество. Вы — Неаполитанский король. Разница между нами в том, что я вижу вас с самого Немана всегда впереди, во главе вашей армии, между тем, как я вот уже три месяца постоянно нахожусь позади нашей...

Его величество подал ему прекрасные часы, говоря, что он надеется впоследствии предложить ему что-нибудь более приятное: он говорил о своем ордене, которого желал, как ему казалось, русский офицер»²².

Французский мемуарист не назвал имени атамана. Но у меня нет сомнений в том, что это был Матвей Иванович Платов.

В первую же ночь пребывания французов в Москве начались пожары, вызвавшие у них упадок духа, едва «встрепенувшегося» после вступления в русскую столицу. «Сквозь этот яркий свет» они «грустно глядели навстречу... темному будущему», как выразил свое восприятие зловещей картины, представшей перед завоевателями, врач наполеоновской армии Генрих Росс²³.

Московский пожар вынудил Наполеона покинуть Кремль и перебраться в Петровский замок. Его армия, предавшаяся пьянству и грабежам, на глазах деградировала. Через три дня император попытался прекратить вакханалию, но было уже поздно.

Выгорело три четверти города, подожженного по распоряжению Ф.В.Ростопчина и М.И.Кутузова. Пожар Москвы воспринимался как патриотическая жертва, принесенная русскими людьми на алтарь победы. «Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень, — писал А.П.Ермолов. — Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа»²⁴.

7 сентября Наполеон, его свита и генералы вернулись в Москву. Город был неузнаваем. Прекрасные гостиницы, в которых еще несколько дней назад располагались офице-

ры Великой армии, исчезли, а дым от их развалин застилал солнце и делал его диск кроваво-красным.

Из воспоминаний Е.Лабона:

«Все искали себе квартиры, но очень трудно было найти что-нибудь подходящее. Церкви, менее пострадавшие, чем другие здания, и еще сохранившие свои крыши, были обращены в казармы и конюшни. Ржание лошадей и ужасное сквернословие солдат заменили здесь священные благозвучные гимны, которые раздавались раньше под этими священными сводами»²⁵.

Русская армия, оставив старую столицу, двинулась по направлению к Рязани, потом, круто повернув на запад, устремилась к Подольску. Казаки же, прикрывавшие ее отход, продолжали идти по прежнему маршруту, увлекая за собой неприятеля. В районе Красной Пахры войска расположились лагерем и простояли там неделю.

Переход с Рязанской на Калужскую дорогу был осуществлен в ночное время быстро и столь скрытно, что французы, ничего не подозревая, десять дней гнались за казаками, не обремененными заботами о защите армии. Потом, когда Наполеон понял, что М.И.Кутузов перехитрил его, бросил на поиски русских корпуса Орнано, Бессьера, Понятовского и Мюрата.

Между тем М.И.Кутузов, снявшись с позиции у Красной Пахры, перевел армию к селу Тарутино и 21 сентября расположил лагерь в его окрестностях. «Сие действие, — писал М.Б.Барклай де Толли, — доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля»²⁶.

М.И.Кутузов привел в Тарутино 87 тысяч регулярной кавалерии и пехоты при 622 орудиях и 28 казачьих полков²⁷. Все эти войска он разместил на позиции довольно тесной, но сильной, укрепленной естественными преградами: реками Нарой и Истьей, оврагами, высотами, лесами. Кроме того, главнокомандующий возвел с фронта и флангов десять батарей.

Тарутинский лагерь, по свидетельству участника и первого историка Отечественной войны Дмитрия Ивановича Ахшарумова, «непреступностью своею походил на крепость»²⁸, надежно прикрывающую от неприятеля Калугу с

провиантскими магазинами, Тулу с оружейным заводом, Брянск с литейным двором и сельскохозяйственные губернии России. К тому же он ставил под угрозу флангового удара Московско-Смоленскую дорогу и исключал возможность наступления французов на Петербург, как писал М.И.Кутузов Александру I²⁹.

Претендентов на авторство тарутинского флангового марш-маневра было много. Возможно, и М.Б.Барклай де Толли, и Л.Л.Беннигсен, и К.Ф.Толь, и «стратегии» никому не известные, но не менее амбициозные, задним числом находили в нем нечто отвечающее их собственным представлениям о наиболее эффективных возможностях разгрома неприятеля. Все-таки все были профессионалами. И каждому потом, несколько лет спустя, хотелось, конечно, войти в фарватер истории «великого года России». Но в самых общих чертах эта мысль возникла в голове М.И.Кутузова. Думаю, не случайно уже на совете в Филях он приказал армии отступать после Москвы именно по Рязанской дороге. Путем проб и ошибок главнокомандующий, определив слабые стороны позиций у Подольска и Красной Пахры, перевел войска в Тарутино, причем сделал это вопреки возражению тех, кто позднее желал присвоить себе его идею спасения отечества.

Правильно сказал Н.А.Троицкий: «Главнокомандующим был Кутузов. Он принимал решение, одобряя или отклоняя любые советы, ему и принадлежит честь Тарутинского маневра»³⁰.

2. Трудные дни атамана

Войска расположились в Тарутино, а Главная квартира — в трех верстах от него, в Леташевке, где в крестьянских избах и даже в сараях устроились не только генералы, занятые подготовкой армии к контрнаступлению, но и те же «праздношатающиеся», кои и М.Б.Барклаю де Толли не давали покоя. Правда, некоторых он выпроводил, но и осталось немало. И все высокопоставленные: герцоги Август Ольденбургский и Александр Вюртембергский, граф Федор Ростопчин и ба-

рон Иван Анштет, начальник главного штаба Леонтий Беннигсен и представитель английских вооруженных сил сэр Роберт Вильсон... Все они плели интриги против М.И.Кутузова, осуждали фельдмаршала за то, что он «много спал и мало делал», жаловались на него Александру I, не зная того, что император своим рескриптом от 8 августа разрешил ему читать все письма, отправляемые из армии на высочайшее имя³¹.

Однако Михаила Илларионовича не так просто было свалить, если даже он засыпал иногда по старости лет на каком-нибудь совещании генералов. На одних он не обращал внимания, других, кто слишком мешал, изолировал, а со временем удалял из армии, третьи сами убирались восвояси. Сложнее было с сэром Робертом Вильсоном, ибо в отношениях с ним действовали нормы международной этики. Из всех «праздношатающихся» он вызывает особый интерес: английский генерал жил в Летащевке на одной квартире с донским атаманом Матвеем Ивановичем Платовым, оказавшимся не у дел.

Матвей Иванович угощал Роберта Томаса донским вином, которое показалось иностранцу «даже лучше шампанского», сушеной стерлядью и копченой семгой. И, кажется, в изобилии. «Сей подарок тем приятней для меня, — писал он жене в Лондон, — что я могу разделить его с другими»³².

С кем делился таким богатством иностранец и в какой форме? Не знаю. Думаю, однако, застольи не устраивал — не по-английски это.

Роберт Вильсон — Александру I,

15 сентября 1812 года:

«... Генерал Платов на одной квартире со мной. Я надеялся, что ему дан будет отряд из четырех тысяч казаков и четырех эскадронов гусар с шестью легкими пушками и, может быть, несколько батальонов егерей; в таком случае я намерен был послужить с ним некоторое время в твердом уверении, что увижу много отличных предприятий и услуг Вашему Величеству. Но я нахожу его после 42-летней и отличной службы, — чему в продолжении двух наитруднейших кампаний я был очевидным свидетелем, — ныне безо всякой команды и удаленным от тех, кои уважают его, как отца и

как начальника. Он сильно чувствует свое унижение, и я должен признаться, что разделяю с ним оное и очень надеюсь, что дано будет повеление о поручении ему по крайней мере тех казаков, кои следуют на подкрепление здешней армии, с присовокуплением Атаманского полка...»³³

Сэр Роберт Вильсон мог знать Матвея Платова с конца января 1807 года, когда тот прибыл в действующую армию и на следующий день принял участие в сражении под Прейсиш-Эйлау, а потом стать «очевидным свидетелем» арьергардных боев казаков под его командованием по пути отступления русских войск к Фридланду. Какие отношения сложились между ними? Вряд ли они продвинулись дальше бесед за бокалом донского искристого вина. Так что крылатая народная мудрость — «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — в данном случае бьет мимо цели. В необъятном море мемуарной литературы об Отечественной войне нет даже намека на принадлежность атамана к оппозиции по отношению к М.И.Кутузову. А английский генерал был в числе самых активных ее деятелей. Он неоднократно просил британского посла в Петербурге лорда Вильяма Каткарта добиться отстранения фельдмаршала от должности главнокомандующего и назначения на его место Л.Л.Беннигсена³⁴.

В армии к Вильсону относились крайне отрицательно. Вот что писал о нем декабрист А.Н.Муравьев: «Словом, этот господин, по моему мнению, был прямой шарлатан, русские его вообще не любили потому, что он во все вмешивался, не имея на то никакого права, но пользовался вместе с тем каким-то покровительством нашего двора»³⁵.

Случайно ли Вильсон и Платов оказались на одной квартире? Трудно ответить на этот вопрос вполне определенно. Но если пропустить возможность «притворной ссоры» между главнокомандующим и атаманом, то это соседство может оказаться и результатом трезвого расчета «хитрого, как грека», по определению английского сэра, Михаила Илларионовича и не уступавшего ему в этом качестве Матвея Ивановича, которого даже ближайшие соратники добродушно называли «шельмой»³⁶.

«Он сильно чувствует свое унижение...»; Матвей Иванович мог испытывать унижение даже в том случае, если это была игра во имя спасения Отечества: в глазах-то непосвященных, в том числе и казаков, почитавших его «как отца и как начальника», он предстал генералом, оказавшимся неспособным решить боевую задачу, поставленную перед ним главнокомандующим.

Официального приказа с объяснением причин отстранения М.И.Платова от команды не было, как не было и сообщения об этом императору. Казаки, которые в течение трех месяцев являли примеры отваги, доблести и героизма, остро переживали несправедливость, допущенную по отношению к их атаману. Вряд ли чем-то другим можно объяснить то, что в это время «командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все» сразу. А кто-то доложил об этом М.И.Кутузову³⁷.

В сущности это был бунт, который поставил главнокомандующего в щекотливое положение, вынудив его написать атаману:

«Если известие сие, ко мне дошедшее, справедливо, что все полковые командиры заболели, в таком разе я обязан буду довести о сем до сведения государя императора, между тем не упущу и мер принять, какие высочайшая власть предоставляет мне по долгу службы»³⁸.

Оказалось, что в середине сентября, когда войска находились на пути в Тарутино, «заболели» не все командиры донских полков, а только те, которые были «при армии». Некоторые из них со своими полками творили чудеса на коммуникациях противника, куда были отправлены сразу после оставления Москвы. Но о действиях донских партизан речь пойдет ниже...

20 сентября М.И.Платов написал частное письмо М.И.Кутузову, в котором сообщил, кажется, нечто такое, о чем не положено было знать другим. Думаю, поэтому оно и не сохранилось. В этот же день стало известно, что главнокомандующий решил передать под начало атамана его полк и десять других, следовавших на усиление армии, пять батальонов пехоты и «некоторое число егерей»³⁹.

В ответ на письмо М.И.Платова М.И.Кутузов утешал атамана: «В усердии к службе Августейшего Монарха собственнo Вашем я весьма уверен, оказываемые полками Вашими ежедневные подвиги мне коротко сведомы, и потому я остаюсь в непоколебимой надежде, что все ошибки... известною мне деятельностью Вашего Высокопревосходительства приведутся в лучшую степень»⁴⁰.

Роберт Вильсон — Александру I,

21 сентября 1812 года:

«... Князь Кутузов согласился дать генералу Платову личную команду. Сия мера восстановила атаманово здоровье, которое действительно снаделось от огорченного чувства, и, я надеюсь, доставит для службы Вашему Величеству блистательные и важные последствия. Осмеливаюсь утруждать Ваше Величество просьбою об изъявлении генералу Платову столько внимания, чтобы он мог удовлетвориться во все милостивейшем Вашем к нему и Донскому Войску благоволении...»⁴¹

Чем объяснить такую заботу и внимание Р.Т.Вильсона к М.И.Платову? Проще всего было бы отнести это на счет корысти чужеземца, стремившегося подорвать авторитет М.И.Кутузова в глазах Александра I и таким образом добиться отстранения его от должности. Только будет ли такой вывод правильным? Думаю, что нет. Он писал не только русскому императору, но и своим соотечественникам. И все его послания проникнуты искренним восхищением и верой в военный талант атамана и отвагу донских казаков. В подтверждение приведу лишь несколько строк из писем английского генерала, адресованных разным людям:

«... Должно ожидать блистательных последствий от способности, деятельности и храбрости атамана и его казаков...»⁴²

«... Мзорат через шесть недель не будет иметь ни одного эскадрона в поле...»⁴³

«... Казаки оказывают великие услуги и богатая ежедневная добыча придает им более отважности...»⁴⁴

«... Победа с златыми крыльями парит над ними...»⁴⁵

«... Время благоразумно помыслить о введении в употребление пик в нашей армии. Русские и французы воору-

жили оними все свои легкие войска. Надобно учиться у неприятеля...»⁴⁶

Немало добрых слов сказал Р.Т.Вильсон о русской артиллерии и армии в целом. Но в споре между М.И.Кутузовым и Л.Л.Беннигсеном, по определению М.Б.Баркляя де Толли, «бездельником» и «разбойником», английский сэр занял сторону последнего, считая, что с назначением его на должность главнокомандующего прекратятся раздоры и дело будет выиграно. Впрочем, такого же мнения придерживались и некоторые генералы, выросшие под небом отечества. Но это не дает основания для оправдания «праздношатающегося» чужеземца. Своими интригами он лишь усугублял те беспорядки, которые имели место. И на борьбу с ними старый полководец должен был тратить свои силы, которых, как оказалось, осталось совсем немного — всего на одну Победу. Правда, самую значительную — полное истребление неприятеля на заснеженных полях России. Чтобы ее приблизить, необходимо было пополнить войска свежими силами. Важную роль в решении этой задачи предстояло сыграть атаману М.И.Платову.

3. Сбор довского ополчения

6 июля 1812 года Александр I подписал Манифест о созыве земского ополчения, написанный красноречивым государственным секретарем А.С.Шишковым. Документ этот давно уже не публиковался даже в специальных изданиях, а если и цитировался иногда, то лишь с целью классовой препарации, призванной убедить советских читателей в совершенной никчемности царского правительства. Приведу его полностью, не комментируя:

«Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть злостное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска Наши, кипящие

мужеством попать, опрокинуть его и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разnodержавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе Наше воинство, полагаем Мы необходимым собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже взывали к первопрестольному граду Нашему Москве, а ныне взываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единоподданным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем отечества. Святейший синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначенных сил, предоставляется во всех губерниях дворянству сводить составляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель»⁴⁷.

Об авторе Манифеста скажу, что был он адмиралом флота и писателем, а после изгнания французов из России стал президентом Российской академии наук и министром народного просвещения и оставил потомкам интересные воспоминания⁴⁸. Я внимательно прочел составленный им доку-

8. ЗОЛОТЫЕ ДНИ РУССКОЙ АРМИИ

мент и не нашел в нем подтверждения тому, что обращен он «в основном к дворянству», как писал известный советский генерал П.А.Жилин⁴⁹. А как ты, мой читатель?

20 июля высочайший Манифест был доставлен в донскую столицу. Прочитав его в полном собрании чиновников, войсковая канцелярия постановила привлечь в ополчение всех служилых, отставных и всякого рода льготных офицеров, казаков и подростков, «кроме весьма дряхлых, равно сущих калек и жестоко больных, совершенно не способных к походу». Сыскным начальствам и станичным правлениям вменялось в обязанность обеспечить оружием и лошадьми за счет общественных сумм всех неимущих, призванных на защиту отечества⁵⁰.

Формирование ополчения не остановил даже присланный на Дон новый Манифест от 18 июля, ограничивавший географию проявления «вооруженного патриотизма» границами всего шестнадцати губерний; остальные, в том числе и область Войска Донского, от этого освобождались.

М. И. Платов, осознавая необходимость «увеличения сил Войска Донского», истощенного потерями в арьергардных боях, 26 июля предписал наказному атаману А.К.Денисову продолжить сбор ополчения и по мере укомплектования команд отправлять их на соединение с армией. При этом на офицеров возлагалась обязанность следить за тем, «чтобы во время следования в пути ни малейших обид и притеснений жителям тех селений, через которые проходить и при коих ночлеги иметь будут, чинимо... не было...»⁵¹.

Чтобы не задерживать готовые к походу команды на Дону, М.И.Платов брал на себя назначение в них полковых командиров и офицеров из числа вновь произведенных за подвиги «и ревностную службу государю императору и отечеству», которых при армии было «достаточно». Впрочем, он не отказывал в этом праве и наказному атаману, но требовал подбирать только таких начальников, «которые опытом доказали храбрость свою и исправность по службе»⁵².

Матвей Иванович убеждал станичников, что продолжительность войны «зависит сколько от помощи Божьей, столько и от общего и единогодушного ополчения противу нашествия врага, по одолении которого возвратятся все со

славою в дома свои» и будут жить, «благословляя высокомонаршие милости», в чем заверял своею честью⁵³.

Формирование ополчения затруднялось из-за недостатка средств. Но торговые казаки за освобождение их от службы внесли в кассу войсковой канцелярии 93645 рублей и тем облегчили А.К.Денисову решение поставленной перед ним задачи. Этой суммы, по тому времени немалой, оказалось достаточно и на снаряжение неимущих донских воинов, и на их путевое довольствие⁵⁴.

А.К.Денисов писал М.И.Платову, «что все чиновники и казаки идут с ревностью и охотою» на сборные пункты, горя желанием защитить отечество. Атаман был доволен и все-таки мазнул дегтем по воротам тех, кто откупился от всеобщего похода против супостата: «Теперь больше нужны люди, а не деньги»⁵⁵.

Донские дворяне выделили для снаряжения неимущих казаков 1500 лошадей. Не так много, но бескорыстно⁵⁶.

Как уже отмечалось выше, 22 августа М.И.Платов прибыл в Москву, откуда отправил в Новочеркасск «решительное предписание» А.К.Денисову, в котором потребовал, «чтобы все снаряженные из Войска служилые отставные чиновники и казаки и, словом, все приуроченные к ополчению при тех самых господах генералах и полковниках, кои назначены, высланы были по получении сего в 24 часа в поход» и следовали «прямыми дорогами к Москве форсированно, без роздыхов, делая не менее шестидесяти верст в сутки»⁵⁷.

Судя по всему, М.И.Платову стало известно о желании А.К.Денисова самому возглавить ополчение и отправиться с ним к месту военных действий. Предупреждая его патриотический порыв, он написал наказному атаману из Москвы:

«Зная по опыту, что Ваше превосходительство, будучи преисполнены ревностнейшим усердием к полевой службе, будете желать быть в армии вместе с войском, особливо при настоящих обстоятельствах войны, когда все мы обязаны жертвовать жизнью для защиты отечества и августейшего престола от нашествия вражеского, я не излишним считаю напомнить Вам, что отсутствие Ваше из Войс-

ка, в котором Вы за теперешним нахождением моим в армии начальствуете по Высочайшему повелению, зависит от Высочайшего и разрешения; кроме же того, сами Вы знаете, что и войсковой канцелярии запереть нельзя, дабы не остановить течения производящихся по оной дел не только казенных, но и войсковых, да и Войска оставить без внутреннего управления, сопряженного с пользою отечества, также никак невозможно»⁵⁸.

Между тем армия оставила Москву, совершила знаменитый маневр с Рязанской на Калужскую дорогу и расположилась лагерем сначала у Красной Пахры, а потом в Тарутино. В эти дни Платов, освобожденный от командования, энергичнее, чем прежде, занимается вопросами формирования ополчения: диктует распоряжения бригадным генералам, уже бывшим в пути, начальнику войсковой канцелярии Курнакову, Денисову, требуя ускорить выступление всех остальных полков, принимает и отправляет курьеров, информирует Кутузова и самого Александра I о состоянии дел. И надо заметить, что из документов,

вышедших из-под его пера, как-то не видно, что «атаманово здоровье... действительно снеслось от огорченного чувства», как утверждал Вильсон в своих посланиях на высочайшее имя. Матвей Иванович действует решительно, приказывает, отпускает колкие реплики, верит в своих казаков и скорую победу над врагом. Похоже, прав был Глинка, когда писал о «притворной ссоре», разыгранной двумя старыми хитрецами с целью ввести в заблуждение Наполеона.

Первый полк ополчения под началом войскового старшины Ивана Попова выступил в поход 2 сентября. По прибытии к армии он был откомандирован к Вязьме в партизанский отряд Дениса Давыдова⁵⁹.

Через неделю одна за другой по направлению к Туле двинулись бригады генерал-майоров Алексея Иловайского, Бориса и Дмитрия Грековых и шесть орудий донской артиллерии, «укомплектованных надлежащим числом людей и снарядов»⁶⁰. Наказной атаман побывал почти на всех пунктах сбора казаков, оказал помощь в формировании полков, обеспечил их денежным жалованием на дорогу, определил сроки выступления и маршруты движения.

В первых числах октября еще восемь полков ополчения прибыли в район Тарутинского лагеря. Два из них — отца и сына Ивана Андрианова 1-го и Ивана Андрианова 3-го — получили назначение в корпус Василия Шепелева, действовавшего на коммуникациях противника в окрестностях Брянска; один — Алексея Гревцова — отправился в партизанский отряд Александра Сеславина; а прочие пять — Алексея Ягодина, Василия Кутейникова, Ильи Чернозубова, Ивана Сучилина и Степана Ежова — пошли в авангард армии под команду Михаила Милорадовича⁶¹.

М. И. Платов — М. И. Кутузову,

5 октября 1812 года:

«...Сверх сих 9-ти полков, как из донесений нарочно приехавших ко мне известно, придут к армии: завтра — бригада Грекова 1-го в 3-х полках, послезавтра — Иловайского 3-го в 3-х же полках. Я приказал им в сходство повеления Вашей светлости, данного мне; явиться им на левом фланге армии. Я сделаю им мой должный смотр и подтвержжу о долге, для которого они сюда призваны, каковой прибывшим уже

вышепрописанным полкам мною лично сделаны. А остальные полки, из Войска сюда идущие, через четверо суток придут к армии непременно, коим навстречу от меня послано предписание, чтобы они не менее делали в сутки марш, как 50 верст, и почлеги бы не считали, а делали одни привалы»⁶².

Система связи Матвея Ивановича Платова с Новочеркасском и войсками, бывшими в пути, хотя и требовала много людей и времени, однако работала четко. Как и ожидал атаман, с 6 по 11 октября прибыли полки Алексея, Бориса, Дмитрия и Степана Грековых, Сергея Белгородцева, Ивана Данилова, Алексея и Григория Иловайских, Ивана Кошкина, Павла Попова, Василия Ребрикова, Андрея Слюсарева, Николая Сулина, Якова Траилина, Степана Чернозубова, Карпа Шамшева и Петра Шумкова.

Матвей Иванович Платов, как и обещал Михаилу Илларионовичу Кутузову, сделал и «должный смотр» войскам ополчения, и напомнил им о долге, по велению которого они прибыли в действующую армию. Николай Федорович Смирный, не покидавший своего начальника до последних дней его жизни, донес до нас речь атамана, произнесенную перед казаками в присутствии главнокомандующего:

— Друзья мои! Сам милосердный Бог ускорил ваш путь! Наступило время доказать всю силу усердия донцов к Богу, государю и отечеству. Мы в душах своих запечатали милости царские. У нас в душах и отечество. Не щадя жизни, докажем мы снова наше рвение и нашу любовь! Вы донцы, вы сыны Земли русской, вы соучастники общей славы, прилетели сюда.

Вы охотно пришли подкрепить нас; правосудный Бог нам поможет. Враг идет на нас с адом, мы пойдем на него с крестом животворящим! Если бы Бог пропустил, если бы враг прорвался до берегов Тихого Дона, не пощадил бы он ни жен, ни детей наших! Кровь наша смешалась бы с волнами Тихого Дона. Поруганы были храмы Господни, встревожен был бы прах наших отцов...

Друзья и братья! Воскликнем: не для нас, Господи, для имени Твоего вспомошествоуй нам поразить, устыдить и изгнать врага⁶³.

Речь атамана произвела сильное впечатление на казаков. Слушали его «в слезах и с вниманием... донцы громко произносили:

— Отец наш, готовы умереть везде, где ты нам прикажешь. Отмстим, отмстим злодеям за кровь братьев наших! Умрем, а далее врага не пустим!»⁶⁴.

Растрогался и князь М.И.Кутузов. На глазах у возбужденных речью М.И.Платова ополченцев он обнял «с чувством искреннейшей признательности знаменитого вождя их и принес моление Всевышнему, дабы благословил оружие россиян» на новые подвиги. Прибытие казачьих полков, по свидетельству участника войны, вызвало необычайный подъем духа в армии. Ободряя друг друга, солдаты говорили: «Как нам не постоять за себя, как врага не прогнать, и старики донские поднялись! Стыдно нам будет, если отстанем! Их Бог принес, нам Бог поможет!»⁶⁵.

Не позднее 20 октября Матвей Иванович отправил Александру I донесение о прибытии полков ополчения в армию и об успешных действиях казаков в последние 10–15 дней, когда были одержаны победы и даже значительные. Информация о них была достаточно скупой. Триумф был еще впереди. И все-таки...

Александр I — М. И. Платову,

29 октября 1812 года:

*«Граф Матвей Иванович! В знак признательности Моей к Войску Донскому и во изъявление особого Моего благоволения к заслугам Вашим признаю Я справедливым возвести Вас с потомством в графское достоинство, на что и доставлен будет Вам установленным порядком диплом от Сената»*⁶⁶.

Осуществилась заветная мечта Матвея Ивановича. Однако решение императора возвести в графское достоинство атамана, здоровье которого всего месяц назад «действительно снедалось от огорченного чувства», вызванного отстранением от командования казаками, кажется странным. Может быть, какую-то ясность внесет документ, вышедший из-под пера главнокомандующего...

М. И. Кутузов — М. И. Плятову,

10 ноября 1812 года:

«Милостивый государь мой, граф Матвей Иванович!

Чего мне желалось, то Бог и Государь исполнили, я Вас вижу графом Российской империи; ежели бы подвиги Ваши, начав от 6 октября по сей час, и не были так блистательны, тогда скорое прибытие с Дону 26-ти полков, которые в разбитии неприятеля столько участия имели, могло сделать достаточно признательным всемилоостивейшего Государя. Дружба моя с Вами от 73-го году никогда не изменялась, и все то, что ныне и впредь Вам случится приятного, я в том участвую...

Остаюсь в совершенной преданности Вашего сиятельства верный и всепожорный слуга князь Михаил Г.-Кутузов»⁶⁷.

Итак, по утверждению Михаила Илларионовича, его дружба с Матвеем Ивановичем не прерывалась почти 40 лет, и он желал видеть старого соратника графом Российской империи. Бог и Государь его желание исполнили. Значит, ссора между ними действительно была «притворной». А коль так, то оба актера в этом спектакле сыграли свою роль блестяще: убедили казаков, вступившихся за своего атамана, воспалили воображение современников и, кажется, у французов породили надежду на возможность «произвести в России революцию и взбунтовать донцов, как народ, к которому они» имели «особое уважение и благорасположение», как утверждал сэр Роберт Вильсон в письме к лорду Вильяму Каткарту⁶⁸.

Еще за месяц до начала войны Наполеон предписал министру иностранных дел Гуго Маре «заложить очаги восстания» внутри России. Следствием этого явилась инструкция, данная специальным агентам, «найти среди казаков кого-либо смелого, который отважился бы организовать восстание и повторить историю Пугачева»⁶⁹.

Наполеон не отказался от этой затеи и во время пребывания в поверженной русской столице. По свидетельству одного из французских современников, в московских архивах старательно разыскивались «всевозможные сведения

о пугачевском бунте; особенно желали добыть одно из его последних воззваний...» Не нашли и схватились «за великие начала санкюлотизма»⁷⁰, в реализации которых важная роль отводилась казакам. Не случайно же император серьезно интересовался ситуацией на Дону и пытался выяснить ее через своих шпионов. Но все они провалились, были арестованы и доставлены в штаб М.И.Кутузова⁷¹.

Думаю, эта иллюзия подогревала надежду Наполеона на мир с Александром I и так долго удерживала его в Москве, чего и добивался Кутузов всеми средствами, в том числе и «притворной ссорой» с Платовым.

«Скорое прибытие с Дону 26-ти полков...» А вот составители сборника документов «Донские казаки в 1812 году» считали, что «формирование ополчения... шло значительно медленнее, чем требовала того обстановка войны»⁷². Может, это и так, только вряд ли причину следует искать «в корыстной деятельности дворянской и купеческой верхушки донского казачества»⁷³.

Да, «известно, что многие помещики владели табунами в сотни и даже тысячи голов», а для «ополчения смогли выделить только 1500 лошадей», как писали составители сборника. Но известно и то, что этого количества хватило не только для снаряжения пеших и «худоконных» казаков, но и для создания резерва, который был отправлен в действующую армию «на случай нужды... во время служения полков»⁷⁴. Денег же, пожертвованных местными купцами в обмен на освобождение от похода, оказалось вполне достаточно для закупки овса в пути и поддержания животных в хорошей форме в течение почти месячного форсированного марша⁷⁵.

Поверим М.И.Кутузову, ибо он всю Россию и Европу не один раз пересек за полвека службы и пешком, и верхом, и в коляске и, конечно, хорошо понимал, что значит двигаться «без роздыха» со скоростью 60 верст в сутки. Так что именно «скорое прибытие с Дону 26-ти полков» и послужило главным основанием для возведения М.И.Платова в графское достоинство. Естественно, и первые успе-

хи ополченцев сыграли свою роль. Но повторяю: триумф атамана и его казаков был еще впереди.

Впрочем, «Донские казаки в 1812 году» — замечательное издание, ставшее сегодня библиографической редкостью. Трудно сказать, кому было труднее: атаману собирать под свои знамена станичников в условиях дичайшего бездорожья или советским ученым писать его историю в условиях безраздельного господства «самой передовой методологии». Дай Бог, чтобы не «вернулось все на круги своя», хотя нынешнее наше положение ужасно, порой невыносимо...

4. Хроника партизанских действий

«**9** у, слава Богу, вся Россия в поход пошла», — сказал после оставления Москвы старый солдат, а будущий декабрист И. Д. Якушкин донес до нас эти прочувствованные слова ветерана⁷⁶. Крестьяне со слезами на глазах просили забить им лбы и, добившись своего, пускались с песнями в пляс⁷⁷. Некоторые дворяне оккупированных уездов создавали из своих крепостных партизанские отряды и уходили с ними в леса, истребляли неприятеля сотнями и даже тысячами или уводили их в плен, отбирали награбленный фураж и продовольствие, обрекая врага на голодную смерть. В ополчение вступали многие деятели культуры: поэты В.А.Жуковский и П.А.Вяземский, писатели И.И.Лажечников и М.Н.Загоскин, драматурги А.А.Шаховской и Н.И.Хмельницкий...⁷⁸

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Эти строки выражают настроение самых юных, переданное через много лет гением. Лицейские друзья А.С.Пушкина А.А.Дельвиг и В.К.Кюхельбекер тоже порывались вступать в ополчение, но были удержаны родителями.

Н.А.Троицкий высказал мнение, что первый армейский партизанский отряд генерал-майора Ф.Ф.Винценгероде был создан еще 2 августа 1812 года М.Б.Барклаем де Толли⁷⁹. Это так. Но перед ним ставились совершенно иные задачи: наблюдать за корпусом Е. Богарне, наступавшем на древнюю столицу, а позднее — за Петербургским трактом и Ярославской дорогой, через цепь казачьих постов поддерживать связь с армией⁸⁰. Инициатором же войны малыми силами на коммуникациях противника был все-таки и, надеюсь, останется в исторической памяти русских людей, подполковник ахтырских гусар, «красноречивый забияка, повеса, пламенный поэт» Д.В.Давыдов. Накануне Бородинского сражения он обратился к командующему 2-й Западной армии князю П.И.Багратиону с письмом следующего содержания:

«Ваше Сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта Вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего замечательного. Князь! Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к Вам для объяснений моих намерений; если они будут Вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носил звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, тот поддержит честь сию со всею ревностью, какой бедственное положение любезного нашего отечества требует. Денис Давыдов»⁸¹.

Князь согласился на встречу и принял своего бывшего адъютанта в овине близ Колоцкого монастыря. Подполковник, объясняя генералу «выгоды партизанской войны», страстно говорил:

— Что делают толпы казаков при авангарде? Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо

разделить остальное на партии и пустить их в середину каравана, следующего за Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? — Им есть довольно простора, чтобы избежать поражения. Оставляют ли их в покое? — Они истребят источник силы и жизни неприятельской армии... К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную. Князь! Откровенно вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что они не закрывают недра России... И потому, если не прекратится избранный Барклаем и продолжаемый светлейшим род отступления, — Москва будет взята...⁸²

Князь «прервал нескромный полет воображения» гусара, пожал ему руку и сказал:

— Нынче же пойду к светлейшему и изложу твои мысли⁸³.

«Нынче», то есть 21 августа, встреча П.И.Багратиона с М.И.Кутузовым не состоялась из-за занятости последнего. Между тем армия подошла к Бородину, где главнокомандующий решил дать французам генеральное сражение. Д.В.Давыдов, обладавший тонкой душой поэта, передал нам чувства, охватившие его при виде родных мест, и я не могу удержаться от соблазна познакомить с ними читателя:

«Эти поля, это село мне были более, нежели другим, знакомы! Там я провел и беспечные лета детства моего и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе. Но в каком виде нашел я приют моей юности! Дом отеческий одевался дымом биваков; ряды штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, где я с алчностью читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о перекатах грома русского оружия на границах Франции, — там закладывали редут Раевского; красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями, как некогда стаю гончих собак, с которыми я носился по мхам и болотам. Все переменялось!.. Слезы воспоминания сверкнули в глазах моих, но скоро осушило их чувство счастья видеть себя и обоих

братьев своих вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею!»⁸⁴

22 августа М.И.Кутузов принял П.И.Багратиона и «согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии, но, полагая успех предприятия сомнительным, выделил под команду Д.В.Давыдова только 50 гусар и 80 казаков»⁸⁵.

— Для пользы людей мало! — недовольно сказал полковник.

— Он более не дает!

— Если так, то я иду и с этим числом; авось открою путь большим отрядам!

— Я этого от тебя и ожидал, — одобрил решение гусара П.И.Багратион, так и не понявший, чего опасался М.И.Кутузов.

— Верьте, князь, — убеждал Денис Васильевич Петра Ивановича, — ручаюсь честью, что партия будет цела; для сего нужны только при отважности в залетах — решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах; за это я берусь... только, повторяю, людей мало; дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет.

— Я бы тебе дал с первого разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дела делать, но об этом нечего и говорить; фельдмаршал сам назначил силу партии; надо повиноваться»⁸⁶.

К решению Д.В.Давыдова отправиться партизанить с недоверием отнесся не только М.И.Кутузов. Над ним подтрунивали многие офицеры, просили кланяться генерал-майору Павлу Алексеевичу Тучкову, попавшему в плен к французам после тяжелого ранения у Валутиной горы.

Д.В.Давыдов, взяв выделенных под его команду гусар и казаков, 25 августа двинулся с ними через Егорьевское, Медынь, Азарово на село Скугарево, расположенное на высоте, господствующей над всеми окрестностями. Сюю стало одной из баз партизанской борьбы. Вместе с ним пошли «частные начальники»:

«Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистр Николай Бедряга — малого роста, красивой наружности, блистательной храбрости, верный товарищ на биваках; в битвах — впереди всех, горит, как свечка»⁸⁷.

«Того же полка поручик Дмитрий Бекетов — росту более нежели среднего, тела тучного, круглолицый, златокудрий. Сердцем — малый, как говорится, рубаха, весельчак, с умом объемистым, тонким и образованным; офицер весьма храбрый и надежный даже и для отдельных поручений»⁸⁸.

Хорунжие «Федор Талалаев и Григорий Астахов — офицеры обыкновенные»⁸⁹.

Конечно, нас не может удовлетворить столь сдержанная характеристика донских начальников, данная на фоне ярких портретов гусар. Что делать: Денис Васильевич знал казаков хуже. Некоторых он запомнил, но только по фамилии. Сожалел, «что забыл остальных, ибо большая часть из них достойны быть известными»⁹⁰.

2 сентября, в день вступления французов в Москву, отряд Д.В.Давыдова разбил у деревни Токарево две шайки мародеров, взяв в плен 160 человек и весь неприятельский обоз. Отобранное оружие подполковник отдал крестьянам и научил их тому, как надо поступать с численно более сильным противником⁹¹.

В полдень того же дня партия казаков во главе с урядником Крючковым без единого выстрела захватила неприятельский разъезд из одиннадцати человек. Это был «молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости вполне черкесской», — как охарактеризовал его командир отряда⁹². Пленные показали, что в Царево-Займище остановился транспорт со снарядами под прикрытием двухсот пятидесяти всадников. Партизаны застали противника врасплох. Денис Васильевич писал:

«У страха глаза велики, а страх неразлучен с беспорядком. Все рассыпались при нашем появлении: иных мы захватили в плен не только без оружия, но даже без одежды, иных выгнали из сараев; одна только толпа в тридцать человек вздумала было защищаться, но была рассеяна и положена на месте. Сей наезд доставил нам сто девятнадцать рядовых, двух офицеров, десять провиантских фур и одну фуру с патронами». Остальные спаслись бегством⁹³.

Таким образом, сто тридцать казаков и гусаров Д.В.Давыдова взяли в плен двух офицеров, триста семьдесят рядо-

вых, отбили у неприятеля двести русских солдат и уже упомянутые фуры с оружием, боеприпасами и провиантом. Успех небольшой партии партизан «открыл путь большим отрядам», на что и рассчитывал поэт «малой войны».

Конечно, отряд Д.В.Давыдова был в числе первых и по времени создания, и по характеру деятельности, и особенно по масштабу личности командира, как писал Н.А.Троицкий⁹⁴. И все-таки оставим наших героев и обратимся к другим, чтобы снова вернуться к ним через несколько страниц.

***

Значительная часть армейских отрядов была сформирована еще до прихода армии в Тарутино. Предлагаю читателю краткую хронику партизанских действий казаков.

3 сентября М.И.Кутузов сообщил генерал-лейтенанту Ф.Ф.Винценгероде, что намерен остановиться на несколько дней у Подольска, откуда сможет высылать партии на Можайскую дорогу, и предписал ему занять Петербургский тракт. Основные силы его отряда расположились в селе Пешки, в тридцати верстах от Клина, а авангард в составе трех казачьих полков под началом И.Д.Иловайского — в Черной Грязи. Почти две недели действия донцов ограничивались сбором разведывательных данных о силе и намерениях противника, находившегося в Москве и ее окрестностях⁹⁵.

5 сентября М.И.Кутузов, круто повернув на запад, пошел к Подольску. Отряд же И.Е.Ефремова в составе трех полков, прикрывавший отход основных сил, остался на Рязанской дороге, чтобы вести за собой неприятеля к Бронницам и «тем заставить его думать, что и главная наша армия отступила в сем же направлении»⁹⁶.

Хитрость старого фельдмаршала вполне оправдалась: неделю спустя французы переправились через реку Москву и от Боровского перевоза двинулись по Коломенской дороге. Только 14 сентября они обнаружили русских. Пол-

ковник И.Е.Ефремов выполнил поставленную перед ним задачу и мог «опять присоединиться к армии», как и предписывал М.И.Кутузов. Но он остался на Рязанской дороге и включился в «малую войну»⁹⁷.

6 сентября М.И.Кутузов привел свою армию в Подольск и в тот же день сформировал отряд И.С.Дорохова в составе гусарского, драгунского и трех казачьих полков, усиленных полуротой артиллерии, чтобы отправить его к Можайской дороге для поисков неприятеля и истребления парков⁹⁸.

В дни флангового марша с Рязанской на Калужскую дорогу были сформированы также отряды князя И.М.Вадбольского и барона Ф.К.Корфа, в составе которых лихо сражались донские казаки⁹⁹.

9 сентября генерал-лейтенант Дорохов выступил по предписанию фельдмаршала Кутузова и часов через двадцать подошел к селу Шарапово, что на Боровской дороге. Расположив отряд на отдых, он отправил в разведку партию в сорок казаков под командою сотника Юдина, который донес, что обнаружил неприятельский обоз, идущий под сильным прикрытием со стороны Смоленска.

10 сентября Дорохов бросил на помощь Юдину две сотни донцов и два эскадрона драгун. Но сотник не стал ждать подкрепления. Ворвавшись в деревню Перхушкино, он неожиданно обрушился на неприятеля, «переколол на месте довольноное количество» и взял в плен 99 человек, в том числе 7 офицеров. Когда же некоторые из французов, пытаясь спастись от истребления, укрылись в сараях, то казаки «зажгли оные и подняли на воздух 36 артиллерийских фур со снарядами, с коими сгорело множество людей и лошадей»¹⁰⁰.

11 сентября отряд Дорохова попал в окружение, но вырвался, истребив 4 кавалерийских полка, несколько батальонов пехоты общей численностью в 800 человек и до 80 ящиков артиллерийского парка, «перехватили немало неприятельских обозов» и пленили 1500 солдат и офицеров противника¹⁰¹. К сожалению, невозможно определить вклад казаков в эту победу. Ясно одно — он был значительным.

Интересно рассуждение М.И.Кутузова о методах «малой войны», высказанное им в связи с окружением отряда И.С.Дорохова:

«Партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен летучий отряд партизан делать скрытные, по малым дорогам... Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим»¹⁰².

Вечером этого же дня, 11 сентября, Д.В.Давыдов привел свой отряд в село Знаменское и соединился с двумя командами первого Бутского и Тептярского полков общей численностью в сто семьдесят человек. Вместе с ними начальник калужского ополчения отставной генерал-лейтенант В.Ф.Шепелев приписал к нему двух офицеров: ротмистра А.Н.Чеченского и майора С.С.Храповицкого.

А.Н.Чеченский — «черкес, вывезенный из Чечни младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решительности мгновенных»¹⁰³. Умер генерал-майором.

С.С.Храповицкий — «росту менее среднего, тела тучного, лица смуглого, волоса черного, борода клином; ума делового и веселого, характера вспыльчивого, человек возвышенных чувств, строжайших правил честности и исполненный дарований как для поля сражения, так и для кабинета; образованности европейской»¹⁰⁴.

Таким образом, под началом ахтырского гусара оказалось триста человек. «Какая разница! Какая надежда! — восклицал Денис Васильевич, вспоминая дни боевой молодости»¹⁰⁵.

12 сентября. На рассвете партизаны Д.В.Давыдова атаковали перед городом Вязьмой неприятельский отряд, прикрывавший транспорт с провиантом и артиллерийскими

снарядами. «Отпор не соответствовал стремительности натиска». Успех превзошел ожидания командира: шесть офицеров и двести семьдесят рядовых сложили оружие; около ста человек были убиты на месте нападения; победители захватили тридцать две подводы обоза с продовольствием, оружием и боеприпасами¹⁰⁶.

Переночевав в Знаменском, партизанский отряд Д. В. Давыдова двинулся по направлению к столбовой Смоленской дороге и остановился на ночлег в деревне Теплуха, где пленил двух офицеров и около семидесяти человек — «без малейшего с их стороны сопротивления и почти поодиночке»¹⁰⁷.

14 сентября. Полковник И. Е. Ефремов, отправленный с тремя полками — казачьим И. И. Андрианова, первым Башкирским и Симферопольским татарским — для действий на Серпуховской дороге, встретив неприятеля у села Вышневого, «нанес ему сильное поражение», взяв в плен 500 человек.

«Таковой подвиг полковника Ефремова и бывших под его командою чинов, доказывающий рвение их к службе государя Императора, — писал Кутузов в приказе по армии, — непременно я доведу до высочайшего сведения...»¹⁰⁸

Главкомандующий слово сдержал: Иван Ефремович удостоился «высочайшего благоволения».

15 сентября. Казаки полковника В. Д. Иловайского, приписанные к отряду генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде, прикрывавшему петербургское направление, в районе деревни Давыдовки встретили и «совершенно разбили французский авангард», взяв в плен одного офицера и двести семьдесят рядовых. Остальных обратили в бегство и преследовали несколько верст, поражая пиками и саблями¹⁰⁹.

Известно, что Наполеон очень скоро отказался от мысли вести войска на Петербург, имея у себя в тылу сильную русскую армию. Это позволило Ф. Ф. Винценгероде направлять небольшие команды для действий в районе Смоленской дороги. 15 сентября казаки партии штабе-ротмистра Попова, поручика Каменнова и корнета Кутейникова из авангарда полковника И. Д. Иловайского в разных местах между Можайском и Гжатском взяли в плен семь офице-

ров и четыреста рядовых, захватили много скота и обоз с продовольствием¹¹⁰.

В этот же день у села Тербеева партизаны Д.В.Давыдова захватили «двести шестьдесят рядовых разных полков с лошадьми их, двух офицеров и двадцать фур, полных хлебом и овсом...»¹¹¹

18 сентября. Полковник С.Ф.Балабин с атаманцами, состоявшими в команде генерал-майора Ф.К.Корфа, напав у села Климово на французских фуражиров, охраняемых четырьмя эскадронами кирасир и артиллерией, разбили «оных, положи на месте до двухсот и взяв в плен восемьдесят пять человек»¹¹².

«Храбрый поступок господина полковника Балабина и неустрашимость казаков, с каковою они наносят неприятелю поражение», Кутузов довел до сведения армии, считая «своим приятным долгом отдавать достойным справедливость»¹¹³.

Штабс-ротмистр Жмурин с полуэскадронам лейб-гвардии казачьего полка из отряда Винценгероде стремительно напал на неприятеля у Волоколамска. В результате атаки восемьдесят человек были убиты на месте и сто двадцать взяты в плен¹¹⁴.

19 сентября. За два часа до рассвета Давыдов получил сообщение, что большая партия русских пленных под охраной трехсот французских солдат остановилась на ночлег в Юренева. Часть из них заперли в церкви, а остальных — в избах. Добыл эти сведения уже известный читателю урядник Крючков, который, переодевшись в крестьянский кафтан, проник в село, занятое противником. «Такой отважный поступок вызвал большое уважение к нему его товарищей», а командира поставил перед приятной необходимостью «донести о том самому светлейшему»¹¹⁵.

Денис Васильевич протрубил сбор и помчался выручать соотечественников. Опоздал. Еще до подхода партизан конвой поднял пленных и погнал их далее к Смоленску, уступив место отдыха батальонам польской пехоты. Один из них расположился в селе, а два других — в поле за церковью. Командир отряда об этом не знал и действовал согласно устаревшим данным разведки.

Между тем наступил рассвет. Давыдов собрал команду пехоты под началом отставного мичмана Храповицкого и приказал ей ворваться в село и выбить из него неприятеля. Кавалеристы неукротимого ротмистра Чеченского, поставленные на приходской площади между домами и церковью, должны были отрезать неприятелю путь к отступлению. Сам же командир с ахтырцами, донцами и тептярцами остался в резерве, расположившись скрытно около леса.

Распоряжения Давыдова были исполнены «со всею точностью». Пехотная команда Храповицкого незаметно пробралась ложиною, ворвалась в село, но вместо русских пленных и слабого их охранения оказалась среди хотя и застигнутого врасплох, но сильного неприятельского батальона. Стреляли отовсюду: из окон крестьянских изб, сараев, вдоль улицы... Герои! Поддерживая друг друга, они штыками пробили себе путь к бугским кавалеристам ротмистра Чеченского, которые протянули им руку помощи. За пять минут отставной мичман потерял убитыми и смертельно ранеными тридцать пять человек из шестидесяти¹¹⁶.

Поляки усилили огонь, надеясь продержаться до прибытия подкрепления. Давыдов «вызвал охотников зажечь избы, в коих засел неприятель». Первыми откликнулись на обращение командира двадцать пять героев Храповицкого, оставшихся в живых. «Поднялся крик ужасный, но было поздно! Видя неминуемую гибель, батальон стал выбегать из села вроссыпь. Чеченский сие приметил, ударил и взял сто девятнадцать рядовых и одного капитана в плен»¹¹⁷.

Поляки попятились и соединились со своими товарищами, которые уже шли к ним на помощь. Партизаны отступили, отправив раненых под прикрытием эскадрона тептярцев. Этим, однако, дело не кончилось. Один из разъездов, отправленных Давыдовым в сторону Вязьмы, донес, что в трех верстах от Юренева расположился артиллерийский полк неприятеля. Отряд помчался к указанному месту и без малейшего сопротивления захватил двадцать чепуху палубы и сто сорок четыре вола¹¹⁸.

Но и это не все. Едва отряд вернулся в село Покровское, как другой разъезд донес командиру, что еще одна партия русских пленных числом в четыреста человек остановилась недалеко от партизанской базы. Давыдов, наученный горьким опытом, не решился штурмовать населенный пункт, занятый пехотой. Он отправил вперед урядника Крючкова с шестью отчаянными казаками и приказал ему, «подъехав к деревне, выстрелить из пистолетов и поспешно скрыться», чтобы заставить неприятеля искать для привала место поспокойнее.

Замысел Давыдова вполне удался. Крючков и казаки, постреляв из пистолетов, тут же исчезли, но всполюшили неприятеля. Он выступил из деревни. Позволив ему отойти, партизаны бросились в атаку. Пленные помогли своим освободителям. Конвой в составе четырех офицеров и шестидесяти шести рядовых мгновенно был разоружен.

За 18 дней почти непрерывных «поисков» в районе Смоленской дороги отряд Д.В.Давыдова численностью в 300 человек пленил 15 офицеров, 908 рядовых, 36 артиллерийских палуб, 40 провиантских фур, 144 вола и около 200 лошадей¹¹⁹.

Отряд вернулся на ночлег в Покровское. Вечером Денис Васильевич, размышляя над итогами почти трех недель «малой войны», писал:

«Возвратясь после сего полууспешного поиска в Покровское, я был, по крайней мере, утешен тем, что опыт поисков, сделанных мною с первою моею командою на Смоленской дороге, обратил светлейшего к предложению моему, и легкие отряды назначены были действовать на путь сообщения неприятеля»¹²⁰.

***

Так закончился первый этап «малой войны». Успехи всех партизанских отрядов, но прежде всего Д.В.Давыдова, действовавшего с завидной целеустремленностью, подвигли М.И.Кутузова принять важное решение. 20 сентября, находясь в селе Богородицком, что на пути в Тарутино, он писал генералу П.Х.Витгенштейну:

«Поелику ныне осеннее время наступает, через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо раздельные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего, вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля»¹²¹.

21 сентября М.И.Кутузов привел армию в Тарутино и энергично занялся формированием новых партизанских отрядов: А.С.Фигнера, Н.Д.Кудашева, А.Н.Сеславина, И.Ф.Чернозубова и других.

Первую попытку добиться разрешения создать партизанский отряд Александр Самойлович Фигнер предпринял сразу после окончания совета в Филях, когда в той же крестьянской избе принял его М.И.Кутузов. Сам замысел капитана артиллерии фельдмаршал одобрил, обещая помощь и содействие. Но тем пока и ограничился. Всю первую половину сентября он воевал один или с семью такими же дерзкими бойцами, как и сам: устраивал диверсии, взрывая склады с оружием и боеприпасами, оставленными в Москве, добывал важные для командования сведения о противнике, порывался в Кремль, чтобы убить Наполеона.

Партизанский отряд А.С.Фигнера был создан сразу же по прибытии русской армии в Тарутино. Он насчитывал до трехсот добровольцев из разных полков регулярной кавалерии, сотню казаков и несколько отставных солдат и крестьян, пожелавших служить под его началом. Они творили чудеса близ Белокаменной, но по донесениям командира трудно, порой невозможно, определить вклад донцов в общий успех при осуществлении многочисленных операций.

Александр Самойлович, которого Наполеон называл «настоящим татаринном», отличался неукротимой «ал-

чностью к смертоубийству» пленных. Он приказывал убивать их сотнями, сам расстреливал и готов был взять на себя истребление всех французов, захваченных партизанами других отрядов.

Своего зятя князя Николая Даниловича Кудашева главнокомандующий отправил «разбойничать» на Серпуховской дороге. Он подчинил ему два эскадрона сумских гусар, сто егерей и казачьи полки Ивана Ивановича Жирова и Константина Ивановича Харитонова.

До 28 сентября в Тарутинский лагерь прибыли казачьи полки И.Г.Попова, А.М.Гревцова, И.Ф.Чернозубова, И.А. и И.И.Андриановых. Часть из них М.И.Кутузов использовал для создания новых партизанских отрядов, а остальные — для усиления уже действующих.

Александр Никитич Сеславин принял решение возглавить партизанский отряд сразу после отъезда из армии Михаила Богдановича Барклая де Толли, при котором состоял адъютантом. Но лишь 30 сентября ему был вручен приказ главнокомандующего, определивший его судьбу. Распечатав конверт, капитан прочел:

«Командируетесь, Ваше высокоблагородие, с партией, состоящею из 250 донских казаков старшины Гревцова и 1-го эскадрона Сумского гусарского полка, в направлении по дороге от Боровска к Москве, причем имейте в виду действовать более на фланг и тыл неприятельской армии. Неподалеку от Вас действует артиллерии капитан Фигнер с особым отрядом, с коим можете быть в ближайшем сношении. Отобранным от неприятеля оружием вооружить крестьян, отчего Ваш отряд весьма усилиться может, пленных доставлять сколько можно поспешнее, давая им прикрытия регулярных войск и употребляя к ним вдобавок мужиков, вооруженных вилами или дубинами. Мужиков ободрять подвигами, которые оказывали они в других местах, наиболее в Боровском уезде»¹²².

Фактически же А.Н.Сеславин получил не 250 казаков, а весь полк войскового старшины Алексея Матвеевича Гревцова, только что прибывший с берегов Дона¹²³.

Казаки полковника Ильи Федоровича Чернозубова, составившие самостоятельный партизанский отряд, были

отправлены сначала на правый фланг авангарда, а потом — в район Можайска для действий на коммуникациях противника.

Всего в сентябре — начале октября в летучих армейских отрядах сражалось 36 казачьих полков. Вместе с отдельными частями регулярной кавалерии и пехоты они блокировали французов в Москве. Вот что писал генерал Арман де Коленкур о положении своей армии в русской столице:

«Мы все время должны были держаться настороже... Неприятель все время тревожил наши коммуникации за Гжатском и часто прерывал их между Можайском и Москвой... В этих прелюдиях все видели предвестие новой системы, цель которой — изолировать нас. Нельзя было придумать систему, которая была бы более неприятной для императора и поистине более опасной для его интересов»¹²⁴.

Партизанское движение на этом этапе приобрело громадные размеры. Продолжу мою хронику боевых действий казаков на коммуникациях противника, не претендуя на полноту описания событий.

***

21 сентября. Винценгероде по-прежнему стоит в Пешках, его авангард — в Черной Грязи. Французы не осмеливаются появляться ни на Петербургской, ни на Дмитровской, ни на Ярославской дорогах. Но кто ищет — тот всегда находит. И сотня казаков из этого отряда нашла в Соколове и «совершенно разбила» два эскадрона кавалерии и три роты пехоты неприятеля, положив на месте сто двадцать четыре человека, в том числе командира, и взяв в плен трех офицеров и девяносто восемь рядовых¹²⁵. Остальные, очевидно, спаслись бегством.

22 сентября. Мюрат, обманутый Кутузовым, вышел наконец на след Милорадовича, отходившего к Тарутинскому лагерю. У Спас-Купли между войсками русского арьергарда и французского авангарда состоялось «дело, которое, — по убеждению главнокомандующего, — конечно,

назвать баталиею» можно¹²⁶. В нем приняли участие не только те казачьи полки, которые прикрывали фланговый маневр армии, но и те, что уже вступили на тропу «малой войны». Как развивались события?

Бою у Спас-Купли предшествовала стычка между войсками Мюрата и Милорадовича у села Вороново, где граф Орлов-Денисов, командовавший тогда всеми казачьими полками арьергарда, не только успешно выдержал натиск французской кавалерии, но и сам повел свой корпус в атаку, обратил неприятеля в бегство и гнал его более трех верст, поражая его пиками и саблями¹²⁷.

О развитии событий после выступления из Воронова поведал современникам и потомкам главный герой этого дня Орлов-Денисов.

Мюрат двинул против русских многочисленную кавалерию по проселочной дороге, ведущей на Спас-Куплю, чтобы обойти позицию и отрезать идущие туда под прикрытием донцов регулярные части арьергарда Милорадовича. Об этом движении неприятеля сообщил командиру корпуса курьер одного из казачьих полков наблюдения. Граф поднял все свои войска и устремился с ними к селу, чтобы опередить французов и встретить их при выходе из леса¹²⁸. Замысел опытного военачальника вполне оправдался.

Казачи опередили французов. Остановившись перед Спас-Куплей, Орлов-Денисов построил войска: перед выходом неприятеля из леса построил гусар; справа и слева от них — семь казачьих полков. сведенных в две бригады под командованием полковников Балабина и Сысоева; для наблюдения за большой дорогой — отряд Карпова.

Таким образом, на этом этапе в «дело, которое, конечно, назвать баталиею» можно, со стороны русских включились двенадцать полков, в том числе: два гусарских и десять казачьих, не считая того, что остался для наблюдения за движениями неприятеля.

Едва французы вышли из лесу, как на них бросились гусары, «дабы тем обратить на себя внимание» более сильного противника. В то же время казачьи полки Балабина и Сысоева ударили из засады. «Атака сия была исполнена с

такую быстроту и порядком, — писал Орлов-Денисов, — что неприятель был опрокинут и обратился в совершенном расстройстве в бегство, преследуемый более трех верст, причем понес значительные потери убитыми и пленными»¹²⁹.

Этим, однако, дело не кончилось. Казаки отошли за Спас-Куплю, где соединились с регулярными полками арьергарда Милорадовича, и остановились перед Винковом, от которого начиналась «покатость до самого Тарутинского лагеря». Дальше отступать было нельзя — запретил Кутузов. А Мюрат напирал силами всего авангарда.

Восемь донских полков Балабина и Сысоева, с которыми находился и сам Орлов-Денисов, стоявшие на правом фланге позиции, под градом картечи бросились на французов, врубившись в их ряды, привели в расстройство и гнали до самых колонн, шедших им в подкрепление. Удар «сих отважных воинов» был для неприятеля губительным, утверждал Кутузов. При этом командующий корпусом был ранен в правую ногу, но «остался в сражении до окончания всего дела»¹³⁰.

Генерал-майор Карпов с бригадой в составе трех полков, сражаясь на левом фланге, «не позволил неприятелю ничем воспользоваться и несколько раз отражал его наступление с большим ему уроном»¹³¹.

За отличие в этом бою Аким Акимович Карпов был представлен к ордену святого Владимира 3-й степени, Василий Алексеевич Сысоев произведен в генерал-майоры, полковники Иван Ефремович Ефремов, Степан Федорович Балабин, Тимофеев Дмитриевич Греков, подполковник Константин Иванович Харитонов, многие другие офицеры казачьих полков, которые «находились в делах арьергарда под жесточайшим огнем и отличились храбростью и мужеством, подавая собою пример подчиненным», удостоились «высочайшего благоволения»¹³².

Главный герой этого боя граф Василий Васильевич Орлов-Денисов не удостоился, ибо и без того был «награжден достаточно за прочие дела в течение сей кампании»¹³³.

23 сентября. Д.В.Давыдов, узнав «о кончине благодетеля» своего П.И.Багратиона, получил возможность «отдать первую почесть его праху поражением врагов». Близ Городища отряд Дениса Васильевича взял в плен пять офицеров и триста тридцать рядовых¹³⁴.

25 сентября. У селения Монино партизаны Д.В.Давыдова захватили десять артиллерийских палуб и сорок две провиантские фуры, шедшие по направлению к Гжатску под прикрытием ста двадцати шести конных егерей во главе с офицером¹³⁵.

Отряд капитана А.С.Фигнера за каких-то три дня партизанских поисков уничтожил вблизи Москвы почти все продовольствие, взорвал артиллерийский парк на Можайской дороге, привел в негодность шесть орудий, восемнадцать ящиков со снарядами, истребил до четырехсот солдат противника, взял в плен пять офицеров, в том числе одного полковника, и пятьдесят восемь рядовых¹³⁶.

По мере расширения размаха партизанского движения перед командирами отрядов ставились новые, более ответственные задачи. Вот как отразил это в журнале военных действий дежурный офицер:

«Занимаемый ныне армиею укрепленный лагерь на правом берегу Нары при Тарутино позволяет отделять от оной значущие партии, которым предписано иметь в виду не токмо истребление неприятельских мародеров и фуражиров и обеспокоивание неприятеля, но которые силою своею должны быть в состоянии наносить ему чувствительный вред, который ему в настоящее время будет тем ощутительнее, что он претерпевает сильнейший недостаток в фураже и провианте...¹³⁷

26 сентября. Главнокомандующий приказал И.С.Дорохову двигаться «через Боровск к городу Верее, где неприятель, по разным известиям, укрепился, для чего и нужно его предупредить и стараться, напав на него, разбить и разрыть все его укрепления». Для выполнения поставленной задачи М.И.Кутузов усилил отряд генерал-майора пятью батальонами пехоты, четырьмя эскадронами елисаветградских гусар, казачьими полками Д.Д.Комиссарова и Т.Д.Иловайского и присоединил к нему всю партию кня-

зя И.М.Вадбольского. По окончании операции Ивану Семеновичу разрешалось действовать по своему усмотрению¹³⁸.

Вереза, расположенная на возвышенности и обнесенная валом и палисадом, представляла собой серьезное укрепление, обороняемое батальоном вестфальцев. Но до города — два дня пути...

27 сентября. А.С.Фигнер предал огню собранные французскими фуражирами в окрестностях Плесково «большие запасы провианта в зерне и три тысячи четвертей муки», предназначавшиеся для отправки в Москву. В бою с сильным прикрытием командир потерял двух человек. «Убитых лошадей хотя и было до тридцати, но все они заменены отнятыми у неприятеля»¹³⁹.

28 сентября. Н.Д.Кудашев, получив известие, что в селе Никольском находится 2500 французских солдат, бросил в атаку три сотни казаков из полков И.И.Жирова и К.И.Харитонов. Удар был столь стремительным, что, несмотря на восьмикратное численное превосходство, неприятель был обращен в бегство. На месте осталось 100 человек убитых и 200 пленных. В рапорте на имя М.И.Кутузова командир отряда отметил неустрашимость и распорядительность офицеров своей команды. В связи с этими событиями главнокомандующий писал в приказе по армии:

«Состоящие в отряде под командою полковника князя Кудашева донские казачьи полки Жирова и Харитонова усердием и храбростью, при нападении на неприятельские отряды оказанною, примерно отличились. В награду чего жалую им в каждый полк по пяти знаков отличия Военного ордена...»¹⁴⁰

29 сентября. В пять часов утра И.С.Дорохов с отрядом переправился через реку Протву и внезапно, без выстрелов, ворвался в Верезу. Батальон вестфальцев, застигнутый врасплох, сложил оружие. Партизаны взяли в плен пятнадцать офицеров и триста семьдесят семь рядовых¹⁴¹.

Курьер, отправленный Д.В.Давыдовым в Главную квартиру, вернулся в Андреяны и привез сообщение, что М.И.Кутузов приказал усилить его казачьим полком И.Г.Попова. Это известие пришло как нельзя кстати, пос-

кольку несколько дней назад он вернул начальнику калужского ополчения В.Ф.Шепелеву команду тептярцев, когда французский губернатор Смоленщины решил очистить от партизан район дороги между Вязмою и Гжатском¹⁴².

Войсковой старшина Иван Григорьевич Попов — опытный воин, принимавший участие во всеобщем походе казаков за Кубань против черкесов, вставших под знамена шейха Мансура; отличился при штурме Измаила и в генеральной баталии у Мачина; под началом князя П.И.Багратиона совершил знаменитый марш по льду Ботнического залива и лично пленил адъютанта шведского короля генерала Левенгельма, за что был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость!» По поручению наказного атамана А.К.Денисова возглавил полк донского ополчения, первым прибывший в Тарутинский лагерь¹⁴³.

Вечером Д.В.Давыдов сообщил М.И.Кутузову, что «неприятель полками и сильными партиями тянется по Большой Московской дороге от Смоленска, препровождая как артиллерию, так и парки в немалом количестве»¹⁴⁴.

30 сентября. Казаки И.Г.Попова прибыли в село Андреевны, где располагался отряд Д.В.Давыдова. Командир писал в «Дневнике партизанских действий»:

«Сей полк, невзирая на усиленные переходы от самого Дона, представился мне в отличнейшем положении и усилил партию мою пятью сотнями доброконных казаков. Тогда я перестал опасаться нападения искавшего меня отряда и взял намерение самому атаковать его. Но прежде сего мне хотелось и наметить и натравить сии новые войска, составлявшие большую половину моей партии»¹⁴⁵.

Действительно, «большую половину»: из семисот человек казаков в отряде Д.В.Давыдова теперь было пятьсот восемьдесят.

2 октября. Выйдя из Тарутина и переночевав в Каменском, А.Н.Сеславин двинулся с отрядом по направлению к Боровску. По пути следования он испытал на стойкость молодых казаков в стычке с небольшим прикрытием французского обоза. После боя допросил пленных, и один из них сообщил, что в селе Ветюмове, на Можайской дороге,

стоят четыре кавалерийских полка, два батальона пехоты и шесть орудий дивизионного генерала Филиппа Орнано. Понятно, нельзя было и думать о поражении такого сильного противника. Поразмыслив, капитан резонно решил: вовсе не обязательно нападать на всех сразу, можно ударить по врагу, находящемуся на марше, или хотя бы только по его арьергарду, но лучше всего — совместно с соседями: И.С.Дороховым и А.С.Фигнером.

В этот день Александр Никитич узнал и сообщил главнокомандующему, что «император и гвардия находятся еще в Москве. Неприятельские фуражиры во множестве находятся... между Боровскою и Калужскою дорогами»¹⁴⁶.

3 октября. Отмахав верст шестьдесят, А.Н.Сеславин привел отряд к Ветюмову. Опоздал. Неприятель за несколько часов до прихода партизан оставил село и двинулся по направлению к Верее. И снова — в путь, в погоню!

Уже ночью партизаны настигли противника, обошли его лагерь и затаились в оврагах. А.Н.Сеславин написал записку и отправил ее генерал-лейтенанту И.С.Дорохову в Верее:

«Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что отряд Орнано под личным его командованием, состоящий из четырех полков кавалерии, двух батальонов пехоты и шести орудий, выступил с Московской дороги, из села Ветюмова, на Боровскую и идет через Фоминское, Вереею и Смоленск... Капитан Сеславин»¹⁴⁷.

Французы шли на запад. Неужели началось?

А.С.Фигнер, любивший «странствовать», в этот день подошел с отрядом к селу Вороново, где размещалась штаб-квартира/авангарда Иоахима Мюрата. Переодевшись в форму французского офицера, он миновал две конные цепи неприятеля, подъехал к мосту, отчитал часового, спросившего у него пароль, поговорил с солдатами, гревшимися у костров, выразил сожаление, что Наполеон не собирается навесить их, и благополучно вернулся к своим. О результатах разведки капитан артиллерии написал донесение М.И.Кутузову и отправил его с нарочным в Леташевку:

«Армия неприятельская стоит на прежнем месте в 15 верстах от Воронова к Калуге. В Москву недавно пошел

отряд, который должен будет прикрывать большой транспорт с провизией. В Москве еще и теперь находится вся гвардия. В Воронове стоят два пехотных полка, которые могут быть в два часа истреблены отрядом генерала Дорохова и моим, за истребление их ручаюсь головою»¹⁴⁸.

4 октября. Еще до рассвета партизаны А. Н. Сеславина вышли к заброшенной деревне, где встретили отряд А. С. Фигнера. Скоро показались французы: кавалерия, пехота, артиллерия, коляски, повозки, фуры. Казаки и гусары набросились на хвост колонны. Враг был застигнут врасплох. Он бежал, оставляя на дороге убитых и раненых. Но генерал Орнаю, услышав перестрелку, послал подкрепление. Противник стал строиться в боевой порядок. Вторая атака была столь же стремительной, как и первая. Но силы были слишком неравными, чтобы втягиваться в затяжное сражение, и командиры приказали отходить.

Остановившись на ночлег, Сеславин написал донесение Кутузову, в котором сообщил, что «при сем случае убито у неприятеля до трехсот человек», рекомендовал награждать войскового старшину Гревцова и других офицеров, поскольку «все они в непрерывных атаках оказывали благоразумие, решительность и храбрость»¹⁴⁹.

Вместе с донесением Сеславин отправил в штаб рядового 9-го гусарского полка Твитанса, взятого в плен. Его показания сыграли важную роль в определении планов русского командования.

Отряд Фигнера в этом бою взял в плен «сорок отменнейших артиллеристов и двух офицеров»¹⁵⁰.

Давыдов, разделив отряд на три части так, чтобы в каждой из них находились казаки войскового старшины Попова, в этот день предпринял «общий поиск» в районе столбовой Смоленской дороги, между Вязьмою и Семлевым. «Предприятие мое увенчалось счастливым успехом, — писал он дежурному генералу Коновницину. — Несколько стремительных атак и искусно расставленных засад, а вместе с тем храбрость всякого из нижних чинов уничтожили замыслы неприятеля, и он, обращенный со стыдом в бегство, претерпел жестокое поражение». Партизаны изрубили на месте 375 и взяли в плен 500 человек, в том числе

5 офицеров, захватили 41 фуру с сухарями и обмундированием для гусарского полка и отбили 140 волов и много лошадей, большую часть которых отдали крестьянам окрестных деревень. Из освобожденных из-под конвоя русских солдат командир сформировал и вооружил «полную роту»¹⁵¹.

Посвящение в партизаны донских ополченцев состоялось. Описывая итоги этого дня, Денис Васильевич отмечал: «В сем сложном поиске Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою составлявшим. В оном оказались казаки отличной меткости и отважности. Лучший офицер сего полка, или лучше сказать, один из отличнейших офицеров всего Донского Войска был сотник Трофим Бирюков; после него заметны были хорунжие Александр Александров и Андрей Персианов»¹⁵².

5 октября. Д.В.Давыдов пришел в Андреевны и узнал, что смоленский губернатор, решивший очистить от партизан дорогу между Вязьмою и Гжатском, разделил свой отряд на две части: одну отправил в сторону Крутого, а другую — в село Лосмино. Командир решил разбить их поодиночке.

С утра моросил осенний дождь. К вечеру отряд достиг Крутого. Передовая французская стража спала в шалашах, в них и почил навеки. Команда пехоты, созданная из освобожденных партизанами пленных, ворвалась в деревню и открыла стрельбу по окнам домов. Противник в панике бежал. Казаки пустились преследовать его.

«В сем деле мы взяли в плен одного ротмистра, одного офицера и триста семьдесят шесть рядовых. А так как по случаю ночной атаки, — писал Д.В.Давыдов, — я велел как можно менее заниматься забиранием в плен, то число убитых было не менее пленных»¹⁵³.

Отправив пленных в Юхнов и дав отдохнуть лошадям и людям, Давыдов повел отряд в Лосмино. Однако здесь застать неприятеля врасплох не удалось. Завязался бой. Вот как описал его сам командир:

«Вся партия построилась в боевой порядок и пустилась не неприятеля, стоявшего в три линии, одна позади другой. Первая линия при первом ударе была опрокинута на

вторую, а вторая — на третью. Все обратилось в бегство. Надо было быть свидетелем этого происшествия, чтобы поверить замешательству, которое произошло в рядах французов. Сверх того, половина отряда стала вверх ногами: лошади, не быв подкованы, валялись, как будто подбитые картечами; люди бежали пешком в разные стороны без обороны. Эскадрона два построилась и подвинулась было вперед, чтобы удерживать наше стремление, но при виде гусаров моих, составляющих голову резерва, немедленно обратились назад без возврата. Погоня продолжалась до полудня; кололи, рубили, стреляли и тащили в плен офицеров, солдат и лошадей; словом, победа была совершенная. Я кипел радостью! Мы оставились. Пленных было: четыреста три рядовых и два офицера, все раненные. Полковник всего отряда, как уверяли, пал на поле битвы, и с ним легло до полутора ста рядовых; прочие все рассыпались по полям и лесам или достались в добычу обывателям. В обоих сих делах с нашей стороны убито четыре, ранено пятнадцать казаков и два гусара»¹⁵⁴.

Так закончился еще один день хроники «малой войны», но не ее история, и я еще вернусь к подвигам партизан в следующей главе этой книги.

Партизаны не только истребляли фуражиров и отдельные отряды неприятеля, сопровождавшие обозы с провиантом и оружием, перехватывали почту Наполеона, но и собирали разведывательные данные о состоянии его армии. В то же время французы никак не могли «раздобыть сведения о том, что происходит в России»¹⁵⁵.

Арман Коленкур, вспоминая дни, проведенные в русской стороне, писал: «Император был очень озабочен и начинал, без сомнения, сознавать затруднительность положения, тогда как до сих пор он старался скрыть это даже от себя. Ни потери, понесенные в бою, ни состояние кавалерии и ничего вообще не беспокоило его в такой мере, как появление казаков в нашем тылу»¹⁵⁶.

Роль донцов в «малой войне» вполне осознал и оценил в приказе по армии М.И.Кутузов:

«Казачьи полки усердным, ревностным служением и оказываемою в делах противу неприятеля при всяком слу-

чае отличною храбростию заслужили справедливую похвалу. А командующий оными войсковою атаман полную мою благодарность, каковую с удовольствием сим и изъявляю»¹⁵⁷.

М.И.Кутузов, получив донесение А.Н.Сеславина с показаниями пленного гусара Твитанса и сопоставив их с другими данными, пришел к заключению, что кавалерийская дивизия генерала Ф.Орнано — лишь передовой отряд французской армии, следующей за ним. Поэтому надо ожидать удара неприятеля по левому флангу Тарутинского лагеря. Он приказал привести войска в боевую готовность. 6 октября на реке Чернишне состоялось сражение. За ним началось истребление неприятеля на заснеженных полях России...

ГЛАВА 9

«С сей минуты Россия спасена!»

1. «Это только начало, потом будет еще хуже»

«Мем долее останется в Москве Наполеон, тем вернее наша победа», — настойчиво повторял Кутузов и делал все возможное, чтобы не убить в нем надежду на мир. Но всему приходит конец. Надежда угасла¹.

В начале октября Наполеон решил оставить Москву, а Кутузов — перейти в контрнаступление. Соотношение сил изменилось в пользу русского главнокомандующего. Он имел под ружьем 120 тысяч регулярных войск и казаков и столько же ополченцев. А французский император мог противопоставить ему всего 116 тысяч человек². Первый удар намечалось нанести до прибытия корпуса маршала Виктора, который, как считали в тарутинском штабе, уже выступил из Минска на соединение с Великой армией.

В то время, когда армия Кутузова находилась в Тарутино, авангард Мюрата численностью до 20 тысяч человек беспечно располагался в шести верстах от него. Правда, правый фланг его был надежно защищен крутыми берегами Нары и Чернишни, но слева был открыт для нападения. Редкий лес с этой стороны не мог служить преградой для русской кавалерии, поскольку французы не сделали в нем даже засек и не выставили сторожевых постов. Об этом сообщил сотник Урюпинский. Он убедил начальство в возможности скрытно подвести войска к лагерю неприятеля, окружить и уничтожить его.

Граф В.В.Орлов-Денисов лично выехал на обозрение неприятельской позиции со стороны леса и, убедившись в правильности сведений, полученных от казачьего разъезда, написал донесение в штаб армии, в котором высказал мысль о нанесении удара по левому флангу французского авангарда³. Далее события развивались так.

3 октября начальник штаба русской армии Л.Л.Беннигсен предложил М.И.Кутузову «без потери времени со всеми силами атаковать стоящего против» Таругино Мюрата прежде, чем к французам подойдут подкрепления. Это необходимо сделать еще и потому, убеждал он, что Наполеон с гвардией пока находится в Москве и не сможет оказать помощь своему авангарду⁴.

План операции разработал генерал-квартирмейстер К.Ф.Толь. Его поддержали Л.Л.Беннигсен, П.П.Коновницын, К.Ф.Багговут и одобрил М.И.Кутузов. Армия должна была выступить на исходные позиции вечером следующего дня, чтобы на рассвете наброситься на спящего неприятеля. При согласованности действий атака была обречена на успех, авангард Мюрата — на истребление⁵.

Операция сорвалась на начальной стадии.

4 октября генерал-лейтенант Василий Федорович Шенелёв давал обед. «Все присутствующие были очень веселы, и Николай Иванович Депрерадович пустился даже плясать»⁶. Разошлись в 9 часов вечера. Естественно, войска не двинулись с места. Рассерженный фельдмаршал отменил атаку, бросив окружающим:

— Все просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово, и предупреденный неприятель, приняв свои меры, заблаговременно отступает⁷.

М.И.Кутузов перенес атаку на утро 6 октября. В штабе главнокомандующего силы авангарда Мюрата исчисляли «тысяч в пятьдесят»⁸. Поэтому решили бросить против него чуть ли не всю русскую армию: семь пехотных и четыре кавалерийских корпуса, казаков и даже партизан⁹.

Главная роль в осуществлении операции по плану К.Ф.Толя отводилась войскам правого крыла под командованием Л.Л.Беннигсена. Переправившись через Нару,

они должны были скрытно обойти французские позиции и нанести удар по его левому флангу. Основным силам русской армии под началом М.А.Милорадовича, с которым остался сам М.И.Кутузов, предписывалось атаковать неприятеля с фронта. Перед партизанскими отрядами И.С.Дорохова и А.С.Фигнера ставилась задача напасть на село Вороново с тыла, истребить там два пехотных полка противника и помочь наступающим соратникам отрезать пути отхода авангарду Мюрата на Спас-Куплю¹⁰.

К вечеру 5 октября фельдмаршал приехал в Тарутино. На этот раз все было готово. В назначенное время войска начали переправу через Нару.

«Смеркалось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажная; не было слышно ни шествия войск, ни движения артиллерии. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высекать огонь; лошадей удерживали от ржания; все приняло вид таинственного предприятия. Наконец, при светлом зареве огней неприятеля, показавших нам место расположения французов, колонны остановились на ночь там, откуда в следующее утро надлежало вести атаку», — писал участник Тарутинского боя генерал-лейтенант А.И.Михайловский-Данилевский¹¹.

Л.Л.Беннигсен разделил войска правого крыла на три колонны, согласованные действия которых сулили немалый успех. Но внезапного удара всеми силами одновременно нанести не удалось. К началу атаки на месте оказалась лишь конница графа В.В.Орлова-Денисова в составе десяти казачьих и пяти гвардейских полков. Пехотные корпуса К.Ф.Багговута и А.И.Остермана-Толстого заблудились во тьме ночного леса и отстали. Между тем наступал рассвет. Французский лагерь пробуждался от сна. Операция попала под угрозу провала.

Генерал-майор В.В.Орлов-Денисов, начальник личного конвоя Александра I, командир лейб-гвардии казачьего полка, с которым он прошел от Немана до Москвы, отличился в Бородинском сражении и в бою на Валутином перекрестке дорог. После отстранения М.И.Платова он возглавил донской корпус в составе арьергарда М.А.Милорадовича.

Приняв командование над корпусом, В.В.Орлов-Денисов сформировал из добровольцев донских полков отдельный эскадрон, состоящий почти исключительно из урядников, во главе с ротмистром Чеботаревым. Это была своего рода казачья команда особого назначения, которой суждено было отличиться в предстоящем бою на реке Чернишне.

Орлов-Денисов, опасаясь быть обнаруженным, не стал ждать отставших. Подняв все донские полки, он ворвался в расположение авангарда Мюрата, сметая все на своем пути. Удар был неожиданным и столь стремительным, что французы обратились в бегство. Эскадрон Чеботарева начал атаку, он же пустился и преследовать неприятеля, когда остальные казаки рассыпались по опустевшим бивакам противника.

Перед казаками предстала картина, описанная пером А.И.Михайловского-Данилевского, раненного в этом бою:

«На дымившихся очагах стояли чайники и котлы с конским отваром; кое-где видны были крупа и горох, но и следов не находилось муки, хлеба и говядины. Вина, голо-

вы сахара и другие лакомства, привезенные из Москвы, были брошены подле жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякого призрения, лежали на холодной земле. Между ними были дети и женщины — француженки, немки, польки. Около шалашей разметаны иконы... употребляемые святотатцами вместо дров. В находившихся близ неприятельского стана церквах престолы были разрушены, лики святых ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которые даже стояли в алтарях, отлашая ржанием священные стены, где искони возносились хвалебные песни Божеству»¹².

А урядники, сорок два человека из которых Орлов-Денисов отметил в рапорте Кутузову, творили чудеса. Они первые врубились в колонну французских кавалеристов, не успевших даже оседлать лошадей, опрокинули и преследовали до пехоты, прикрывавшей их батареи. Когда же неприятель остановился, чтобы перестроиться и приготовиться к атаке, «они, предупреждая его, презрев всю опасность и ужас смерти, невзирая ни на картечные, ни на ружейные залпы, бросились отчаянно на противника... множество положили на месте, а остальных в большом расстройстве гнали несколько верст»¹³.

Прошло не более часа с начала боя. Весь французский лагерь на правом берегу Чернишни оказался во власти победителей. В результате первой атаки казаков противник потерял две тысячи убитыми и пятьсот шесть человек пленными, в том числе генерала Мерже и тридцать офицеров. И трофеи были немалые: знамя кирасирского полка, взятое полковником В.А.Сысоевым, двадцать пушек и пятнадцать ящиков со снарядами¹⁴.

Потери казаков были значительно меньше: один хорунжий и двадцать два рядовых — убитыми, девятнадцать офицеров и сто двадцать шесть «нижних чинов» — ранеными¹⁵.

А бой продолжался, французы, преследуемые казаками, отступили за Рязановский овраг, по которому проходила дорога на Спас-Куплю.

Шум и звуки выстрелов на правом берегу Чернишни подняли неприятеля в той части лагеря, которая примыка-

ла к деревне Тетеринки. Французы «живо вскочили на коней; ежеминутно ожидая атаки, но таковой не последовало», ибо Багговут все еще блуждал в лесу. В это время появился Мюрат, соединявший «в себе одновременно искусство генерала, лихость обер-офицера и отвагу солдата... Собрав все, что только было под руками», он бросился к Рязановскому оврагу и остановил натиск казаков. Здесь Неаполитанский король был ранен — получил удар пикой в бедро, и только его короткий плащ... скрыл следы крови»¹⁶.

Наконец Багговут вышел из леса и, осыпаясь картечью и ядрами, устремился к деревне Тетеринки. Одним из первых выстрелов он был убит. Это вызвало замешательство в рядах наступающих. Командование взял на себя Беннигсен. Он не решился атаковать французов частью сил и приказал подождать войска третьей колонны Остермана-Толстого... Завязалась упорная борьба, но время было удушено. Воспользовавшись передышкой, Мюрат отправил свои обозы по дороге на Спас-Куплю, чтобы они не стесняли движение авангарда.

Орлов-Денисов, собрав рассыпавшиеся по французским бивакам казачьи полки, зашел в тыл противника. Положение Мюрата стало критическим. Он приказал отступать. Вслед за ним двинулись главные силы русских, но у Чернишних они были остановлены Кутузовым. На просьбы генералов разрешить им преследование неприятеля главнокомандующий недовольно ответил:

— У вас только одно на языке атаковать, а вы не видите, что мы еще не созрели для сложных движений и маневров... Ежели не умели мы поутру взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то и преследование будет бесполезно. Нам нельзя отдаляться от наших позиций»¹⁷.

Преследовали неприятеля лишь кавалерийские и казачьи полки М.А.Милорадовича и В.В.Орлова-Денисова: первые — до Воронова, вторые — до Спас-Купли, не более семи верст. К вечеру войска вернулись в Тарутино.

В этот день, 6 октября, французы потеряли 2500 человек убитыми, в том числе двух генералов, и 2000 пленными. Среди трофеев, взятых исключительно казаками, были знамя, 36 пущек, 40 ящиков со снарядами и весь обоз Мюрата¹⁸.

М.И.Кутузов и М.И.Платов лежали на ковре, когда подыхали Л.Л.Беннигсен и В.А.Сысоев со штандартом I-го кирасирского полка. Фельдмаршал встал и сделал несколько шагов навстречу.

— Генерал, — сказал он, обращаясь к начальнику войск правого крыла, — вы одержали славную победу, я должен вас благодарить, но наградит вас государь¹⁹.

Беннигсен не скрывал своего раздражения, считая, что коварный Кутузов назо ему ввел в бой лишь часть войск, чтобы «лишить его успеха в сражении, предложенном им». Он не сошел с лошади, холодно поклонился фельдмаршалу, в нескольких словах доложил о ходе дела на правом фланге атаки и, сославшись на контузию, пожелал получить несколько дней покоя...²⁰

Кутузов подошел к Сысоеву и, кивнув на французское знамя, «сказал ласковым голосом»:

— Василий Алексеевич, после тех лавров, кои вы стяжали сегодня, вам, вероятно, уже не хочется быть полковником?²¹

Через несколько дней М.И.Кутузов поздравил В.А.Сысоева с высочайшим утверждением его в звании генерал-майора, к которому он был представлен за бой у Спас-Купли. За дело же на реке Чернишне Василий Алексеевич награды не получил, хотя именно он действовал успешнее других — «способствовал отбитию десяти неприятельских орудий» из тридцати шести. Не положено: рано²².

Стоя на крыльце полуразрушенной избы, главнокомандующий приветствовал проходившие мимо войска:

— Благодарю вас именем царя и отечества!

— Ура! — дружно отвечали ему солдаты.

Шумно и весело вступали войска в Тарутинский лагерь. «Покой не шел ему на ум, — писал свидетель и участник общей радости А.И.Михайловский-Данилевский, — как будто праздновалось воскресение умолкнувшей на время русской славы»²³. Нравственное значение этой победы действительно трудно переоценить. Она подняла боевой дух русской армии и явилась «решающим толчком, заставившим Наполеона выйти из Москвы»²⁴.

Тарутинский бой был делом преимущественно казаков. Командующий войсками правого фланга армии генерал Беннигсен подчеркивал в рапорте фельдмаршалу Кутузову:

«Граф Орлов-Денисов вел себя самым блистательным образом; его храбрость делает честь российскому оружию. Он первый подал мысль обойти левое неприятельское крыло; основываясь на сделанных им обозрениях и по донесениям его о том, решился я письменно предложить Вашей светлости атаковать неприятеля»²⁵.

Л.Л.Беннигсен, представивший графа В.В.Орлова-Денисова к ордену Святого Георгия 3-й степени, утверждал даже, что «единственной причиной знаменитой сей победы» были «быстрые его действия и предприимчивость»²⁶.

Награды получили и другие участники боя на Чернишне. А.А.Карпову достался орден Анны I-го класса. О.В.Иловайскому выпал Владимир 3-й степени. Т.Д.Греков был произведен в полковники. Очередных званий удостоились многие донские есаулы и один поручик лейб-гвардии казачьего полка²⁷.

Победе над Мюратом радовались не только русские. Некий адъютант полковника Флао, узнав о поражении французов, сказал: «Это только начало, потом будет еще хуже». И предложил тост «за гибель Наполеона»²⁸.

Не ошибся «старый голландец», все сбылось: потом действительно стало еще хуже.

2. «Ваше Величество, это казаки!»

В то время, когда авангард Мюрата, преследуемый казаками донского графа Орлова-Денисова, отступал по направлению к Спас-Купле, Наполеон производил смотр войск. В полдень он узнал о поражении Неаполитанского короля. «Император тотчас решил ускорить выступление и назначил его на день раньше, чем предполагалось сначала»²⁹. С утра 7 октября Великая армия потянулась из русской столицы. Ее сопровождал огромный обоз в 10—15 тысяч повозок, в которые «были

напиханы, как попало, меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы Московского театра»³⁰. По впечатлению Сегюра, французы «походили на татарскую орду после удачного нашествия»³¹.

В Москве осталась французская дивизия под командованием маршала Эдуарда Мортье. Перед ним была поставлена задача взорвать Кремль. Император Наполеон Бонапарт не хотел «более скрывать срамоту дел своих». Но оккупантам не удалось в полной мере осуществить этот замысел. У порога русской столицы стоял отряд генерал-лейтенанта Фердинанда Федоровича Винценгероде.

Ф.Ф.Винценгероде, расположив войска своего отряда в Петровском замке, отправился в Москву, чтобы убедить Э.А.Мортье сдать город. Но у Тверских ворот он был арестован и препровожден в Кремль в качестве пленника. В ночь на 11 октября прогремели взрывы большой разрушительной силы, «но благодаря Богу соборы и Иван Великий остались целы», — доносил М.И.Кутузову генерал-майор И.Д.Иловайский, взявший на себя обязанности коменданта³². Словно сама природа восстала против варварского замысла французов: шли дожди, многие мины не сработали. К тому же завоеватели вынуждены были спешить.

Казачи Ивана Дмитриевича Иловайского, составлявшие авангард отряда Фердинанда Федоровича Винценгероде, вступили в Москву «столь скоро, что неприятель не успел еще выйти из нее, почему и оставил здесь военный госпиталь и довольно количество снарядов». При этом он потерял немало своих солдат убитыми и пленными. Преследовать отступающих пустились четыре полка: Звенигородский гусарский, Перекопский татарский и два донских — Василия Тимофеевича Денисова и Василия Дмитриевича Иловайского. Остальные остались в столице наводить порядок³³.

Как ни была обременена Великая армия награбленным добром и запасом продовольствия, Наполеону удалось скрытно вывести ее из Москвы и двинуть по направлению на Калугу. Лишь 11 октября капитан Сеславин обнаружил колонны неприятельских войск у Боровска, увидел даже

самого французского императора в окружении свиты. Гвардейский унтер-офицер, взятый партизанами в плен, рассказал:

«Уже 4 дня, как мы оставили Москву. Маршал Мортье с отрядом, взорвав кремлевские стены, присоединился к армии. Тяжелая артиллерия, кавалерия, потерявшая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием корпуса польских войск... В селе Бекасове, что в шести верстах от Фоминского, ночует корпус маршала Нея. Завтра Главная квартира императора — в Боровске. Далее направление на Малоярославец»³⁴.

Сеславин сообщил об этом генералу Дохтурову, прибывшему с корпусом для усиления партизанских отрядов, действовавших в районе села Фоминского, а тот — Кутузову.

Пытаясь убедить Францию и всю Европу, что уход из Москвы не означает отступления, Наполеон распространил очередной Бюллетень: «Время прекрасное, но должно ожидать холода в первых числах ноября и, следовательно, должно заботиться о зимних квартирах; особенно кавалерия имеет в них нужду»³⁵.

Письма Наполеона из России, адресованные жене, явно преследовали ту же цель — внушить парижанам и союзникам оптимизм и веру в несокрушимость Великой армии: «Мой друг, я в дороге, чтобы занять зимние квартиры. Погода великолепная, но она может измениться. Москва вся сожжена... Я ее покидаю и увожу гарнизон... мои дела идут хорошо»³⁶.

Наполеон дурачил современников, но был не против подурочить и потомков. Дважды поверженный и сосланный на остров Святой Елены, он утверждал, вспоминая октябрьские дни 1812 года: «Армия возвращалась в Смоленск, но это был марш, а не отступление»³⁷.

О том, как воспринял донесение А.Н.Сеславина — Д.С.Дохтурова М.И. Кутузов, поведал нам уже известный читателю майор Д.Н.Болговский. Вот что писал он в своих воспоминаниях несколько лет спустя:

«Ночь была теплая, лунная, очень быстро я достиг штаба... Коновницын, пораженный рассказом, пригласил тотчас Толя. Оба вместе, приняв записку, пошли будить фельд-

маршала, а я остался в сених. Кутузов потребовал меня к себе. Он сидел на постели в сюртуке. Чувство радости шло в глазах его.

— Расскажи, друг мой, неужели воистину Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорей, не томи сердца, оно дрожит!

Я донес обо всем, и когда рассказ был окончен, он изрек:

— Боже, Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!

Тут подал Толь ему карту, и Кутузов приказал Дохтурову не следовать, а, если можно, бежать к Малоярославцу³⁸.

В тот же час М.И.Кутузов приказал М.И.Платову немедленно «выступить со всеми казачьими полками», за исключением тех, что состояли в авангарде М.А.Милорадовича, и следовать с ними к Малоярославцу, чтобы прикрыть Калужскую дорогу до подхода основных сил русской армии³⁹.

Из Тарутино М.И.Платов выступил с пятнадцатью казачьими полками. На месте назначения, у Малоярославца, к нему должны были присоединиться еще четыре полка из корпуса Д.С.Дохтурова⁴⁰.

Вслед за полками М.И.Платова выступила армия. Ее движение замыкали казаки А.А.Карпова⁴¹.

Малоярославец — небольшой город на берегу реки Лужи, через который проходила дорога на Калугу и далее через Медынь и Юхнов на Ельню и Смоленск. Отводя армию по этому пути, Наполеон мог, конечно, убедить Францию и Европу в том, что совершает переход на зимние квартиры, а не отступление, но для этого ему был нужен успех. Большой успех.

М.И.Платов, получив предписание М.И.Кутузова следовать в район Малоярославца, выступил по назначению и на рассвете 12 октября остановился севернее города.

Корпус Д.С.Дохтурова действительно не следовал, а бежал под проливным дождем по направлению, указанному М.И.Кутузовым. Вскоре после полуночи 12 октября он подошел к Малоярославцу, уже занятому «малой частью» французского авангарда, «и без всякого отдыха вступил в

бой»⁴². Уже во время первой атаки погибли дивизионный генерал А.И.Дельзон и его братья. А у русских здесь получил тяжелую рану отважный партизанский командир И.С.Дорохов, навсегда покинувший армию. К 11 часам утра этот захолустный городишко Калужской губернии успел четыре раза перейти из рук в руки. А бой продолжался.

К Малоярославцу подтягивались главные силы Наполеона и Кутузова. В конечном счете город, восемь раз переходивший из рук в руки, остался за французами. Фельдмаршал отвел свои войска на две с половиной версты к югу и занял там новую позицию, чтобы преградить неприятелю путь на Калугу.

По словам очевидца, Малоярославец «представлял собой зрелище совершенного разрушения. Направление улиц обозначалось только горами трупов, которыми они были усеяны. Везде валялись истерзанные тела, раздавленные проехавшими по ним орудиями. Все дома обратились в дымящиеся развалины, под которыми тлели полусожженные кости»⁴³.

В восемнадцатичасовом бою французы потеряли до 5000 солдат, русские — 6665 человек⁴⁴. Оба полководца не использовали свои главные силы и не были разбиты. Но Наполеон овладел Малоярославцем, а Кутузов отступил к югу от города в готовности дать неприятелю новое сражение, о чем написал царю:

«Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего я ни под каким видом в Калугу его не пущу»⁴⁵.

А казаки, что делали они в этот день, названный главнокомандующим одним «из знаменитейших в сию кровопролитную войну»?

М.И.Кутузов — М.И.Платову,

12 октября 1812 года:

«Милостивый государь мой Матвей Иванович!

Покорно прошу уведомить меня, что Вы с сего числа соверенными Вам войсками сделали; а как я полагаю, что завтра должно быть генеральное сражение, то не оставьте пояснить Ваше мнение на сей случай.

*Князь Голенцев-Кутузов»*⁴⁶.

Как видно, и Кутузова интересовал этот вопрос. Но Платову пока нечего было сообщить главнокомандующему, ибо казаки и «в сей день, так сказать, не действовали», ограничившись наблюдением за дорогой, ведущей из Боровска в Малоярославец. Впрочем, не только они. Противники ввели в бой всего от 20 до 24 тысяч человек с каждой стороны⁴⁷. Однако русский полководец был готов возобновить сражение, а французский император колебался, хотя и понимал, что от исхода противоборства на берегу реки Лужи зависит судьба его армии. Вот как описал состояние Наполеона генерал его свиты Сегюр:

«Помните ли вы это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляется ли еще вашим глазам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной стороны, французы, ухившие с севера, которого они так пугались, с другой — у опушек лесов — русские, охранявшие дорогу на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы... Наполеон между двумя своими армиями посреди этой долины, его взгляды, блуждающие с юга на восток, с Калужской дороги на Медынскую? Обе они для него закрыты: на Калужской — Кутузов и 130 тысяч человек, со стороны Медыни он видит многочисленную кавалерию — это Платов⁴⁸.

Таким образом, казаки, не предпринимая атакующих действий, одним своим присутствием в тылу и на правом фланге разобщенной французской армии усиливали колебания Наполеона, усугубляли его «нравственное поражение», заставляли мучительно искать ответа на вопрос: что предпринять: пробиваться ли на Калугу или возвратиться в Боровск и отступать по Старой Смоленской дороге?

Городня... Небольшая деревушка под Малоярославцем, в которой остановился на ночлег французский император. После многочасового боя он собрал военный совет, чтобы выслушать мнение своих маршалов. Спорили долго. Одни предлагали атаковать Кутузова, другие — отступать по разоренной дороге и не искушать судьбу. Так и не приняв решения, Наполеон на рассвете следующего дня с неболь-

шим конвоем отправился на рекогносцировку русской позиции. Его сопровождали А.Бертье, А.Коленкур, Ж.Лористон, Ж.Мутон, Ж.Рапп...

«В течение всего 12-го октября, когда шло сражение под Малоярославцем, — писал Михайловский-Данилевский, — Платовым не сделано было наступательного движения. Раздраженный его бездействием князь Кутузов послал ему строжайшее повеление непременно произвести ночью вылазку»⁴⁹.

Возможно, Кутузов действительно был недоволен Платовым, но в документах штаба армии и походной канцелярии атамана это не нашло отражения. Однако казаки активизировали свои действия, которые имели важные последствия в дальнейшем развитии событий.

В ночь на 13 октября М.И.Платов выделил из своего корпуса два отряда под командованием генерал-майора Д.Е.Кутейникова и полковника Г.Д.Иловайского и приказал им немедленно выступить: первому — к Боровску, второму — к Медыни. Он поставил перед ними задачу «сильно действовать» на правый фланг и тыл неприятеля, не выпуская его из виду и «о всем примечательном давать знать» ему и его сиятельству князю М.И.Кутузову⁵⁰.

Сам же М.И.Платов с оставшимися при нем казаками А.В.Иловайского и егерями П.С.Кайсарова, переправившись на левый берег Лужи, взял курс на Городню. В предрассветных сумерках увидели неприятельскую артиллерию, тянувшуюся из Боровска к Малоярославцу. Полковые начальники собрались вместе и, переговорив, решили атаковать противника. Сначала донцы двигались шагом, потом рысью, наконец с гиканьем и свистом высыпали на тракт. Часть из них бросилась на орудия, другие, перескочив через дорогу, налетели на три кавалерийских взвода, стоявших неподвижно на месте. Это был конвой Наполеона, выехавшего на рекогносцировку. О событиях этой ночи М.И.Кутузову рассказал со слов атамана и по личным впечатлениям граф П.И.Апраксин. Официального рапорта Матвей Иванович не написал — не до того было. Но остались мемуары Ж.Раппа и А.Коленкура, сопровождавших императора, и журнал военных действий русской армии, составленный офицерами штаба.

«...Мы сели на лошадей в половине восьмого, чтобы осмотреть поле, где происходила битва; император ехал между герцогом Виченцским*, принцем Невшательским** и мною, — вспоминал генерал Жан Рапп. — Но едва мы покинули лачуги, где провели ночь, как заметили отряд казаков, выехавших из леса направо, впереди нас; ехали они довольно стройными рядами, так что мы приняли их за французскую кавалерию.

Герцог Виченцкий первый узнал их:

— Ваше Величество, это казаки.

— Этого не может быть, — ответил Наполеон.

А они с отчаянным криком ринулись на нас. Я схватил за поводья лошадь Наполеона и сам повернул ее.

— Но ведь это же наши!

— Нет, это казаки; торопитесь.

— А ведь и в самом деле это они, — заметил Бертье.

— Вне всякого сомнения, — добавил Мутон.

Наполеон отдал несколько приказаний и уехал, я же двинулся вперед во главе эскадрона. Нас смяли; моя лошадь получила глубокий удар пикой и опрокинулась на меня; варвары эти затоптали нас. По счастью, они заметили в некотором расстоянии артиллерийский парк и бросились к нему. Маршал Бессьер успел прискакать с конными гвардейскими гренадерами: он атаковал казаков и отбил у них фургоны и орудия, которые они увозили»⁵¹.

К этому времени наступил рассвет. Французы с ужасом обнаружили, что вся долина Лужи «кишит казаками». Откроём мемуары Коленкура. Вот что писал герцог Виченцкий:

«Если бы казаки, оказавшиеся под самым нашим носом и на один момент окружившие нас, были более решительны и ринулись бы на дорогу, вместо того чтобы с ревом рубить направо и налево... то они захватили бы нас, прежде, чем эскадроны успели бы придти нам на помощь»⁵².

*Герцог Виченцкий — Арман Коленкур, генерал и дипломат.

** Принц Невшательский — Луи Бертье, маршал, начальник Главного штаба армии Наполеона.

Но не ринулись. И не захватили. Казаки отступили, когда «большие массы войск обратились на них», и, вопреки утверждению генерала Ж. Раппа, «взяли пленных, тридцать пушек и одно знамя». «При сем случае понес огромную потерю уланский полк польской армии», — писал А. П. Ермолов⁵³.

Нет, Алексей Петрович не преувеличивал. Были и пленные, и знамя. Были и пушки, но часть из них пришлось оставить, поскольку изнуренные «неприятельские лошади не могли скоро их везти»⁵⁴. Переправить через Лужу удалось только 11 орудий.

К спешке были причины. Маршал Бессьер, прискакавший с конными гвардейскими гренадерами, попытался отбить увозимую донцами артиллерию, но засевшие в кустах стрелки 20-го егерского полка Кайсарова встретили их плотным ружейным огнем «и тем способствовали переправе пушек через реку»⁵⁵.

Как французы не сразу узнали казаков, так и казаки в сумерках наступающего дня не разглядели свиту Наполеона. Это и спасло императора от плена. По-видимому, отвлек донцов и обоз, возможностью поживиться которым, конечно же, воспользовались степные корсары Платова, о чем писал и Михайловский-Данилевский⁵⁶. Впрочем, он не жаловал наших героев и их атамана.

Наполеон, хотя и сохранил при этом спокойствие и даже обнажил шпагу с решимостью постоять за себя, но вечером того же дня «приказал гвардейскому доктору Ювану изготовить и дать ему пузырек с сильным ядом на случай опасности попасть в плен»⁵⁷. Как видно, император француз потерял веру в свою звезду...

Между тем генерал-майор Д. Е. Кутейников, дойдя до Боровска, напал на неприятеля силами своих четырех полков, разбил его, взял в плен до ста рядовых и несколько офицеров, в том числе двух полковников, захватил часть обоза с награбленным церковным серебром и документам штаба французской армии. Среди последних оказалась записка маршала Л. А. Бертье, свидетельствующая о намерении Наполеона отступить к Смоленску через Медынь, Вязьму и Ельню, чтобы миновать разоренную дорогу через Можайск⁵⁸.

Командир отряда Кутейников в рапорте на имя атамана Платова особо отметил урядника Власова, «своеручно убившего неприятельского генерала». За этот подвиг герой был произведен в очередной чин⁵⁹.

В то же время Г.Д.Иловайский, следуя по маршруту, указанному М.И.Платовым, получил сообщение от А.И.Быхалова, что он под натиском в пять раз более сильного авангарда корпуса маршала И.А.Понятовского отступает по направлению к Медыни. Командир отряда устремился на помощь товарищу. На подступах к городу он устроил засаду, поставив два своих полка в укрытиях по обеим сторонам дороги. Казаки замерли в ожидании.

Когда авангард под командованием генерала Ш.Лефевра-Денуэта, увлеченный преследованием, миновал засаду, Г.Д.Иловайский обрушился на него с флангов, а А.И.Быхалов, развернувшись, ударил с фронта, в голову колонны. Казаки отбили у поляков пять орудий с боеприпасами «и сии последние обратили на самого неприятеля и принудили его ретироваться по той же дороге от города обратно к селению Кременскому»⁶⁰. Началась безжалостная рубка бегущих.

Поляки потеряли убитыми не менее пятисот рядовых, несколько офицеров и генерала Лефевюра. Пленных было немного, но в их числе командир дивизии Тышкевич⁶¹.

Значение этой победы казаков трудно переоценить. Она убедила французское командование в невозможности обойти русскую армию на ее левом фланге и прорваться к Смоленску по местам, не истощенным войной. Осталось лишь принять решение. Оно далось императору нелегко.

Ускользнув от казаков, Наполеон вернулся в Городню, но в 10 часов утра снова выехал на рекогносцировку и довел-таки ее до конца. Вечером он еще раз созвал маршалов на совет. Сегор вспоминал:

«Наполеон сидел перед столом, опершись головой на руки, которые закрывали его лицо и отражавшуюся, вероятно, на нем скорбь.

Никто не решался нарушить этого тягостного молчания, как вдруг Мюрат воскликнул в одном из порывов, свойственных ему и способных разом или поднять настроение, или ввергнуть в отчаяние:

— Остановиться нет никакой возможности, бежать опасно, поэтому нам необходимо преследовать неприятеля. Что нам за дело до грозного положения русских и их непроходимых лесов? Я презираю все это! Дайте мне только остатки кавалерии и гвардии — и я углублюсь в их леса, брошусь на их батальоны, разрушу все и вновь открою армии путь к Калуге.

Здесь Наполеон, подняв голову, остановил эту пламенную речь, сказав:

— Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать лишь о спасении остатков армии...

Бессьер, чувствуя поддержку, осмелился прибавить:

— Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии не хватит мужества... Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

Маршал закончил свою речь, произнеся слово «отступление», которое Наполеон одобрил своим молчанием.

Ссора усиливалась... Император же, по-прежнему погруженный в задумчивость, казалось, ничего не замечал. Наконец он прервал молчание и это обсуждение следующими словами:

— Хорошо, господа, я решу сам!

Он решил отступить. Это решение было так мучительно, так оскорбляло его гордость, что он лишился чувств. Те, которые тогда ухаживали за ним, рассказывали, что донесение о новом дерзком нападении казаков... было последним и слабым толчком, который заставил императора окончательно принять роковое решение — отступить.

Замечательно то, что он приказал отступать к северу в ту минуту, когда Кутузов со своими русскими... отступал к югу»⁶².

На рассвете 14 октября Кутузов поднял армию и повел ее на юг от Малоярославца. На пути к Детчино он получил от Платова поздравление по случаю победы казаков над авангардом корпуса Понятовского. В то же время Наполеон развернул свои корпуса и двинул их к Боровску.

«Обе армии отступали одна от другой: французы — к северу, мы к югу», вспоминал декабрист В.С.Норов⁶³.

Действительно, замечательно! И, кажется, впервые в мировой истории войны противники после сражения уходили один от другого в разные стороны. Попробуй-ка определи, кто из них одержал победу под Малоярославцем? Думаю, прав был Н.А.Троицкий, признавший тактический успех за Наполеоном, а стратегический за Кутузовым⁶⁴.

То ли Понятовский не отказался от мысли прорваться к Калуге, то ли по приказу отвлекал внимание Кутузова от главной армии Наполеона, уже повернувшей к Боровску, чтобы отступить через Можайск, только на следующий день после поражения авангарда Лефевра-Денуэта отправил он из Вереи обоз в четыре тысячи повозок с провиантом под охраной значительных сил польского корпуса. Платов, получив «верное известие» об этом, приказал графу Орлову-Денисову следовать с полками Ягодина и Траилина на Медань, принять там под свое начало казаков Быхалова и Иловайского «и действовать обще с ними на неприятеля»⁶⁵.

Как выяснилось на месте, обоз прикрывали две польские дивизии, за которыми шла еще «часть войск французских»⁶⁶. Могли ли пять казачьих полков, пусть укомплектованных в Тарутино, остановить такую силу? Сомнительно.

Выходит, и через двое суток после боя у Малоярославца опасность обходного движения частей наполеоновской армии через Медынь или севернее ее сохранялась. Поэтому главнокомандующий приказал атаману усилить наблюдение за их перемещениями и одновременно направил для усиления В.В.Орлова-Денисова Нежинский драгунский полк и 26-ю пехотную дивизию И.Ф.Паскевича, поставив перед ними задачу «воспрепятствовать покушению неприятеля ... идти по дороге на Калугу»⁶⁷.

Кузузов и подумать не мог, что Наполеон добровольно откажется от генерального сражения и поведет свою армию по дотла разоренной дороге через Можайск. Поэтому, оставив село Детчино, он отошел еще дальше на юг к Полотняному Заводу, где получил возможность держать под контролем все пути на Калугу и Медынь. Но император решил не искушать судьбу и на три дня оторвался от русских.

15 октября Платов, получив донесение, что Великая армия «от Малоярославца ретируется по большой дороге, послал господина полковника Кайсарова узнать о том обстоятельно». Вскоре пришло подтверждение. Атаман снялся с места и «двинулся со всеми полками вслед за неприятелем», чтобы, «действовать на него с тыла», попросив дежурного генерала Коновницына доложить об этом главнокомандующему⁶⁸.

Кузузов выразил сожаление, что сообщение об отступлении неприятеля получил с опозданием⁶⁹. Ему стало ясно, что отход армии к Полотняному Заводу оказался бесполезным: Понятовский повернул к Верее и вступил на Старую Смоленскую дорогу; Наполеон сумел оторваться и до самой Вязьмы находился вне пределов досягаемости своих преследователей. Однако вряд ли имеет смысл одобрять или осуждать распоряжения главнокомандующего, как это делали историки и до, и после большевистского пере-

ворота в России⁷⁰. Фельдмаршал действовал сообразно обстоятельствам и той информации, которой располагал. И все-таки стратегическая инициатива перешла в его руки.

Начался период истребления и изгнания агрессора. «Воины! — взывал главнокомандующий в приказе по армии. — Потщимся выполнить сие, и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах!»⁷¹.

3. От Малоярославца до Смоленска

Наполеон, избегая столкновения с русскими, спешил пройти через разоренный край, чтобы перезимовать в Литве и весной начать новую кампанию. Не исключено даже, что в середине октября такая перспектива представлялась ему вполне реальной: он сумел на три перехода опередить Кутузова, его армия была еще достаточно сильна, она располагала запасом продовольствия. Но постепенно ситуация изменилась...

Отход Великой армии осуществлялся по одной дороге, поэтому она сразу же растянулась на несколько верст. Впереди шла гвардия, за ней — остальные войска, замыкал движение самый боеспособный корпус под командованием Даву. Потерпев поражение под Медынью, Понятовский вернулся в Верею и вместе с Мюратом выдвинулся в авангард. Из-за катастрофической нехватки лошадей отступить пришлось без прикрытия с флангов. Это значительно облегчило реализацию идеи параллельного преследования, возникшей у Кутузова еще в тарутинский период и окончательно созревшей после донесения Платова, что неприятель ретируется из Боровска в сторону Можайска⁷².

16 октября М.И. Кутузов, уведомляя П.Х. Витгенштейна о событиях под Малоярославцем, писал, что намерен нанести неприятелю «величайший вред параллельным движением» и действиями «на его операционном пути»⁷³.

Наполеон отводил свою растянувшуюся армию по Старой Смоленской дороге. С севера его подпирала бригада П.В.Кутузова, южнее следовал авангард М.А.Милорадовича и отряды В.В.Орлова-Денисова и А.П.Ожаровского, а еще левее — основные силы русских во главе с самим фельдмаршалом. На пятки французам наступали казаки М.И.Платова.

«Этот маневр был им замечательно правильно рассчитан, — пишет о русском полководце историк А.Жоини. — С одной стороны, его армия, проходя по менее опустошенной местности, терпела меньше убыли; а с другой — он держал французскую армию под постоянной угрозой обогнать ее и отрезать путь отступления. Вследствие последнего обстоятельства французская армия была вынуждена форсировать марш и двигаться без малейшего отдыха»⁷⁴.

С началом наступления противника активизировали свои действия армейские партизанские отряды. Кутузов требовал от них «употребить все средства на уничтожение неприятельских обозов и нанесение ему всевозможного вреда»⁷⁵.

Наполеон спешил прорваться к Смоленску прежде, чем достигнут и отрезут его от баз снабжения русские войска. Отходил он с такой скоростью, писал А.П.Ермолов в донесении М.И.Кутузову, «что без изнурения людей догнать его невозможно» было⁷⁶. М.И.Платов бросил в погоню бригады А.В.Иловайского и Д.Е.Кутейникова. 17 октября они сблизились с французами и уже не отставали от них ни на шаг. В то же время, выполняя приказ главнокомандующего, атаман отрядил А.А.Карпова с пятью полками в авангард М.А.Милорадовича, а сам с отрядом в четыре тысячи казаков и донской артиллерией переправился через Протву и двинулся к селу Аграфенино, где, находясь между двух дорог, ведущих из Боровска и Медыни на Верею, мог оказать в случае необходимости помощь и тем, кто наступал на арьергард Л.Н.Даву, и тем, кто преследовал сильный польский корпус И.А.Понятовского⁷⁷.

Кутузов, получив сообщение о том, что казаки настигли отступающих французов, потребовал от Платова «почитать главным предметом разрушение переправ, через которые

неприятель идти должен», чтобы «сим способом остановить его марш»⁷⁸.

Наступило время решительных действий. 18 октября генерал-майор Алексей Васильевич Иловайский, преследуя неприятеля, неожиданно атаковал его слева от дороги за Можайском и, положив на месте более пятисот человек, двинулся дальше по направлению к Колоцкому монастырю⁷⁹. На рассвете следующего дня там произошло первое крупное столкновение казаков с арьберггардом Великой армии. Командовал операцией сам атаман Матвей Иванович Платов, только что прибывший с войсками своего корпуса к месту предстоящего боя.

Арьберггард Л.Н.Даву после четырех дней форсированного марша остановился на отдых. М.И.Платов решил атаковать его силами своего корпуса в составе одного егерского и девятнадцати донских полков. В ночь на 19 октября атаман выдвинул войска на исходные позиции: на правом фланге, у высот на берегу Колочи, укрылись бригады Н.В.Иловайского и Д.Е.Кутейникова, а слева от дороги, ведущей к монастырю, — А.В.Иловайского и В.Т.Денисова; восемь орудий конной артиллерии под защитой стрелков П.С.Кайсарова должны были наступать в центре.

Удар был нанесен почти одновременно с трех сторон. «Ни отчаянное сопротивление французов, ни страшный огонь... с батареями, ими устроенных, — писал атаман главнокомандующему, — не остановил войск наших»⁸⁰.

Арьберггард маршала Даву несколько раз останавливался, чтобы укрепиться на новой позиции, но всякий раз под давлением казаков слева и справа, теснимый с тыла егерями полковника Кайсарова, вынужден был отступать. Очередную попытку он предпринял на высотах у Колоцкого монастыря, однако поражаемый умелыми действиями донских артиллеристов, обращался в бегство, бросая больных и раненых, взрывая ящики с зарядами.

«При сем случае истреблено неприятеля много, — писал Платов в рапорте Кутузову, — ибо казаки редко в плен берут, и сегодня привели с небольшим только сто» человек⁸¹.

В нашей литературе утвердилось мнение, что у Колоцкого монастыря казаки истребили два французских баталь-

она и захватили двадцать орудий⁸². Эти сведения были извлечены из донесений Платова Кутузову, написанного в то время, когда бой еще продолжался. По окончании дела он обещал сообщить подробности и представить список отличившихся. По уточненным данным, пушек оказалось на семь больше, а убитых и пленных — «множество»⁸³. Кроме того, по пути от Можайска до святой обители неприятель бросил более пятисот лошадей и сжег немало фур и повозок. Отсюда атаман предположил: «В фураже и провианте великий должен быть у него недостаток»⁸⁴.

Вспоминая события этого дня через четыре месяца, Платов рассуждал: «Едва ли изъяснить возможно ту картину ужаса, которая представилась нам с бегством неприятеля: всюду груды истребленных врагов покрывали путь наш» к Гжатску⁸⁵. За сорок лет службы царю и отечеству Матвей Иванович прошел и проскакал по дорогам войны тысячи верст. Значит, кое-что повидал. И все-таки поразился.

Атаман Платов не ошибся. Запас продовольствия, взятый французами из Москвы, действительно истощился. Частью он был съеден, а частью потерян или отбит казаками и партизанами. Вот что писал в связи с этим о положении Великой армии некий Франсуа, отступавший с арьберггардом маршала Даву по дороге, ведущей к Гжатску:

«При недостатке съестных припасов мы едим лошадей, трупы которых окаймляют нашу дорогу; но, находясь в арьберггарде, мы зачастую встречаем лишь остатки этих животных, часть которых уже съедена идущими впереди нас. Счастливец, кто может добыть себе хотя бы это!..

Солдаты, у которых нет ни ножа, ни сабли или которые отморозили себе руки, не могут воспользоваться даже и этой пищей. Однако я видел и таких, которые, либо стоя на коленках, либо сидя, словно бешеные волки, глодали эти обнаженные остовы...»⁸⁶

Испытывая жесточайшие мучения от голода и холода, отбиваясь от непрерывных атак казаков, неприятель бежал так, как ни одна армия прежде не бегала. По утверждению М.И.Платова, «никакое перо историка не в состоянии изобразить» того, что оставлял он после себя на большой дороге к Гжатску⁸⁷.

Даву предпринял отчаянную попытку закрепиться на высотах перед Гжатском, поставив на них густые пехотные колонны и устроив батареи. В лесу же, подступавшем с обеих сторон к дороге, он укрыл своих стрелков. Таким образом, маршал готов был отразить наступление казаков и с фронта и с флангов.

Платов не попался в ловушку Даву. Против укрепленной позиции французского арьергарда он поставил восемь орудий, из которых обстрелял его с фронта. В то же время слева и справа от дороги атаман пустил в обход егерей с артиллерией и казаков. Они «произвели столь сильное наступление, что неприятель... после двухчасового сражения принужден был быстро отступить». Донцы пустились в преследование, продолжавшееся до наступления темноты⁸⁸.

Точных данных о потерях Платов не сообщил. Пленных же было столько, что он оставил их обывателям для препровождения в пункты, указанные штабом Кутузова, обычно в ближайшие уездные города. Среди них оказалось немало желающих служить в русской армии. Но такой чести атаман удостоил только немцев, определив их в егерский полк Кайсарова.

Накормив людей и посадив егерей на казачьих лошадях, Платов пустился в ночь вслед за отступающим французским арьергардом. В то же время, в 8 часов вечера, в противоположную сторону поскакал курьер с пакетом, адресованным дежурному генералу Коновницыну. Атаман писал:

«...Уже несколько дней войска мои не имеют хлеба, вина и совсем не было; до сих пор питались кое-как мясом, но и сие пришло уже к концу. Я продолжаю быстрое мое движение по земле, обнаженной от всяких средств... послезавтра могу быть у Вязьмы. Дай Бог... в неприятельских магазинах... найти помощь. Иначе, не знаю, что делать...»⁸⁹

Понятно, трудности атамана Платова не шли ни в какое сравнение с проблемами маршала Даву. Но и ему было нелегко. Не хватало не только продуктов питания и вина, но и зарядов для артиллерии: в бою под Гжатском «фран-

пузскими стрелял, большей частью не по калибру» его орудий⁹¹. А Кутузов торопил, гнал вперед с главными силами корпуса, требовал выиграть хотя бы марш и наносить удары по головам отступающих колонн, беспрестанно тревожить неприятеля даже ночью⁹². Впрочем, Матвей Иванович и без того не задерживался на одном месте. Впереди была Вязьма.

К Вязьме, которую уже миновал Наполеон с гвардией, спешили отряд Орлова-Денисова и авангард Милорадовича. На один переход от последнего отставали главные силы русской армии во главе с самим Кутузовым.

21 октября к Старой Смоленской дороге со стороны Медыни подошел генерал-майор В.В.Орлов-Денисов с казачьей бригадой и «близ города Вязьмы в разных пунктах напал на разбитые полки» неприятеля, обратил их в бегство, взял одно орудие «с довольным числом ящиков с снарядами», до сорока повозок и сто тридцать пленных, среди которых оказались секретарь министра иностранных дел Франции и весь состав его канцелярии. В этом деле отличились храбростью донские начальники А.И.Быхалов и Г.Д.Иловайский, 9-й по счету в родовой иерархии⁹³.

М.И.Платов в этот день продолжал теснить арьергард французской армии и у Теплухи и Царево-Займища атаковал его малыми силами егерей. Но и в этих столкновениях неприятель потерял «множество снарядов, убитых и раненых». В рапорте главнокомандующему атаман особо отметил «труды и неусыпную деятельность» полковника В.С.Кайсарова и попросил князя М.И.Кутузова оставить его при себе⁹⁴.

На рассвете 22 октября к Старому Смоленскому тракту вышли кавалерийские корпуса Ф.К.Корфа и И.В.Васильчикова и пять казачьих полков А.А.Карпова из авангарда русской армии. Не опоздал ли М.А.Милорадович? Имел ли он реальные шансы на успех? Мог ли прибавить к венку своей славы новые лавры? Все зависело от обстановки, а она была такой.

Наполеон с гвардией уже прошел через Вязьму. Ней остановился в городе, чтобы пропустить войска и сменить деморализованный за четыре дня боев с казаками арьер-

гард Даву, находившийся в это время у села Федоровского. А между ними, с разрывом в шесть-десять верст, — корпуса Богарне и Понятовского.

Корпус М.И.Платова наседали на аррьергард Л.Н.Даву все-го в трех верстах от авангарда М.А.Милорадовича. Главные силы русской армии по-прежнему двигались параллельно Старой Смоленской дороге.

Нет, Милорадович не опоздал. Но сил у него было явно недостаточно, чтобы вступить в противоборство с тремя корпусами противника, превосходившего его авангард по численности тысяч на пятнадцать. Поэтому он решил пропустить войска Богарне и Понятовского к Вязьме, а затем отрезать аррьергард Даву и ударить с фронта и флангов при одновременном давлении казаков Платова с тыла, со стороны села Федоровского.

Начала бой регулярная кавалерия. Она вырвалась на дорогу и обрушилась на передовые части корпуса Даву. С флангов он был обстрелян из артиллерии. С тыла усилили натиск казаки Платова. К этому времени подошли пехотные дивизии из авангарда Милорадовича. Аррьергард французской армии, попавший в окружение, оказался под угрозой истребления.

Богарне и Понятовский, узнав о критическом положении Даву, повернули свои войска и устремились ему на выручку. Теперь авангард Милорадовича с двух сторон попал под обстрел неприятеля. Сойдя с дороги и заняв позицию вдоль нее, он приказал открыть артиллерийский и ружейный огонь по колоннам французов. Неся большие потери, они обратились в бегство и остановились лишь на подступах к Вязьме, пытаясь организовать сопротивление. «Но что возможно противопоставить быстрому нападению российских воинов, пламенным усердием к государю исполненных?» — риторически вопрошал Платов в реляции на имя Кутузова⁹⁵.

Из воспоминаний Ц.Ложье:

«Холод увеличивался, истощение солдат, еще ничего не евших, таково, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но тем не менее желают боя, чтобы согреться, а может быть, надеются найти смерть,

которая избавит их от этой долгой агонии. Среди командующих ими офицеров встречаются многие с рукой на перевязке или забинтованной головой. Одни ранены еще под Москвой, другие под Малоярославцем.

Все стараются поднять мужество у наиболее отчаявшихся солдат»⁹⁶

По какой бы причине французские солдаты ни желали боя, они его получили.

Корпус Платова, усиленный 26-й пехотной дивизией Паскевича, активизировал свои действия, «дабы дать время авангарду генерала Милорадовича зайти неприятелю во фланг». Атаман бросил на штурм города егерей Кайсарова. Они двинулись вперед, заняли господствующую высоту, установили на ней орудия донской конной артиллерии и меткой стрельбой из них привели противника в замешательство. Пытаясь выправить положение, французы решили атаковать русских на правом фланге. Но войсковой старшина Губкин, командовавший казачьим полком, стремительным ударом на колонну «большую часть одной положил на месте, а остальных взял в плен, действуя везде с отличным мужеством и храбростью»⁹⁷.

Успешно развивались события и на левом фланге, где на линию общего штурма выходили пехотные и кавалерийские корпуса авангарда Милорадовича, преследовавшие неприятеля вдоль Большой дороги от деревни Максимовой.

Около двух часов дня русские всеми силами пошли в атаку. «Неприятель был опрокинут, его батареи замолкли, и Вязьма занята победителями, в которую генерал-майор Паскевич с передовыми войсками первый вступил»⁹⁸. За ним ворвались в город другие пехотные дивизии и кавалерия авангарда Милорадовича, казаки Карпова и Платова, партизаны Сеславина и Фигнера, подоспевшие к началу общего штурма. Французы в беспорядке бежали к Семлеву. Прикрывал их корпус Нея, занявший место в арьергарде отступающей армии, недавно бывшей Великой.

Значительно превосходящий числом неприятель потерпел поражение, потеряв до четырех тысяч человек убитыми⁹⁹. Скольких из них лишили жизни казаки, неизвестно.

С начала контрнаступления Платов ввел свою меру ежедневных потерь врага — «множество». Ее и использовал после боя за Вязьму. Правда, среди атрибутов победы были еще знамя, три пушки, отправленные в Главное дежурство армии, и пленные. Но о пленных особый разговор...

Р. Вильсон — неизвестному,

23 октября 1812 года:

«...Много пленных приводят беспрестанно; более 1500 человек уже у нас перед глазами в самом бедственном состоянии. Мужики многих из них покупают у казаков по два рубля серебром и потом убивают... Но всего более утешительно спасение трехсот русских раненых, оставленных в церкви, которую неприятель успел только зажечь. Сей город не что иное, как груда развалин. Взирая на такое опустошение, нельзя не извинить мищения русского народа»¹⁰⁰.

По разным данным, пленных было от 2500 до 3000 человек, в том числе артиллерийский генерал Пельтье с его адъютантами и начальник штаба корпуса маршала Даву полковник Морат¹⁰¹.

В тот день, когда разворачивались события под Вязьмой, Кутузов с основными силами армии находился всего в шести верстах от города и «слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, — свидетельствовал его адъютант Левенштерн, — но, несмотря на настояния всех значительных лиц Главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя»¹⁰². Действительно, многие авторитетные участники Отечественной войны упрекали фельдмаршала в том, что он не помог Милорадовичу отрезать и уничтожить хотя бы один, а то и все три корпуса французской армии¹⁰³.

Главкомандующий не оправдывался, но, испытывая чувство горечи, свою позицию на всякий случай объяснил в письме влиятельному при дворе Евгению Александровичу Вюртембергскому, племяннику императрицы Марии Федоровны:

«Наши молодые, горячие головы сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели... наше оружие. Нельзя же нам придти на границу с пустыми руками!»¹⁰⁴.

Обстоятельства эти — голод и холод, длинные российские версты, партизаны и казаки.

От бескормиды ежедневно гибли тысячи лошадей. Но еще до Вязьмы их трупов не хватало трем четвертям голодной армии. По пути к Смоленску стали пожирать своих мертвых товарищей. «Не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого черта, будь он зажарен», — писал А. Бургонь¹⁰⁵.

Из воспоминаний Франсуа:

«Но если столько приходится страдать людям, которых пощадил климат и которым удалось ускользнуть от случайности войны, то что сказать мне о положении больных и раненых?»

Сваленные в кучу как попало, на телегах, запряженных лошадьми, падающими от усталости и голода, покидаемые на биваках и по дороге, эти несчастные умирают в конвульсиях отчаяния или сами полагают предел своим страданиям, когда у них хватает сил покончить с собой...»¹⁰⁶.

После Вязьмы стали крепчать морозы, вызывавшие страдания, быть может, более сильные, чем голод. С каждой верстой армия Наполеона теряла боеспособность, дисциплину, порядок. Внешний вид французов вызывал у свидетелей их бегства то жалость, то смех. Были среди них генералы, покрытые старыми одеялами, и солдаты — дорогами мехами, «знатнейшие офицеры, щеголявшие в женских теплых шапочках и в изорванных сапогах»¹⁰⁷.

К этим многочисленным бедствиям «следует присоединить еще сонмы казаков и вооруженных крестьян», которые, как слепни, вились вокруг отступающих колонн. Дерзость их, по свидетельству того же капитана Франсуа, доходила до того, что они пробивались сквозь расстроенные ряды французов, похищали у них ломовых лошадей и фургоны с награбленным в Москве добром. А у солдат уже не было сил противиться этим набегам¹⁰⁸. Все это замедляло движение неприятеля, ставило его под угрозу ежедневных ударов авангарда Милорадовича, корпуса Платова и армейских партизанских отрядов Давыдова, Сеславина, Фигнера и других отважных командиров, перед которыми Кутузов ставил задачу не просто выгнания врага, а полного уничтожения его на заснеженных полях России.

Французы, выбитые из Вязьмы, расположились было на высоте за городом, но в полночь снялись с места и двинулись дальше на запад. В тот же час Платов отправил за ними почти все бригады своего корпуса, а рано утром 23 октября и сам с тремя оставшимися при нем полками пустился в погоню. В этот день он дважды бросал донцов в атаку на арьергард маршала Нея и оба раза «поразил его жестоко», завалив дорогу «неприятельскими трупами» и взяв в плен более тысячи человек. Однако, чтобы не связывать себе руки и не сбиваться с темпа, оставил всех без присмотра, «полагая, что соберут их войска», вслед за казаками¹⁰⁹.

Получив известие о победе под Вязьмой, Кутузов произвел некоторую перегруппировку войск. Авангарду Милорадовича он приказал следовать по Старой Смоленской дороге и энергично атаковать неприятеля с тыла, казакам Платова и Орлова-Денисова — справа и слева от нее, стараться опередить противника и «действовать на отступающие головы его колонн, нападая во время марша и совершая беспрепятственные ночные тревоги». В то же время отрядам Давыдова и Ожаровского предписывалось выдвинуться вперед и стремиться выйти к Смоленску¹¹⁰.

Во второй половине дня арьергард Нея остановился у села Семлево, чтобы дать отдых войскам. Остатки своей утомленной конницы он сразу же отправил на фуражировку. И как только они отделились от пехоты, Платов приказал бригадам братьев Алексея и Николая Иловайских напасть на нее, что те и «исполнили с наилучшим успехом, истребив большую часть сей гвардейской кавалерии и взяв в плен довольно число». Атака была отражена артиллерией, но лошади остались голодными. Казаки, однако, не успокоились и ночью беспрепятственно, как и требовал главнокомандующий, «тревожили неприятеля выстрелами из пушек, гранатами и брансугелями»*. Утром французы двинулись дальше по Старой Смоленской дороге¹¹¹.

*Снарядами

Скоро в Семлево пришел авангард Милорадовича и после непродолжительного отдыха двинулся за отступающим корпусом Нея. Платов же, получивший приказ Кутузова, свернул вправо от большой дороги и заснеженными проселками пустился обгонять французов, чтобы обрушиться на головы их передовых колонн.

Чем дальше от армии отрывались казаки, тем большие испытывали трудности.

М.И.Платов — П.П.Коновницкому,

24 октября 1812 года:

«...У нас такая беда по недостатку хлеба, что не могу описать нужды, какую терпят военнослужащие, не имея ни малейших средств к доставлению себе оного, сколько за непрерывным занятием по службе, столько и по неимению как при большой дороге, так и по сторонам, ибо до сего в прошедшие месяцы все было забрано; в фураже также терпят нужду, но кое-как довольствуют лошадей соломою, и лошади приметно изнуряются...»¹¹²

Устали люди, изнурились лошади. Но М.И.Платов гнал казаков вперед, стараясь раньше французов выйти к Соловьевой переправе и там нанести им если не смертельный, то чувствительный удар. Отдельные бригады донского корпуса опережали атамана верст на десять и даже более. Так, И.И.Андрианов 2-й, следуя с четырьмя полками правее всех остальных, 25 октября вышел к селу Бизюкову, где обнаружил колонну неприятеля в составе полутора тысяч человек пехоты и шести эскадронов конницы, «пробиравшихся» по дороге на Духовщину. Значительное численное превосходство противника не смутило отважного командира, он атаковал его, «расстроил совершенно», положив на месте немало убитых и взяв в плен одного офицера и сто семьдесят пять рядовых. Среди трофеев были знамя и четыре ящика со снарядами. Правда, последние пришлось «поднять на воздух» — взорвать¹¹³.

Как оказалось, казаки полковника Андрианова 2-го столкнулись у Бизюкова с одним из отрядов итальянского корпуса Богарне, следовавшим по Духовщинской дороге к Витебску для усиления войск маршала Виктора, перед

которым Наполеон поставил задачу атаковать армию генерала Витгенштейна, отбросить ее за Двину и возвратить Полоцк, освобожденный русскими 7 октября.

Замысел Наполеона состоял в том, чтобы удержать в своих руках рубеж по Двине и Днепру и не позволить генералу Витгенштейну выйти в район города Борисова, где Кутузов предполагал окружить и разгромить остатки Великой армии.

26 октября Кутузов начал очередную перегруппировку войск, сдвинув авангард Милорадовича с примкнувшим к нему отрядом Орлова-Денисова с большой дороги влево и приказав Платову «с прочими казачьими полками» занять его место и преследовать противника, отступающего от Дорогобужа к Смоленску¹¹⁴. А сам фельдмаршал с главными силами приступил к осуществлению «диагонального марша» через Ельню и Красный, «чтобы пресечь путь если не всей неприятельской армии, то хотя бы ее арьергарду»¹¹⁵. Так оформился план стратегического окружения французов, первые контуры которого главнокомандующий начертал не позднее освобождения Полоцка.

Значительная роль в осуществлении этого плана отводилась Северной армии Витгенштейна. Поэтому важно было не допустить прорыва итальянского корпуса Евгения Богарне через Духовщину в район Витебска, где ожидал его маршал Клод Виктор.

Готовясь нанести поражение французам у Соловьевой переправы, Платов концентрирует свои силы, запрягает всем полкам донского корпуса, бывшим в «поисках», отходить от него далее трех верст. Несмотря на ненастную погоду, он продвигается вперед, опережает головы неприятельских колонн, нападает на них, не позволяет фуражировать и поджигать деревни и села Смоленщины.

26 октября Платов достиг Дорогобужа и там узнал от пленных, взятых казаками у Бизюкова, «что корпус вице-короля итальянского Евгения потянулся к соединению с маршалом Виктором на Витебск»¹¹⁶. Это известие, неожиданное для атамана, поставило его перед необходимостью

срочно решать, что делать: продолжать преследование основных сил Великой армии, отступавшей к Смоленску, как и приказал главнокомандующий, или повернуть на север, броситься в погоню за итальянцами, уходившими по дороге на Духовщину, и, возможно, упустить первых?

Времени для раздумий не было. Платов принял решение. Бригады генерал-майоров Дмитрия Евдокимовича Грекова и Василия Тимофеевича Денисова, усиленные шестью эскадронами новороссийских и черниговских драгун и полком егерей, только что прибывших из авангарда Милорадовича, он отправил в преследование неприятельских корпусов, отступавших через Дорогобуж к Соловьевой переправе и далее к Смоленску. А сам с оставшимися при нем казаками «взял вправо наперерез к Духовщине» и устремился за вице-королем Евгением Богарне¹¹⁷.

Из воспоминаний Е.Лабона:

«Мы продолжали продвигаться вперед, радуясь, что покинули Смоленскую дорогу, и рассчитывая, что, направляясь по другому пути, менее пострадавшему от войны, мы найдем села, где сохранялись дома и где можно будет укрыться от непогоды, что мы подкрепим там свои силы и найдем фураж для наших истощенных лошадей, но эта надежда не оправдалась... Все здесь было разорено, и казаки бродили со всех сторон, забирая в плен, раздевая и убивая всех, кто по необходимости удалялся в сторону...»¹¹⁸

Войска четвертого корпуса Е.Н.Богарне, обремененные тяжелым обозом, медленно продвигались к Духовщине. Далеко впереди с целью рекогносцировки путей шел авангард во главе с начальником Главного штаба наполеоновской армии Н.А.Сансоном. На подступах к городу он был атакован казачьей бригадой В.Д.Иловайского из отряда Ф.Ф.Винценгероде, которого сменил П.В.Голенищев-Кутузов. Неприятель был «сильно поражен». Сам генерал и более пятисот его солдат были взяты в плен и отправлены по назначению: командир — к Платову, а его подчиненные — в ближайший населенный пункт Белый.

Тем временем Платов настиг корпус вице-короля и «с помощью Божию ударил на него и разрезал на две части». Одна из них, отбиваясь от казаков, потянулась к Духовщине, а другая в крайнем беспорядке обратилась вспять, рассыпавшись по окрестным лесам.

Е. Богарне — Л. Бертье,

26 октября 1812 года:

«...Я не могу скрыть от Вашей Светлости, что после всех употребленных средств, не остается мне никакой возможности тащить за собой артиллерию мою, а потому ожидать должно, что в ней будет великая потеря; уже и сегодня многие орудия были заколочены и зарыты...»¹¹⁹

Не мог скрыть, но скрыл. Больше того, обманул, ибо орудия не зарыл и только одно заколотил. Поверженный враг потерял в этот день шестьдесят четыре пушки. «Множество» солдат противника пало на месте побоища — по точному счету оказалось шесть тысяч человек. А вот пленных, по донесению атамана, было «мало», каких-то три тысячи, ибо его герои не брали их, чтобы не связывать себе руки, «а более кололи, по обыкновению»¹²⁰.

После этого боя на лесной дороге Платов приказал полковым командирам «давать пардон неприятелю». И дело тут не столько в гуманном отношении к поверженному врагу, сколько в славе. А она зависела от количества. Поэтому атаман отказался оставлять пленных на попечение мужиков, которые «убивали их нещадно» — бывало по пятьдесят человек закапывали заживо. Он стал выделять для конвоирования сдавшихся на милость победителя особые команды, хотя это и было «сопряжено с развлечением* казаков от полков»¹²¹.

О своих потерях Платов ничего не сообщил, но «по благости божеской оных не так много» было¹²².

В бою на дороге в Духовщину особенно отличились генерал-лейтенант Андрей Дмитриевич Мартынов, полковники Максим Григорьевич Власов, Степан Евдокимович Греков, Константин Иванович Харитонов и войсковой

*Отвлечением

старшина Петр Иванович Тарасов, «который лично отнял у неприятеля знамя»¹²³.

Между тем наступил вечер. Казаки остановились на ночлег в деревне Марково. Засыпали с надеждой, что завтра итальянский корпус будет истреблен «и, ежели Бог поможет, то король Евгений не избежит плену»¹²⁴. Здесь и нашел атамана курьер, прискакавший с письмом от главнокомандующего.

М.И.Кутузов — М.И.Платову,

26 октября 1812 года:

*«Милостивый государь мой Матвей Иванович,
за штандарты, знамена и пушки много благодарствую
Вашему высокопревосходительству. Сегодня отправляю я
донесение мое государю императору о всех Ваших подвигах и
не сомневаюсь, чтобы Его Величество не удостоил всеми-
лостивейшего оных внимания, что я представлением моим
долгом поставлю подкрепить также и о производстве сына
Вашего...*

*Вашего высокопревосходительства всепокорный слуга
и князь*

Голенищев-Кутузов»¹²⁵

Итальянцам и французам было не до сна. Е. Богарне, понимая, что на следующий день придется переходить через Воль, с вечера послал туда командующего артиллерией корпуса Ж. Пуатевена с инженерами и саперами и приказал им навести мост, но поднявшаяся за ночь вода разрушила его. Людями овладело отчаяние. Оно еще более усилилось, когда к месту переправы прорвались казаки, прорубившиеся сквозь колонны дивизии генерала Ж. Брусье, прикрывавшей отступление своих товарищей. Некоторые из них с ходу выскочили на противоположный берег и стали угрожать неприятелю окружением. Вице-король решил форсировать реку вброд.

Первой вошла в студеную воду реки гвардия. За ней двинулся сам вице-король итальянский Евгений Богарне со своим штабом. Затем последовали экипажи и пушки. Несколько орудий благополучно достигли противоположного берега и даже открыли огонь по казакам, но войско-

вой старшина Иван Иванович Кирпичев, командовавший полуротой донской конной артиллерии, «искусным и скорым действием сбил неприятельскую батарею» и тем усугубил всеобщую панику¹²⁶. Офицеры распрягли лошадей, бросили повозки, фургоны, телеги и дрожки, чтобы верхом переправиться через Воль. Толпы солдат, вышедших из подчинения, кидались на них, не давая даже владельцам взять необходимые им вещи.

Адъютант вице-короля Евгений Лабом остался жив, вернулся в Париж и в 1814 году издал «Полную реляцию о походе в Россию», в которой живо описал события у деревни Ярцево на берегу Воли:

«Крики людей, переплывавших реку, ужас спускавшихся к переправе, отчаяние женщин, плач детей, наконец, уныние солдат — все это, вместе взятое, представляло такое раздирающее душу зрелище, одно воспоминание о котором заставляет содрогаться всех очевидцев...

Едва наши войска покинули берег, как масса казаков, никем более не сдерживаемая, приблизилась к этой ужасной реке, где находилось еще много несчастных, которым слабость помешала переправиться. Неприятель раздел своих пленных и оставил их лежать голыми на снежных сугробах. Мы видели, как татары делили между собой окровавленную добычу. Их жадность превысила их мужество, иначе Воль не помешала бы им добраться до нас»¹²⁷.

Как видно, Евгений Лабом был впечатлительным человеком, умеющим найти подходящие слова для выражения эмоций, вызванных «раздирающим душу зрелищем». Только вряд ли можно признать его объективным. Как в обозе отступающей армии оказались женщины и дети? Кто оставил на берегу тех, кому «слабость помешала переправиться» через Воль? Уж не мирных ли путешественников ограбили казаки и разделили между собой их багаж? На эти вопросы мемуарист не дает ответа. Почему? Стоит на своем: русские были и остаются варварами, которые не могут всевать сообразно с установленными правилами.

В бою у переправы через Воль неприятель потерял еще двадцать три пушки, «множество» убитыми и утонувшими

в реке, а пленными столько, что «за скоростью преследования верного счету им сделать» не удалось. Матвей Иванович был доволен. Он поздравил Михаила Илларионовича «с победою, и с победою редкою». Главнокомандующий отреагировал на рапорт атамана в тот же день.

М.И.Кутузов — Александру I,

27 октября 1812 года:

«Всемиловитивейший Государь!

Генерал от кавалерии Платов с некоторого времени оканзал давнюю свою ревность и действовал неутомимо при всей своей болезни. Кажется, что верх его желаний есть титул графское.

Всемиловитивейший Государь, Вашего Императорского Величества всеподданнейший

Князь Голенищев-Кутузов»¹²⁸.

28 октября авангард А.Д.Мартынова переправился через Воль и двинулся за отступающим противником, правда, достаточно размеренным шагом. На подступах к Духовщине корпус Богарне был атакован бригадой В.Д.Иловайского из отряда В.П.Голенищева-Кутузова. Неожиданное появление в тылу новых казачьих полков, недавно пленивших генерал-аншефа Сансона, вызвало смтение в рядах неприятеля. Но вице-король, сохранивший хладнокровие, построил свою твардию в каре и заставил донцов очистить дорогу в город.

Четвертый корпус французской армии вошел в Духовщину. В надежде получить новые повеления Наполеона и дать отдых уставшим войскам Богарне стал готовить город к обороне, окружив его пехотой и установив на господствующих высотах оставшиеся пушки. Сколько бы ни потерял вице-король итальянский в двух последних боях, сил у него было значительно больше, чем у А.Д.Мартынова и В.Д.Иловайского вместе взятых. До подхода М.И.Платова со всеми его полками, задержавшимися у деревни Ярцево, он мог быть спокоен. Поэтому оставим наших героев и обратимся к делам тех, кто преследовал неприятеля вдоль Старой Смоленской дороги.

***

Авангард М.А.Милорадовича, пройдя Дорогобуж, свернул влево, чтобы соединиться с основными силами армии и возглавить ее движение в обход Смоленска к Красному. Продолжили же преследование французов по Большой дороге к Соловьевой переправе отряд А.А.Юрковского и казачьи бригады А.А.Карпова и Д.Е.Грекова.

Раньше других, 26 октября, к Соловьеву вышли казачьи полки генерал-майора В.В.Орлова-Денисова, перед которыми стояла задача уничтожить переправу. Недалеко от села заметили пехотную колонну французских войск. Решили атаковать впереди идущий отряд, «дабы прорваться к назначенному пункту». Удар был неожиданным и столь стремительным, что неприятель в одно мгновение потерял до четырехсот человек убитыми. Успех казался неизбежным. Но противник получил значительные подкрепления. Прорваться и разрушить перевоз не удалось. Зато отчаянные донцы на виду почти всей армии сумели «вырвать» восемь больших палуб с зарядами для пушек, шесть повозок из обоза, одну фуру с солдатскими ранцами и сто пятьдесят пять пленных. Сами же лишились трех своих товарищей¹²⁹.

В.В.Орлов-Денисов предлагал Д.В.Давыдову принять участие в этом «поиске», но знаменитый партизанский командир отклонил предложение, сославшись на повеление М.И.Кутузова идти к Смоленску. Действительной же причиной отказа было желание сохранить самостоятельность, на которую граф все-таки посягал. Да, ахтырский гусар был честолюбив, однако в разумных пределах.

Давыдов считал, что «покушение графа Орлов-Денисова не принесло ожидаемой пользы»¹³⁰. Может быть, это и так, поскольку переправу у Соловьева уничтожить не удалось. Генерал-майор вынужден был вернуться на Ельненскую дорогу. По пути его казаки обнаружили в районе сел Клемятино и Алексеево значительные французские коман-

ды, предназначенные «для снабжения города Смоленска фуражем и провиантом», напали на них и в течение дня перебили 1500 и взяли в плен 1300 человек, захватили 400 повозок с багажом, продовольствием и вином, более 1000 кавалерийских и артиллерийских лошадей и до 200 голов рогатого скота¹³¹.

Виктор с девятым корпусом Великой армии с начала августа пребывал в Смоленске. Оставляя Москву и пытаясь прорваться к Калуге, Наполеон приказал ему выдвинуть к Ельне дивизию Бараге де Илье. Маршал выполнил высочайшее повеление и ушел на соединение с Сен-Сиром под Полоцк. Генерал увел свои войска и расположил их в Ляхове, Язвине и Долгомостье, не ведая о беспешном отступлении императора из России. Там и обнаружили их казачьи разъезды из отряда Давыдова.

Вечером 26 октября Сеславин и Фигнер соединились в Дубасищах с Давыдовым. Переговорив, решили атаковать бригаду генерала Ожеро, стоявшую в селении Ляхово. Партизаны уступали противнику по численности почти в два раза. Поэтому Денис Васильевич «предложил пригласить на удар сей графа Орлова-Денисова», отряд которого состоял из Нежинского драгунского и шести казачьих полков.

Д.В.Давыдов — В.В.Орлову-Денисову,

27 октября 1812 года:

«По встрече и разлуке нашей я приметил, граф, что вы считаете меня непримиримым врагом всякого начальства; кто без властолюбия? И я, при малых дарованиях моих, более люблю быть первым, нежели вторым, а еще менее четвертым. Но властолюбие мое простирается до черты общей пользы. Вот пример вам: я открыл в селе Ляхове неприятеля, Сеславин, Фигнер и я соединились. Мы готовы драться. Но дело не в драке, а в успехе. Нас не более тысячи двухсот человек, а французов две тысячи и еще свежих. Поспешите к нам в Белкино, возьмите нас под свое начальство — и ура! с Богом!»¹³²

На самом деле у Ожеро было не менее четырех тысяч человек.

Орлов-Денисов принял предложение, выступил на соединение с партизанами и утром 28 октября «явился на лихом коне с вестовыми гвардейскими казаками» в село Козлово, что в двух верстах от Белкино. Вдали было видно Ляхово, вокруг него биваки; время от времени показывались между избами и шалашами пешие и конные солдаты; неприятельский лагерь просыпался. Вскоре полки всех отрядов были на месте. Можно было начинать задуманную операцию.

В 12 часов дня соединенные силы армейских партизан и казаков двинулись в сторону Ляхово. Впереди шел отряд Давыдова, за ним — все остальные, держа курс наперерез дороге, ведущей из Ельни в Смоленск, чтобы преградить бригаде Ожеро отступление в Долгомостье, где находился генерал Анри Шарпантье с частью войск дивизии Бараге де Илье.

«Коль скоро начали мы вытягиваться и подвигаться к Ляхову, все в селе этом пришло в смятение, — писал Д.В.Давыдов, — мы услышали барабаны и ясно видели, как отряд становился в ружье; стрелки отделялись от колонн и выбегали из-за изб к нам навстречу. Немедленно я спешил моих казаков и завязал дело»¹³³.

Д.В.Давыдов развернул казаков И.Г.Попова на левом фланге своих стрелков для прикрытия подходивших войск соратников, а А.Н.Чеченского «с его полком послал на Ельненскую дорогу, чтобы пресечь сообщение с Язвином, где находился другой отряд неприятеля» под командованием самого дивизионного генерала Бараге де Илье. «Последствия оправдали эту меру»¹³⁴.

На помощь Д.В.Давыдову, уже вступившему в дело, прискакал А.Н.Сеславин с конной артиллерией. Установив четыре орудия на пригорке перед Ляховом, он открыл огонь по выбегавшим из него французам и повернул их обратно. Ожеро привел свои расстроенные войска в порядок и попытался отбить захваченную русскими высоту, бросив в атаку две пехотные колонны. Партизанские начальники позволили неприятелю пройти через мост и стремительным ударом кавалерии, находившейся в укрытии, отрезали ему путь к отступлению. Немногим солдатам про-

тивника удалось «проползти под топтавшими их гусарами»¹³⁵.

Партизанская артиллерия, избавленная от опасности нападения французов, открыла прицельный огонь по стеснившемуся в селе неприятелю и удачным попаданием «взорвала вдруг все их патронные ящики»¹³⁶. Ситуация стала критической. Ожеро решил прорваться в Язвино, бросив в атаку свою кавалерию, поддержанную ротой пехоты, заставшей в сараях при выходе из Ляхово. Но неукротимый Чеченский с полком своим заставил ее вернуться, а сотню стрелков сжег в их укрытиях по приказу Давыдова¹³⁷.

До сих пор отряд Орлова-Денисова не принимал участия в событиях под Ляховом. Статный, красивый граф восседал на коне и наблюдал за ходом боя. Вечером он написал донесение в штаб армии:

«Неприятель, опрокинутый во всех пунктах, искал спасения в бегстве, но, окруженный со всех сторон, отрезанный от всякого сообщения со своими, не имел в том успеха и претерпел жестокое поражение. Все поле, на котором происходило действие, покрыто его телами; стесненный отовсюду, бросился он обратно в деревню Ляхово, заняв пехотою все въезды в оную. А между тем...»¹³⁸

Ожеро оказался в блокаде. Но совсем рядом были бригады Бараге де Илье и Шарпантье, которые могли прийти к нему на помощь. Поэтому Орлов-Денисов разделил свой отряд на две части, одну из которых поставил между Язвином и Ляховом, а другую — между Ляховом и Долгомостьюем, чтобы исключить возможность прорыва противника и с востока и с запада. Окруженным же граф предъявил требование сложить оружие, пригрозив «в случае неповиновения совершенным истреблением»¹³⁹. Ультиматум не возымел действия: надежда умирает последней.

Услышав гром выстрелов, оба генерала двинули свои войска на помощь Ожеро. Первым предпринял попытку прорваться к окруженным сам командир дивизии Бараге де Илье, но, отраженный драгунами и казаками из отряда Орлова-Денисова, «принужден был возвратиться в село Язвино, где и находился в совершенной блокаде» до окончания боя»¹⁴⁰. Этим и исчерпываются сведения о событиях на Ельненском направлении.

О том, что происходило к западу от Ляхово, известно больше. Вот что запомнилось Д.В.Давыдову.

«Между тем Орлов-Денисов уведомлен был, что двухтысячная колонна спешит по дороге от Долгомостья в тыл нашим отрядам и что наблюдательные войска его, на сей дороге выставленные, с поспешностью отступают. Граф, оставя нас продолжать действие против Ожеро, взял отряд свой и немедленно обратился с ним на кирасиров, встретил их неподалеку от нас, атаковал...»¹⁴¹.

Все так и было. Впрочем, точности ради надо сказать, что драгуны и «несколько донских казаков» из отряда В.В.Орлова-Денисова по-прежнему оставались у села Язвино. Против же неприятеля, наступавшего со стороны Долгомостья, граф бросил бригаду Г.Д.Иловайского, усиленную полком А.М.Гревцова, состоявшим со времени прибытия в Тарутино под началом А.Н.Сеславина¹⁴².

Казаки в одно мгновение перебили бригаду генерала А.Ф.Шарпантье. «Не более пятидесяти человек, может быть, спаслось бегством... все пали жертвою своего упорства», отметил В.В.Орлов-Денисов в уже цитированном донесении в штаб М.И.Кутузова¹⁴³.

Смеркалось. Ляхово пылало пожарами. Стрельба продолжалась. Ожеро, узнав о поражении бригады Шарпантье, решил капитулировать. Сам генерал, шестьдесят его офицеров и две тысячи рядовых сложили оружие, «но гораздо более еще пало на месте сражения». Трофеями победителей стали обоз, пороховые ящики, транспорт с фуражом и продовольствием¹⁴⁴.

Наступила ночь. Заметно похолодало. Село горело. Победители стояли по обеим сторонам дороги. Мимо проходили пленные французы, освещенные тревожным светом пожара. Они ругали мороз, своего генерала, Россию и русских. Так закончился еще один день войны.

В.В.Орлов-Денисов — М.И.Кутузову,

28 октября 1812 года:

«...Долгом почитаю, Ваше Сиятельство, донести, что не могу довольно описать ревность и усердие господ штаб- и обер-офицеров, в сем деле находившихся; лестно было видеть,

как нижние чины следовали их примеру; кажется, что они состязались друг с другом в подвигах и друг перед другом старались показать, что они русские...»¹⁴⁵

Значение победы соединенных сил партизанских отрядов Давыдова, Сеславина, Фигнера и казаков Орлова-Денисова исключительно велико. Французская армия теперь должна была отступать без прикрытия с юга, что обрекало ее на скорую неминуемую гибель.

«Победа сия тем более знаменита, — доносил главнокомандующий императору, — что при оной еще в первый раз в продолжении нынешней кампании неприятельский корпус сдался нам»¹⁴⁶.

Кутузов преувеличил: сдался не корпус — дивизия. Наполеон негодовал. «Со времен Байлена, — кричал он, — не было примера такой капитуляции в открытом поле»¹⁴⁷. Но и противника, подобного испанцам, с тех же пор великий полководец тоже не встречал.

Поэтому надо было отступать дальше и попытаться закрепитсья в районе Вильно.

После успешной операции у Ляхово Орлов-Денисов снова должен был соединиться с авангардом Милорадовича и идти впереди него по дороге к Красному. Сеславин, усиленный партизанами Фигнера, пошел к Могилеву собирать сведения о противнике. Давыдов с той же целью отправился за Смоленск. Военные пути-дороги скоро сведут их вместе для новых важных дел. Пока же я оставлю пленителей Ожеро, чтобы вернуться под Духовщину, куда атаман Платов подтягивал полки своего корпуса с твердым намерением добить вице-короля Богарне.

***

Как известно, 27 октября Кутузов сообщил Александру I о неутомимой деятельности Платова и неодолимом желании его получить титул графа. Через два дня император подписал соответствующий указ и известил о том самого атамана. За столь короткий срок представление главно-

командующего не могло дойти до Петербурга. А это значит, что удостоился он высочайшей награды за прошлые заслуги и, может быть, первые успехи казаков после перехода армии в контрнаступление, ибо о последних, самых значительных, царь еще не знал.

29 октября Платов остановил войска своего корпуса на отдых в слободе Ольховская. Потребовав перо и бумагу, он сел за стол, чтобы написать рапорт главнокомандующему, хотя после последнего донесения, отправленного несколько часов назад с сотником Кузнецовым, ничего нового сообщить не мог. Однако же, поразмыслив, резонно решил, что лишний раз напомнить о себе тоже не вредно. И неуверенной рукой малограмотного человека с большим трудом начал полную чувства фразу:

«Донские казаки, подобные орлам, несмотря на несносную холодную и снежную погоду, с верноподданическим рвением к службе всемилостивейшего государя нашего и к защите любезнейшего отечества по повелениям ко мне вашей светлости нападают на неприятеля, поражают его на каждом шагу стремительно, что будет известно и впоследствии...»¹⁴⁸

Надо сказать, что Матвей Иванович довольно часто задумывался над тем, какой след оставят в истории его казаки, а потому считал своим долгом информировать дежурного генерала штаба армии и самого главнокомандующего о каждом значительном успехе своих воинов. К сожалению, не все его рапорты содержат важные для исследователя подробности.

Из приказа М.И.Кутузова по армии

от 29 октября 1812 года:

«...После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его.

Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы; вам ли бояться их — дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости вра-

гов. Она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается...»¹⁴⁹

Появление этого приказа было вызвано победами казаков над войсками Евгения Богарне. Готовясь к решающим боям, Кутузов стремился увлечь армию примером героев Платова.

Богарне, войдя в Духовщину, узнал, что французские войска оставили Витебск. Необходимость пробиваться на соединение с Виктором отпала. Вскоре он получил приказ Наполеона форсированным маршем идти на Смоленск. Маршал назначил выступление в ночь с 30 на 31 октября. Но несколько раньше, в 10 часов вечера, сюда подошли главные силы Платова и сразу же открыли огонь по врагу. Вице-король зажег город и поспешно стал отступать, надеясь спасти остатки своего корпуса.

Преследование продолжалось тринадцать часов. Весь путь отступления был завален трупами итальянцев. У села Звениха арьергард корпуса Богарне предпринял отчаянную попытку закрепиться, но был «поражен действиями орудий донской конной артиллерии и егерями... известного полковника Кайсарова». Неприятель потерял здесь две пушки и тысячи человек пленными. Но и Платов лишился тридцати своих воинов¹⁵⁰.

На подступах к селу Помогайлово арьергард корпуса Богарне сошел с тракта и, заняв густой лес, встретил казаков интенсивной пальбой из ружей. Полковник Кайсаров ответил огнем из орудий донской конной артиллерии и одновременно бросил в атаку четыре сотни своих егерей, выбил неприятеля из чащи и погнал его дальше. Между тем наступила ночь. Вице-король остановился, «развел огни... чтобы дать отдохнуть утомленным и изнуренным от сильного преследования своим солдатам», за которыми с флангов и тыла бдительно наблюдали их преследователи¹⁵¹.

Утром следующего дня М.И.Платов приказал Д.Е.Кутейникову идти с бригадой на соединение с генерал-майором Д.Е.Грековым, следовавшим за неприятелем, отступавшим к Соловьевой переправе, а сам с оставшимися при

нем полками двинулся вслед за остатками итальянского корпуса, нанося ему удары с флангов силами казаков, а с тыла егерями и орудиями донской конной артиллерии. Вся дорога от села Помогайлово до Смоленска, по донесению атамана, «усыпана была мертвыми телами». Пленных в этот раз оказалось немного — до четырехсот человек¹⁵².

Вечером 1 ноября Богарне вошел в Смоленск. Из трех дивизий, бывших под его началом всего неделю назад, за стенами города укрылось не более тысячи человек. Последние восемь пушек достались победителям¹⁵³. Похоже, Матвей Иванович серьезно преувеличил людские потери противника, хотя они действительно были значительными. Только вряд ли он делал это сознательно.

В тот же день генерал-майор Дмитрий Греков 1-й с бригадой, преследуя французский арьергард маршала Мишеля Нея, достиг Днепра и у переправы близ села Соловьева отбил у неприятеля две пушки¹⁵⁴.

Кутузов высоко оценил действия корпуса Платова и в докладе Александру I написал: «Велик Бог, Всемилощивейший Государь! Припадая к стопам Вашего Императорского Величества, поздравляю Вас с новою победою. Казаки делают чудеса, бьют на артиллерию и пехотные колонны. Все французы, в плен забираемые, неотступно просят о принятии их в российскую службу. Даже вчера итальянской гвардии пятнадцать офицеров приступили с тою же просьбою. Они говорят, что нет выше чести, как носить русский мундир»¹⁵⁵.

Главные силы Наполеона уже четыре дня находились в Смоленске. Император предполагал, что оторвался от преследования. Но иллюзии скоро рассеялись. Удары посыпались на него со всех сторон. Сначала пришло известие о поражении корпуса Богарне, затем последовало сообщение о пленении бригады Ожеро и поспешном отступлении остатков дивизии Бараге де Илье, наконец, он узнал о капитуляции гарнизона Витебска и неудачах Сен-Сира в боях с армией Витгенштейна за Двинск и Полоцк. Создалась реальная угроза выхода русских на основную его

коммуникацию. Кутузов мог раньше французов прибыть в Красное, точно так же как прежде в Вязьму.

«Чтобы не упал дух войска, — писал Лежен, — император делал вид, что с невозмутимостью относится к дурным вестям, — он хотел казаться нам стоящим выше превратностей судьбы и готовым ко всяким случайностям. Только это кажущееся безразличие было дурно истолковано»¹⁵⁶.

Французская армия снова двинулась на запад: 1 ноября из Смоленска выступили остатки корпусов Жюно и Понятовского, через сутки — гвардия во главе с Наполеоном. А вечером того же дня в город вошел арьергард Нея, теснимый егерями, драгунами и казаками генерал-майоров Д.Е. Грекова и В.Т. Денисова.

Казаки, преследуя неприятеля, продвигались к Смоленску. Мороз крепчал. Старейший атаман ехал в санях. Его нагнал уже известный читателю генерал-майор С.Г. Волконский. Матвей Иванович пригласил князя к себе на облучок. Вместе добрались до последнего перед городом бивака и остановились на ночлег, где Сергей Григорьевич оказался «свидетелем того, что грустно» ему было вспомнить потом. Вот о чем поведал декабрист в своих записках об этой встрече:

«Не отнимая заслуг его в эту войну, я должен сказать, что он многое упустил по невоздержанности своей. Став на бивуаке, он приказал подать себе горчичной, то есть водки, настоенной на горчице, и, выпив порядочную чарочку, огруз и заснул. Отрезвившись немного, он велел подать себе другую, опять отрезвившись, велел подать третью, но уже такого размера, что свалился, как сноп, и до утра проспал; и поэтому пропустил время к распоряжению, дал время французам беспрепятственно продолжать свое отступление и, вступив в Смоленск, захватил только отсталых, а между тем...»¹⁵⁷

А между тем, возмущался князь, освобождение Смоленска было представлено в реляциях как значительный подвиг Платова.

Вряд ли имеет смысл ставить под сомнение воспоминания честного Сергея Григорьевича: Матвей Иванович

иногда позволял себе хватить лишку. Может статься, в ту ночь после морозного и напряженного дня так и было. Только вот с оценкой князем тех событий под Смоленском можно, пожалуй, поспорить...

Утром 3 ноября все бригады Платова соединились у Смоленска и обстреляли город из орудий донской артиллерии. Под гром канонады снялся с места и пустился по дороге к Красному с остатками итальянской гвардии вице-король Богарне. За стенами древней русской цитадели остались лишь пехотные войска маршалов Даву и Нея. Необходимо было ускорить их отступление с наибольшими для противника потерями.

М.И.Платов решил действовать активно. В диспозиции, данной войскам, на правый фланг он выдвинул бригаду А.В.Иловайского, на левый — Д.Е.Грекова, а в центр — А.Д.Мартынова. В авангард всех сил вошли егеря, сотня спешенных казаков и три донских полка с большей частью конной артиллерии корпуса под общим командованием любимца атамана П.С.Кайсарова. Основные события развернулись в районах Петербургского и Московского въездов в Смоленск.

Полковник Кайсаров бросил своих стрелков в штыковую атаку на пехоту противника, прикрывавшую въезд в город с севера, и заставил ее отступить. Следом за егерями на улицы Петербургского предместья Смоленска ворвались упряжки с орудиями конной артиллерии и, лихо развернувшись, осыпали бегущих градом картечи. Ошеломленный враг стеснился у ворот крепости, ища спасения за ее стенами. И только тут нападающие «с удивлением увидели вместо предполагаемого малого арьергарда неприятельского» остатки основательно потрепанных корпусов маршалов Даву и Нея — общим числом до пятнадцати тысяч человек¹⁵⁸.

В то же время генерал-лейтенант А.Д.Мартынов, старший по званию среди равных по должности, отправил бригаду Д.Е.Кутейникова на Дорогобужскую дорогу, по которой к городу подходили последние колонны арьергарда маршала Нея. Казаки, «одушевляемые примером своих

начальников, быстро атаковали их и расстроили». Подкрепления, высланные из крепости, донцы разбили, овладели девятью французскими пушками и заняли Московское предместье Смоленска¹⁵⁹.

Тем временем в Петербургском форштадте события приняли серьезный оборот. Неприятель, успевший осознать слабость русской пехоты, двинул против нее «превосходное число своей» и после интенсивной перестрелки вытеснил ее за пределы города, заняв господствующую перед ним Покровскую гору. «Сражение началось живее прежнего»¹⁶⁰.

Ней бросил в бой две колонны пехоты, подкрепив их девятью пушками. Но и Платов предпринял ответные меры. Он усилил Кайсарова егерями I-го полка из бригады Грекова и пустил в атаку почти всех казаков Донского корпуса. Неприятель был поражен, опрокинут и отброшен на правый берег Днепра¹⁶¹. Весь путь отступления французов, по свидетельству современника, был завален их трупами¹⁶². Так что Матвей Иванович, похоже, успел и выспаться, и опохмелиться, и распорядиться.

«Перепалка продолжалась до самой ночи. Потеря неприятельская весьма велика, — доносил Платов Кутузову, — с нашей же стороны убито и без вести пропало 20 егерей и один казак, а ранено казаков 8, егерей 9 человек»¹⁶³.

4 ноября покинули город остатки корпуса маршала Даву. Платов же, призвав корпусного священника, приказал ему отслужить перед смоленскими святыми церквями благодарственный молебен всемогущему Богу с пушечной пальбой и криками «ура!» за здоровье Государя Императора.

В ночь на 5 ноября Смоленск оставил арьергард Ней, но прежде маршал распорядился сжечь город и разрушить наиболее значительные здания, стены и башни Королевской крепости. Начались «многоместные пожары». После полуночи прогремели первые взрывы. «Три тысячи пленных французов, смотревших на это позорище, стоя на коленях, в оцепенении, сложа ладони перед грудью, возопили:

— Горы и холмы, падите на нас и скройте от лица Судящего наше срамное геройство»¹⁶⁴.

Перед тем как пуститься в погоню за отступающим противником, Матвей Иванович Платов назначил комендантом Смоленска майора Александра Захаровича Горихвостова, подчинив ему героический 20-й егерский полк и сотню донских казаков, особо отличившихся при освобождении города и больше других уставших. Но их командира Паисия Сергеевича Кайсарова атаман оставил при себе, ибо очень ценил его за «отличную храбрость и способности к действиям»¹⁶⁵.

Утром 5 ноября вслед за отступающим арьергардом маршала Нея двинулся к Красному казачий корпус атамана Платова.

ГЛАВА 10

Агония и гибель Великой армии

1. «Вот еще победа!»

В то время, когда реорганизованные в Смоленске французские войска покидали город, главные силы русской армии продолжали осуществлять «диагональный марш» от Вязьмы через Ельню на Красный, где Кутузов надеялся отрезать и «заставить сдать» хотя бы один из корпусов противника. Судя по всему, на большее он не рассчитывал, коль решающее поражение неприятелю задумал нанести у Борисова на Березине, куда должны были подойти Витгенштейн и Чичагов: первый с севера, второй с юга.

3 ноября казаки Орлова-Денисова и партизаны Давыдова, опережавшие авангард Милорадовича, вышли к большой дороге, по которой к Красному тянулись остатки Великой армии. Стремительной атакой они рассеяли одну из колонн корпуса Жюно, почти беспрепятственно затоптали, изрубили и закололи на месте не менее тысячи человек, отбили четыре пушки, взяли в плен трех генералов — Альмераса, Бюрта и Матушевича, — двадцать офицеров и более четырехсот рядовых¹.

Развитие событий этого дня описал Д.В.Давыдов:

«Наконец подошла Старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Это было уже гораздо за полдень... Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя бы одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не

забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, Бог знает для чего при армии влачившаяся, то как передовая, так и следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы со столь малым уроном, каковой они потерпели...

Я как теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейб-гвардии казачьего полка. Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки бросались к самому фронту, — но все было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоня нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вояком круг них безуспешным рыцарством...

Гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбацкими лодками»².

Как видно, и годы спустя Денис Васильевич сохранил в душе своей чувства восхищения гордым противником и раздражения, вызванного бездействием русской армии и ее авангарда. Правда, к вечеру того же дня Милорадович подошел к большой дороге и открыл артиллерийский огонь по арьергарду Старой гвардии, уже отрезанному от нее казаками Орлова-Денисова и Давыдова. При этом было отбито шесть пушек и взято в плен до двух тысяч французов. Но Наполеон беспрепятственно проследовал к Красному.

Через три дня Кутузов сообщил Александру I, что авангард Милорадовича имел «третьего числа поверхность над неприятельскою гвардиею, тянувшеюся от Корышны к Красному»³. Не берусь утверждать, что Главнокомандующий сознательно вводил Государя в заблуждение.

В.В.Орлов-Денисов — М.И.Кутузову,

2 ноября 1812 года:

«Боль в груди, издавна продолжающаяся, обессилила меня наконец до такой степени, что я с прискорбием должен про-

сить позволения сдать отряд старшему и уволить меня для удобнейшего пользования болезни в какое-нибудь место покойнее»⁴.

А.П.Ермолов усомнился в болезни В.В.Орлова-Денисова и объяснил его просьбу об увольнении в отпуск тем, что заслугу капитуляции бригады Ожеро в селе Ляхово М.И.Кутузов разделил между начальниками всех четырех отрядов, «а не одному ему приписал успех». Алексей Петрович утверждал даже, что Василий Васильевич воспринял это как «оскорбление» и не скрывал «своего негодования»⁵. Не исключено, что так оно и было. Как генерал-адъютант императора граф вполне мог претендовать на роль вестника победы. Но главнокомандующий отправил в Петербург А.С.Фигнера, который, по словам Д.В.Давыдова, сумел убедить «светлейшего, что он единственный виновник сего подвига»⁶. Как видно, и Денис Васильевич не был доволен выбором фельдмаршала.

После неудачной попытки остановить Старую гвардию Наполеона на пути к Красному Орлов-Денисов повторил свою просьбу. Возможно, такая настойчивость была своеобразной реакцией на бездействие Главной армии и ее арьергарда в условиях, когда казаки по существу не выходили из боев. Кутузов согласился предоставить графу отпуск, но счел необходимым переговорить с ним, прежде чем отправить его лечиться. Встреча эта состоялась, но о чем шла речь, неизвестно⁷. Может быть, Василий Васильевич и в самом деле долго хворал. Только уж очень скоро поправил свое здоровье — через неделю вернулся и вступил в командование отрядом.

Узнав, что недалеко от Красного, в селе Кутьково, расположился отряд А.П.Ожаровского, Наполеон послал против него дивизию Молодой гвардии. Докладывая М.И.Кутузову об этом нападении, Адам Петрович писал: «Быстрое стремление столь превосходных сил в ночное время не только не привело нас в замешательство, но даже было принято свойственно российским войскам с совершенным порядком и духом»⁸. Рапорт этот сегодня может вызвать чувство гордости за деяния предков, если отнести к нему с доверием. А этого он не заслуживает.

А.П.Ожаровский потерпел страшное поражение. Это, по мнению Д.В.Давыдова, было «справедливое наказание за бесполезное удовольствие глядеть на тянувшиеся неприятельские войска и после спектакля ночевать в версте от Красного». При этом он потерял половину своих людей⁹.

А.П.Ермолов, в осведомленности которого сомневаться вообще не приходится, писал: «Молве о случившейся неудаче старались придать желанное направление, что впрочем, не препятствовало самим подробностям сделаться известными. Государю описано было происшествие с выгоднейшим истолкованием, и все остались довольными!»¹⁰

Ну, право же, как можно было сообщить государю правду об этом «происшествии» рядом с неправдой о победе, якобы одержанной в тот же день над неприятельской гвардией, в то время как побит был лишь авангард, прикрывавший ее отступление.

В отряде генерал-майора Ожаровского, кроме прочих, было и два донских полка. Сколько своих товарищей потеряли казаки при нападении французов на Кутьково, неизвестно.

Заставив Ожаровского отступить в Палкино, Наполеон открыл своим войскам путь на Оршу и сразу отправил туда корпуса Жюно и Понятовского. Сам же с гвардией остался в Красном ожидать подхода маршалов Богарне, Даву и Нея, которые, преодолевая невероятные трудности, медленно продвигались на соединение с императором.

Из воспоминаний Пасторе:

«Холод был жесточайший; дорога, плохо содержимая и в обыкновенное время, была еще более разрушена дождем и снегом. От недостатка фуража и утомления погибла или по меньшей мере выбилась из сил большая часть наших лошадей... Восклицания, ругательства, звуки ударов, окрики караульных офицеров, не достигавшие никакой цели, вопли тех, кто метался без толку, довершили картину ужасающего беспорядка. Движение вперед совершенно прекращалось, обозную стражу разгоняли силой, и быстро появлялись казаки, никогда не терявшие нас из виду, устанавливали маленькие чушки без лафетов, которые они возили с собой в санях, гнали в галоп все, что еще могло скакать, остальное жгли,

а солдат, пытавшихся защищать, поражали ударами пика. Это происходило с нами у каждого оврага, в частности же у оврага, перерезывающего дорогу под самым Красным. В этом месте была взята в плен, пожалуй, четвертая часть нашего обоза, и то не было единственным испытанным нами несчастьем. Нас ожидали более тяжелые потери...»¹¹

4 ноября наступило время действовать арьергарду Милорадовича. Во второй половине дня у села Мерлина он нанес поражение корпусу Богарне, отбив у него все семнадцать пушек, полученных в Смоленске, обозы и взяв в плен более двух тысяч человек. Вице-королю удалось привести в Красный лишь малую часть своих войск.

5 ноября М.И.Кутузов предполагал нанести неприятелю решающий удар, чтобы отрезать и «заставить сдаться» хотя бы один из корпусов противника. Готовясь к нему, он сформировал из самых боеспособных частей главной армии две колонны под командованием А.П.Тормасова и Д.В.Голицына. В осуществлении этого плана большая роль отводилась так же авангарду М.А.Милорадовича, который от самой Вязьмы фактически не принимал участия в военных действиях, ибо следовал за отрядом В.В.Орлова-Денисова.

Колонну А.П.Тормасова М.И.Кутузов направил в обход Красного через Сидоровичи и Сорокино к селу Доброму, чтобы отрезать неприятелю путь отступления на Оршу. Возглавил движение сильный авангард в составе егерского, Мариупольского гусарского, Нежинского драгунского и восьми казачьих полков из отряда В.В.Орлова-Денисова и А.П.Ожаровского под общим командованием Г.В.Розена¹².

Авангард М.А.Милорадовича в составе двух пехотных и одного кавалерийского корпусов, располагаясь скрытно у деревни Мерлино, должен был пропустить войска Даву к Красному и атаковать его с тыла¹³.

Основная тяжесть боя с гвардией Наполеона в силу сложившихся обстоятельств падала на колонну князя Д.В.Голицына в составе пехотного корпуса и кирасирской дивизии, наступавших на Красный с юга, со стороны деревни Уварово¹⁴.

Бой начался на рассвете. Французскими войсками командовал сам Наполеон. Он вышел «твердой поступью, как в дни больших парадов, и встал впереди, среди поля сражения»¹⁵. Было холодно. Император, одетый в шубу и меховую шапку, опираясь на березовый сук, обозревал русскую позицию, занимаемую пехотой и кирасирами Голицына.

Еще вчера, когда Кутузов планировал «поражение неприятеля», он был уверен, что ему придется иметь дело лишь с корпусами Богарне, Даву и Нея, которых он предполагал разбить по очереди. Появление гвардии Наполеона у деревни Уваровой было для него полной неожиданностью. Больше того, фельдмаршал решил, что в Красном остались также войска Жюно и Понятовского. Не надеясь на слабые силы Голицына, главнокомандующий вернул назад колонну Торماسова, не успевшую еще уйти по назначению к Доброму.

Наполеон увидел русских перед собой, слева и справа от себя, казалось, готовых окружить его гвардию. Голицын открыл артиллерийский огонь из орудий, установленных на высоте правого берега Лосминского оврага, сея смерть в рядах неприятеля.

«Пока мы подвергались таким образом неприятельскому огню и наши силы убывали вследствие множества убитых, — вспоминал Бургонь, — мы заметили позади и немного влево остатки армейского корпуса маршала Даву среди тучи казаков...»¹⁶

Корпус Даву, попав под огонь артиллерии авангарда Милорадовича, бегом устремился к Красному. Когда он миновал деревню Еськово, в тыл ему ударили казаки А.А.Карпова, о которых и писал Бургонь. Ища спасения, задние колонны отважного маршала свернули вправо от дороги и попытались через лес прорваться на соединение с Наполеоном. Во время этой атаки донцы отбили знамя, тринадцать пушек и взяли в плен более тысячи человек¹⁷.

Наполеон, стремясь облегчить положение корпуса Даву, бросил против войск Голицына гвардейский вольтижерский полк. Встреченный градом картечи и атакой кирасиров, он отступил и построился в каре в намерении держаться.

«Едва успели они это сделать, как неприятельская кавалерия бросилась к ним, чтобы прорваться сквозь их ряды, — продолжал Бургонь, — кирасирам удалось смять наш полк... Несчастные вольтижеры, почти все молодые солдаты, имея большею частью отмороженные руки и ноги, не могли владеть оружием для защиты и почти все были изрублены... Всего одиннадцать человек вернулось»¹⁸.

Опасаясь окружения и истребления остатков армии, Наполеон приказал гвардии отступать по дороге на Оршу, а сам со свитой поскакал в том же направлении проселками. Замыкал отход неприятеля из Красного основательно потрепанный корпус маршала Даву.

Из воспоминаний Бургоня:

«Момент, когда мы покидали поле сражения, был ужасен и печален; наши бедные раненые, видя, что мы их покидаем на поле смерти, окруженных неприятелем, в особенности солдаты 1-го вольтижерского полка, у большинства которых ноги были раздроблены картечью, с трудом тащившись за нами на коленях, обагрив снег своей кровью; они поднимали руки к небу, испуская раздирающие душу крики и умоляя о помощи, но что могли мы сделать? Ведь та же участь ежеминутно ожидала нас самих; отступая, мы принуждены были оставлять на произвол судьбы всех, кто падал в наших рядах»¹⁹.

Когда гвардия Наполеона стала отходить от Красного, Кутузов приказал Тормасову как можно быстрее продвигаться к Доброму, но догнать французов было почти невозможно. Правда, казакам из авангарда Розена удалось нанести сильный удар по колонне, замыкавшей отступление корпуса Даву, в результате которого дивизия Дитерихса прекратила существование.

В этот день Наполеон понес огромные потери. На подступах к Красному и при выходе из него были истреблены целые колонны некогда Великой армии. В плен сдались два генерала, пятьдесят восемь офицеров и более девяти тысяч рядовых. Трофеями победителей стали жезл маршала Даву, три знамени и семьдесят пушек²⁰.

Наполеон с гвардией остановился в Лядах. Кутузов с войсками Тормасова расположился на ночлег в Добром,

Голицын и Милорадович — между Красным и Лосминским оврагом, куда со стороны Смоленска должен был подойти корпус Нея.

Адъютант главнокомандующего Михайловский-Данилевский писал: «К нашим бивакам всю ночь подходили бродившие по снегу неприятели, вымаливая кусок хлеба и место подле огня. С некоторого времени наши часовые уже не обращали никакого внимания на бродяг, в полном смысле слова наводнявших все окрестности. Они шатались, как голодные звери, подбирая объедки, кости, замерзших птиц и всякую падаль»²¹.

Поспешным бегством из-под Красного Наполеон обрек на истребление корпус Нея, которому предстояло теперь без какой-либо поддержки пробиваться через мощный заслон русских войск.

В ночь на 5 ноября Нея выступил из Смоленска. Следом за ним двинулись бригады генерал-майоров Д.Е.Грекова и В.Т.Денисова в составе шести эскадронов драгун и шести донских полков, «коиными в продолжении преследования... отбито у неприятеля» сто пушек и взято «большое число пленных»²². Думаю, что значительную часть этих орудий французы оставили близ дороги из-за нехватки лошадей, а казаки подобрали их и включили в добытые ими трофеи. Впрочем, это свидетельствует лишь о состоянии армии Наполеона, утратившей былую боеспособность под ударами русских войск.

К вечеру арьергард Нея дошел до Корытни и там заночевал. На рассвете следующего дня он снова двинулся в путь. В три часа казаки донесли о приближении французов. Головы их колонн вошли в Лосминский овраг, не заметив из-за тумана стоящих перед ними русских батарей. Залпом из сорока орудий и штыками солдат лейб-гвардии уланского и Павловского гренадерского полков из бригады И.Ф.Паскевича неприятель «был с поля сражения сбит и рассеян по лесам». Казаки А.А.Карпова и кавалерия Ф.К.Корфа преследовали и убивали бегущих нещадно²³.

Около пяти часов Нея бросил в атаку только что подошедшую дивизию Ледрю, приказав ему победить или уме-

реть. Встреченный огнем двадцати четырех орудий и окруженный казаками и регулярной кавалерией, французский генерал не стал искушать судьбу. Двенадцать тысяч человек предпочли плен неминуемой смерти и сложили оружие. Двадцать семь пушек, обоз и казна достались победителям. «Место сражения было покрыто горами неприятельских трупов»²⁴.

В то время, когда Ледрю бросал своих изнуренных трудным отступлением воинов под картечь русских пушек, Ней с остатками дивизии Раву под покровом наступившей ночи пробирался к Сырокоренью, надеясь перейти там Днепр. Его настиг отряд полковника Степана Чернозубова. Казаки отбили у неприятеля восемь пушек, взяли много пленных, но самого маршала и часть его людей упустили. Французы наладили переправу через полыньи и, оставив близ села пушки, лошадей и немощных солдат, переправились на противоположный берег реки.

А.П.Ермолов, бывший в то время вдали от людей, влиявших на дела, слышал, что К.Ф.Толь настойчиво доказывал, что переправу у Сырокоренья необходимо держать под неусыпным наблюдением, но дежурный генерал П.П.Коновницын, «далеко не равных способностей для соображений дальновидных и сложных, отверг это предложение, и, конечно, ему обязан маршал Ней своим спасением»²⁵.

На рассвете 7 ноября Ней пришел в село Гусиное, где уже находились разъезды Платова. Началась погоня за маршалом — «живое подобие звериной травли», как определил ситуацию Михайловский-Данилевский²⁶. Она продолжалась до Орши.

За три дня боев под Красным французы потеряли 19170 человек пленными и 209 орудий²⁷. Погибших никто не считал, но историки оперируют цифрами от 6000²⁸ до 10000²⁹, неизвестно, из каких источников извлеченных.

Потери русских исчисляются в 2000 убитыми и ранеными³⁰.

После последнего боя под Красным, когда Кутузов принимал трофейные знамена, среди которых были и за Аустерлиц, командир полка московского ополчения Посни-

ков, выражая общее чувство гордости за старого полководца, воскликнул:

— Ура спасителю России!

— Ура! — пронеслось по всему войску.

Кутузов встал и сказал:

— Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату!³¹

Прославленный вождь знал цену русскому солдату. Но и себе тоже. В письме жене он рассуждал:

«Сегодня я много думал о Бонапарте, и вот что мне показалось. Если вдуматься и обсудить поведение Бонапарта, то станет очевидным, что он никогда не умел или никогда не думал о том, чтобы покорить судьбу... Бонапарте неузнаваем. Порою испытываешь соблазн поверить в то, что он уже больше не гениален...

Проклятия армии этому человеку, когда-то великому, а теперь ничтожному, поистине ужасны. Меня уверяют даже, что, проклиная его, благословляют мое имя за то, что я сумел справиться с таким чудовищем»³².

Признанием заслуг фельдмаршала перед отечеством было повеление Государя именовать князя Кутузова Смоленским.

«Вот еще победа!.. Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух»³³. Так считал Кутузов! Но были и другие мнения...

Значение боев под Красным оценивалось современниками и потомками по-разному. После замечательной во многих отношениях книги Н.А.Троицкого возвращаться к этому вопросу не имеет смысла. Была победа. Она могла быть более значительной, но и цена ее была бы иной. Здесь, как говорится, ни убавить ни прибавить ничего нельзя. М.И.Кутузов слишком дорожил жизнью солдат, чтобы искать себе Славы и без того Великой.

2. «Завтрашний день — переправа через Березицу...»

В то время, когда корпус Нея терпел бедствие под Красным, Наполеон с армией спешно отходил от него дальше к Орше. Некий Трион, отступавший вместе с императором, рассказывал:

«Оригинальное зрелище всевозможных одежд представляла эта длинная колонна призраков. Все мундиры армии были перемешаны. Рядом с шелковыми, всевозможных цветов шубами, отороченными дорогими северными мехами, помещалась фигура в пехотной шинели или кавалерийском плаще. Головы были плотно закутаны и обмотаны платками всех цветов, оставляя отверстия только для глаз. Самым распространенным видом одежды было шерстяное одеяло с отверстием посредине для головы, падавшее складками и покрывавшее тело. Так одевались по преимуществу кавалеристы, так как каждый из них теряя лошадь сохранял попоны; попоны были изорваны, грязны, перепачканы и прожжены — одним словом, омерзительны. Так как люди уже три месяца не меняли одежды и белья, то их заедали вши»³⁴.

В погоню за Наполеоном Кутузов отправил отряды Бородина, принявшего командование над казаками Орлова-Денисова, Ожаровского, Давыдова и Сеславина. Всем было приказано «тревожить французов, как можно более, наипаче в ночное время».

И тревожили, не давая покоя ни днем, ни ночью. «При первом крике: «Казаки!», перелетавшем из уст в уста вдоль всей колонны и с быстротою молнии достигавшем ее головы, все ускоряли свой марш, не справляясь, есть ли в самом деле какая-либо опасность»³⁵.

7 ноября Кутузов сформировал еще один авангард под началом Ермолова. В состав его вошли два кирасирских, лейб-гвардии егерский и финляндский полки, двенадцать батальонов пехоты Розена и несколько орудий боевой и конной артиллерии³⁶.

Ермолов должен был установить связь с атаманом Платовым и согласовывать с ним свои действия. Отправляя генерал-майора принимать авангард, Кутузов наставлял его:

— Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях!

— Ваше сиятельство, в мой расчет не входит отличать-ся подобно графу Ожаровскому, — ответил Ермолов.

— Днепр не переходи. Переправь часть пехоты, если атаман Платов найдет то необходимым.

— Ручаюсь за точность исполнения, — сказал Алексей Петрович, крестясь, и «тогда же решил поступить иначе»³⁷.

М.И.Платов, оставив Смоленск, с пятнадцатью полками своего корпуса двинулся к Дубровне, рассчитывая перехватить неприятеля, отступавшего к Орше. В пути он задержался, увлекшись истреблением отдельных частей французской армии, отрезанных после боя при Красном. Атаман шел правым берегом Днепра через села Катань и Гусиное, близ которых «прибрал к рукам разбродные партии противника» общим числом более трех тысяч «оголодавших и оборванных душ». Среди них оказался обер-провиантмейстер Наполеона генерал Пюибюск³⁸.

В полдень 7 ноября М.И.Платов остановил войска в селе Герасимово. Здесь курьер из Главной квартиры вручил ему диплом о возведении его в графское достоинство. Это событие отмечали шумно, поздравляли прославленного воина с высокой царской наградой. В это время в тылу корпуса объявился маршал Ней с отрядом в три тысячи человек, шедших тоже вниз по Днепру от Сырокоренья к Орше. Произошло столкновение, скупо описанное в официальных рапортах. Но остались интересные воспоминания командира батальона М.М.Петрова, недавно опубликованные. С начала Отечественной войны Михаил Матвеевич вел записи о боевой жизни 1-го егерского полка, сражавшегося с конца октября в составе бригады Д.Е.Грекова, и подвигах своих товарищей, чтобы они «не сокрылись... через малое время в неизвестности»³⁹.

Ней не имел ни пушек, ни лошадей. Но с ним шли около двадцати генералов и несколько сот офицеров разных корпусов, примкнувших к аррьергарду в Смоленске.

Платов повернул большую часть казаков, первый егерский полк и все четырнадцать орудий конной артиллерии и двинул их против «наилучшего и отважнейшего из славных маршалов Наполеона», под началом которого было «три тысячи отчаянных пехотинцев», ничем не обремененных и на все готовых, лишь бы «проскользнуть сквозь дружины Матвея Ивановича на свободу вперед — к своим — в Оршу»⁴⁰.

Платов вручил свои войска уже известному читателю полковнику Кайсарову, «офицеру, одаренному от природы блистательными талантами и воспитанием приготовленному к военным отличиям и уважению каждого, кто был хотя один день под его командою... но молодому, неопытному» по сравнению со «старым штукарем» маршалом Неем. Атаман приказал ему «взять зажигателя и разрушителя Смоленска на аркан и притащить к нему»⁴¹. Задача была поставлена четко, но с явным пренебрежением к противнику.

В полверсте от Герасимово Смоленский тракт, круто повернув направо и обогнув довольно длинную и глубокую балку, возвращается к Днепру и тянется через село на Оршу. Здесь и остановил отряд Ней, чтобы осмотреться. А когда увидел, что русские всеми силами устремились в обход, намереваясь прижать его к реке, перебросил своих пеших воинов через преграду, непреодолимую для кавалерии и артиллерии, выскочил на дорогу, построился в густую колонну, ошестинившуюся штыками, и пошел вперед, оставив позади себя весь корпус Платова.

Сколько ни пытался потом атаман обойти французскую колонну, не получилось. Все его «ретивые наскоки» были отбиты. А оставь Кайсаров на правом берегу балки своих егерей и артиллерию, брось в атаку одних казаков, то разве смерть спасла бы маршала Нея от русского плена⁴².

Летописец егерского полка писал: «Честолюбивое благородное сердце Кайсарова до конца жизни не перестанет скорбеть о том, что он, при всех своих высоких дарованиях, допустил через излишнюю веру в казачье геройство потерю славы необыкновенной для себя и нас, опытных служак аванпостных, чувствительной. Во всю службу мою

тогда только однажды я подосадовал с озлоблением на малый чин мой — ей-Богу, однажды»⁴³.

Наполеон считал гибель своего «храбрейшего из храбрых» полководца «почти неизбежной». Он готов был пожертвовать всем своим состоянием, лишь бы спасти его. И, когда маршал предстал перед ним, император, обнимая соратника по многим сражениям, признался ему: «Я больше не рассчитывал на Вас»⁴⁴.

Платов, раздосадованный неудачей, не стал описывать ни хода, ни итогов боя у села Герасимово, отделавшись ничем не значащей фразой: «Встретил остатки разбитых у Красного войск маршала Нея... которых уже малая часть спасена двумя дивизиями, высланными из Орши от самого Наполеона»⁴⁵.

«В Орше мы нашли съестные припасы, но беспорядок, господствовавший в армии, был причиной того, что они были выданы неправильно, — писал Дедем, — тут повторилась та же история, как и в Смоленске: одни получили более, чем было нужно, а другим ничего не досталось и они гибли от голода...»⁴⁶

Наполеон, задержавшийся в Орше, чтобы навести хотя бы относительный порядок в деморализованных войсках, должен был решить, в каком направлении отступать: через Сенно на соединение с Виктором и Сен-Сиром и далее в Литву или через Борисов на Минск. Отправив вице-короля Богарне с частью гвардии выручать Нея, он избрал второй путь и в тот же день покинул город, рассчитывая опередить русских и форсировать Березину.

Арьергард Наполеона ожесточенно дрался за Оршу, чтобы дать армии возможность подальше оторваться от русских. Но через пять часов неприятель выдохся, не выдержал натиска, поджег город и, оставив в нем 26 пушек, 2500 новых ружей и много раненых, уже «не ретировался, но бежал к Толочину, поражаемый на каждом шагу донскими полками»⁴⁷.

12 ноября Ней догнал Наполеона. Он привел к нему 800—900 человек — все, что осталось от его корпуса⁴⁸. Получается, за трое суток «звериной травли» потерял более двух тысяч своих людей. Но Платов не сообщил Кутузову

об этом успехе: похоже, атаман был очень расстроен, что не сумел «заарканить» самого «огнедышащего» маршала Франции.

За Оршей Платова нагнал Ермолов, которому Кутузов приказал остановиться в Толочине и ожидать прибытия Милорадовича. Это повеление должно было убедить войска в том, что вслед за авангардом к Березине подойдет и сама армия, тогда как она безнадежно отстала, засидевшись в селе Добром после боев при Красном. Матвей Иванович и Алексей Петрович, давние приятели по костромской ссылке, решили обмануть Михаила Илларионовича.

Ермолов писал, вспоминая события того дня: Платов «согласился подтвердить донесение мое фельдмаршалу, что повеление его дожидаться авангарда в местечке Толчине я получил пройдя уже его, хотя я находился за один еще переход, и представил с своей стороны, что, вступая в огромные леса Минской губернии, ему необходима пехота, почему и предложил он мне следовать за собою или сколь можно ближе»⁴⁹.

Эта невинная ложь была вызвана медлительностью главнокомандующего, упорно ожидавшего точных данных о направлении отступления Наполеона. Правда же состояла в том, что Платов, оставивший в Орше 1-й егерский полк, действительно оказался без пехоты, столь необходимой ему в природных условиях Белоруссии.

Так и шли один за другим с небольшим разрывом: Платов с казаками впереди, Ермолов с егерями и гренадерами позади. По сторонам дороги валялись брошенные французами пушки, тысячи умерших и замерзших людей, видны были пепелища селений. Страшной обузой для казаков стали пленные, которых брали «стадами» и уже не считали. Притупилось чувство сострадания. В них виделись жертвы, обреченные на смерть⁵⁰.

Для полноты картины приведу фрагмент панорамы дороги Орша-Борисов, написанной пером Бургоня:

«В эту минуту показалась луна, и я увидел шагах в десяти от меня двух людей — один лежал, другой сидел возле. Направившись в ту сторону, я с трудом добрался до них вследствие наполненного снегом рва, отделявшего дорогу.

Я заговорил с тем человеком, который сидел; он захохотал как безумный и проговорил:

— Друг мой, смотри не забудь же! — И опять рас- смеялся.

Я убедился, что это смех смерти. Другой, которого я считал мертвым, еще был жив и, слегка повернув голову, промолвил эти последние слова, коих я век не забуду:

— Спасите моего дядю, помогите ему, а я умираю!

Я сказал ему еще несколько слов, но он уже не отвечал мне...»⁵¹

Поздно вечером 11 ноября авангард Наполеона ушел из Толочина, уступив его казакам Платова, за которым следовал Ермолов. Милорадович находился в Копысе, освобожденном партизанами Давыдова, и готовился переправиться через Днепр. Ожаровский занял Могилев, оставленный поляками. Генерал Бороздин с отрядом Орлова-Денисова, как выразился ироничный мемуарист, «наблюдал дороги в окрестностях, где неприятеля уже не было!». А главная армия Кутузова безнадежно отстала⁵².

Корпус Витгенштейна, прикрывавший петербургское направление, одержав победу у Чашников над войсками Удино* и Виктора, оттеснил их к Оршанской дороге, ведущей в Борисов. Первый из них двинулся к Барану и оказался в авангарде основательно потрепанной армии Наполеона, а второй — Бобру и серьезно усилил ее арьергард.

В то же время Чичагов, выполняя предписание Кутузова, оставил Минск и пошел к Борисову, чтобы встретить отступающего неприятеля на правом берегу Березины, разгромить его и тем завершить блестяще задуманную операцию. При согласованных действиях всех русских армий успех был обеспечен.

Таким образом войска противников концентрировались в районе Борисова. Кутузов предполагал завершить здесь стратегическое окружение французской армии, чтобы нанести ей сильный и, возможно, последний удар. Наполеон же рассчитывал переправиться через Березину и уйти в Литву.

*Удино сменил раненого Сен-Сира.

События приближались к развязке. Наполеон всеми силами тянулся к Борисову. Кутузов, оставаясь за Днепром, чуть ли не ежедневно требовал от Платова сообщить ему, в каком направлении отступает неприятель, ибо без того никак не мог решить, куда вести свою армию. А атаман в это время продолжал изнурительную борьбу с арьергардом противника, который неожиданно увеличился на пять тысяч человек. Ни Ермолов, ни Милорадович не могли оказать ему помощь, поскольку отстали от него на один-два перехода. Виттенштейн после победы у Чашников тоже бездействовал, чем поставил казаков под угрозу флангового удара корпуса Виктора. И все-таки донцы продвигались вперед и с 11 по 13 ноября «взяли в плен более пяти тысяч солдат и довольно число штаб- и обер-офицеров», в том числе генерал-майора Дзевановского⁵³.

Несмотря на известную несогласованность и даже просчеты русского командования, французы уже не заблуждались относительно своего положения. Настроение, преобладавшее в их рядах, очень точно выразил граф Пьер Антуан Дарю:

— Завтрашний день — переход через Березину, он решит нашу участь; может быть, я не увижу более Франции, моей жены и детей. Эта мысль ужасна⁵⁴.

Графу повезло: он увидел прекрасную Францию, жену и детей. Многие не увидели.

3. Переправа

Наполеон, избежав «совершенного истребления» у Соловьевой переправы и у Красного, приближался к Борисову, где еще в начале ноября было назначено соединение всех русских войск. По авторитетному мнению К. Клаузевица, «никогда не встречалось столь благоприятного случая... чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле»⁵⁵. И это так. Кутузов имел трехкратное численное превосходство над противником. Еще более важным было позиционное преимущество, ибо французам предстояло форсировать

Березину под угрозой ударов с фронта, флангов и тыла одновременно. И кольцо окружения сжималось.

«Поспешите... к общему содействию, — писал Кутузов Чичагову в Минск, — и тогда гибель Наполеона неизбежна». Главнокомандующий допускал даже, что противник до подхода русских успеет занять Борисов и, переправясь через Березину, двинется «прямым путем к Вильне». «Для предупреждения сего» он настоятельно рекомендовал адмиралу занять отдельным отрядом дефиле при Зембине, «в коем удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля»⁵⁶. Таким образом, Дунайская армия должна была принять основной удар на себя.

Чичагов вполне осознал свою роль в назревающих событиях и заверил Кутузова в том, что всячески будет содействовать «совершенному истреблению» неприятеля на пути его отступления из России. Больше того, адмирал задумал пленить французского императора, что вовсе не казалось невероятным. В приказе по армии он писал:

«Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы — с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев Свой, предав его нам. Почему желаю я, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он роста малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей надежности ловить и привозить ко мне всех малорослых...»⁵⁷

Корпус Витгенштейна, отбросив войска Виктора и Удино к дороге, ведущей из Орши в Борисов, занял выгодный рубеж, навис над противником с севера и закрыл ему все пути для отступления в этом направлении. Кутузов приказал ему «сближаться к Днепру», сообразуясь с движением Главной армии⁵⁸.

Главная армия должна была двигаться от Копыся через Староселье к местечку Березино, «во-первых, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствие, во-вторых, чтобы упредить» неприятеля, если бы он «пошел от Бобра... на Игумен» в надежде отыскать там удобную переправу. Как утверждал Кутузов, у него были основания для такого предположения⁵⁹. Ермолов сомневался в этом⁶⁰. А Давы-

дов объяснял уход фельдмаршала далеко на юг от Борисова элементарным стремлением князя Смоленского «избежать встречи с Наполеоном и его гвардией»⁶¹. И вряд ли Денис Васильевич был далек от истины...

Кроме корпуса Витгенштейна и Главной армии, на флангах должны были действовать отряды: справа — генерал-адъютанта Кутузова, слева — Сеславина, Бороздина, Давыдова и Ожаровского.

Таким образом, остатки Великой армии, подгоняемые полками графа Платова, направлялись в западню. Вслед за казаками по-прежнему тянулись отряд Ермолова и авангард Милорадовича.

«Казалось, конечная гибель французов была неминуема, казалось, Наполеону суждено было здесь либо погибнуть со своей армией, либо попасться в плен, — писал Давыдов, — но судьбе угодно было здесь еще раз улыбнуться своему прежнему баловню, которого присутствие духа и решительность возрастали по мере увеличения опасности»⁶².

Первыми вошли в Борисов остатки минского гарнизона Брониковского и дивизии Домбровского. Едва они расположились на ночлег, как явились русские. Начался ожесточенный бой, продолжавшийся десять часов. Вечером 9 ноября авангард Дунайской армии Чичагова под командованием генерал-майора Карла Осиповича Ламберта ворвался в город. Поляки, потеряв 8 орудий и 4500 человек убитыми, ранеными и пленными, побежали по Оршанской дороге навстречу Наполеону.

На следующий день к Борисову подошли главные силы армии Чичагова.

М.И.Платов — П.В.Чичагову,
15 ноября 1812 года:

«Милостивый государь Павел Васильевич!

С сердечным удовольствием узнал я о прибытии войск, состоящих под начальством Вашего Высокопревосходительства, к Борисову и о победе, уже одержанной при сем месте. Позвольте, милостивый государь, принести Вам в том мое поздравление...»⁶³

Как видно, слух об освобождении Борисова авангардом армии Чичагова слишком долго блуждал по лесам Белоруссии, ибо когда Матвей Иванович взялся за перо, чтобы поздравить Павла Васильевича с победой, он не только уступил город войскам маршала Удино, но и допустил роковую ошибку, повлекшую за собой крах репутации адмирала...

П.В.Чичагов двинул к Лошницам авангард под командованием генерал-майора П.П.Палена, подчинив ему четыре егерских, три гусарских и пять казачьих полков. При выходе из лесного дефиле он был встречен плотным огнем французской пехоты и артиллерии, приведен в расстройство и обращен в бегство к Борисову. Адмирал, вместо того чтобы оказать помощь отступающим соратникам и любой ценой удержать город наличными силами, пока не подтянется вся армия, отошел за Березину, уничтожив за собой мост. В результате Наполеон на несколько дней, с 11 по 14 ноября, стал безраздельным хозяином левого берега реки и мог выбирать место для переправы своих войск. И никто не мог помешать ему в этом. М.И.Платов увяз в трудном единоборстве с его арьергардом. А.П.Ермолов по-прежнему отставал от атамана на один марш. П.Х.Виттенштейн бездействовал. М.И.Кутузов все еще отдыхал в Копысе, не ведая того, что творится в 130 верстах впереди от него: уж слишком долог был путь курьеров, чтобы своевременно уведомлять его сиятельство о всех превратностях войны.

Чичагов, выбитый из Борисова на правый берег Березины, господствовавший над левым, вынужден был пойти на распыление сил, чтобы обеспечить наблюдение за передвижениями неприятеля вдоль реки на пространстве в несколько десятков верст.

Между тем Наполеон установил через тамошних крестьян, что лучшая переправа через Березину находится в восьми верстах ниже Борисова, у местечка Ухолоды, но есть брод и выше, в два раза дальше от него, у деревни Студянки. Теперь надо было обмануть Чичагова, заставить его с войсками пойти в одну сторону, чтобы с остатками армии форсировать реку в другой. Французский император блестяще справился с этой задачей.

Наполеон, создав видимость подготовки к переправе у местечка Ухолоды, ввел Чичагова в заблуждение, заставив его поднять армию и двинуть ее вниз по течению Березины. Сам же максимально скрытно в тот же день, 13 ноября, стал стягивать свои войска к Студянке, где саперы и артиллеристы приступили к наведению сразу двух мостов. Полковник Марбо вспоминал:

«Эти отважные солдаты показали совершенно исключительную самоотверженность, которой не сумели в достаточной мере оценить. Они голые бросались в холодную воду Березины и работали в ней непрерывно в течение 6-7 часов, причем не было ни капли водки, чтобы им дать, а вместо постели ночью им должно было служить поле, покрытое снегом. Поэтому... почти все они погибли»⁶⁴.

Хитрость Наполеона, «несмотря на свою избитость», вполне удалась, но косвенно, не желая того, ему помогли ввести адмирала в заблуждение ... Витгенштейн и Кутузов.

Сначала Витгенштейн полагал, что Наполеон пойдет на северо-запад на соединение с фланговыми корпусами. Но дальнейшее развитие событий утвердило его в мысли, что французы будут пытаться форсировать Березину южнее большой дороги. В письме к Чичагову он размышлял:

«Не могу достоверно донести Вашему Высокопревосходительству о намерениях большой неприятельской армии; хотя и говорят, что она следует к Борисову, но мне по всему кажется, что она поворотила к Бобруйску, ибо в таком случае маршал Виктор не преминул бы держаться в Черее, дабы прикрывать марш войска»⁶⁵.

Вопреки приказу Наполеона, маршалу Виктору не пришлось напрягаться у Черен, ибо Витгенштейн бездействовал. Напирал лишь Платов со своими казаками, да и то не на него, а на арьергард армии, который упорно сопротивлялся, создавая условия для отступления остальных войск.

Утром того же дня, когда противники расходились в разные стороны от Борисова, Кутузов уведомил Чичагова, что он с основными силами армии пойдет от Копыся через Староселье к местечку Березино, чтобы упредить неприятеля, если бы он «пошел от Бобра.. на Игумен».

И тем же письмом приказал адмиралу занять дефиле при Зембине, дабы отрезать французам путь отступления на Вильно⁶⁶.

Таким образом, Витгенштейн и Кутузов не исключали возможности переправы неприятеля южнее Борисова. Наполеон, демонстрируя свое намерение сделать именно так, отправил вниз по течению Березины несколько тысяч «отсталых солдат», многочисленные фургоны, пушки и два полка кирасир и тем ввел Чичагова в заблуждение. Адмирал понимал, что фельдмаршал, находясь за 130 верст от противника*, конечно, не сможет помешать ему перейти на правый берег реки близ Игумена. Потому-то и взял он на себя решение этой задачи, двинулся на деревню Шабашевичи, стоявшую против местечка Ухолоды.

Чичагов допустил ошибку, собрав свою армию ниже Борисова. Но к ней он «прибавил еще одну, какой не сделал бы даже сержант», как писал упомянутый выше полковник Марбо. Адмирал не только не занял дефиле при Зембине, но даже не сжег два десятка мостов на нем. Если бы он «принял эту разумную предосторожность, французам было бы отрезано возвращение и переход через реку не послужил бы ей ни к чему, потому что она была бы остановлена глубоким болотом»⁶⁷.

Ценой невероятных усилий французы навели мосты. Во второй половине дня 14 ноября на правый берег Березины перешли кавалерия Домбровского и Думерка, пехота и артиллерия Удино. Неприятель сразу же перекрыл подступы к переправе с юга и овладел дефиле при Зембине. Путь на Вильно был открыт.

В тот же день Кутузов еще раз потребовал от Платова сообщить ему о действительном направлении отступления французов, ибо без того никак не мог решить, куда вести свою армию⁶⁸. На всякий случай повел... на запад, но так отклонился влево от места соединения всех войск, им же самим назначенного, что через неделю, выйдя к Березине, оказался на 50 верст южнее от переправы.

---

*Кутузов с основными силами армии переправился через Березину лишь 20 ноября, когда французы уже подходили к Вильно.

15 ноября войска Богарне, Даву и гвардия Наполеона беспрепятственно перешли Березину. Виктор, оставив в Борисове дивизию Партуно и приказав ему по возможности препятствовать соединению русских сил Чичагова, Виттенштейна и Платова, с большей частью своего корпуса отошел к Студянке для прикрытия переправы со стороны левого берега реки, где собирались тысячи нестроевых солдат и обозы когда-то Великой армии.

Партуно, дождавшись назначенного часа, покинул город и повел свою дивизию на соединение с Виктором. В пути он перепутал дороги и вместо Студянки потянулся к Веселову, где напоролся на авангард корпуса Виттенштейна. В то же время в тыл к нему зашел атаман Платов с казаками. Вот как описал свое положение генерал:

«Мы были окружены, стеснены обозами и восемью тысячами отсталых, большею частью безоружных, в лохмотьях, являвших совершенное подобие бродячих мертвецов. Направо находилась гора, занятая русскими; влево — Березина и русские; впереди и сзади стояли русские; их ядра пробивали наши колонны насквозь... Я очутился с глаза на глаз с неприятелем, но продолжал марш в величайшей тишине, по болотам, озерам и лесам, преследуемый и теснимый казаками, ибо ими был узнан. Окруженные со всех сторон... изнемогая от голода, усталости и стужи, едва не утонувши в озере, которое только что замерзло и было от нас скрыто темнотою и снегом, мы положили оружие»⁶⁹.

Никто из русских военачальников до вечера 15 ноября не знал, где именно Наполеон устроил переправу. Поэтому авангард корпуса Виттенштейна проскочил мимо Студянки и неожиданно вышел на Партуно, который заблудился. Столь же случайно в тылу у него оказался Платов с казаками. Результатом такого стечения обстоятельств явилась капитуляция французской дивизии.

«Весь соединенный неприятель, — сообщал Платов Кутузову, — был полками моими окружен... в виду моем положил оружие... всего более пяти тысяч человек и три орудия»⁷⁰.

Пленных и трофеи атаман сдал в корпус графа П.Х.Виттенштейна, выделив для их сопровождения донской каза-

чий полк Д.Д.Комиссарова. Всего же корпус Виктора лишился пяти генералов, более восьми тысяч солдат и офицеров пехоты с оружием и безоружных, восьмисот кавалеристов и трех пушек⁷¹.

Между тем и Чичагов, разобравшийся в обстановке, повернул свою армию и, отмахав за сутки более тридцати верст, к вечеру 15 ноября остановился близ Борисова. Его войска, измученные в этот день трудным маршем, не могли двигаться дальше.

На подходе были также генерал-майор Ермолов с двенадцатью батальонами пехоты, двумя полками кавалерии и двадцатью четырьмя орудиями⁷².

На исходе дня 15 ноября Витгенштейн уведомил Платова, что утром намерен выступить «на поражение неприятеля», прикрывающего переправу у Студянки. Атаман одобрил его распоряжения и в свою очередь информировал «милостивого государя графа Петра Крестьяновича», что занял Борисов, взяв много пленных, «кроме больных» и две пушки⁷³.

Похоже, Петр Христианович не получил сообщения Матвея Ивановича, ибо на рассвете следующего дня приказал Сеслаину «во что бы то ни стало занять Борисов» и установить связь с армией Чичагова, что капитан и сделал, сломив упорное сопротивление противника и взяв в плен более трех тысяч человек⁷⁴.

Выходит, город, освобожденный вечером, пришлось снова брать утром, к тому же «при невероятных усилиях неприятеля» отстоять его? А почему бы и нет. Во-первых, в нем могла укрыться часть французского арьергарда, когда Платов увлекся преследованием дивизии Партуно, и, во-вторых, ночью туда вернулся борисовский гарнизон, посланный Наполеоном к Ухолодам демонстрировать наведение ложной переправы. Далее, однако, проблема приоритета приобрела чисто нравственный характер.

«По совершении сего блистательного подвига», по определению Давыдова, Сеславин остановился за Березиной, чтобы отдохнуть и накормить лошадей. В это время генерал-майор Денисов с казаками «прошел стороною мимо» Борисова и донес Платову, что «занял город». Пленных атаман приказал прислать к себе⁷⁵.

А.Н.Сеслави — П.П.Коновичеву,

16 ноября 1812 года:

«...Ваше Высокопревосходительство!.. Платов берет на себя занятие города! За что отнимает славу дела моего отряда? Чтобы не уступать, надо быть самому генералом. Спросите обо всем у Чичагова, я врать не буду»⁷⁶.

Петр Петрович доложил Михаилу Илларионовичу. Михаил Илларионович сделал запрос Павлу Васильевичу. Вот что ответил адмирал Чичагов:

«Имел честь получить предписание Вашей Светлости от 19-го сего месяца под №553, обязанностью поставляю донести, что гвардии капитан Сеславин, действительно, первый занял город Борисов и открыл сообщение со мною генерала от кавалерии графа Витгенштейна, доставя от него в то же время письменное ко мне об его движении и предложениях уведомление; равным образом и сдача в плен нескольких тысяч неприятеля была следствием занятия им сего города и соединенного действия с вверенною мне армиею корпуса графа Витгенштейна. Чичагов. №1944. Ноября 22-го дня 1812 года. М. Илия»⁷⁷.

Комментарии, как говорят, излишни.

А теперь о совместных действиях в тот же день, 16 ноября, корпуса Витгенштейна и армии Чичагова...

Снег падал хлопьями; поля и леса были покрыты белой пеленой и терялись в тумане; ясно различались мрачная, наполовину замерзшая Березина, темные воды которой пробивали себе путь между льдинами, и мосты, едва возвышающиеся над поверхностью реки. А на берегу десятки тысяч безоружных, больных, почти одичавших людей, давящих друг друга ради того, чтобы прорваться на ту сторону, где, может быть, еще удастся спастись от этих навоящих ужас бородатых казаков, одержимых страстью грабежа.

Рано утром авангард корпуса Витгенштейна потянулся к Студянке и на рассвете перешел в наступление против войск Виктора. Его поддержали часть дивизии Г.М.Берга и резерв Б.Б.Фока. Но особенно большой вред неприятелю причинила артиллерия, открывшая огонь по мостам через Березину. Людей охватила паника.

«Более сильные сбрасывали в воду более слабых, мешавших им продвигаться вперед, шли по телам больных и раненых, попадававшихся на их пути. Сотни людей остались здесь, раздавленные колесами, другие, надеясь спастись вплавь, замерзали на середине реки или погибали, взбираясь на льдины, которые шли вместе с ними ко дну. Несмотря на эти печальные примеры, тысячи людей бросались в Березину, где умирали в мучительных конвульсиях и с отчаянием в душе»⁷⁸.

Когда один из мостов рухнул под тяжестью обозных повозок и орудий, все бросились ко второму. Давка была такая, что даже самые сильные не могли противиться натиску.

Услышав артиллерийскую стрельбу у Студянки, перешли в наступление войска Чичагова. Русские почти полностью истребили Привисленский легион. Сильно пострадали и другие дивизии. Удино был ранен, и маршал Ней принял командование на себя. Наполеон бросил в бой остатки Молодой и Старой гвардии. И здесь, на правом берегу Березины, наибольший урон неприятелю нанесла артиллерия.

Развязка наступила на рассвете 17 ноября. Под огнем русских пушек войска Виктора стали отходить к Березине, пробивая себе дорогу штыками и прикладами. Сотни повозок и тысячи нестроевых солдат оставались еще на левом берегу реки, когда генерал Эбле, выполняя приказ Наполеона, поджег мост. Полчаса спустя на эту толпу налетели казаки, часть ее изрубили, а большую — взяли в плен.

Когда корпус Виктора переправился на правый берег, Наполеон приказал отводить войска к Зембиновскому дефиле, так и не занятому русскими.

По данным французских источников, Наполеон потерял на берегах Березины убитыми, ранеными и утонувшими в реке от 20 до 25 тысяч своих солдат⁷⁹. Такими же цифрами оперировал и историк Богданович⁸⁰. В плен было взято 24 тысячи человек, в том числе 5 генералов и 427 офицеров. Трофеями победителей стали 4 знамени и 22 орудия⁸¹.

Русские потеряли убитыми и ранеными 4 тысячи «нижних чинов»⁸².

Успех был ошеломляющий, но истребить «всю французскую армию» до последнего ее солдата, как планировал Кутузов, не удалось. Сам Наполеон, все его маршалы, многие генералы, две тысячи офицеров и семь тысяч самых боеспособных солдат вырвались из окружения и ушли через Зембиновское дефиле, уничтожив за собою мосты, что позволило им на один марш оторваться от преследователей.

Кутузов очень «грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон», и вину за это возлагал на Чичагова, который совершил «пустой марш» к Ухолодам и «не удержал ретираду» французов. На «земноводного генерала» негодовали, его высмеивали как «ангела-хранителя Наполеона», подозревали даже в измене⁸³. Он был для всех козлом отпущения, как выразился Троицкий, ибо таковой был нужен⁸⁴. В советское время «козленком» при нем стал Витгенштейн. И только светлейший князь Смоленский стоял всегда «слишком высоко в глазах России, чтобы кто-то мог упрекнуть его в чем бы то ни было»⁸⁵.

Могли ли русские добиться на Березине большего? При известных условиях могли, конечно. Вот что писал об этом Д.В.Давыдов:

«Если бы Витгенштейн был проницательнее и преследовал неприятеля с большею настойчивостью, если бы Кутузов обнаружил более предприимчивости и решительности и оба они... направили поспешнее свои войска к Березине, если бы Чичагов не совершил своего движения на Игумен... количество пленных могло быть несравненно значительнее; быть может, берега Березины сделались бы гробницей Наполеоновой армады; быть может, в числе пленных находился бы он сам. Какая слава озарила бы нас, русских? Она была бы достоянием одной России, но уже не целой Европы. Впрочем, хвала Провидению и за то, что оно, благословив усилия наши, содействовало нам в изгнании из недр России новейших ксерксовых полчищ, предводимых величайшим полководцем всех времен. Мы, современники этих великих событий, справедливо гор-

дящиеся своим участием в оных, мы, более чем кто-либо, должны воскликнуть: «Не нам, не нам, а имени твоему!»⁸⁶.

Но Витгенштейн активизировал свои действия лишь к вечеру 15 ноября. А Кутузов находился далеко и совершенно не ориентировался в обстановке. Чичагов, хотя и допустил непростительную ошибку, уведя армию вниз по течению реки и не заняв Зембинского дефила, вместе с тем именно он, считал Ермолов, более других препятствовал переправе французов через Березину и нанес им самый ощутимый урон⁸⁷. Такого же мнения придерживались Давыдов и Левенштерн⁸⁸.

Березинская операция поставила Наполеона перед фактом катастрофы и приблизила окончание войны на территории России. Казаки сыграли в этом заметную роль.

4. Россия была ими довольна

Путь на Зембин проходил по болоту, на котором было устроено более двадцати мостов, не разрушенных войсками Чичагова вопреки приказу Кутузова. Наполеон не повторил ошибку адмирала. Миновав дефила, он сжег их. Но, видимо, злой рок преследовал его армию. Березина, поглотившая в своих студеных водах десятки тысяч французских солдат, сразу после переправы их замерзла. Сковало льдом и болото. Поэтому оторваться от русских ему не удалось. Условия отступления стали еще более губительными. Биваки, оставляемые неприятелем, как и дороги, по которым он проходил, были покрыты трупами, как поля сражений. Известен случай, когда в течение одной ночи окоченела «целая бригада неаполитанцев»⁸⁹.

Кутузов, не веря, что Наполеон переправился через Березину и вырвался из окружения, потребовал подтверждения того от Милорадовича. Но чем мог утешить генерал старого фельдмаршала, коль сам он с вверенным ему авангардом пришел в Борисов, когда сражение на обоих берегах реки уже прекратилось.

Генералы, принимавшие участие в сражении на берегах Березины, не стали ожидать повелений от главнокомандующего. На следующий день после событий на переправе они решили: Чичагов с Дунайской армией двинется непосредственно за противником, отступающим от Зембина; Милорадович, только что прибывший с передовыми войсками арьергарда в Борисов, будет содействовать адмиралу, когда тому потребуется помощь; Витгенштейн со своим корпусом пойдет справа от Виленской дороги, а граф Платов с казачьими полками устремится слева от нее в обход неприятельских колонн, чтобы атаковать их с фронта и с фланга. Эти действия русских военачальников должны были пресечь соединение Наполеона с Макдональдом, пребывавшим в Курляндии, и Шварценбергом, стоявшим в Слониме.

Сам по себе план был хорош, но приступить к его реализации сразу же не удалось. Чичагов, понесший самые большие потери, вынужден был остаться на месте. Витгенштейн никак не мог навести переправу на загроможденной трупам, повозками и пушками реке. Милорадович стал ожидать отставшие войска и обозы с провизантом. Поэтому за отступающими французами немедленно пустились лишь казаки атамана Платова и авангард Дунайской армии под командованием генерал-лейтенанта Чаплица.

Кутузов негодовал, но когда несколько успокоился, сказал:

— Бог довершит то, чего не умели сделать отдельные генералы. Немного не доставало, и наш брат псковский дворянин взял бы Наполеона в плен!⁹⁰

Получив донесения от участников событий на берегах Березины, Кутузов 19 ноября сообщил им свой новый «генеральный план», направленный на истребление остатков «бегущего неприятеля». Он в деталях совпадал с действиями, намеченными самими генералами сразу же после сражения. Правда, главнокомандующий определил в нем и место Главной армии: она должна была наступать левее авангарда Милорадовича, чтобы «воспрепятствовать соединению Наполеона со Шварценбергом»⁹¹. Впрочем, такую же задачу он возложил и на корпус Остен-Сакена⁹².

Едва французы двинулись по направлению на Зембин, как за ними увязался авангард корпуса М.И.Платова под командованием А.Д.Мартынова, который у реки Гойны, впадающей в Березину, отбил у них одно орудие и взял в плен более трехсот человек, в том числе немало офицеров. Несколько левее атаман пустил казачий отряд в тысячу сабель во главе с испытанным П.С.Кайсаровым, который без труда мог «пройти самыми малыми стезжками». А сам граф с остальными полками и полуротой конной артиллерии решил идти пока по большой Виленской дороге, чтобы при первом же случае свернуть с нее и устремится в обход отступающих колонн неприятеля для нанесения им ударов с фланга, а если удастся опередить, и с фронта, как было условлено на только что состоявшемся совете высших начальников⁹³.

Казачи, попав в стихию преследования, буквально творили чудеса. 20 ноября Кайсаров, усиленный четырьмя пехотными полками, присланными к нему Чичаговым, атаковал маршала Виктора и нанес ему поражение. И снова в ход пошла платовская мера исчисления пленных — «множество». Потом полковник форсированным маршем пустился вперед, зашел в голову «неприятельской армии, из остатков кавалерии составленной... ударил на оную с быстротой в трех местах и в одно мгновение привел ее в замешательство», положив на месте более тысячи человек. Трофеями донцов стали знамя наполеоновской гвардии и весь архив канцелярии государственного секретаря графа Дарю⁹⁴.

Не менее успешно действовала и бригада генерал-лейтенанта Мартынова. С начала преследования французов от Березины до Молодечно его казаки взяли тридцать пушек, около ста ящиков с зарядами, много лошадей, пленили генерала Прейзена с двумя адъютантами, трех полковников, тридцать обер-офицеров и более двух тысяч рядовых⁹⁵.

21 ноября Наполеон, прибыв в Молодечно, составил знаменитый «похоронный бюллетень великой армии»⁹⁶, 29-й по счету, в котором признал свое поражение и закончил его «малоуместной и странной фразой»⁹⁷: «Здоровье

его величества никогда не было лучшим». Утром следующего дня он укатил в Сморгонь. Арьберггард маршала Виктора остался в местечке, чтобы хоть на время задержать наступление русских.

Вскоре после отъезда императора к Молодечно подошли войска Платова и Чаплица. К полуночи противник был выбит из местечка и потянулся по Виленской дороге на Сморгонь, оставив русским три пушки и до пятисот пленных. В этом бою был «ранен пулею в правое плечо выше груди» отважный генерал-лейтенант Мартынов. В целом же потери атамана были невелики⁹⁸.

В этот же день маршал Клод Виктор отправил донесение начальнику штаба наполеоновской армии Луи Бертье: «Бывшее в арьберггарде 23-го числа дело есть последнее наше усилие. Войска арьберггарда доведены до крайности, и остатки их в таком жалком положении, что я нахожусь принужденным ставить их дальше от неприятеля, избегая всякой встречи с русскими. Я решился на единственное... средство спасения: отступление, и буду сегодня ночевать в четырех лье от Сморгони. Наши ведеты в виду русских; вероятно, сегодня я буду столь же сильно преследуем, как вчера; думаю, что его величеству будет приличнее отъехать от нас далее»⁹⁹.

Наполеон и сам решил, что ему гораздо приличнее отъехать подальше. И отъехал в... Париж. Командовать остатками армии он приказал маршалу Мюрату, но тот проявил себя в новой роли хуже «капитана вольтижеров».

После освобождения Молодечно Платов с казаками своего корпуса свернул влево и проселками пустился вперед, стараясь «выиграть марш над отступающим неприятелем, чтобы действовать в головы его колонн», как приказал Кутузов. На большой дороге его место занял авангард Дунайской армии под командованием генерал-лейтенанта Чаплица¹⁰⁰. 26 ноября под Сморгонью он захватил еще двадцать пять орудий и три тысячи пленных¹⁰¹.

Наполеон стороной обошел Вильно и за тринадцать дней бешеной скачки пересек всю Европу. Его отъезд стал достоянием гласности и послужил сигналом для всеобщего бегства. Все исчезли в мгновение ока, как по волшебству.

Разложение войск приняло «чудовишные размеры»¹⁰². Генерал-губернатор Литвы Гогендорп, готовивший отъезд императора, писал, вспоминая эти дни:

«Почти все бросили свое оружие и были одеты кое-как, в особенности износились сапоги... Можно было видеть людей, покрытых странными одеждами, в женских шубах, в тысяче разных лохмотьев. Генерал был не лучше солдата или барабанщика, его тоже толкали, но он ничего не смел сказать, потому что не было больше ни субординации, ни дисциплины. Все были охвачены одной-единственной целью, единственным желанием как можно скорее добраться до Вильны, на которую смотрели как на обетованную землю, где никто больше ни в чем не будет нуждаться»¹⁰³.

Русские били и брали в плен «стадами» не только изнуренных и деморализованных солдат неприятеля. Упомянутый выше Гогендорп едва ли не каждый день подкреплял Виктора свежими войсками. Уже на подступах к Вильно он отправил к нему целую пехотную дивизию Луазона. Через три дня от нее осталось не более шестисот человек и ни одной пушки.

— Как могло случиться, что столь многочисленный отряд так быстро растаял? — удивился Каstellлан, обращаясь к одному из сержантов дивизии.

— Очень просто, — ответил он, — нам ничего не осталось, как следовать примеру тех, которые в таком беспорядке прибыли из Москвы¹⁰⁴.

26 ноября жалкие остатки Молодой и Старой гвардии вошли в Вильно. За ними в беспорядке тянулись толпы солдат, потерявших не только оружие, но и человеческий облик и даже рассудок. Через сутки в городе собрались десятки тысяч французов. Из них не более девяти тысяч были вполне боеспособны. В тот же день к литовской столице подошли казаки Платова.

М.И.Кутузов — М.И.Платову,

27 ноября 1812 года:

«...Узнав из рапорта Вашего Сиятельства, сейчас полученного, что Вы завтра намерены вступить в Вильно, я спешу поручить Вам в особенности употребить все меры, дабы

сей город не был подвержен ни малейшей обиде... Наши поступки в теперешних обстоятельствах будут иметь большое влияние на предбудущее время... Сохраняя порядок в войсках, мы сохраним славу нашего оружия...»¹⁰⁵

Вечером 27 ноября Мюрат заверял Гогендорпа: «Если на меня нападут, я буду биться. У нас много людей»¹⁰⁶. Генерал-губернатор уеомнился и, как оказалось, не зря. В полночь неаполитанский король покинул Вильно. Утром, когда стало светать, на его улицах и площадях появились казаки, наводившие на всех ужас стрельбой и раскатистыми криками «ура». Франгузы устремились к Ковенским воротам. Проход через них был невозможным¹⁰⁷. Оставшиеся в городе войска предпочли сдатьсь. В числе пленных оказались 7 генералов, 242 офицера и 9517 рядовых, не считая 5139 больных и раненых, находившихся в госпиталях на лечении¹⁰⁸.

Платову не пришлось поддерживать порядок в литовской столице. Эту задачу Чичагов возложил на авангард Дунайской армии.

В пять часов утра Мюрат и его передовые войска достигли Понарской горы, и она стала для них трудным барьером. Лошади не смогли преодолеть обледеневшую крутизну. Дорога оказалась загроможденной пушками, фургонами и повозками. Неаполитанский король и сопровождавшие его маршалы вынуждены были выйти из своих карет и пешком продвигаться вперед по глубокому снегу слева и справа от тракта.

Люди теряли рассудок, а Каstellлан с завидным постоянством заполнял свой дневник. Вот что записал он вечером 28 ноября: «При этом несчастном подъеме мы оставили все пушки и большое количество багажа и повозок. Наши собственные солдаты разграбили часть армейской казны при появлении казаков, одно время даже работали с ними в полном согласии. Ночью многие франгузы и союзники предлагали мне купить награбленные вещи, серебряные чаши, приборы и т.п.»¹⁰⁹

В то время, когда тысяча казаков под командованием полковника Кайсарова наводила ужас на неприятеля на окраинах Вильно, Платов с основными силами своего жор-

пуса обошел город с юга и расположился в пяти верстах от него, у Погулянки, чтобы отрезать французам путь отступления на Ковно. «На вершине горы Понарской», только что оставленной войсками Мюрата, атаман приказал установить батарею из десяти орудий конной артиллерии, обращенных жерлами на большую дорогу.

Около восьми часов утра показался арьергард маршала Нея. Пропустив первую колонну, основательно потрепанную казаками графа В.В.Орлова-Денисова, М.И.Платов приказал донской бригаде под командованием генерал-майора Г.Н.Рахманова добить ее, а к следующим за ней войскам отправил парламентаря, поручив ему убедить неприятеля, что «все пути к отступлению ему уже отрезаны и что всякое сопротивление будет для него пагубно»¹¹⁰. Требование атамана сложить оружие было отвергнуто.

Сначала артиллерия осыпала французов градом картечи и привела их в замешательство. Потом М.И.Платов бросил в атаку шестнадцать полков, сведенных в четыре бригады под командованием генерал-майоров Н.В.Дехтерева, Н.В.Иловайского, Д.Е.Кутейникова и В.В.Орлова-Денисова. Стремительным ударом арьергард Нея был разорван пополам и по частям «истреблен совершенно». Поле у Погулянки и дорога через нее на Ковно были завалены трупами.

«При сем поражении, — доносил Платов Кутузову, — взято 28 орудий, 5 знамен, множество пленных и весь неприятельский обоз»¹¹¹.

Всех генералов, полковых начальников и отличившихся офицеров атаман представил к награде.

В течение последующих трех дней казаки преследовали неприятеля, не давая ему покоя ни днем ни ночью. С 29 ноября по 1 декабря они взяли в плен 56 офицеров и около 2-х тысяч рядовых, а перебили «более» того, как всегда «множество»¹¹².

Утром 2 декабря корпус Платова подошел к Ковно, гарнизон которого насчитывал 1500 немецких солдат при 42 орудиях. Кроме того, в него влился арьергард Нея — общим числом в... 60 человек. Всех прочих было значительно больше, но у них не было сил уже держать в

руках оружие. Мюрат приказал маршалу организовать оборону города, а сам с уцелевшей частью Молодой и Старой гвардии переправился через Неман и взял курс на Кенигсберг.

Начальник Главного штаба французской армии маршал Луи Бертье похоронил надежды Наполеона. «Нельзя удержаться в Ковно, — писал он императору, — потому что армия более не существует»¹¹³. И это была правда. Достаточно сказать, что дошедшие до Немана солдаты из корпуса вице-короля Евгения Богарне смогли разместиться на ночлег в одной комнате. В баварских войсках осталось несколько больше — 20 человек¹¹⁴. И все-таки Мишель Ней решил защищаться.

Противник встретил казаков плотным огнем из двадцати орудий, установленных «во всех предместьях города и даже на противоположной стороне Немана». Русские ответили. Перестрелка продолжалась весь день. Донские артиллеристы под командованием старшины Ивана Ивановича Кирпичева действовали искуснее. Они сразу подбили две пушки, а потом заставили замолчать и остальные восемнадцать¹¹⁵.

Пока продолжалась артиллерийская дуэль, Платов бросил по льду через Неман в обход Ковно слева и справа бригады Каманева, Кутейникова и Орлова-Денисова. Командующий французскими войсками предпринял отчаянную попытку вырваться из окружения. Около трех тысяч его солдат полегли под ударами казачьих пик и сабель. «В том числе был убит один из знатных генералов». Атаман надеялся даже, что это Ней. «По примечаниям и по сходным показаниям» выходило, что Он! Но, увы. Маршал и на этот раз ускользнул¹¹⁶.

«С каким радостным восхищением, — писал Платов Кутузову, — встретили жители Ковно вступление победоносных русских войск в город!»¹¹⁷

Под гром артиллерийского салюта отслужили благодарственный молебен, по окончании которого Платов поднялся на возвышение и, обращаясь к казакам, провозгласил:

— Государю императору — ура!

— Ура! Ура! Ура! — разнеслось над площадью.

— Князю Смоленскому — ура!

— Ура! Ура! Ура! — подхватили казаки¹¹⁸.

В Ковно и за ним казаки взяли в плен 436 офицеров и около 10000 рядовых, потерявших свое оружие завоевателей Европы. Наградой победителям стали огромные трофеи: 21 пушка, 800 пороховых ящиков, 30000 новых ружей, 170 бочек «горячего вина», запасы ржи, овса и ячменя¹¹⁹.

В Вильковиск, в котором полгода назад Наполеон клялся исполнить Судьбу России, в начале декабря явился раненый, едва стоящий на ногах человек.

— Не узнаете? — спросил он, — обращаясь к генералу Дюма.

— Нет! Кто Вы?

— Я — арьберггард Великой армии, маршал Ней. Я сделал последние выстрелы на Ковенском мосту, я потопил в Немане последнее оружие, я пришел сюда, пробиваясь лесами¹²⁰.

Сообщив Александру I о полном истреблении неприятеля, Кутузов признался: «Я почитаю себя счастливейшим из подданных, быв избран благодетельною судьбою исполнителем Высочайшей воли Вашего Императорского Величества»¹²¹.

М.И.Кутузов — М.И.Платову,

17 января 1813 года:

«Милостивый государь мой граф Матвей Иванович!

...Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам его в течение кампании 1812 года, которые были главнейшею причиною к истреблению неприятеля, лишенного скорости всей кавалерии и артиллерийских лошадей, следовательно и орудий... Сия благодарность пребудет в сердце моем, дондеже* угодно будет Богу призвать меня к себе. Сие чувствование завещаю я и потомству моему. От всемилостивейшего государя готовится войску грамота, достойная заслуге его.

Я в полной надежде, что мужественные донцы помогут нам свершить со славою поприще, начатое нами с таким блеском. Бог будет нам помощник!

*До тех пор, пока.

Остаюсь с сердечною преданностью Вашего Сиятельства милостивого государя моего и прочее...

*К. Смоленский*¹²².

Так М.И.Кутузов оценил вклад казаков в дело истребления неприятеля на дорогах России. Можно ли было сказать лучше? Пожалуй. Вот что написал об этом один из первых летописцев Отечественной войны А.И.Михайловский-Данилевский, столь долго поносимый советскими историками:

«Самою блистательною страницю в летописях Донского Войска навсегда пребудет его преследование неприятелей, совершенное под начальством графа Платова, безостановочно, в позднее время года, от Малоярославца до Ковно. На этом пути полки, лично предводимые знаменитым атаманом, взяли более 500 орудий, несметные обозы, 50000 человек, в том числе 8 генералов, 13 полковников и слишком 1000 штаб- и обер-офицеров. Смело можно утверждать, что никакое другое войско, кроме Донского, не в состоянии было исполнить такой подвиг, не имевши во время полуторамесячного преследования ни одного дня роздыха и не получая продовольствия, которое казаки должны были находить сами для себя»¹²³.

Потери казаков убитыми и ранеными были невелики. Но многие отстали из-за изнурения лошадей, «ознобления ног» и болезней. Даже в лучших донских полках насчитывалось лишь по 150 человек. Прося Кутузова дать время для «роздыха», Платов вместе с тем заверял, что готов «свято исполнить все повеления» главнокомандующего и оправдать его доверие¹²⁴.

Манифестом 25 декабря Александр I возвестил об окончании Отечественной войны. Начался освободительный поход русской армии по дорогам Европы. Донские казаки под командованием атамана Платова возглавляли движение. Родина была ими довольна.

Александр I М.И.Платову,

8 января 1813 года:

«... Вы собственным Вашим лицом и вообще все Донское Войско много участвуете в славе истребления врагов и в спасении Отечества. Заслуги Ваши и подвиги казацких войск

пребудут незабвенны. Имя их сделалось страшно неприятелю...»¹²⁵

Вечером 11 декабря Александр I прибыл в Вильно. На встречу ему вышел князь Смоленский. Государь сжал его в своих объятиях, принял от него рапорт и вручил Спасителю Отечества орден Святого Георгия I-ой степени. На следующий день фельдмаршал дал бал по случаю 35-летия императора. Перед входом монарха в зал Кутузов поверг к его ногам неприятельские знамена, только что присланные атаманом Платовым¹²⁶.

Звучала музыка. Государь был молод, красив и весел. Он чувствовал себя победителем. Он был победителем.

Ростов-на-Дону
20 апреля 1996 года

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

¹ РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 93. Ч. 1. Л. 296–302.

² ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. Л. 25-26; *Сенюткин М.* Исторические очерки военных действий, биографии старшин. М., 1886. С. 45.

³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 93. Ч. 1. Л. 297,302; *Сенюткин М.* Указ. соч. С. 46.

⁴ Медали, пожалованные императрицею Екатериною II некоторым лицам Войска Донского. СПб., 1870. С. 15.

⁵ *Сенюткин М.* Указ. соч. С. 23.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ *Смирный Н.Ф.* Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. М., 1821. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ *Мамышев В.* Генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов. СПб., 1904. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Медали, пожалованные императрицею Екатериною... С. 15.

¹⁴ *Мамышев В.* Указ. соч. С. 12.

ГЛАВА 2

¹ *Смитт Ф.* Суворов и падение Польши. СПб., 1886. Ч. 1. С. 183.

² Там же. С. 112.

³ Собрание разных полученных от главнокомандующих армиями и флотами ко двору донесений с подлинников, присылаемых в Императорскую академию наук для напечатания при Ведомостях. СПб., 1791. С. 3–4; *Суворов А.В.* Письма. М., 1987. С. 125.

⁴ *Суворов А.В.* Письма. С. 115.

⁵ Собрание разных... донесений... С. 4; *Суворов А.В.* Письма. С. 125.

⁶ *Суворов А.В.* Письма. С. 115.

⁷ Там же. С. 125, 558.

⁸ Там же. С. 125; *Смитт Ф.* Указ. соч. С. 185.

⁹ Сборник разных... донесений... С. 4; *Суворов А.В.* Письма. С. 557.

¹⁰ *Суворов А.В.* Письма. С. 126–127, 559.

¹¹ Там же. С. 117.

¹² *Смитт Ф.* Указ. соч. С. 186.

¹³ Там же. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 95.

¹⁶ *Цебриков Р.М.* Вокруг Очакова. 1778 год. Дневник очевидца// Русская старина. 1895. Номер 9. С. 205.

¹⁷ *Смитт Ф.* Указ. соч. С. 218.

¹⁸ Собрание разных... донесений... С. 67.

¹⁹ Там же. С. 68. *Суворов А.В.* Письма. С. 117.

²⁰ *Суворов А.В.* Письма. С. 132.

²¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 95.

²² *Суворов А.В.* Письма. С. 183.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ²³ Кутузов М.И. Документы. Т. 1. М., 1950. С. 113.
- ²⁴ Смитт Ф. Указ. соч. С. 332.
- ²⁵ Воспоминания в степях бессарабских//Отечественные записки. 1882. № 2. С. 30.
- ²⁶ Суворов А.В. Письма. С. 609.
- ²⁷ Смитт Ф. Указ. соч. С. 332.
- ²⁸ Собрание разных... донесений... С. 76.
- ²⁹ Там же. С. 74.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 95.* Записки донского атамана Денисова//Русская старина. 1874. Номер 5. С. 42.
- ³² Там же. С. 43.
- ³³ Смитт Ф. Указ.соч. С. 342.
- ³⁴ Собрание разных... донесений... С. 80, 87.
- ³⁵ Там же. С. 72.
- ³⁶ Лопатин В.С. Суворов в своих письмах//Суворов А.В. Письма. С. 405—475.
- ³⁷ Собрание разных... донесений... С. 83, 92; РГВИА. Ф. 52. Оп 1/194. Д. 624. Л. 6.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 95.; Там же. Ф. 52. Оп 1/194. Д. 624. Л. 6.; ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 101. Л. 25 об.
- ³⁹ Смирный Н.Ф. Указ.соч. С. 31.
- ⁴⁰ Собрание разных... донесений... С. 99—101.
- ⁴¹ Там же. С. 120.
- ⁴² Там же. С. 119.
- ⁴³ Там же. С. 101.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 102.
- ⁴⁶ Там же. С. 124—127.
- ⁴⁷ Там же. С.127.
- ⁴⁸ Там же. С.125.
- ⁴⁹ Там же. С.124.
- ⁵⁰ Медали, пожалованные императрицею Екатериною II некоторым лицам Войска Донского. СПб., 1870. С. 21.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 95.

ГЛАВА 3

- ¹ Пугачевщина. Т. 2. М.-Л., 1929. С. 116–117.
- ² *Мивродин В.В.* Под знаменем Крестьянской войны. М., 1974. С. 23.
- ³ Пугачевщина. Т. 2. С. 132 и др.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1982. С. 26.
- ⁷ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1773 года. С. 746.
- ⁸ Цит. по кн.: *Эйдельман Н.Я.* Указ. соч. С. 23.
- ⁹ Камер-фурьерский... журнал 1773 года. С. 746.
- ¹⁰ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1887. Номер 1. С. 78.
- ¹¹ Пугачевщина. Т. 1. М.-Л., 1926. С. 25.
- ¹² *Пушкин А.С.* Собрание соч. в 10-ти томах. Т.7. М., 1962. С. 150.
- ¹³ *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1. С. 220.
- ¹⁴ *Пушкин А.С.* Собрание соч. в 10-ти томах. Т. 7. М., 1962. С. 154.
- ¹⁵ Там же. С. 150.
- ¹⁶ *Кобеко Дмитрий.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1883. С. 96.
- ¹⁷ *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 56.
- ¹⁸ *Кобеко Дмитрий.* Указ. соч. С. 94.
- ¹⁹ Пугачевщина. Т. 1. С. 30–31.
- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 118.
- ²¹ *Мивродин В.В.* Под знаменем Крестьянской войны. М., 1974. С. 62.
- ²² Там же. С. 40.
- ²³ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 244.

- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. Т. 3. С. 92.
- ²⁷ Там же. С. 94.
- ²⁸ Там же. С. 95–96.
- ²⁹ Там же. С. 100.
- ³⁰ Там же. С. 107.
- ³¹ Там же. С. 101.
- ³² Пугачевщина. Т. 1. С. 89.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Пушкин А.С. Соч. Т. 7. С. 89.
- ³⁵ Мавродин В.В. Указ. соч. С. 75.
- ³⁶ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 6. С. 74.
- ³⁷ Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 3. С. 144. Сборник Императорского исторического общества. Т. 6. С. 82.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 86.
- ⁴¹ Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 3. С. 214.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 215.
- ⁴⁴ Дубровин Н.Ф. Указ.соч. Т. 3. С. 203.
- ⁴⁵ Грот Я.К. Жизнь Державина. СПб., 1880. С. 169.
- ⁴⁶ Русский архив. 1870. Т. 1. С. 292.
- ⁴⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 149.
- ⁴⁸ Там же. С. 151; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов: Сб. док. Под ред. А.П.Пронштейна. Ростов-на-Дону, 1961. С. 191.
- ⁴⁹ Там же. С. 198–211.
- ⁵⁰ Там же. С. 206.
- ⁵¹ Сенюткин М. Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева // Современник. 1854. Т. 46. Номер 1. С. 96.

- ⁵² Там же. С. 102.
- ⁵³ Там же. С. 96.
- ⁵⁴ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны... С. 111.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 184.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 192.
- ⁵⁹ Там же. С. 193.
- ⁶⁰ Там же. С. 184.
- ⁶¹ Там же. С. 193.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 271–274.
- ⁶⁴ Дон и Нижнее Поволжье... С. 195.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Анучин Д.* Участие Суворова в усмирении путачевского бунта//Русский вестник. 1868. № 12. С. 28.
- ⁶⁷ *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. М., 1962. С. 99.
- ⁶⁸ *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 60.
- ⁶⁹ Русская старина. 1870. Т. 349.
- ⁷⁰ Цит. по кн.: *Сальников Ю.В.* «...И вольностью жалую!» М., 1974. С. 170. См. также: *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 91.
- ⁷¹ *Сальников Ю.В.* Указ. соч. С. 172–173.
- ⁷² *Эйдельман Н.Я.* 99 лет и один день//Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сб. 21. М., 1988. С. 441.
- ⁷³ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. Т. 1. С. 28.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 630.
- ⁷⁶ *Дмитриев И.И.* Указ. соч. С. 29.
- ⁷⁷ *Пушкин А.С.* Т. 10. С. 227.

ГЛАВА 4

¹ Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 12; Архив князя С.Р.Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 94; *Буцинский Т.Н.* Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901. С. 34; Записки Ф.Ф.Вигеля. Ч. 1. С. 90; Жизнь Пишчевича, им самим описанная. 1784—1805. М., 1885. С. 215.

² Записки Н.А.Саблукова//Царубийство 2 марта 1801 года. М., 1990. С. 35.

³ Архив князя Воронцова. Т. 8. С. 92—94; Записки Александра Михайловича Тургенева//Русская старина. 1887. Т. 53. С. 335.

⁴ *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 186; *Буцинский Т.Н.* Указ. соч. С. 34.

⁵ *Романовский П.А.* Дело Михаила Кологривова//Русская мысль. 1901. № XI. С. 153, 157, 161.

⁶ *Грибоедов А.С.* Письмо из Бреста-Литовского к издателю//Вестник Европы. 1814. № 15. С. 228.

⁷ *Нечкина М.В.* А.С.Грибоедов и декабристы. Изд. 2-е. М., 1951. С. 122.

⁸ Там же.

⁹ Записки Н.А.Саблукова... С. 33.

¹⁰ Кутузов М.И. Документы. М., 1950. С. 184.

¹¹ Записки донского атамана Денисова//Русская старина. № II. С. 385.

¹² История Польши Т. 1. М., 1956. С. 415.

¹³ Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976. С. 22.

¹⁴ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 94—96.

¹⁵ Там же. Л. 96.

¹⁶ Записки донского атамана Денисова... С. 390.

¹⁷ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 96.

¹⁸ Записки донского атамана Денисова... С. 390—391.

¹⁹ Там же. С. 391.

- ²⁰ Там же. С. 392.
- ²¹ *Суворов А.В.* Письма. М., 1987. С. 270.
- ²² РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 96.
- ²³ Записки донского атамана Денисова... С. 397.
- ²⁴ Там же. С. 399.
- ²⁵ Записки Немцевича. Заметки о моем заключении в С.-Петербурге в 1794, 1795 и 1796 гг. // Русский вестник. 1895. № 9. С. 96.
- ²⁶ Там же. С. 95.
- ²⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2732. Л. 17 об.
- ²⁸ Записки Немцевича... С. 97.
- ²⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2732. Л. 20.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 96.
- ³² Записки донского атамана Денисова... С. 408.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Записки Немцевича... С. 101.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Суворов А.В.* Письма... С. 279–280.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 96.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 138. Л. 1 об.
- ⁴⁰ ЦГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3501. Л. 31.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 16. Л. 36 об.
- ⁴² *Моран П.* Павел I до восшествия на престол. 1754–1796. М., 1912. С. 456.
- ⁴³ Там же. С. 466.
- ⁴⁴ *Болотов А.Т.* Памятник протекших времен или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 3,8.
- ⁴⁵ *Хрецицкий Б.Р.* История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. Ч. I. СПб., 1913. С. 121.
- ⁴⁶ Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. С. 22; РГИА в Петербурге. Ф. 1346. Оп. 43. Д. 264. Л. 1.

- ⁴⁷ Головкин Федор. Двор и царствование Павла I. М., 1912. С. 149, 152.
- ⁴⁸ Сенатский архив... С. 173, 258.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 801. Оп. 62/3. Д. 770. Л. 95 об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 13. Оп. 110. Св. 162. Д. 196. Л. 3 об., 4.
- ⁵¹ Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. СПб., 1824. С. 18; ЦГАОР. Ф. 728. Оп. I. Д. 404. Л. 18.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 13. Оп. 110. Св. 162. Д. 196. Л. 3 об.
- ⁵⁴ РГИА в Петербурге. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 57 об.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 1346. Оп. 43. Д. 264. Л. 7.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 95.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 8. Оп. 8/97. Д. 845. Л. 6-а; РГИА в Петербурге. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1391. Л. 1-3.
- ⁵⁸ Записки Сергея Александровича Тучкова. СПб., 1908. С. 137.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 8/97. Д. 845. Л. 6-в.
- ⁶⁰ Записки Н.А.Саблукова... С. 64.
- ⁶¹ ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 101. Л. 25.
- ⁶² Грузинов П.Е. Справочник по агролабораторному оборудованию. М., 1932 и др.
- ⁶³ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 101. Л. 25.
- ⁶⁴ Записки Н.А.Саблукова... С. 64-65; Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 429.
- ⁶⁵ РГВИА. Ф. 26. Оп. 2/151-А. Д. 39. Л. 77.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 20. Л. 548.
- ⁶⁷ РГВИА. Ф. 8. Оп. 8/97. д. 845. Л. 6-б.
- ⁶⁸ Там же. Л. 6-г.
- ⁶⁹ Там же. Л. 6-в.
- ⁷⁰ Там же. Л. 6-а.
- ⁷¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1/152. Д. 41. Л. 75.
- ⁷² Там же. Д. 25. Л. 308.
- ⁷³ Там же. Д. 41. Л. 76 об.

⁷⁴ Там же. Л. 63-65 об.

⁷⁵ *Карасев А.А.* Казнь братьев Грузиновых//Русская старина, 1873. Номер 4. С. 573-574; *Карасев А.А.* Евграф и Петр Осиповичи Грузиновы//Русская старина. 1878. № 10. С. 242.

⁷⁶ ГАРО Ф. 46. Оп. 1. Д. 101. Л. 32; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 51 об. — 52 об.

⁷⁷ ГАРО Ф. 46. Оп. 1. Д. 101. Л. 32.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 210 об.

⁷⁹ Царевубийство 11 марта 1801 года. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. М., 1990. С. 171-200.

⁸⁰ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 525. Л. 51 об.

⁸¹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 51 об.

⁸² Там же. С. 210.

⁸³ *Карасев А.А.* Полковник Грузинов//Русское обозрение. 1896. № 12. С. 194-195; *Гвинчидзе О.Ш.* Братья Грузиновы. Тбилиси. 1963. С. 58.

⁸⁴ Здесь процитирована мысль Эпиктета, одного из самых ярких представителей римского стоицизма, особенно почитаемого нашим героем. См.: История философии. Т. 1. Философия античного и феодального общества. М., 1940. С. 348.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 210.

⁸⁶ Там же. Л. 43-44.

⁸⁷ РГИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 626. — Переписка за 1796-1797 годы по Войску Донскому о злоупотреблениях гражданского правительства, об уничтожении означенного учреждения и о восстановлении войсковой канцелярии... РГИА. Ф. 1347. Оп. 3. Д. 2386. — Переписка по поводу укрывательства беглых крестьян... ПСЗ — Полный свод законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXV. № 19447, 19547.

⁸⁸ Сборник областного войска Донского статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск, 1913. С. 174.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3501. Л. 14-15.

⁹⁰ ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 332. Л. 1-2; Ф. 344. Оп. 1. Д. 3794. Л. 103; РГИА. Ф. 1374. Оп. 98. Д. 525. Л. 480-486; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3508.

⁹¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2386. Л. 309.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁹² РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 30.
- ⁹³ Там же. Л. 11.
- ⁹⁴ Там же. Л. 16–16 об.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 26. Оп. 2/152. Д. 82. Л. 337 об.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 18.
- ⁹⁷ *Монтень Мишель*. Опыты. Кн. 1. Изд. 3-е. М.-Л., 1960. С. 325.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 19–20.
- ⁹⁹ Там же. Л. 29, 23.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 28 об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 31.
- ¹⁰² *Шторм Георгий*. Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». Изд. 3-е. М., 1974. С. 38.
- ¹⁰³ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 101. Л. 38 об., 39.
- ¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 21–22.
- ¹⁰⁵ *Джинчарадзе В.З.* Военно-судное дело гвардии полковника Е.О.Грузинова//Учен. зап. Новгор. пед. ин-та. 1956. Т.1. Вып. 1. С. 125; *Гвинчидзе О.Ш.* Указ. соч. С. 64.
- ¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 21–22.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 46.
- ¹⁰⁸ Записки барона В.И.Штейнгеля//Исторический вестник. 1900. Номер 5. С. 446.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 22.
- ¹¹⁰ *Арш Г.Л.* Этеритское движение в России. М., 1970. С. 101; см. также статью этого же автора «Великая французская революция и Греция...» в сборнике: Европа в новое и новейшее время. М., 1966. С. 142–161.
- ¹¹¹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 22.
- ¹¹² *Радищев А.Н.* Избранные философские сочинения. М., 1949. С. 121.
- ¹¹³ *Гвинчидзе О.Ш.* Указ. соч. С. 68.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 22.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 21.
- ¹¹⁶ Там же.

- ¹¹⁷ Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 109.
- ¹¹⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 21.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 46.
- ¹²⁰ *Тезауро Э.* Философия нравоучительная. Перевод с итальянского С.И.Писарева и Г.Ф.Дандоло. СПб., 1765. С. 240. Экземпляр этой книги, хранящейся в научной библиотеке Ростовского государственного университета, в 1865 году принадлежал некоему Ивану Будакову из Новочеркасска. Не исключено, что в конце XVIII столетия ее владельцем был Евграф Грузинов.
- ¹²¹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 21.
- ¹²² *Радищев А.Н.* Указ. соч. С. 138.
- ¹²³ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 21 об.
- ¹²⁴ Там же. Л. 21.
- ¹²⁵ *Радищев А.Н.* Указ. соч. С. 123.
- ¹²⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 21 об.
- ¹²⁷ Там же. Л. 11 об.
- ¹²⁸ *Радищев А.Н.* Указ. соч. С. 142.
- ¹²⁹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 34 об.
- ¹³⁰ Там же. Л. 35–36; 57–58.
- ¹³¹ Там же. Л. 35.
- ¹³² Там же. Л. 35 об.
- ¹³³ *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Белград, 1924. С.251; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л.
- ¹³⁴ *Сватиков С.Г.* Указ. соч. С. 251.
- ¹³⁵ *Ленизов А.* Полковник Евграф Грузинов//Вольное казачество. Прага, 1933. Номер 137. С. 20–22.
- ¹³⁶ *Джинчарадзе В.З.* Указ. соч.; *Гвинчидзе О.Ш.* Указ. соч.
- ¹³⁷ *Эйдельман Н.Я.* Указ. соч. С. 123–126.
- ¹³⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 32 об.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3501. Л. 18.
- ¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 213.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2495. Л. 7.
- ¹⁴² Там же. Л. 7 об.

- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3501. Л. 2.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ *Карасев А.А.* Казнь братьев Грузиновых//Русская старина, 1873. № 4. С. 573–575.
- ¹⁴⁷ Дневник священника города Черкаска В.Рубашкина // Казачий вестник. 1883. № 13.
- ¹⁴⁸ Записки есаула города Черкаска Степана Григорьевича Капаценова//Дон. Новочеркасск, 1887. № 5. С. 32.
- ¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 83. Л. 499 об.
- ¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2495. Л. 16.
- ¹⁵¹ *Карасев А.А.* Указ. соч. С. 573–575; *Попов И.* Казнь братьев Грузиновых//Донская речь. 1895. № 13, 15, 18, 22, 25, 28, 31, 36, 37, 42, 44, 45, 47; *Шаховский М.В.* Телохраниитель императора Павла//Исторический вестник. 1901. № 4. С. 228–229.
- ¹⁵² *Гвинчидзе О.Ш.* Указ. соч.
- ¹⁵³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2495. Л. 11.
- ¹⁵⁴ Дневник священника города Черкаска В.Рубашкина // Казачий вестник. 1883. № 14.
- ¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2495. Л. 25.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. 440–441 об.
- ¹⁵⁷ Там же. Л. 442–442 об.; *Чеботарев П.М.* Журнал прошедшего времени для любопытства желающему//Донская речь. 1891. № 5.
- ¹⁵⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 443.
- ¹⁵⁹ Там же. Л. 440–443.
- ¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2495. Л. 15.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 28.
- ¹⁶² Дневник... В.Рубашкина//Казачий вестник. 1883. № 14.
- ¹⁶³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3501. Л. 24–25.
- ¹⁶⁴ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 29. СПб., 1881. С. 363.
- ¹⁶⁵ РГВИА. Ф. 42. Оп. 200. Д. 725. Л. 4, 8, 190 и др.

¹⁶⁶ Записки военнопленного российского штаб-офицера во время голландской экспедиции 1799 года//Сын отечества. 1824. № 10. Автор этих воспоминаний полковник Александр Яковлевич Дубянский, в имени которого в 1798 году стоял эскадрон Евграфа Осиповича Грузинова.

¹⁶⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-Б. Св. 3. Д. 39. Л. 1.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 42. Оп. 200. Д. 725. Л. 153. Планировалось высадить 17593 человека. Там же. Л. 18.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-Б. Св. 3. Д. 39. Л. 1-2 и др.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. С.138-139.

¹⁷² Там же. Л. 140-141.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-Б. Св. 3. Д. 39. Л. 1-2.

¹⁷⁴ Там же. Д. 40. Л. 3.

¹⁷⁵ *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. С. 146.

¹⁷⁶ Там же. Л. 147.

¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 26. Оп.1/152. Д. 56. Л. 164а-164г.

¹⁷⁸ *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. С. 149-150.

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 110. Св. 162. Д. 196. Л. 3 об. — 4.

¹⁸⁰ РГВИА. Ф.29. Оп.153-Б. Св. 3. Д. 39. Л.6.

¹⁸¹ Там же. Д. 40. Л. 10.

¹⁸² *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. С. 151.

¹⁸³ РГВИА. Ф. 13. Оп. 110. Св. 162. Д. 196. Л. 3 об.

¹⁸⁴ Там же. Д. 184. Л. 3 об.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3411. Л. 2-5.

¹⁸⁶ Там же. Л. 6.

¹⁸⁷ Там же. Л. 10-10 об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 11-12.

¹⁸⁹ Там же. Л. 13-14.

¹⁹⁰ Там же. Л. 17 об.

¹⁹¹ Там же. Л. 19.

¹⁹² Там же. Л. 20.

¹⁹³ Из записок княгини Ливен/Цареубийство 11 марта 1801 года. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М., 1990. С. 186–187. См. также кн. *П.И.Ковалевского* «Император Петр III. Император Павел I», в которой автор утверждает, что цель организации похода в Индию — «уничтожить все донское казачество».

¹⁹⁴ *Саблуков Н.А.* Указ. соч. С. 85.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 106. Док. Номер 700. Дело не пронумеровано.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 12. Л. 5.

¹⁹⁷ *Грузинов И.Р.* Мечты и звуки поэзии. М., 1842; Его же. Отблеск поэзии. М., 1849; Его же. Записки покойного Якова Васильевича Базалова. Ч. 1–2. М., 1863.

¹⁹⁸ Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И. Под ред. *Л.М.Савелова*. М., 1914. С. 430.

¹⁹⁹ РГИА — Российский государственный исторический архив города Москвы. Ф. 4. Оп. 8. Д. 394. Л. 1.

²⁰⁰ Там же. Л. 2.

²⁰¹ Там же.

²⁰² *Волконская Е.Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900.

²⁰³ Родословная книга дворянства Московской губернии... Т. 1. С. 431.

²⁰⁴ *Вологдин С.* Памяти Александра Евграфовича Грузинова// Известия Новочеркасского городского общественного управления. 1918. Сентябрь. № 3.

²⁰⁵ *Грузинов А.Е.* Доклад уполномоченного председателя Особого совещания по продовольственному делу по Московской губернии. М., 1916.

²⁰⁶ *Вологдин С.* Указ. соч.

²⁰⁷ *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 469.

²⁰⁸ Из воспоминаний Грузиновых (рукопись).

²⁰⁹ РГИА в Петербурге. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 20.

ГЛАВА 5

¹ Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1912. С. 48.

² Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1974. С. 89.

³ Отечественная война и Русское общество. Т. 3. Поликарпов Н. Очерки Отечественной войны//Новая жизнь. 1911. № 10. С. 161-163; РГВИА. Ф. 103. Оп. 209 а. Св. 3. Д. 2. Л. 758.

⁴ Из записок барона Дедема//Русская старина. 1900. № 7. С. 121; Сегюр Ф.П. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 17-19; Отечественная война и русское общество. Т. 3.

⁵ Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 48.

⁶ Отечественная война и русское общество. Т. 3.

⁷ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона в Россию. 1812 год. М., 1943. С. 25.

⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война. Описание войны 1812-1815 годов. СПб., 1899. С. 42.

⁹ Донские казаки в 1812 году, Сборник документов. Ростова-на-Дону, 1954. С. 39.

¹⁰ Толстой Л.Н. Война и мир//Собр. соч. В 12 т. Т. 5. М., 1987. С. 14.

¹¹ Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1902. С. 155.

¹² Донские казаки в 1812 году. С. 43, 53 и др.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 57-63.

¹⁵ Повеление Александра I М.И.Платову в делах атаманской канцелярии найти не удалось, но содержание записей его с абсолютной точностью восстанавливается по «Запискам» С.Г.Волконского и по отношению П.И.Багратиона к атаману от 18 июня 1812 года. См.: Записки С.Г.Волконского. С. 158; Донские казаки в 1812 году... С. 63-64.

¹⁶ Записки С.Г. Волконского... С. 158.

- ¹⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны в 1812 году. Ч. 1. СПб., 1843. С. 190.
- ¹⁸ Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 87:
- ¹⁹ Донские казаки в 1812 году. С. 66.
- ²⁰ Там же. С. 67.
- ²¹ Там же. С. 71.
- ²² Там же. С. 72.
- ²³ Там же. С. 73.
- ²⁴ Там же. С.72 и 74.
- ²⁵ Там же. С. 75.
- ²⁶ Там же. С. 79.
- ²⁷ Там же. С. 81, 84 и др.
- ²⁸ Там же. С. 74.
- ²⁹ Там же. С. 79.
- ³⁰ Там же. С. 85.
- ³¹ Там же. С. 86.
- ³² Там же. С.82—83, 86.
- ³³ Жиров М.С. Материалы для биографии графа Матвея Ивановича Платова//Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. XI. Новочеркасск, 1913. С. 139.
- ³⁴ Там же. С. 139, 140.
- ³⁵ Там же. С. 139.
- ³⁶ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 176.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Донские казаки в 1812 году. С.91.
- ³⁹ Там же. С. 90.
- ⁴⁰ Там же. С. 91—92.
- ⁴¹ Там же. С. 93.
- ⁴² Харькевич В.И. Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийский бой при Мире и Романове. СПб., 1901. С. 9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁴³ Донские казаки в 1812 году. С. 92.
- ⁴⁴ Харькевич В.И. Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁵ Донские казаки в 1812 году. С. 95.
- ⁴⁶ Харькевич В.И. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁷ Донские казаки в 1812 году. С. 100; Харькевич В.И. Указ. соч. С. 16; Жилин П.А. Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁸ Донские казаки в 1812 году. С. 100.
- ⁴⁹ Там же. С. 97, 100, 106.
- ⁵⁰ Там же. С. 104.
- ⁵¹ Там же. С. 102.
- ⁵² Харькевич В.И. Указ. соч. С. 20.
- ⁵³ Там же. С. 22, подстр. прим.
- ⁵⁴ Там же. С. 23—24.
- ⁵⁵ Донские казаки в 1812 году. С. 103.
- ⁵⁶ Там же. С. 102—103.
- ⁵⁷ Атаманский, Н.В.Иловайского 5-го, В.А.Сысоева 3-го, О.В.Иловайского 10-го, Т.Д.Иловайского 11-го, В.Д.Иловайского 12-го, Т.Д.Грекова 18-го, К.И.Харитонов 7-го, Симферопольский и Перекопский татарские, Ставропольский калмыцкий — всего 5000 сабель.
- ⁵⁸ Ахтырский гусарский и Киевский драгунский — около 1500 сабель.
- ⁵⁹ Харькевич В.И. Указ. соч. С. 25.
- ⁶⁰ Там же. С. 26—27.
- ⁶¹ Там же. С. 27.
- ⁶² Донские казаки в 1812 году. С. 106.
- ⁶³ Там же. С. 109, 111.
- ⁶⁴ Там же. С. 116; Харькевич В.И. Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁵ Там же. С. 111.
- ⁶⁶ Там же. С. 112.
- ⁶⁷ Там же. С. 113.
- ⁶⁸ Там же. С. 116.
- ⁶⁹ А.А.Карпова 2-го, И.Д.Иловайского 4-го, В.Д.Иловайского 12-го, И.Г.Мельникова 3-го и Атаманский.

- ⁷⁰ *Харькевич В.И.* Указ. соч. С. 31.
- ⁷¹ Там же. С. 32–33.
- ⁷² Донские казаки в 1812 году. С. 114–115.
- ⁷³ Там же. С. 115.
- ⁷⁴ Там же. С. 115–116.
- ⁷⁵ Там же. С. 116.
- ⁷⁶ *Харькевич В.И.* Указ. соч. С. 35.
- ⁷⁷ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 282.
- ⁷⁸ Записки А.П.Ермолова с приложениями. Ч. 1. 1801–1812 годы. М., 1865. С. 181.
- ⁷⁹ Военный сборник. 1906. № 3. С. 195.
- ⁸⁰ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. М., 1862. С. 194.
- ⁸¹ *Колленкур А.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. С. 96.
- ⁸² Донские казаки в 1812 году. С. 121–122, 125.
- ⁸³ Там же. С. 123.
- ⁸⁴ Там же. С. 127.
- ⁸⁵ Записки А.П.Ермолова. М., 1863. С. 111–115.
- ⁸⁶ Донские казаки в 1812 году. С. 131.
- ⁸⁷ *Мамышев В.* Генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов. СПб., 1904. С. 109.
- ⁸⁸ Донесения и письма А.П.Ермолова//Русская старина. 1872. № 11. С. 494.
- ⁸⁹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских... Кн. 1. М., 1862. С. 205.
- ⁹⁰ Донские казаки в 1812 году. С. 137.
- ⁹¹ Записки А.П.Ермолова. М., 1863. С. 75.
- ⁹² Донесения и письма А.П.Ермолова... С. 496.
- ⁹³ Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 95.
- ⁹⁴ *Харькевич В.И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 20.
- ⁹⁵ Там же. С. 11–12, приложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁹⁶ Донские казаки в 1812 году. С. 139.
- ⁹⁷ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 307.
- ⁹⁸ Донские казаки в 1812 году. С. 145–147.
- ⁹⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XVI. СПб., 1911. С. 217.
- ¹⁰⁰ Там же. Т. XIX. С. 376.
- ¹⁰¹ *Полов А.Н.* Москва в 1812 году. М., 1876. С. 145.
- ¹⁰² Записки А.П.Ермолова. М., 1863. С. 69.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 90–92.
- ¹⁰⁵ *Ниве П.А.* Отечественная война 1812 года. Т. 2. СПб., 1911. С. 228.
- ¹⁰⁶ Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 91.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 91–92.

ГЛАВА 6

- ¹ *Д.В.Давыдов*. Сочинения. Т. 3. СПб., 1893. С. 124.
- ² Архив Раевских. Т. 1. С. 170.
- ³ *Глинка Ф.Н.* Сочинения. М., 1986. С. 228.
- ⁴ *Тарле Е.В.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 7. М., 1960. С. 541.
- ⁵ *Жиркевич И.С.* Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 651.
- ⁶ *Радожидский И.Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Ч. 1. М., 1835. С. 125, 128.
- ⁷ *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1900. № 12. С. 559.
- ⁸ *Ниве П.А.* Отечественная война 1812 года. Т. 1. СПб., 1911. С. 210.
- ⁹ *Хрещатицкий Б.Р.* История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. СПб., 1913. С. 312.
- ¹⁰ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 2. С. 144.
- ¹¹ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 19.
- ¹² *Ниве П.А.* Указ. соч. С. 215; Труды московского отдела императорского Русского военно-исторического общества. М., 1913. Т. 4. Ч. 1. С. 346–348.
- ¹³ *Колубакин Б.М.* Война 1812 года. Бородинская операция и Бородинское сражение. СПб., 1912. Кн. 1. С. 67–68.
- ¹⁴ Там же. С. 97–98.
- ¹⁵ Материалы к истории Дона. Собраны... И.П.Поповым. Новочеркасск, 1900. С. 60.
- ¹⁶ *Радожидский И.Т.* Указ. соч. С. 128.
- ¹⁷ Донские казаки в 1812 году. С. 158.
- ¹⁸ Там же. С. 159; *Колубакин Б.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 159.
- ¹⁹ Донские казаки в 1812 году. С. 159.

²⁰ *Калюбакин Б.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 187; Письма на поход 1812 года к генерал-майору Ермолову // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862. Кн. 1. С. 205–206.

²¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 2. С. 151.

²² *Калюбакин Б.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 173.

²³ Там же. С. 215; Письма на поход 1812 года к генерал-майору Ермолову... С. 207.

²⁴ *Калюбакин Б.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 218.

²⁵ Письма на поход 1812 года... С. 207.

²⁶ Там же. С. 208.

²⁷ Записки А.П.Ермолова. 1801–1812гг. М., 1865. Ч. 1. 188.

²⁸ *Харьсевич В.И.* Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 14; *Попов А.Н.* Москва в 1812 году. М., 1876. С. 165.

²⁹ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 166.

³⁰ *Калюбакин Б.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 242.

³¹ Там же. Кн. 5. С. 173.

³² *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 166.

³³ 1812 год в записках графа Ф.В.Ростопчина // Русская старина. 1899. № 12. С. 704.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Донские казаки в 1812 году... С. 180.

³⁶ Там же. С. 180.

³⁷ 1812 год в записках графа Ф.В.Ростопчина. С. 104.

³⁸ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 169.

³⁹ Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 182.

⁴⁰ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 375.

⁴¹ Русская старина. 1912. № 12. С. 633.

⁴² *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. 1812–1815. СПб., 1882. С. 101.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

⁴³ Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.

⁴⁴ Записки А.П.Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 213.

⁴⁵ *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года. М., 1911. Вып. 2. С. 34.

⁴⁶ Там же. С. 35.

⁴⁷ Там же. С. 37.

⁴⁸ Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. Под ред. Н.М.Коробова. М., 1947. С. 157.

⁴⁹ Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 14.

⁵⁰ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 375.

⁵¹ *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь — ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. // Труды московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. Т. IV. М., 1912. С. 474.

⁵² Там же. С. 494.

⁵³ *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года. М., 1911. Вып. 2. С. 66.

⁵⁴ ГАРО. Ф.55. Оп.1. Д.210. Л.6.

⁵⁵ *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь... С. 494.

⁵⁶ Там же. С. 495.

⁵⁷ Там же. С. 494.

⁵⁸ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 210. Л. 12.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Фельдмаршал Кутузов... С. 157.

⁶¹ *Радожницкий Н.Т.* Указ. соч. С.128.

ГЛАВА 7

¹ 1812 год. М., 1912. № 15—16. С. 500.

² *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* Новое в изучении истории Отечественной войны 1812 года. М., 1983. С. 28.

³ *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 166; *Покровский М.Н.* Избр. произв.: В 4 кн. Кн. 2. М., 1956. С. 167; *Семенов М.Г.* Тайны ремесла//Крокодил. 1959. № 7.

⁴ 26 августа полком А.А.Карпова командовал войсковой старшина П.А.Калинин, полком В.А.Сысоева — войсковой старшина Т.Т.Рыковсков, полком И.В.Грекова — войсковой старшина В.И.Васильев. Состав отряда А.А.Карпова установлен по послужным спискам офицеров полков.

⁵ *Геруа А.В.* Бородино. По новым данным. СПб., 1912. С. 29.

⁶ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 381.

⁷ *Геруа А.В.* Указ. соч. С. 29.

⁸ *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е, исправ. и дополн. М., 1974. С. 151.

⁹ В день Бородинского сражения генерал-майоры Н.В.Иловгайский и В.Т.Денисов и подполковник М.Г.Власов командовали казачьими бригадами, а их полки состояли под началом войсковых старшин И.Г.Давыдова, Г.П.Победнова и есаула С.В.Андронова. Полком заболевшего подполковник Т.Г.Грекова командовал войсковой старшина А.С.Греков.

Состав корпуса М.И.Платова установлен по послужным спискам офицеров полков.

¹⁰ *Кутузов М.И.* Сборник документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1955. С. 143.

¹¹ Фельдмаршал Кутузов... С. 160.

¹² 1812 год. М., 1912. Номер 15—16. С. 502.

¹³ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 99.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Афанасьев В.А.* Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912. С. 52.

¹⁶ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 99.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Глинка Ф.Н.* Воспоминания о 1812 годе. Т. 2. С. 73.

¹⁹ Записки А.П.Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 189.

²⁰ *Тарле Е.В.* 1812 год. М., 1961. С. 557.

²¹ *Ложье Цезарь.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 143.

²² *Колобакин Б.М.* 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912. С. 11–12.

²³ *Литранди И.Г.* Бородинское сражение. Заключение с некоторыми примечаниями... СПб., 1861. С. 40; *Ниве П.А.* Отечественная война 1812 года. СПб., 1911. Т. 1. С. 302.

²⁴ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1899. С. 214.

²⁵ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 150.

²⁶ Там же. С. 341.

²⁷ *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения. Ч. 2. М., 1839. С. 83–84.

²⁸ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 101.

²⁹ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С. 107–110.

³⁰ *Ложье Цезарь.* Дневник... С. 146.

³¹ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 150.

³² Там же.

³³ Там же. С. 341.

³⁴ *Сегюр Ф.П.* Поход в Москву в 1812 году... М., 1911. С. 37.

³⁵ 1812 год. М., 1912. № 15–16. С. 506.

³⁶ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 219.

³⁷ 1812 год. М., 1912. № 15–16. С. 506.

³⁸ *Афанасьев В.А.* Указ соч. С. 53.

³⁹ *Абалихин Б.С.; Дунаевский В.А.* Указ. соч. С. 28.

⁴⁰ *Мой век, или История Сергея Ивановича Маевского // Русская старина.* 1893. № 8. С. 153, 154.

⁴¹ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 537.

⁴² *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 129.

⁴³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собств. Его Имп. Величества канцелярии. Т. 10. СПб., 1896. С. 68; *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 129.

⁴⁴ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 341.

⁴⁵ Там же. С. 151.

⁴⁶ *Харькевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 31.

⁴⁷ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 167.

⁴⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Отечественная война. Описание войны 1812–1815 годов. СПб., 1899. С. 215.

⁴⁹ Цит. по кн.: *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 159.

⁵⁰ *Геруа А.В.* Указ. соч. С. 61.

⁵¹ *Афанасьев В.А.* Указ. соч. С. 26.

⁵² *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 394; *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 161.

⁵³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С.224; *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1857. Т. 3. С. 131; Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 149.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Д. 10. Ч. 1. Л. 121.

⁵⁵ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 181.

⁵⁶ *Пеле Ж.* Бородинское сражение // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 1. С. 56.

ГЛАВА 8

- ¹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 157.
- ² *Сегюр Ф.П.* Поход в Москву в 1812 году... М., 1911. С. 44.
- ³ Донские казаки в 1812 году. С. 162.
- ⁴ Там же. С. 163.
- ⁵ Там же. С. 164.
- ⁶ Там же. С. 164.
- ⁷ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. 1812—1815. СПб., 1882. С. 264—265.
- ⁸ *Военский К.А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 69; *Ермолов А.П.* Записки. С приложениями. Ч. 1. М., 1865. С. 208—209.
- ⁹ *Афанасьев В.А.* Указ. соч. С. 53; *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 159.
- ¹⁰ *Попов Н.А.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. № 9. С. 626; № 10. С. 190.
- ¹¹ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 265.
- ¹² *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 184.
- ¹³ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 220.
- ¹⁴ *Харькевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 128; Там же. Вып. 2. С. 189; Военный сборник. 1903. № 1. С. 241.
- ¹⁵ *Тарле Е.В.* Соч.: В 12 т. М., 1957—1962. Т. 7. С. 586.
- ¹⁶ *Жилин П.А.* Указ. соч.; *Бескровный Л.Г.* Указ. соч.; *Бородин*. 1812. М., 1987 и т.д.
- ¹⁷ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 185; Родина. 1992. № 6—7.
- ¹⁸ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 102.
- ¹⁹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 233.
- ²⁰ *Ермолов А.П.* Записки. С приложениями. Ч. 1. М., 1865. С. 214—215.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ²¹ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 207.
- ²² Там же. С. 212.
- ²³ Там же. С. 196.
- ²⁴ *Ермолов А.П.* Записки. С приложениями. С. 215.
- ²⁵ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 224.
- ²⁶ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 38.
- ²⁷ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 2. Ч. 1. С. 355–361.
- ²⁸ *Ахшарумов Д.И.* Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 130.
- ²⁹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 2. Ч. 1. С. 233–234.
- ³⁰ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 201.
- ³¹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 2. Ч. 1. С. 75.
- ³² *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 21.
- ³³ Там же. С. 148.
- ³⁴ Там же. С. 276.
- ³⁵ Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 204.
- ³⁶ Военный сборник. 1860. Номер 12. С. 313; *Колубакин Б.М.* Война 1812 года. Бородинская операция и Бородинское сражение. Кн. 1. СПб., 1912. С. 133.
- ³⁷ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 317.
- ³⁸ Там же. С. 318.
- ³⁹ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 167.
- ⁴⁰ Донские казаки в 1812 году. С. 165.
- ⁴¹ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 170.
- ⁴² Там же. С. 167.
- ⁴³ Там же. С. 173.
- ⁴⁴ Там же. С. 273.
- ⁴⁵ Там же. С. 277.
- ⁴⁶ Там же. С. 445.
- ⁴⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 32. № 25188.

⁴⁸ Записки, мнения и переписка адмирала А.С.Шийшкова. Берлин, 1870.

⁴⁹ *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 236.

⁵⁰ Донские казаки в 1812 году... С. 169–175.

⁵¹ Там же. С. 176.

⁵² Там же. С. 177.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 179, 189.

⁵⁵ Там же. С. 186.

⁵⁶ Там же. С. 325.

⁵⁷ Там же. С. 180.

⁵⁸ Там же. С. 181.

⁵⁹ Там же. С. 193.

⁶⁰ Там же. С. 191.

⁶¹ Там же. С. 192.

⁶² Там же.

⁶³ *Смирный Н.Ф.* Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. М., 1821. С. 195.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 194.

⁶⁶ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 302.

⁶⁷ Донские казаки в 1812 году... С. 194–195.

⁶⁸ Гроза двенадцатого года. М., 1991. С. 570.

⁶⁹ *Абалихин Б.С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 году. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 130, 132.

⁷⁰ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 252.

⁷¹ Донские казаки в 1812 году... С. 194.

⁷² Там же. С. 325.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 190.

⁷⁵ Там же. С. 189.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁷⁶ Якушкин И.Д. Записки. Статьи. Письма. М., 1951. С. 7.
- ⁷⁷ Пожар Москвы. По воспоминаниям и запискам современников. Т. 1. М., 1911. С. 54.
- ⁷⁸ Дурьлин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943. С. 116.
- ⁷⁹ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 226.
- ⁸⁰ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 190.
- ⁸¹ Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Л., 1985. С. 43.
- ⁸² Там же. С. 44.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 45.
- ⁸⁵ Там же. С. 47, 53.
- ⁸⁶ Там же. С. 48-50.
- ⁸⁷ Там же. С. 63.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 64.
- ⁹¹ Там же. С. 56.
- ⁹² Там же. С. 63. Урядник Донского Войска Крючков дослужился до хорунжего и погиб в 1813 году во время преследования неприятеля после победы под Лейпцигом.
- ⁹³ Там же. С. 58.
- ⁹⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 227.
- ⁹⁵ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 231.
- ⁹⁶ Там же. С. 239.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. С. 254.
- ⁹⁹ Там же. С. 329, 340.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 279.
- ¹⁰¹ Там же. С. 322, 254.
- ¹⁰² Там же. С. 301.
- ¹⁰³ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 62.

- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 64.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 65.
- ¹⁰⁸ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 326.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 382.
- ¹¹⁰ *Хрецацкицкий Б.Р.* История лейб-гвардии казачьего полка. СПб., 1913. С. 324.
- ¹¹¹ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 65.
- ¹¹² *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 340.
- ¹¹³ Там же. С. 326.
- ¹¹⁴ *Хрецацкицкий Б.Р.* Указ. соч. С. 342.
- ¹¹⁵ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 67.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Там же. С. 68.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же. С. 69.
- ¹²⁰ Там же. С. 68.
- ¹²¹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 327.
- ¹²² Там же. С. 406.
- ¹²³ Донские казаки в 1812 году... С. 192.
- ¹²⁴ *Каленкур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 177.
- ¹²⁵ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 341.
- ¹²⁶ Там же. С. 342.
- ¹²⁷ *Хрецацкицкий Б.Р.* Указ. соч. С. 347.
- ¹²⁸ Там же. С. 348.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 345.
- ¹³¹ Там же. С. 344.
- ¹³² Там же. С. 346-347.
- ¹³³ Там же. С. 344.

- ¹³⁴ *Давыдов Д.В.* Указ.соч. С. 71.
- ¹³⁵ Там же. С. 73.
- ¹³⁶ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 382.
- ¹³⁷ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 15. С. 34.
- ¹³⁸ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 368.
- ¹³⁹ *Володин П.М.* Партизан Александр Фигнер. М., 1971. С.35.
- ¹⁴⁰ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 401; Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 19. С. 332.
- ¹⁴¹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 426.
- ¹⁴² *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁴³ Донские областные ведомости. 1910. № 106.
- ¹⁴⁴ Отеч. война 1812 года.: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 5.
- ¹⁴⁵ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 74.
- ¹⁴⁶ Отеч. война 1812 года.: Материалы ВУА. Т. 19. С. 9.
- ¹⁴⁷ *Хатаевич Н.Л.* Партизан А.Н.Сеславин. М., 1973. С. 43.
- ¹⁴⁸ Отеч. война 1812 года.: Материалы ВУА. Т. 19. С. 11.
- ¹⁴⁹ *Хатаевич Н.Л.* Указ. соч. С. 44.
- ¹⁵⁰ *Володин П.М.* Указ.соч. С. 39.
- ¹⁵¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 109; *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 75.
- ¹⁵² Донские областные ведомости. 1910. № 106. *Давыдов Д.В.* Указ.соч. С.77.
- ¹⁵³ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 79.
- ¹⁵⁴ Там же. С.80-81.
- ¹⁵⁵ *Коленкур А.* Указ. соч. С. 167.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 175.
- ¹⁵⁷ Отеч. война 1812 года.: Материалы ВУА. Т. 19. С. 332.

ГЛАВА 9

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война. Описание войны 1812—1815 годов. СПб., 1899. С. 349.

² Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 440; Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 242.

³ Хрецацкицкий Б.Р. Указ. соч. С. 349.

⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 349.

⁵ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 3—7.

⁶ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 82.

⁷ Там же.

⁸ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 16.

⁹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 496—497; Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 354.

¹⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. XIX. СПб., 1911. С. 125.

¹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 351.

¹² Там же. С. 354.

¹³ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 720—721.

¹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 96 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 247.

¹⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 352.

¹⁸ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 35.

¹⁹ Записки генерала В.И.Левенштерна // Русская старина. 1901. № 1. С. 118.

²⁰ Там же; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 353.

²¹ Записки генерала В.И.Левенштерна. С. 118.

²² Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 24.

²³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 354.

- ²⁴ *Тарле Е.В.* Соч. Т. 7. С. 668.
- ²⁵ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 21.
- ²⁶ Там же. С. 23–24.
- ²⁷ Там же. С. 25–28.
- ²⁸ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 250–251.
- ²⁹ *Кавенкур А.* Указ. соч. С. 189.
- ³⁰ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 2. С. 118.
- ³¹ Цит. по кн.: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 247.
- ³² РГВИА. Ф. ВУА. Л. 3509. Л. 239 об.
- ³³ Там же. С. 240.
- ³⁴ Русская старина. 1877. № 1. С.24; *Ермолов А.П.* Записки. С приложениями. М., 1865. Ч. 1. С. 230.
- ³⁵ Цит. по кн. *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 507.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Цит. по кн. *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 254.
- ³⁸ *Харьжевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1990. Вып. С. 243.
- ³⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. XIX. С. 128.
- ⁴⁰ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 88–89.
- ⁴¹ Там же. С. 90.
- ⁴² Там же. С. 107.
- ⁴³ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 259.
- ⁴⁴ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 38–39.
- ⁴⁵ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 98.
- ⁴⁶ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 363.
- ⁴⁷ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 259.
- ⁴⁸ *Сегюр Ф.Л.* Поход в Москву в 1812 году М., 1911. С. 97.
- ⁴⁹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 374.
- ⁵⁰ Донские казаки в 1812 году... С. 201–202.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁵¹ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 263–264.
- ⁵² *Каленкур А.* Указ. соч. С. 204.
- ⁵³ Записки А.П.Ермолова. 1798–1826. М., 1911. С. 224–225.
- ⁵⁴ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 132.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 374.
- ⁵⁷ *Тарле Е.В.* Наполеон. Минск, 1992. С. 286.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 146; *Ниве П.А.* Отечественная война. Т. 1. СПб., 1911. С. 503.
- ⁵⁹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 133.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 167–168.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 267–269.
- ⁶³ *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов. Ч. 1. СПб., 1834. С. 16.
- ⁶⁴ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 260.
- ⁶⁵ Донские казаки в 1812 году... С. 203–204.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 231.
- ⁶⁷ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 102.
- ⁶⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 209.
- ⁶⁹ Донские казаки в 1812 году... С. 204.
- ⁷⁰ *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 49–50; *Окунев Н.А.* Рассуждение о больших военных действиях... в 1812 году. СПб., 1833. С. 231; *Попов А.Н.* От Малоарославца до Березины. СПб., 1877. С. 33; *Свечников М.С.* Война 1812 года. М., 1937. С. 107; *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 515–516; *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1956. С. 263–264; *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 279. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 343–344.
- ⁷¹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 165–166.
- ⁷² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3509. Л. 209.
- ⁷³ *Ниве П.А.* Отечественная война. СПб., 1911. Т. 1. С. 512.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁷⁴ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 2. С. 179.
- ⁷⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 135.
- ⁷⁶ Там же. С. 73.
- ⁷⁷ Донские казаки в 1812 году... С. 206.
- ⁷⁸ Там же. С. 208.
- ⁷⁹ Там же. С. 209.
- ⁸⁰ Там же. С. 305–306.
- ⁸¹ Там же. С. 209.
- ⁸² *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 529; *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 299.
- ⁸³ Донские казаки в 1812 году... С. 306.
- ⁸⁴ Там же. С. 210.
- ⁸⁵ Там же. С. 306.
- ⁸⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 276.
- ⁸⁷ Донские казаки в 1812 году... С. 210.
- ⁸⁸ Там же. С. 211.
- ⁸⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 84.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Донские казаки в 1812 году... С. 212.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 87.
- ⁹⁵ Донские казаки в 1812 году... С. 306.
- ⁹⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 279.
- ⁹⁷ Донские казаки в 1812 году... С. 306–307.
- ⁹⁸ Там же.

⁹⁹ *Богданович М.И.* Указ.соч. Т. 3. С. 79; *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 270; Л.Г.Бескровный считает, что в бою под Вязьмой французы потеряли 7 тысяч убитыми и 2 тысячи ранеными. См. его соч. С. 534; П.А.Жилин потери французов убитыми и ранеными исчисляет в 6 тысяч человек. См. его соч. С. 302.

¹⁰⁰ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. С. 273.

¹⁰¹ Фельдмаршал Кутузов. Сб. док. и матер. М., 1974. С. 219—220; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 78.

¹⁰² *Левенитерн В.И.* Записки // Русская старина. 1901. № 1. С. 123.

¹⁰³ *Ермолов А.П.* Записки. С приложениями. Ч. 1. С. 242; Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 21. С. 228.

¹⁰⁴ *Ниве П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 757.

¹⁰⁵ *Бургонь А.* Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. СПб., 1898. С. 92.

¹⁰⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 277.

¹⁰⁷ Исторический, статистический и географический журнал. 1812 год. Ч. 4. Кн. 1. С. 173; *Тирион А.* Воспоминания офицера. СПб., 1912. С. 41.

¹⁰⁸ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 275.

¹⁰⁹ Донские казаки в 1812 году. Ростов-на-Дону, 1954. С. 214.

¹¹⁰ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 146, 148, 149.

¹¹¹ Донские казаки в 1812 году. С. 216, 307.

¹¹² Там же. С. 216.

¹¹³ Там же. С. 218.

¹¹⁴ Там же. С. 219.

¹¹⁵ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 307, 322.

¹¹⁶ Донские казаки в 1812 году. С. 307.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 284.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹¹⁹ Исторический, статистический и географический журнал. 1812 год. Ч. 4. Кн. 1. С. 125.
- ¹²⁰ Донские казаки в 1812 году. С. 223, 307.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 307.
- ¹²⁴ Там же. С. 223.
- ¹²⁵ Там же. С. 219–220.
- ¹²⁶ Там же. С. 308.
- ¹²⁷ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 286–287.
- ¹²⁸ *Кутузов М.И.* Письма. Записки. М., 1989. С. 389.
- ¹²⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 114.
- ¹³⁰ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 101.
- ¹³¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 121.
- ¹³² *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 104.
- ¹³³ Там же. С. 105.
- ¹³⁴ Там же. С. 106.
- ¹³⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 117.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 107.
- ¹³⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 115.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 116.
- ¹⁴¹ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 107.
- ¹⁴² Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 116–117.
- ¹⁴³ Там же. С. 115.
- ¹⁴⁴ Там же.

- ¹⁴⁵ Там же. С. 116.
- ¹⁴⁶ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 255.
- ¹⁴⁷ *Коленисур А.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 235.
- ¹⁴⁸ *Донские казаки в 1812 году.* С. 227.
- ¹⁴⁹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 239.
- ¹⁵⁰ *Донские казаки в 1812 году.* С. 308.
- ¹⁵¹ Там же. С. 230.
- ¹⁵² Там же. С. 231.
- ¹⁵³ Там же. С. 308.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 231.
- ¹⁵⁵ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 229.
- ¹⁵⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 288.
- ¹⁵⁷ Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). С послесловием издателя князя М.С.Волконского. Изд. 2-е исправленное и дополненное. СПб., 1902. С. 208–209.
- ¹⁵⁸ *Донские казаки в 1812 году.* С. 237–239; 308–310.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 309.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 238.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² *Михайловский-Данилевский А.И.* Отечественная война. Описание войны 1812–1815 годов. СПб., 1899. С. 399.
- ¹⁶³ *Донские казаки в 1812 году.* С. 238.
- ¹⁶⁴ *Петров М.М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его... //1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 207.
- ¹⁶⁵ *Донские казаки в 1812 году.* С. 239.
- ¹⁶⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 20. СПб., 1912. С. 169.

ГЛАВА 10

¹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 20. СПб., 1912. С. 39; *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 114–115.

² *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 114–115.

³ Фельдмаршал Кутузов. Сб. док. и материалов. М., 1947. С. 228.

⁴ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 20. С. 17.

⁵ Записки А.П.Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 237.

⁶ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 108.

⁷ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 170.

⁸ Там же. Т. 20. С. 34.

⁹ *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 116.

¹⁰ Записки А.П.Ермолова... С. 238.

¹¹ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 295–296.

¹² Фельдмаршал Кутузов. Сб. док. С. 228.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же; *Жилин П.А.* Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 311.

¹⁵ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 299.

¹⁶ Там же. С. 300.

¹⁷ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 403.

¹⁸ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 300.

¹⁹ Там же. С. 301.

²⁰ Фельдмаршал Кутузов. Сб. док. и матер. С. 229.

²¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 406.

²² Донские казаки в 1812 году. С. 310.

- ²³ Фельдмаршал Кутузов: Сб. док. и матер. С. 229.
- ²⁴ Там же. С. 230.
- ²⁵ Записка А.П.Ермолова. 1798-1826. М., 1991. С. 243.
- ²⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 409.
- ²⁷ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 318.
- ²⁸ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 143.
- ²⁹ Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Ч. 2. СПб., 1824. С. 124.
- ³⁰ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 318.
- ³¹ Записки Жиркевича // Русская старина. 1874. № 8. С. 661.
- ³² Кутузов М.И. Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 107.
- ³³ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 330.
- ³⁴ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 304-305.
- ³⁵ Там же. С. 306-307.
- ³⁶ Записки А.П.Ермолова... С. 242.
- ³⁷ Там же. С. 243.
- ³⁸ Петров М.М. Указ. соч. С. 207; Донские казаки в 1812 году. С. 240, 310.
- ³⁹ Петров М.М. Указ. соч. С. 104.
- ⁴⁰ Там же. С. 208.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 209.
- ⁴³ Там же. С. 210.
- ⁴⁴ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 3. С. 110.
- ⁴⁵ Донские казаки в 1812 году. С. 310.
- ⁴⁶ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 310.
- ⁴⁷ Донские казаки в 1812 году. С. 310.
- ⁴⁸ Троицкий А.П. Указ. соч. С. 279.
- ⁴⁹ Записки А.П.Ермолова... М., 1991. С. 245.

- ⁵⁰ Там же. С. 246.
- ⁵¹ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 312.
- ⁵² Записки А.П.Ермолова... С. 246 и др.
- ⁵³ Донские казаки в 1812 году. С. 245, 310.
- ⁵⁴ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 310.
- ⁵⁵ *Кутузов К.* 1812 год. М., 1937. С. 127.
- ⁵⁶ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 380.
- ⁵⁷ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 443-444.
- ⁵⁸ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 185.
- ⁵⁹ Там же. С. 380.
- ⁶⁰ Записки А.П.Ермолова... С. 250.
- ⁶¹ Давыдов Д.В. Указ.соч. С. 127.
- ⁶² Там же. С. 125-126.
- ⁶³ Донские казаки в 1812 году. С. 246.
- ⁶⁴ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 321.
- ⁶⁵ Ниве П.А. Отечественная война. СПб., 1912. Т.5. С.684.
- ⁶⁶ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 380.
- ⁶⁷ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 319.
- ⁶⁸ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 19. С. 194.
- ⁶⁹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ.соч. С. 457.
- ⁷⁰ Донские казаки в 1812 году. С. 249.
- ⁷¹ Там же. С. 249, 310.
- ⁷² Там же. С. 246.
- ⁷³ Там же. С. 248.
- ⁷⁴ Давыдов Д.В. Указ.соч. С. 141.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. 20. С. 114.

- ⁷⁷ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 141.
- ⁷⁸ Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 349.
- ⁷⁹ Там же. С. 329.
- ⁸⁰ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 285.
- ⁸¹ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 421.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С. 412; Вигель Ф.Ф. Записки. Т. 2. М., 1928. С. 28.
- ⁸⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 294.
- ⁸⁵ Там же. С; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 289.
- ⁸⁶ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 132.
- ⁸⁷ Записки А.П.Ермолова... С. 255 и др.
- ⁸⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 132-134; Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 373.
- ⁸⁹ Военский К.А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб., 1912. С. 66.
- ⁹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 467.
- ⁹¹ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 427-430.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Донские казаки в 1812 году. С. 250.
- ⁹⁴ Там же. С. 310.
- ⁹⁵ Там же. С. 254.
- ⁹⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 472.
- ⁹⁷ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 701.
- ⁹⁸ Донские казаки в 1812 году. С. 256.
- ⁹⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 474.
- ¹⁰⁰ Донские казаки в 1812 году. С. 256.
- ¹⁰¹ Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 493.
- ¹⁰² Отечественная война и русское общество Т. 4. С. 260.
- ¹⁰³ Россия первой половины XIX века... С. 384.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 415.
- ¹⁰⁵ Донские казаки в 1812 году. С. 260.

- ¹⁰⁶ Россия первой половины XIX века... С. 411.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 413.
- ¹⁰⁸ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 499–500.
- ¹⁰⁹ Россия первой половины XIX века... С. 414.
- ¹¹⁰ Донские казаки в 1812 году. С. 311.
- ¹¹¹ Там же. С. 312.
- ¹¹² Там же. С. 265.
- ¹¹³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 486.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Донские казаки в 1812 году. С. 312.
- ¹¹⁶ Там же. С. 266.
- ¹¹⁷ Там же. С. 267.
- ¹¹⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 488.
- ¹¹⁹ Донские казаки в 1812 году. С. 313.
- ¹²⁰ *Васютинский А.М.* и др. французы в России. Ч. 3. С. 345.
- ¹²¹ *Кутузов М.И.* Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 549.
- ¹²² Донские казаки в 1812 году... С. 303.
- ¹²³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 488.
- ¹²⁴ Донские казаки в 1812 году. С. 269–270.
- ¹²⁵ *Мамышев Вс.* Генерал от кавалерии граф Матвей Иванович Платов. СПб., 1904. С. 163.
- ¹²⁶ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 499.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От автора	7
Часть первая. С нами Бог и Екатерина!	12
Глава 1. «Времен очаковских и покоренья Крыма...»	15
Глава 2. «Я здесь пою лишь браней честь»	26
Часть вторая. В поисках воли	57
Глава 3. Пугачев: народный герой или злодей из народа? ...	59
Глава 4. Полковник свиты Павла I и его братья	119
Часть третья. Во славу Отечества Российского	221
Глава 5. От Немана до Смоленска	223
Глава 6. От Смоленска до Бородина	274
Глава 7. В славный день Бородина	301
Глава 8. Золотые дни русской армии	325
Глава 9. «С сей минуты Россия спасена!»	374
Глава 10. Агония и гибель Великой армии	425
Примечания	463

В. И. Лесни
БУНТАРИ И ВОИНЫ

Художник С. Царев
Корректоры: Н. Передистый, В. Колобова

Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993.
Сдано в набор 25.11.96. Подписано в печать 14.01.97.
Формат 84x108/32. Бум. офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 26,88. Тираж 10 000 экз.
Зак. № 27.

Издательство «Феникс»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17

Отпечатано с готовых диапозитивов в АО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

**Издательство «ФЕНИКС» приглашает
к сотрудничеству авторов:**

— НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ
И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

— ЮРИСПРУДЕНЦИИ

— МЕДИЦИНЫ

— ПРОГРАММИРОВАНИЯ И
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ
ТЕХНИКИ

**Все финансовые затраты берем
на СЕБЯ, высокие гонорары
выплачиваем согласно договорам.**

Наш адрес:

**344007, г Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17**

Тел. (8632) 62-51-94, 62-47-07

Факс: 62-38-11